

Михаил Никитич Ишков
Супердвое: убойный фактор

Не издавалось;

Аннотация

Кто сказал, что все тайны НКВД уже раскрыты? Автор уверен, в архивах этой организации скрывается еще много неизвестного. Но главные тайны в архивах не прячут. Они хранятся в воспоминаниях ветеранов, в тех немногочисленных свидетельствах в которых жизнь наших дедов и отцов являет себя в героических и невыполнимых деяниях. Одним из них является супероперация «Близнец». Кто знает каких невероятных усилий стоило НКВД выполнение приказа Сталина об отмене покушения на Гитлера? Кто слышал о попытке советских спецслужб похитить Нильса Бора, а также о том, как в пылу борьбы с космополитизмом госбезопасность в 1949 году разгромила секту каких-то «симфов» или «зналов»? Не обошлось в романе и без знаменитого Вольфа Мессинга, принявшего активное участие в этой истории, которую вполне можно считать продолжением метабиографического романа «Вольф Мессинг». Автор сознательно пошел на расширение темы о возможности добиться согласия, без чего путь в будущее, дорогой читатель, будет закрыт.

Михаил Ишков Супердвое: убойный фактор

И тогда я наслаждаюсь тихим разговором с собой и общением с духом истории...

Пауль Йорк фон Вартенбург¹

Он называл его Петробычем, изредка – Сталин и никак иначе. Я попытался вернуть Иосифа Виссарионовича, но он даже не заметил – Петробыч да Петробыч.

Мы познакомились с Николаем Михайловичем в редакции, куда он принес свои воспоминания. Предложение издать их он объяснил тем, что в последнее время расплодилось множество самых нелепых небылиц о войне, так что и ему захотелось добавить в эту копилку несколько легенд, свидетелем и участником которых он был.

– Для потомства, – многозначительно добавил он.

Познакомившись с рукописью, я понял, что при его неумемной фантазии и способности к сногшибательным выдумкам, воспоминания Трущева можно отнести к самым лихим рассказам о том, какими неизведанными, невероятно извилистыми путями наши отцы и деды шли к победе. Я дал положительное заключение, и вот теперь эта книга, которую мы с Николаем Михайловичем договорились называть романом, лежит перед вами.

Еще одно – по настоянию Трущева мне пришлось вынести на титульный лист собственную фамилию, на этом условии он настаивал особо. В случае отказа грозил забрать рукопись. Это требование выглядело диковато, и на мой удивленный вопрос, зачем же он так, Михалыч ответил – желаю спокойно умереть в своей постели.

Мы с главным редактором переглянулись. Уже потом, один на один, главный поинтересовался.

– Надеюсь, ты не страдаешь суеверием? И тебе плевать, в чьей постели ты умрешь?

Я согласился не сразу – даже для самого продвинутого экстремала такой прикол казался чрезмерным. Дразнить судьбу подобным образом – это чересчур, тем более, что от этого старенького, гладко выбритого, с аккуратным пробором на голове энкаведешника веяло чем-то несомненно подлинным, дремучим, что отличало моего отца и его сверстников, переживших страшный тридцать седьмой, войну, смерть Сталина, безумные выходки кукурузника. Эти товарищи слов на ветер не бросали, и если сражались, то до победы, а если сажали, то на десять лет без права переписки.

С другой стороны, несусветной глупостью казалось мне упускать шанс поделиться с читателями тем, что довелось услышать от Трущева. Чего стоит байка о том, какие невероятные усилия пришлось приложить спецслужбам, чтобы выполнить приказ Сталина об отмене покушения на Гитлера. Или история о попытке похищения Нильса Бора, которого в 1943 году люди из МИ-5 буквально из-под носа НКВД вывезли в Англию, а также о том, как в пылу борьбы с космополитизмом госбезопасность в 1949 году разгромила секту каких-то «зналов» или «симфов» (Кто-нибудь слышал о таких оппортунистах и присмиренцах? – прим. автора). Не обошлось и без популярной мистики. Речь идет о пресловутом Вольфе Мессинге, а также о тщательно скрываемой до сегодняшнего дня, легендарной тайне Второй мировой войны, определившей ход боевых действий на Восточном фронте. В разговоре Трущев намекнул, что ее мрачная тень, истоком которой явилась перелет небезызвестного Рудольфа Гесса в Англию, до сих пор отравляет возможность достижения согласия между нашими народами.

Другой довод, извлекаемый изредка, и только наедине с собой, сводился к тому, что мне всегда подспудно хотелось проверить себя на принадлежность к их истории, *согласовать* себя любимого, с поколением, сумевшим штурмом взять небо, а для этого лучшего путеводителя, чем этот, свалившийся мне на голову ветеран НКВД, было трудно найти. Этот чекист сталинского разлива являлся эксклюзивной ходячей энциклопедией «тайн века», к тому же составленной специалистом

¹ *Вартенбург Пауль Йорк фон (?-1897)* – аристократ и землевладелец, обладавший незаурядным философским даром. Был другом В. Дильтея, известного немецкого философа XIX в. До самой смерти вел с ним переписку на философские темы, которая была опубликована в 1923 году.

ми «с той стороны».

Мы теперь немало знаем о репрессиях. В последнее время опубликовано множество воспоминаний, художественных произведений, включая драгоценные для истории рассказы Шаламова, изданы публицистические и научные работы, вплоть до пространных монографий, посвященных временам сталинского террора. В них много верного, берущего за душу, требующего безжалостного расчета с прошлым, однако что-то подсказывало мне – «эти», с Лубянки тоже недаром ели свой хлеб и не для блага ли родины дать слово тем, кто не только репрессировал «врагов народа», но и боролся «с агентами империалистических держав». Такого рода монолог тоже следует услышать и осмыслить всем, кто готов взяться за лямку и вытащить Россию из прошлого в будущее. Заткнув рот «той» стороне, мы рискуем сбиться с пути. История грядущего, на мой взгляд, складывается сегодня, здесь и сейчас, и зависит не столько оттого, сумеем ли мы добиться согласия как формы компромисса, взаимоприемлемого сочетания интересов отдельных социальных, возрастных, национальных групп, но, прежде всего, *веры*, что согласие вообще существует и его можно отыскать. Еще древние говорили, что при наличии согласия и малые дела становятся великими, а без онога самые громкие планы обращаются в прах.

Поверьте, это увлекательно – согласовывать, казалось бы, несогласуемое: живую жизнь, напластование вымыслов и единичную память участников тех событий. Вообще, согласовывать – это увлекательно.

Трущев письменно отказался от всех прав на рукопись. Я настоял, чтобы гонорар был поделен пополам. Этот компромисс вовсе не выглядит беспринципным, если учесть, насколько мал этот гонорар и сколько сил я вложил в роман.

Кто из нас выиграл, судить тебе, читатель.

Часть I Операция «Близнец»

*Да, прямо скажем, этот край
Нельзя назвать дорогой в рай.
Здесь жестко спать, здесь трудно жить.
Здесь можно голову сложить.
Здесь, приступив к любым делам,
Мы мир делили пополам.
Врагов встречаешь – уничтожь,
Друзей встречаешь – поделись.*
К. Симонов

*Эй, комроты, даешь пулеметы!
Даешь батареи,
Чтоб было веселей!..*
Строевая песня 20-х годов

Глава 1

На Лубянку Николай Михайлович пришел в декабре тридцать восьмого. В центральный аппарат НКВД его направили после окончания школы особого назначения в Балашихе, куда он попал, получив диплом Московского института инженеров связи.

На последнем курсе по институту ходили представители наркомата обороны. Беседовали с выпускниками – искали кандидатов для поступления в военные академии. Трущев, малого роста, круглолицый и чуть медлительный, никак не мог вообразить себя нарядным военным с ремнем через грудь, а то и с кобурой на поясе, поэтому сидел в сторонке и помалкивал, пока однажды человек в штатском, улыбочивый и вежливый, не обратился к нему – почему он отсиживается на подоконнике, чем его не устраивает военная служба? Трущев с некоторой обидой поделился – какой из него военный! Он и ростом не вышел, и с отвагой не очень, пугается в темноте. Затем Николай позволил себе прямой вопрос – вы тоже людей набираете?

Собеседник ответил также прямо.

– Это хорошо, что вы спросили.

– А если бы не спросил? – удивился Трущев.

– Тогда я бы не предложил интересную работу, – ответил мужчина.

– Какую?

– Службу в компетентных органах. Вы комсомолец?

– Да.

– Значит, вам не надо объяснять, как важно защитить Родину от всякого рода недобитков и вражеских шпионов.

Эти слова прозвучали как зов боевой трубы, как объявление о мобилизации, как задание партии, и молоденький, миниатюрный, круглолицый Трущев, соскочив с подоконника, отрапортовал.

– Я готов!

Знал бы он тогда, к чему собирался быть готовым!

После разговора с вербовщиком, по существу закончившегося ничем, он защитил диплом и отправился на юг.

Райский остров Сухум! Магнолии в цвету, молодое вино «маджарка». Там он познакомился с Таней. Вернулись в Москву вместе.

Дома встретили встревоженные родители. Младшая сестра смотрела на него широко раскрытыми – до жути, глазами.

Мама схватила Николая за руки.

«Сынок, тебя вызывают в горком. Что ты натворил, сынок?»

Трущев перепугался так, как никогда больше в жизни не пугался, хотя в дальнейшем ему довелось познать все ступени этой повальной и неизбежной в то время болезни – от дрожи в коленках, которую вначале испытывал при разговоре с Берией, до леденящего, притупляющего разум ужаса, когда пробирался в оккупированную Калугу. Но все эти страсти нельзя сравнить с перехватом дыхания и ступором в ногах, когда мама сообщила ему о явке в горком комсомола. Казалось бы, чего ему опасаться, но до Старой площади он добирался, с трудом заставляя себя переставлять ноги.

В горкоме, на вахте, его встретил приветливый молодой человек, назвавшийся инструктором. Они вместе поднялись в кабинет. Там инструктор сверил ответы Трущева с данными в анкете, затем нажал кнопку и в кабинет вошел уже знакомый по институту связи доброжелатель. Прямо из горкома, не позволив заглянуть домой, он повез его в Балашиху, где передал с рук на руки какому-то грузину, оказавшемуся начальником ШОНа.²

Когда в следующую субботу Николай вернулся домой в добротном костюме, шляпе, белой сорочке, с галстуком на шее, родные онемели. Мама почему-то первым делом пощупала шляпу. В семье телеграфиста Трущева, работавшего на железной дороге, вовек не носили шляп, только зимние шапки, платки, форменные фуражки. Например, в институт Трущев все пять лет ходил в лыжном костюме и лыжных ботинках, зимой надевал отцовский полушубок.

Мать, пощупав шляпу, заплакала, никто даже попытался ее утешить. Отец, сестра сели рядом и ждали, пока она что-нибудь скажет. Мама поплакала и деловито поинтересовалась:

– Дело-то стоящее?

Николай кивнул.

– И не скажешь? – спросила мама.

– Буду родину защищать! – признался Коля.

Мать всхлипнула, схватила его голову, прижала к груди.

Освободившись, Николай подумал и решил – даешь батарей, чтоб было веселей!..

– Мама, я женюсь.

На этот раз обошлось без слез. С тайной опаской Николай ждал, как мать отнесется к тому, что у Тани есть ребенок.

Ничего, обошлось. Конечно, были и поджатые губы, и строгие взгляды, но после знакомства, когда Тане несколько раз пришлось оставить Светочку с неродной свекровью, мама смирилась.

Только разок пристыдила сына.

² ШОН – Школа особого назначения Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР.

– Раньше надо было смотреть, а теперь что – живите!

В школе было двенадцать курсантов. Учили радиodelу, основам оперативной работы, умению уходить от слежки, работе со взрывчатыми веществами, занимались физической подготовкой – мало ли чему учат в шпионской школе! Много времени уделяли иностранным языкам. Трое усиленно занимались английским, пятеро французским, а Николай, как с детства более-менее знавший немецкий – он вырос в доме, где проживало несколько немецких семей, – попал в третью группу. Гоняли безжалостно – готовили к нелегальной работе.

Трущев уныло усмехнулся. Готовить-то готовили, сколько сил потратили, да только оказалось, что не годится он в нелегалы. Вроде бы и по-немецки тараторил неплохо, и по-французски натаскали, и мозгов хватало, только комиссия отбраковала его и еще двух человек. Какой изъян нашли, ему так и не сообщили. Когда после окончания школы его направили в центральный аппарат, в контрразведку, Трущев решил, что скорее всего его подвело тугодумие, отсюда следовал вывод, что отделение, куда попал молодой сотрудник является чем-то вроде отстойника, после которого его выгонят на улицу, а если начнет языком болтать, могут и к стенке поставить. Но с годами эти страхи прошли – то есть насытились знанием, и среди всех возможных наказаний, которые тогда висели над работниками центрального аппарата, Трущева и его коллег более всего пугала перспектива быть направленным в какой-нибудь исправительно-трудовой лагерь, куда на перевоспитание отправляли врагов народа.

Там творились жуткие вещи. По слухам, начальство обращалось с оперативным составом как с рабами.

* * *

В сентябре 39-го начальник отделения вызвал Трущева и приказал отложить все дела. Затем передал папку и предложил разобраться в этой запутанной истории, обозначенной как «дело № 309/3».

Первой в папке лежала справка, полученная из Свердловского УНКВД.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

По личному делу и материалам спецпроверки на ШЕЕЛЯ Альфреда-Еско Максимилиановича, главного инженера Краснозатонского деревообрабатывающего комбината, немца, беспартийного, гражданина СССР с 1933 года.

По материалам спецпроверки, проведенной УНКВД по Свердловской области, установлено:

ШЕЕЛЬ Альфред-Еско Максимилианович фон, родился в г. Дюссельдорфе, Германия, в 1885 г. Из дворянской семьи, барон, офицер рейхсвера в отставке, участник Первой мировой войны. Командовал взводом, войну закончил ротным командиром. Имеет специальное техническое образование. В 1922–1929 гг. владелец деревообрабатывающей фабрики в Дюссельдорфе. В эти годы окончательно порвал со своим классом и активно поддерживал местную организацию Компартии Германии, что подтверждается многочисленными показаниями свидетелей и материалами оперативной проверки, собранными в его личном деле (см. приложение).

Другими данными, касающимися пребывания ШЕЕЛЯ А.-Е. М. за границей, Отдел Кадров УНКВД по Свердловской области не располагает.

По прибытию в Краснозатонск ШЕЕЛЬ А.-Е. М. проявил себя грамотным специалистом и умелым организатором. Внес большой вклад в строительство местного деревообрабатывающего комбината. Имеет на личном счету несколько полезных изобретений, касающихся производства высококачественной дельта-древесины.³

³ Дельта-древесина – (древеснослоистый пластик), один из видов древесных пластиков; изготавливается прессованием или склеиванием шпона (главным образом березового), пропитанного феноло- или крезоло-формальдегидной смолой. Пригодна для изготовления самолетных крыльев, крепежа, частей корпусов. По прочности не уступает металлу, но значительно дешевле.

В 1933 г. ШЕЕЛЬ А.-Е. М., а также его сын ШЕЕЛЬ Алекс-Еско Альфред, по рекомендации врага народа ЗАПОРОЖЦА получили советское гражданство (см. Приложение к справке № 1/21).

Сын ШЕЕЛЯ А.-Е. М. закончил в г. Краснозатонске среднюю школу и в 1939 году поступил на первый курс Уральского политехнического института. Член ВЛКСМ. Компрометирующими материалами на ШЕЕЛЯ Альфреда-Еско Максимилиановича УНКВД по Свердловской области не располагает.

Число... Подпись.....

Тут же лежало полученное из цензуры и адресованное Шеелю письмо из Германии. В письме некий Людвиг фон Майендорф, по-видимому, друг детства, сообщал Альфреду Максимилиановичу, что отправляется в служебную командировку в Японию. Перевод, подколотый к основному документу Трущеву не понадобился, в ШОНе ему до блеска надраили немецкий.

«На край света, – писал Майендорф, – мне придется добираться морем. Если ты не забыл, Альфи, я с детства мечтал отправиться в кругосветное путешествие. Надеюсь, в пути мне повезет, и я совершу какое-нибудь великое географическое открытие.

В Европу я намерен вернуться по Транссибирской магистрали. Очень хочется заглянуть в самое сердце Азии. В Свердловске мне придется сделать остановку, сам знаешь, путешествия путешествиями, а для немца долг превыше всего. На днях мы неожиданно подружились с большевиками, и они разрешили открыть в Свердловске наше консульство. Мне бы хотелось повидаться с тобой, Альфред, так внезапно покинувшим Германию, а также с твоим непоседливым Алексом. Он, наверное, здорово вырос, узнаю ли я его? Как он прижился в коммунистическом раю? Ты у нас кремень, а вот твоему сыну, наверное, до смерти надоела тощая марксистская диета, на которую его посадили в комсомоле.

Из Владивостока я дам телеграмму и буду ждать твоего согласия, так как, зная тебя, Альфред, я не уверен, что ты, окончательно покраснев, пожелаешь встретиться с «классовым врагом» и «германским фашистом» Майендорфом».

Познакомившись с материалами и собрав необходимые справки, Николай Михайлович доложил начальнику.

– Людвиг фон Майендорф действительно является высокопоставленным сотрудником германского МИДа. Его остановка в Свердловске надежно замотивирована необходимостью встречи с германским консулом, который прибыл на Урал после подписания договора с Германией. На этот счет есть справка из нашего наркоминдела. Понятен отказ Шееля встречаться с Майендорфом, ничего хорошего от такого рода контактов Шеелю ждать не приходится. По моему мнению, просьба о встрече со стороны Майендорфа является попыткой скомпрометировать Шееля либо прикрыть какое-то другое, более ответственное задание. Считаю изоляцию Шееля преждевременной.

Начальник закурил, некоторое время, размышляя, наслаждался дымком, затем, решившись, вытащил из стола какую-то бумагу и протянул Трущеву.

– Познакомься.

Это было адресованное наркому письмо замначальника Краснозатонского райотдела НКВД Ефимова, в котором тот обвинял руководство райотдела в преступной близорукости, «...а может, еще хуже – в двурушничестве и пособничестве врагу», что проявилось в «сокрытии компрометирующих данных на небезызвестного Альфреда Шееля, называющего себя инженером, а на самом деле являющегося троцкистом и германским шпионом, что подтверждается недавно полученным им письмом, в котором содержались инструкции вредительского характера, а также отказом Шееля встречаться с германским резидентом. На мое предложение немедленно арестовать гражданина Шееля ввиду его двурушнической позиции и несогласия заниматься якобы «доносительством», начальник райотдела, гражданин Кудасов ответил, чтобы я перестал «совать нос туда, куда не следует!» Это белогвардейско-издевательское отношение к заслуженному чекисту, с которого партия человека сделала, а также имеющему благодарности от наркома, товарища Н. И. Ежова, вынудило

меня незамедлительно привлечь внимание высшего руководства наркомата к нетерпимой ситуации, сложившейся в Свердловском УНКВД, о чем и доношу».

– Твое мнение?

Трущев помялся, потом попытался обосновать свою точку зрения.

– Конкретики нет. Обвинять человека в нежелании встречаться с классово чуждым элементом – это, по-моему, чересчур. Ефимов должен представить реальный компромат, иначе дело выеденного яйца не стоит. Считаю изоляцию Шееля преждевременной.

Начальник отделения неодобрительно покачал головой.

– Нет, Трущев, так не годится. Мы не можем спустя рукава относиться к сигналам с мест, тем более если они исходят от опытных работников. Это чуждые нам методы! Мы должны доверять чекистскому чутью.

Выявив свою позицию по этому вопросу, начальник сделал паузу, затем веско добавил.

– Впрочем, руководство поручило нам разобраться с этим письмом, и мы разберемся. Подготовь обстоятельную записку со своими соображениями. Но, смотри... – после некоторой паузы, предупредил начальник, – не перегни палку. Начальству не очень-то по вкусу такие словечки как «по-моему», «чересчур», «выеденное яйцо», но оно особенно не любит, когда советские граждане отказываются помочь органам, какими бы соображениями этот отказ не был мотивирован. В нашем деле главное – умение сразу распознать врага, сорвать с него личину, а хочет кто-то встречаться с классовым врагом или нет, это дело десятое. Не ему решать.

Чтобы стало яснее, начальник отделения среагировал на отчет молодого сотрудника в полном соответствии с правилами, установившимся при наркомате Ежова. При этом сталинском соколе всякие сомнения в юридической весомости чекистского чутья могли стоять головы.

Однако за окнами уже был не тридцать седьмой год.

В декабре тридцать восьмого на Лубянку вместо коротышки Ежова вселился малоизвестный знаток истории партийных организаций на Кавказе, большевик с подпольным стажем и личный выдвиженец хозяина Берия Лаврентий Павлович.

Наступили новые старые времена.

Этот абзац в рукописи Николай Михайлович прокомментировал следующим образом.

– Сразу после отстранения Ежова Берия приступил к неслыханной по своим масштабам чистке в наркомвнуделе. Выражаясь современным языком, каток репрессий докатился и до компетентных органов. В контрразведке только за год сменилось семь начальников. Теперь всех интересовал исключительно результат, а как ты его получишь, твое дело. Откровенно говоря, я как раз и ориентировался на результат. Что толку принуждать Шееля встречаться с Майендорфом, если мы не знаем, зачем эта встреча вообще нужна. Хотя, если откровенно, меня не оставляло ощущение, что вся эта переписка возникла не на пустом месте.

* * *

В конце декабря – как потом выяснилось, в самый канун прибытия Майендорфа во Владивосток, – Трущева вызвали к комиссару госбезопасности Меркулову Всеволоду Николаевичу,⁴ исполнявшему тогда обязанности начальника главного управления государственной безопасности. На тот момент отделение, в котором трудился Трущев, вновь осталось без руководителя. Все бумаги отделения комиссар госбезопасности просматривал лично, он же визировал переписку.

В этом, как поделился со мной Николай Михайлович, не чуравшийся современного языка, «...тоже был несомненный сюрчик. Как, впрочем, и в отношении моих коллег к отсутствию на рабочем месте нашего начальника, пусть даже недавнего, пусть мимолетно очередного. Мы все как бы не заметили его отсутствия. Никто не задавал лишних вопросов. Никому в голову не приходило поинтересоваться, что с ним случилось? Может, заболел?.. Тогдашний начальник контрразведки Деканозов вообще отстранился от дел. По наркомату ходили слухи, что на его место со дня на

⁴ Меркулов В. Н. (1903–1953) – один из высших руководителей НКВД. Родился 25 октября (7 ноября) 1895 г. в г. Закаталы (Дагестан) в семье военнослужащего. С 1938 г. – заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. 1938–1941 гг. – заместитель наркома НКВД. В период с 3 февраля 1941 г. по 20 июля 1941 г. и с 20 июля 1943 г. по 1946 г. – нарком госбезопасности СССР. Расстрелян по приговору военного трибунала как соучастник «злodeяний Берии».

день будет назначен начальник СПО Федотов».⁵

Как только Трущев вошел в кабинет комиссара, Меркулов вежливо попросил молодого сотрудника ввести его в курс дела. Всеволод Николаевич с каменным лицом выслушал Трущева, ни разу не перебил его, не поинтересовался подробностями, затем предупредил – сейчас мы отправимся к нарком. Держитесь свободно, отвечайте по существу.

За те несколько шагов, отделявших кабинет наркома от кабинета Меркулова, Трущеву не без внутренних усилий удалось заставить себя ступать бодро, в ногу с Всеволодом Николаевичем. Задом он попытался привести в порядок мысли. Это оказалось непросто – ничего толкового по существу дела в голову не приходило.

К его удивлению политическая сторона дела, а также двурушничество и потеря доверия к чекистскому чутью на местах, о котором так беспокоился прежний начальник отделения, менее всего интересовала Берия, как, впрочем, и находившихся здесь начальника СПО Федотова и неизвестного армейского полковника.

Когда Меркулов и Трущев вошли в кабинет, Берия представил военного.

– Полковник Закругкин Константин Петрович из Разведупра.⁶ Прошу любить и жаловать, – и тут же без всякой паузы обратился к Николаю Михайловичу. – Трущев?

– Так точно, товарищ нарком, – доложил тот.

Берия заглянул в какие-то бумаги и спросил.

– Ви доверяете Шеелю?

– Нет, товарищ нарком.

– Почему же возражаете против его изоляции?

– Во-первых, факты, изложенные Ефимовым, являются его личным, ничем не подтвержденным мнением...

– Не берите на себя слишком много, Трущев, – оборвал его Берия. – Ефимов – опытный работник, и мы можем доверять его мнению. Короче, что вы предлагаете?

– Попросить Шееля встретиться с Майендорфом.

– Что?! Попросит?!

– Так точно. Даже если Шеель позволит себе ставить условия. За всеми этими маневрами срывается какой-то смысл.

– Докажите.

– По сведениям из архива Майендорф назначен в МИД совсем недавно. Где он служил ранее, в архиве сведений нет. Трудно поверить, чтобы новоявленного, непонятно откуда взявшегося сотрудника могли послать с важной дипломатической миссией в Японию. Следовательно, у этой поездки есть второе дно.

Берия промолчал, тем самым как бы позволив молодому сотруднику высказаться до конца.

– Во-вторых, поездка по Транссибирской магистрали, ставшая возможной после заключения пакта о ненападении, может быть использована для оживления агентуры. Точнее, для подтверждения того факта, что законсервированный сотрудник жив и является тем, за кого себя выдает.

– Глупо для этого заранее в письменной форме предупреждать о встрече! – отгрызнулся Берия.

– Так точно. Вот почему я предлагаю позволить Майендорфу отыграть свою партию до конца. Конечно, под нашим неусыпным контролем.

– И что это даст? – с тем же откровенным недоброжелательством поинтересовался нарком.

– Сотрудники такого ранга как Майендорф просто так по чужим странам не разъезжают. Возможно, встреча с Шеелем является дымовой завесой для чего-то более существенного. Им ничего не стоит пожертвовать Шеелем, ведь он, судя по документам, окончательно порвал своим классом.

⁵ СПО – Специальный политический отдел ГУГБ, в конце 30-х годов являвшийся центральным и координирующим органом «тайной политической полиции» СССР, надзиравшей за политической оппозицией и иными, не соответствующими официальной идеологии направлениями, например монархическими, религиозными и т. д.

⁶ Разведупр – Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (с мая 1939 по июнь 1940 – Управление Штаба РККА, затем Разведывательное Управление Народного комиссариата обороны, один из предшественников ГРУ (Главного разведывательного управления).

– Какие документы! – взорвался Берия. – Разве можно по документам отличить честного человека от двурушника и трюксиста! Этот негодяй Шеель вполне может оказаться матерым шпионом и диверсантом! Впрочем, отказываться от этой версии нельзя. Что еще?

В этот момент Закруткин подал голос.

– Лаврентий Павлович, ваш сотрудник прав – Майендорф является крупной фигурой. Прав он и в том, что на Шееля бесполезно давить в открытую. Если он не тот, за кого себя выдает, вскрыть ему нутро в отведенные сроки не удастся. Я хочу дать справку – Майендорф является высокопоставленным сотрудником германской службы безопасности, вхож к Гиммлеру. В Испании осуществлял связь между франкистской разведкой и гестапо. Наша резидентура пыталась взять его в разработку, правда, безрезультатно. Такие фигуры как Майендорф просто так по свету не раскатывают. Обратите внимание на такой факт – Майендорф, по нашим сведениям, отправился в Японию в середине сентября, а письмо было отправлено из Берлина за день до подписания договора с Германией.

Берия насторожился.

– Ви имеете в виду, что встреча планировалась заранее?

– Не исключено. В любом случае надо бы позволить друзьям детства встретиться и поговорить. Для этого просто необходимо получить согласие Шееля.

– Полагаете, они питаются разиграть барона в темную? – спросил Берия.

– Возможно.

Берия некоторое время размышлял, потом вынес решение.

– Хорошо. Трущев, раз уж ты так доверяешь этому барону, ты его и уговоришь. Обещай что угодно, но он должен встретиться с Майендорфом.

Трущев не удержался от замечания.

– Товарищ нарком, я вовсе не доверяют Шеелю. Просто считаю преждевременным обрубить концы.

– А ми, значит, – развел руками нарком, – такие ротозеи, что готови вместо того, чтобы разгадать замисел врага, заняться поиском двурушников в своих рядах. Партия нам этого не простит.

Затем он обратился к Федотову, до того момента скромно сидевшему за столом.

– Ты как считаешь, Павел Васильевич?

Тот ответил не сразу, сначала несколько раз взглядом пересчитал пальцы на левой руке, затем неловко поднялся и доложил.

– Полагаю, нам кидают отравленную наживку. Полагаю также, в этом деле нельзя спешить, пусть враг выявит нутро.

Берия кивнул.

– Вот и держи это дело под контролем.

* * *

Приказ отправиться на Урал был верным признаком, что пришел черед Трущева быть подвергнутым тщательной и жесткой проверке на соответствие требованиям, введенным в подразделениях наркомата внутренних дел. В ту пору как раз на такого рода поездках многие ломали себе шею.

В разговоре Николай Михайлович признался.

– Я две ночи не мог заснуть, вертелся на верхней полке, прикидывал так и этак. С чего начать – с проверки доноса Ефимова или в первую очередь заняться Шеелем? Профессионально меня более всего занимал «Барон» – такую кличку Шеелю придумал Берия. Кто он? Зачем эта заваруха с письмом? Ведь он и раньше получал из Германии корреспонденцию от каких-то древних и дальних тетюшек. Правда, редко. Было три или четыре письма, их копии я нашел в архиве. Если Шеель законспирированный агент, зачем его так вызывающе светить перед нами?

Или все-таки сосредоточиться на фактах?

Николай Михайлович глубоко затынулся, выдохнул табачный дым и следующим образом прокомментировал это место.

– Что касается фактов, могу подтвердить – как в судебной практике тех лет все решало признание обвиняемого, так и в оперативной работе во главу угла ставился *факт*, под которым чаще всего понималась запись в личном деле. Стоило только в анкете появиться строке, фиксирующей

то или иное событие – чаще всего «участвовал» «не участвовал», – факт приобретал абсолютный характер. Его нельзя было вычеркнуть или опровергнуть, он становился мерилем верности политической линии, добросовестности, деловых качеств. Если при расследовании всплывали какие-нибудь сведения, связанные с «чуждым происхождением», дружбой либо знакомством (не говоря уже о родственных отношениях) с врагами народа или хотя бы подозрение на такого рода отношения, – карьера, а то и жизнь, можно считать загубленными.

Неопровержимым доказательством вины являлось, например, неумение держать язык за зубами, как, впрочем, и сокрытие факта распространения контрреволюционной пропаганды, в которую включались и анекдоты, например: «какая разница между капитализмом и социализмом? При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме наоборот», – а также призывы к свержению Советской власти. К призывам относили не только публичные высказывания на кухнях, но и частушки типа: «Ах, огурчики-помидорчики. Сталин Кирова зарезал в коридорчике».

Эти общие указания, в частности, касались и командировок, в которые при Ежове то и дело отправляли сотрудников центрального аппарата. Негласным правилом для них, пусть даже и не имевших прямого отношения к выявлению двурушников и троцкистов в своих рядах, – являлось негласное требование привозить из поездок списки тех, кто не внушает доверия и, следовательно, должен быть немедленно отстранен от дел или подвергнут более серьезному наказанию. Чем длиннее был список, тем лучше. Год назад вернись я в Москву с пустыми руками, меня бы через неделю на Лубянке не было.

Правда, с приходом Берии, а также с назначением Федотова начальником СПО, положение заметно изменилось. Федотов оказался одним из немногих сотрудников, работавших в аппарате Ежова, кто не был отвергнут Берией. Более того, вскоре он получил повышение по службе. Дело дошло до того, что он полностью ликвидировал руководство двух областных управлений за то, что там из карьеристских соображений плодили заговор за заговором, и, тем не менее, власть факта по-прежнему подспудно довлела над нами.

Именно опираясь на такого рода данные, я должен был взяться за дело. В первую очередь собрать компромат на начальника райотдела Кудасова и окружавших его людей, затем допросить подозреваемых, почему они либеральничают с Шеелем и так далее... Если руководствоваться этими правилами, требование Ефимова немедленно арестовать Шееля выглядело более чем логичным. С другой стороны, такая мера напрочь обрубала все концы и в то же время давала возможность врагу выйти сухим из воды.

Вот тут и повертись! Я чувствовал себя как карась на раскаленной сковородке, а то вы, молодые, все «репрессии, репрессии», «сталинские соколы», «ежовщина»!.. «Сажали пачками, не разбираясь!» Как бы не так. У каждого было право на выбор. Усек? Пусть даже вот такой, – он показал мне кончик мизинца, затем добавил. – Что касается «ежовщины», занеси в протокол... то есть, в роман, что это выражение появилось еще до войны и не без тайного одобрения Петробыча. Хозяин умел переводить стрелки на других. Говорю, что знаю.

Николай Михайлович закурил.

– Здравый смысл подсказал мне – не теряй голову. Если в этом деле обнаружались неясности, их надо высветить. Этого требовала от меня партия.

Трущев начал с Кудасова.

Более задерганного человека, чем начальник Краснозатонского райотдела Игорь Кудасов, Трущев не встречал. Это был молодой, чуть за тридцать, плечистый мужчина, бледный как смерть и постоянно позевывавший – то ли от беспробудной усталости, то ли от груза ответственности. В беседе с московским гостем он признался, что ему не до письменных объяснений.

– Понимаешь, Трущев, дел выше крыши. Скоро сдача «деревяшки», а тут история с Шеелем, будь он не ладен. Усек? Наш город небольшой, неприметный, ввод в строй фабрики дельта-древесины для нас чрезвычайно важное событие. Особенно с политической точки зрения – ведь это работа для жителей, ощущение причастности к чему-то более важному чем лесозаготовки, изделия кустарей и народные промыслы. Чтобы тебе прояснилось, объясняю, дельта-древесина это особым образом склеенная и профилированная фанера. Важный стратегический продукт! Из нее будут изготавливать крылья для самолетов, крепеж, части корпусов. По прочности она не уступает металлу, но куда дешевле. Не мне тебе объяснять, что означает этот факт в нынешней непростой международной обстановке. Сейчас идет наладка оборудования. Станки везут из Германии и Соединенных Штатов, а Шеель знает языки, и с головой у него все в порядке. Если мы завалим сда-

чу, всему руководству комбината, городскому партийному начальству, да и мне тоже, очень не поздоровится. Усек?

Трущев кивнул.

– А этот... со своей бдительностью! – выматерился Кудасов. – Все пишет и пишет! Секретарь райкома, управляющий трестом в Свердловске, партбюро стройки – все просят за Шееля. Без него зарез, линию в срок не ввести. Посмотри за окно – у нас зима, двадцатиградусные морозы, снега по колено, не успеваем расчищать. Люди с производственной площадки не вылезают, ночами не спят. То одно, то другое. Старик трудится сверхурочно, никаких жалоб. Переводит документацию с немецкого, с английского, лично делает на месте разметку под приямки. Ну, отказался он встречаться с прежним дружкой – и что? Разве он не вправе отказаться?

Трущев ни словом, ни взглядом не выразил неодобрения такому непривычно пренебрежительному для советского человека отношению к бдительности. Тем более в устах начальника чекиста.

Кудасов с пониманием отнесся к такой позиции и, вздохнув, продолжил.

– Удобную, понимаешь, занял позицию. Если ввод в строй предприятия сорвется, он заявит – я же сигнализировал! Надеется выйти сухим из воды. Ну, скажи, Трущев как партиец и чекист, как я должен поступить в этом случае? Пойти на поводу у этого перестраховщика? Изолировать Шееля?

– Вы, товарищ Кудасов, все-таки найдите время и напишите все подробно, – посоветовал Трущев, сделав особый упор на слове «товарищ». – В Москве разберутся. А Ефимов со своей позицией может и просчитаться.

– И я о том же! – порозовел начальник райотдела.

– А пока организуйте мне встречу с Шеелем, только не в райотделе, а где-нибудь в укромном месте.

– Сделаем! – пообещал начальник райотдела.

Весь день до вечера Николай Михайлович упорно готовился к встрече с Бароном. Прежде всего познакомился с местными данными – их, благодаря активности Ефимова, оказалось немало. Затем перебрал в памяти все, что знал о нем и попытался наметить линию разговора. Для этого особое внимание уделил фотографиям. В школьные годы ему в руки попала книга, в которой описывалось, как какой-то знаменитый сыщик по фотографиям отыскивал преступников. Стоило ему только взглянуть на изображения подозреваемых, как он безошибочно тыкал пальцем – вот этот! При этом всякие ссылки «на чудо» сыщик решительно отбрасывал. Свою прозорливость он объяснял исключительно «научными соображениями». В книге всерьез утверждалось, что человеческая душа имеет материальную основу. Эта тончайшая субстанция представляет собой напластования атомов и всяких прочих невидимых элементарных частиц. Они-то и составляют биографию каждого индивидуума, но главное – содействуют несмыслаемости улик, обязательно, рано или поздно, проступающих на лице преступника. Уверовав в чудеса материализма, Трущев взял личное обязательство развить в себе такого рода способности, без которых трудно будет построить социализм.

Получив назначение в НКВД, он полагал, что лучшего места для осуществления своей мечты ему не найти, и, поднабравшись профессиональных навыков, используя сверхчувственную пронизательность, ему удастся загнать в угол любого врага. Действительность оказалась грубее, требования к сыскной работе проще – постоянно повышай бдительность, остри чутье и, опираясь на простых советских людей, особенно на негласных активистов, собирай факты. Активисты действительно не дремали и заваливали НКВД сообщениями о планируемых там и тут терактах, о контрреволюционных разговорчиках и нездоровых насмешках над всем, что было дорого и свято. В таких условиях собственно оперативной работе было тесновато, однако этот разлад вовсе не разочаровал Трущева. Он был согласен, врага следует добивать на корню, однако такой настрой – так ему казалось – вовсе не исключал необходимости повышать квалификацию.

С этих позиций он и рассматривал фотографии, которых в деле барона Шееля хватало. Вот анфас, вот профиль. Вот тычет куда-то пальцем – вероятно, указывает направление в светлое будущее. Вот Шеель среди итээровцев – отпустил усы и ничем не выделяется из общей массы. Вот в толпе собравшихся на субботник стахановцев и активистов – стоит, опершись на лопату.

Эти два последних снимков очень заинтересовали Николая Трущева. Что-то в них было не

так. Зачем опытному инженеру лопата? Зачем усы? Зачем прячется за черенок? Чтобы показать – смотрите, какой я сознательный?

Он долго разглядывал лицо старика, и никак не мог выявить скрытую причину, толкнувшую человека дворянских кровей отправиться на Урал, в страну пытавшихся обратить сказку в быль коммунистов? Что он здесь искал? Почему в глазах скрытое пренебрежение и даже насмешка, а во вцепившихся в черенок пальцах столько показного энтузиазма?

Вот что поразило Трущева во время беседы с этим непомерно высоким, высохшим донельзя человеком – какая-то присущая только худым людям чрезмерная непримиримость, доходящая до фанатизма. Тот явился в райотдел прямо с производственной площадки, на крыльце смел веником снег с валенок, затем гордо, но вежливо поинтересовался у дежурного – куда пройти. С той же старорежимной обходительностью разговаривал с Трущевым, представившимся уполномоченным из Свердловска, однако доброжелательный тон разговора ни на йоту не подвинул Шееля к согласию. Он был решительно против всяких встреч «со своим прошлым». Кроме того, красный барон не желал тратить время «на всякие глупости». До сдачи объекта осталось несколько месяцев, а дел невпроворот. На железной дороге заносы. О какой поездке в Свердловск может идти речь?!

– Если товарищ чекист настаивает, чтобы я пожертвовал драгоценным временем, командировку в областной центр надо обязательно согласовать с облтрестом. Вам это сделать несложно.

– Вы не любите чекистов? – задал провокационный вопрос Трущев.

– Чекистов я уважаю, – ответил Шеель, – но не могу позволить кричать на себя.

– Наш сотрудник погорячился, вы должны понять его – он на посту.

– А я? Разве я бездельничаю или, как у вас говорят, ваньку валяю? Пока я собственными руками не пощупаю первый лист фанеры, я не буду иметь покоя. Так и скажите вашим начальникам.

– Так и скажу, Альфред Максимилианович. Но вы должны и нас понять. Бывают разные обстоятельства. Если я вас правильно понял, вы настаиваете на официальном оформлении вашего отъезда в Свердловск. Но мне кажется, не в ваших интересах привлечь внимание к этой поездке. Это также и не в наших интересах.

– Нет уж, увольте! Зачем человеку, лишенному выбора, соглашаться добровольно засунуть голову в петлю. Вы уж как-нибудь сами.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, как же! Ваш коллега грозился арестовать меня, если я откажусь встречаться с Людвигом. Однако стоит мне встретиться с ним, и я сразу попаду на заметку. Мне уже не отмыться, и рано или поздно мне предъявят обвинение в связи с фашистами. Так что лучше я откажусь от встречи, чем соглашусь на нее.

Это замечание, разумное само по себе, наводило на мысль, что Шеель знает больше, чем говорит. Такой ход как попытка уговорить его встретиться с Майендорфом был просчитан им заранее, так что классовый подход к детской дружбе здесь был ни при чем. Была еще одна зацепка, прорвавшаяся по ходу беседы, но сразу Трущев не сумел ее оценить. Он, имея в виду указание Берии, которое, конечно, к делу не подошьешь, рискнул пообещать.

– Альфред Максимилианович, я гарантирую вам неприкосновенность после встречи с Майендорфом.

– Вы гарантируете, что мне никогда не будет предъявлено обвинение в том, что я имел контакт с подданным иного государства?

«Отличная формулировка», – поставил еще одну зарубку на память Трущев и подтвердил.

– Именно это я и хотел сказать.

– Чем вы можете подтвердить это предложение?

– Честное слово вас устроит?

– Ваше – нет.

– Чье вас устроит? Начальника управления?

– Да.

На следующий день Трущев помчался в Свердловск. Там прорвался в кабинет к начальнику управления и постарался объяснить, что необходимо срочно связаться с Москвой.

Трущев не мог скрыть самодовольства, которая вызывала у него – даже теперь, спустя столько лет! – проявленная им тогда прыть.

– Вам стоило бы видеть лицо начальника областного управления, когда он получил секрет-

ную шифротелеграмму, в которой «в связи с оперативной необходимостью разрешается подтвердить гарантии, выданные «Барону» младшим лейтенантом госбезопасности Трущевым Н. А.». При виде подписи – «Берия», глаза у начальника управления, громадного, под два метра, крупного человека – грудная клетка как бочка, – полезли на лоб. Впрочем, у меня тоже.

Начальник выматерился и показал мне, человеку невысокому, изящному, пудовый кулачище.

– Ну, Трущев, смотри. Если дело сорвется, лучше на глаза не попадайся.

– Так точно, товарищ старший майор.

Глава 2

Вечером, когда Трущев в самый снегопад, усталый донельзя, вернулся из Свердловска, в дверь избы, где он снимал комнату у местной одинокой старушенции, постучали.

На пороге стоял Закруткин. Он был в длиннополом, буржуазного покроя, кожаном пальто, в руке маленький чемоданчик, в другой роскошная кожаная шляпа. Этаким парижанин в поглощаемом сумерками и снегом, забытом Богом Краснозатонске.

– Ничего, что как снег на голову? – деловито поинтересовался полковник и протянул руку. – Здравствуйте, Николай Михайлович. Вот Кудасов направил к вам, пообещал ночлег, – гость иска са глянул на стоявшую рядом хозяйку. – Предупредил, Нина Петровна – человек надежный, проверенный, во время гражданской войны была связной в партизанском отряде. Правда, Нина Петровна?

Старушенция Бестужева поджала губы.

– А я, – весело продолжил Закруткин, – командовал кавалерийским эскадроном во 2-ой Конной. Так что мы с вами, можно сказать, боевые соратники. Надеюсь, станем друзьями.

Старушка оттаяла.

Трудно сказать, то ли хозяйке сразу приглянулся худощавый, с темными волосами и выразительным южнорусским лицом, гость, то ли на нее произвело впечатление напоминание о его боевом прошлом, то ли его готовность сходить в сарай за дровами, только она, до сих пор двумя словами с Трущевым не перекинувшаяся, сразу пригласила постояльцев попить чайку с брусничным вареньем.

Не спеша пили чай. Закруткин и Трущев терпеливо слушали рассказ Бестужевой, как она во время белогвардейской оккупации, рискуя жизнью, пробиравась из партизанского отряда в захваченный белыми город. Такой подробный, поднадоевший Трущеву рассказ, с которым у них в школе каждый октябрьский праздник обязательно долго и нудно выступали ветераны гражданской войны.

О Шееле она отозвалась вполне определенно – «не наш он, хитрый!..»

Затем Закруткин вместе с Трущевым вышли на крыльцо покурить. Накурившись, они заполночь, по удивительно скрипучему – к морозу! – насту отправились в райотдел, где полковник приказал молодому сотруднику познакомить его с собранными по делу Шееля материалами.

Они расположились в соседнем с кудасовским кабинете, сели за стол друг напротив друга. На столе были разложены донесения, справки, фотографии. Свет настольной лампы был слишком ярок, и полковник щурился. Он был немногословен, изредка принимался что-то беззвучно насвистывать про себя. Трущев, нечаянно уловивший мелодию: «Эй, комроты, даешь пулеметы!..» – едва удержался от того, чтобы не подхватить: «...даешь батарей, чтоб было веселей!», – но не решился, хотя желание так и зудело. Подсвистывать полковнику, это знаете ли...

Сосредоточился на ощущениях.

И во время!

Как раз в этот момент Константин Петрович взял фотографию Алекса-Еско Шееля. Руки у него дрогнули, и в следующее мгновение Трущев ощутил озноб, будто голову окатили ледяной водой, затем до него четко и раздельно донеслось что-то напоминающее вскрик:

«Что?! Не может быть!!!»

Николай Михайлович в первое мгновение растерялся – что за вопль, откуда он, ведь Закруткин рта не раскрыл!

Он осторожно глянул на полковника.

Закруткин, человек волевой, тертый, по-видимому, перехватил взгляд сидевшего напротив,

простоватого на вид энкаведешника и, помедлив, с равнодушным видом перевернул фотографию. Глянул на тыльную сторону и вернул в начальное положение.

Трущев, снимая напряжение, пояснил.

– Это сын старого барона, Алекс-Еско, – и ни с того ни сего добавил. – Он – комсомолец, – словно этот факт мог помочь ему скрыть от Закруткина случившуюся нелепость, ведь нельзя услышать то, что не было сказано. О чем только подумалось!!

– Я догадался, – невозмутимо кивнул полковник.

Он вернул фотографию Алекса на стол и затем начал перебирать снимки старого Шееля.

– Что по поводу Барона? Какое ваше мнение?

– Ничего определенного сказать не могу, но есть несколько зацепок.

– Детальней, – приказал Закруткин.

– Не знаю, как выразиться... – признался оперативник.

Закруткин посоветовал.

– Проще, Николай. Ничего, что я по-свойски? Ощущения? Давай ощущения. Факты? Давай факты. Мы с тобой, Коля, теперь в одной лодке. Наша задача – ничего не упустить во время встречи и постараться выявить вражеское нутро. Меня прислали тщательно отработать Майендорфа, составить, так сказать, его психологический портрет. Начальство очень запало на этого «дипломата». Сподхватил мою мысль?

Трущев кивнул и слово в слово передал разговор со стариком. Обратил внимание, что формулировки у старого барона отточенные и, что важнее, продуманные заранее. Однажды он выразился: «как у вас говорят, ваньку валяю...» Словно уточнил – вы это вы, а мы это мы. Это наводит на мысль...

– Мысли пока отставить! – приказал полковник. – Давай ощущения.

– Вот я и говорю. Мне показалось, что Шеель подспудно отделяет себя. Не могу сказать, то ли от всех, то ли от чекистов.

– Это хорошо, это так и должно быть. Он все-таки из старорежимных, чего ему с нами сюсюкать, – ответил Закруткин, затем поинтересовался. – У тебя есть сомнения в его искренности?

– Так точно, товарищ полковник.

– Это хорошо... Что по поводу молодого Шееля?

– Судя по свидетельствам одноклассников, свой в доску. Комсомолец, голова светлая – с ходу поступил в Уральский политех. Убеждений самых советских, в этом нет никаких сомнений, увлекается межпланетными перелетами. Я полагаю провести с ним беседу...

– Ни в коем случае! – запретил Закруткин. – Нам с тобой светиться нельзя. Не хватало еще, чтобы Майендорф по приезду составил наши словесные портреты. К тому же твои коллеги в Свердловске будут очень рады, если ты все возьмешь в свои руки. Будет на кого свалить! Пусть тоже почешутся. Опыт, Коля, подсказывает, что одной встречей здесь не обойдется, и мы с тобой еще наплачемся с этим дворянским отродьем. Ты уже встречался со стариком, так что поговори с ним, предупреди, чтобы он и его сын не принимали никаких подарков, ничего не подписывали и ничего не трогали руками. А мы с тобой подежурим за занавеской. Найдется в ресторане занавеска? Как считаешь?..

Здесь Николай Михайлович признался.

– Полковник вовремя одернул меня. Я-то по глупости был рад проявить инициативу. Правда, в тот момент меня куда более интересовало, что означало это самое «не может быть»? Как я удержался, чтобы не поинтересоваться у Константина Петровича, объяснить не могу. Слышал о Мессинге?

Я кивнул.

– Так вот, Вольф Мессинг позже подсказал – все дело в тайнах человеческой психики. А может, в закваске – мы в России люди северные, торопыг не любим. В любом случае, эта тугодумность или деликатность, как хочешь, так и называй, спасли мне жизнь. Когда меня в связи с делом Шееля взяли в разработку, эта деталь дала мне шанс.

* * *

В самой встрече, состоявшейся в начале сорокового, в ресторане при Свердловском вокзале,

ничего примечательного не было.

Стол, за которым устроились Альфред Максимилианович Шеель с сыном и Людвиг фон Майендорф, находился под пристальным наблюдением оперативников. Разговор записывался на пленку.⁷ Трущев и Закруткин, расположившиеся за занавеской отдельного кабинета, тоже слышали разговор. Трущеву, выросшего в доме на Лютеранской (ныне Энгельса) улице, где жили несколько немецких семей, вполне хватало детского, а также добавленного в спецшколе немецкого, чтобы понять о чем идет речь. Это были безобидные воспоминания о детстве, о местной гимназии, о клубе любителей гребли. Старший Шеель еще до Первой мировой войны два года был рулевым на гоночных четверках и восьмерках. Когда альтер комараден напомнил ему об этом, старик даже покраснел от удовольствия. Друзья вспомнили о напутственных словах ректора школы в Дюссельдорфе, в прощальной речи возвестившего выпускникам, что отныне перед ними «открыт путь к высочайшим свершениям и почестям», – и как они потом делились друг с другом – нет, почести – это не про нас.

Разве что свершения...

Вспомнили развалины Гейдельбергского замка, мимо которых Альфреду Шеелю приходилось добираться до школы. Вспомнили признание барона, сделанного в выпускном классе. В ту пору Альфреда более всего его привлекали заброшенные замки и кривые улочки, и он хотел бы заняться архитектурой.

Трущев невольно отметил про себя – ни барон, ни Майендорф не понижали голоса. Это было так любезно с их стороны по отношению к звукозаписывающей аппаратуре и напрягшимся оперативникам.

Вообще, Шеель, вначале суровый и неприступный, скоро оттаял, и Трущев впервые услышал, как тот смеется. Воспоминание о булочках с вестфальской ветчиной, которыми они с тайно с Майендорфом лакомились на кухне, привело его в совершенный восторг.

А вот молодой Шеель чувствовал себя за столом неуютно. На нем была коричневая вельветовая куртка на молнии, на груди комсомольский значок. На Майендорфа он поглядывал как на свалившегося с неба марсианина. Во взгляде стыло недоумение, словно парнишка никак не мог сообразить, каким образом этот веселый высокопоставленный фашист в добротном буржуазном костюме вдруг оказался в сердце пролетарского Урала.

Майендорф сумел вогнать его в краску.

– Я знал тебя с детства, Алекс, а ты по-прежнему пялишься на меня, как на врага. Кроме классового подхода есть много других поводов для общения с друзьями и знакомыми. К тому же я вовсе не кровожадный фашистский зверь, а твой добрый дядюшка Людвиг. Надеюсь, ты меня помнишь?

Алекс неохотно кивнул.

Не обращая внимания на смущение молодого Шееля, Майендорф лукаво улыбнулся.

– А Магди?

Еще кивок.

– Магди уже совсем взрослая. Она часто вспоминает тебя, просила передать тебе привет. Помнишь, как вы с моей дочерью ходили на забавное представление какого-то Мессинга?

Алекс наконец позволил себе открыть рот и поправить дядюшку Людвигу.

– Его выступления назывались «психологическими опытами». Он отыскивал предметы, спрятанные в зале.

– Правильно, – улыбнулся Майендорфом. – Прошло столько лет, но я надеюсь, мы остались друзьями?

Опять неуверенный, трудный кивок.

– Вот и хорошо. Каковы твои успехи в учебе? Какую стезю ты выбрал на новой родине?

– Инженерное дело, – ответил справившийся наконец со смущением Алекс.

– Конкретнее? – поинтересовался классовый враг. – Что в инженерном деле особенно привлекает тебя?

– Полеты в межпланетное пространство.

Это неожиданное признание внесло легкий разлад в легкомысленный и доброжелательный

⁷ Звукозаписывающая аппаратура появилась в НКВД в конце 30-х годов.

настрой. Майендорф вмиг посерьезнел.

– Это интересно. Ты надеешься воплотить мечту в жизнь?

– Да. После победы пролетариата мы шагнем за пределы атмосферы.

– Причем здесь победа пролетариата? – удивился Майендорф. – В Германии тоже активно занимаются проблемами реактивного движения. Например, профессор Оберт.⁸

– Я знаком с его трудами, – сообщил Алекс.

– О-о, вы серьезный юноша. Крепко беретесь за дело. Чувствуется германская кровь. Послушай, Алекс, ты не хотел бы черкнуть несколько строк Магди?

Майендорф достал из внутреннего кармана ручку и почтовую открытку и протянул их Алексу.

Тот густо покраснел и решительно отказался.

– Простите дядя, Людвиг. Я совсем не помню Магдалену.

– О-о, эта мужская забывчивость! – засмеялся Майендорф. – А ведь вас называли женихом и невестой. Ну, как хочешь.

Алекс неожиданно нахмурился и начал прощаться. Поднялся и торопливо вышел.

Трущев отметил про себя, что молодой человек четко выполнил просьбу, переданную ему через отца Закруткиным – ничего не передавать Майендорфу, ничего не подписывать, ничего не брать в руки.

Майендорф с трудом скрыл разочарование и также аккуратно разложил по карманам ручку и открытку.

Они еще немного посидели со старым Шеелем и распрощались. На прощание Майендорф меланхолично заметил.

– Только Богу известно, когда мы еще встретимся, Альфи.

Сличение записи разговора, произведенное в областном управлении с представленным старшим Шеелем отчетом, ясности не внесла. Все материалы сходились текстуально – ничего подозрительного в них не было. Даже в Москве аналитики, прошедшие подготовку в спецотделе, разрабатывавшим сверхчувственные методы обнаружения истины, а также определение личностных характеристик по почерку и иным психофизическим данным, не обнаружили в рукописном тексте никаких потаенных смыслов, а также скрытой информации или инструкций вредительского характера.

После возвращения в столицу Трущев доложил Федотову о проведенных оперативных мероприятиях, а также о результатах проверки доноса Ефимова.

Тот внимательно выслушал молодого сотрудника, потом задал вопрос.

– Какой вывод, голубчик, можно сделать из вашего доклада? Нелицеприятный, голубчик! Врагу удалось переиграть вас! Если исходить из вашей версии, что Барон – скрытый враг, или точнее, агент глубокого залегания, чем вы можете объяснить эту встречу?

Николай Михайлович почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Действительно, что он мог предъявить начальству? Уверенность в том, что Шеель заранее знал о встрече и готовился к ней? Интуитивную догадку – у Шееля, возможно, был особый канал связи? Этого крайне мало. С какой стати в Берлине стали бы так явно светить своего агента? И есть ли вообще потаенный смысл во всей этой нелепой истории или все это выдумки его богатого воображения? Тогда почему начальство так вцепилось в этого барона?

– Разберитесь, голубчик, во всей этой путанице. Учтите, мы постоянно опаздываем с оперативными мерами. Враг все время идет на шаг впереди нас. Следовательно, нам тоже надо поспешить. Нам требуется как можно быстрее выявить нутро и успеть сделать ответный ход.

– Может, арестовать Шееля? – предложил Трущев, пытаясь уйти от ответственности.

⁸ Герман Оберт (1894–1989) – из пионеров ракетной техники. В 1938-40 проводил экспериментальные работы в области ракетной техники в Вене, а в 1940-41 в Дрездене. В 1941-43 инженер-консультант в Немецком военно-исследовательском центре в Пенемюнде. В 1943-45 инженер-консультант по разработке пороховых военных ракет на Вестфальско-Анхальтских заводах взрывчатых веществ. Один из основателей Немецкого общества ракетной техники и космического полета. В 1951 общество учредило медаль Оберта, присуждаемую за фундаментальные исследования и выдающиеся заслуги в области ракетной техники и космонавтики. В 1963 обществу присвоено имя Оберта.

В июне 1923 года за свой счёт Оберт издаёт книгу «Ракета для межпланетного пространства» (Die Rakete zu den Planetenräumen), переизданную позже в 1925, 1960, 1964 и 1984 годах.

Федотов, до того момента смотревший в бумаги на столе, вскинул голову.

– Пытаетесь уйти от ответственности? Не хорошо, голубчик. Вы же сами настаивали – изоляция Барона преждевременна. Что же заставило вас изменить мнение? Полагаете, под давлением он что-нибудь выложит? А если ему нечего выкладывать? Если мы гоняемся за заячьим хвостом. Николай Михайлович, вы работник молодой, а я отрубил в контрразведке восемнадцать лет и поверьте: наша задача – выявить нутро. Партия надеется, что вы справитесь с этой задачей. Надеюсь, мне не нужно напоминать вам, что партия не простит нам ротозейства.

Следующий вопрос начальника застал Трущева врасплох.

– Дочка молчит?

Николай Михайлович помедлил, потом молча кивнул.

– Что говорят врачи? – спросил Павел Васильевич.

– Острый шок. От страха потеряла дар речи. Терапевтическое лечение не помогает.

– Когда это случилось?

– Перед самым моим возвращением с Урала. Поздно возвращалась домой с катка. В подворотне пристал какой-то негодяй. Начал пугать каким-то Горын Горынычем. Света перепугалась и потеряла дар речи.

– Негодяя нашли?

– Так точно. Посадили по 58, пункт восьмой и десятый.⁹

Федотов вопросительно глянул на Трущева.

– Что, обнаружили умысел на теракт?

– Нет, товарищ старший майор. Преступник – местный пьяница Найденов. Он из бывших, как налижется, ко всем пристаёт. Просто на допросе он не смог объяснить, кто такой Горын Горыныч. Говорит, змей летучий. Его спросили, на кого намекаешь, гнида? Он ответил – ни на кого не намекаю, это образ такой сказочный. Ему тут же вклеили за контрреволюционную пропаганду, а умысел на теракт это довесок.

– Да, дураков у нас хватает... Говорят, в случае шока бывает полезен гипноз. Кстати, у нас есть такой специалист, врач Смирнов Николай Александрович. В конце двадцатых он выступал с сеансами массового гипноза. Может, слышал – работал под псевдонимом Орландо. Я попробую поговорить с ним, но на успех не рассчитывай. На нем сейчас висит спецлаборатория.

После паузы начальник КРО произнес подтвердившим голосом.

– Давай вернемся в Шеелю. Все личное отставить. Ищи ниточку, Николай.

Выйдя из кабинета, Трущев не удержался и вытер пот со лба, затем с горечью прикинул – ищи, говорит ниточку.

Где ее искать?

* * *

Вернувшись на рабочее место, Трущев раскрыл папку с материалами по делу Шееля и с ненавистью глянул на собранные здесь бумажки.

Что еще можно было выжать из этой груды изученных до последней запятой и проверенных до самых мельчайших фактиков документов?

В голове была сумятица. Перепуталось все – Шеель, Ефимов, Кудасов, Берия, Меркулов с Найденовым – все они зачем-то слились в шестиглавого, пышущего огнем змея.

Окатали пламенем.

Трущев даже вздрогнул. Из-под спуда, ни с того ни с сего всплыло лицо дочери. Света была ему неродная. С первого дня знакомства она называла его папой.

Скоро в школу, а девочка молчит, будто воды в рот набрала. Удивительно заботливая и не по годам рассудительная кроха. Раньше как было, придешь с работы, она обязательно напомнит – па-

⁹ 58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст.58-2 – 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы.

па, надень тапочки; папа, лежа не читают, можно испортить глаза.

Такая маленькая промокашка, а учит!..

В который раз Трущев перебрал уложенные в папку фотографии, перечитал справки, рапорты наружки, донесения, записи опросов свидетелей, – все, что было собрано о Шеелях, якобы с самыми добрыми намерениями приехавшими в Советский Союз. Все одно и то же: не состоял, не присутствовал, не замечен, анекдотов не распространял, в общественных мероприятиях принимал самое активное участие. С лопатой в руках, невесело пошутил про себя Трущев. Фотографии, собранные в папке, тоже нахально помалкивали.

К каким только врачам Свету не водили, все только руками разводят. Советчиков тоже хватает, особенно по месту службы. В парткоме обещали помочь. Федотов тоже – вспомнил об Орландо-Смирнове! К Смирнову вообще не подступиться, его курирует Абакумов. Говорят, собирается жениться на его дочери. Вот так всегда – в одном ведомстве трудимся, одной идее служим, а помочь нельзя. Спецлаборатория, видите ли, на нем висит! Секретность!..

Николай Михайлович, будучи еще совсем молодым членом партии, не удержался и в сердцах проклял тот день, когда он согласился перейти на предложенную инструктором Московского горкома интересную работу. Отчего он не поступил в военную академию? Сейчас бы ходил с наганом в кобуре. Оружие очень прибавляет мужчине росту.

Проклял и машинально глянул по сторонам – не услышал ли кто из коллег, сидевших поодаль? В просторной комнате их было семь человек, каждый на достаточном расстоянии друг от друга. Вроде бы тихо, и кто, скажи на милость, способен проникнуть в чужие мысли и проверить, в какой форме и в чей адрес они направлены. Николай выругал себя за отсутствие выдержки и ехидно поинтересовался – как насчет «не может быть!», которое он уловил в Краснозатонске? Тоже, скажешь, не было?

...Очень куцый хвост у этого барона, никак не ухватишь.

Трущев рьяно потер виски – что ж ты, комроты? Где пулеметы? Где батареи?.. Что у нас есть? Версий две – либо Шеель враг, либо свой в доску товарищ. Разгадка в этой злополучной встрече. Тут он поймал себя на мысли – не слишком ли большое значение он придает этому в общем-то пустяковому факту. Что, по большому счету, может означать эта встреча как не уловку с целью сбить с толку повисших на хвосте у Майендорфа чекистов. Слишком броско, нараспашку. Все ждут – сейчас что-нибудь случится! Сейчас они обменяются донесениями, паролями, взрывными устройствами и черт знает чем еще. Руководство склонялось к версии компрометации Шееля, чтобы другим баронам было неповадно помогать большевикам.

Молодой опер в который раз перебрал ненавистные бумаги.

Тут его и кольнуло – почему на хвосте у Майендорфа? Почему не на хвосте у Шееля?!

Он затаил дыхание, резво потер виски. Действительно, почему все уверились, что главная фигура во всей этой интриге – Майендорф? Почему не Альфред Максимилианович? Что, если с помощью Майендорфа он попытался избавиться от повисших у него на хвосте чекистов? Как иначе Барон мог расценить предложение Ефимова стучать на сослуживцев? Откажешься – значит, не искренен, согласишься – потом не отвяжутся. Лучшим громоотводом в этом случае мог бы послужить Майендорф. Такой удобный случай доказать свою искренность Шеель не мог упустить.

К тому же он имеет весомую поддержку в облтресте и даже в наркомлесе, и если кому-то придет в голову отдать приказ изолировать его, он должен будет учитывать, что о Шееле известно в Москве, и за него спросят.

И крепко спросят!

В таком случае ни о какой компрометации Шееля речи не идет, и Альфред Максимилианович – враг. И матерый!.. Следовательно, за десять лет в Советском Союзе он не мог не наследить. Тогда где эти следы? В биографии, в послужном списке. Выходит, ты один такой умный, а все остальные лопухи? Выходит, грош цена всем этим справкам, опросам, докладным, фотографиям, отчетам и прочей макулатуре? Трущев осадил себя – вовсе необязательно. Просто каждым случаем занимались разные следователи, от них требовали результат, и побыстрее. У них просто не было ни времени, ни возможности расширить угол обзора.

О ком еще упоминал Майендорф во время встречи на вокзале? О каком-то Мессинге? Кто такой Мессинг?

В списке рассылаемых запросов Трущев первым поставил этот вопрос. Чекистское чутье подсказало – фамилия сомнительная, род занятий неясен, какие-то «психологические опыты». Как

будто чуял, что в дальнейшем его ждет встреча с этим странным человеком. Удивительно, первый ответ он получил именно на Мессинга. В справке сообщалось – есть такой чудак, в начале Второй мировой войны перебежавший из Польши в СССР. Род деятельности – артист, приписан к Брестской филармонии, однако какой-то странный артист. Скорее, циркач... Во время представления берется «угадывать человеческие мысли». Одним словом, то ли мошенник, то ли шарлатан, спекулирующий на «тайнах человеческой психики». В настоящее время живет и работает в Белоруссии, имеет разрешение выступать с концертами. Никаких контактов с интересующими Трущева людьми у него не было.

На следующий день его вызвал Федотов.

– Нарыл что-нибудь?

Спросил доброжелательно, но это – сердце подсказало Трущеву – была последняя доброжелательность, какую мог позволить себе Федотов.

Он отрицательно покачал головой, сообщил, что сделал запросы в связи с тем, что наметился новый подход к делу Шееля.

– Какой, – поинтересовался Федотов.

Трущев объяснил – возможно, главной фигурой во время встречи старых друзей является вовсе не Майендорф, а Шеель. Если да, то следует более тщательно покопаться в его биографии. Начальник ничем не выразил своего отношения к этой идее. Сказал как бы между прочим.

– Иди, работай.

Вернувшись на рабочее место, Николай Михайлович для начала еще раз прошелся по биографии Шееля. Тот за девять лет сменил три или четыре места работы.

Три или четыре?..

Первое в Верещагино в Пермской области, второе в Первоуральске, третье – Пермь, затем Свердловск. Наконец, Краснозатонск.

Получается пять...

Он отправился в архив, попросил подобрать ему дела о поджогах за тридцатый – тридцать девятый год.

Первым ему принесли дело о пожаре на крупной лесопильне в Перми, обеспечивавшей деревянными конструкциями строительство авиационного завода № 84. Предприятие сгорело дотла, летом, в самую сушь.

Комиссия наркомата сделала заключение – имел место «виртуозно» организованный поджог. Трущев просмотрел состав комиссии. Глаз наткнулся на знакомое имя – Шеель А. М. Николай Михайлович вернулся к более ранним документам и обнаружил, что во время строительства Шеель исполнял обязанности главного инженера, фактически начальника этой стройки. Он же был ответственным за наладку оборудования. После ввода лесопильни распоряжением наркомлеса его направили в Свердловск. Пожар на прежнем месте работы случился, когда его уже полтора месяца не было в Перми.

Трущев почесал затылок – вредителей и замаскировавшихся троцкистов уйма, а причину возгорания найти не удалось, а ведь НКВД вплотную занималось этим делом. Было задержано около двух десятков человек. Особое внимание привлек следующий факт – из девяти подозреваемых, взятых по этому делу, восьмерых выпустили на свободу за недоказанность вины, правда, под негласный надзор местного райотдела. Девятый все-таки получил срок – за день до катастрофы его видали на работе выпившим.

Просмотрев протоколы допросов и, прежде всего, ответы несчастного пьяницы, Трущев обнаружил, что всем был задан вопрос об их связи с Шеелем и возможности его участия в преступной акции, однако подследственные не могли припомнить ничего такого, что могло бы скомпрометировать Барона. Даже матерый вражина, в пьяном виде разгуливавший по лесопилке, решительно отверг всякую связь с «понаехавшими буржуазными спецами». Да, с Шеелем общался, но исключительно по служебной надобности, что могут подтвердить коллеги. На вопрос, не мог ли сам Шеель организовать поджог, обвиняемый ответил – хрен его знает! Затем подумав, добавил – врать не буду, но вряд ли. Этот немецкий проныра всегда старался быть на виду. Он бы не стал доверять этому двурушнику, но и возводить напраслину не хочет. Такая искренность, впрочем, не помогла ему избежать заслуженного наказания.

Что в Свердловске?

Та же самая история – теракт. Сгорела крупная лесопилка. Возведение цехов Уралмашзавода оказалось сорванным на месяц. Самое интересное, что и там Шеель во время строительства исполнял обязанности главного инженера. Более того, он также входил в состав комиссии, направленной наркоматом установить причину происшествия. Мнение Шееля однозначно – поджог. Вот и запись в акте. В ней сказано, что поджог опять же был «организован виртуозно». В чем же заключается виртуозность? (Словечко-то подобрали, черт их дери!) Ага, вот и разъяснение – «способ поджога не установлен».

Материалы по Верещагино и Первоуральску оказались ошеломляющими! Оказалось, что и здесь произошли пожары и тоже спустя несколько месяцев после окончания стройки и отбытия А. М. Шееля с места происшествия. Фактом можно было считать, что все предприятия, а также мебельная фабрика, на которых трудился Барон, сгорели подчистую.

Вот тебе и пулеметы!

Сам собой напрашивался вопрос – почему никто не обратил внимание на схожесть сценариев?

Ответ – во-первых, каждый раз поджоги происходили в отсутствие Шееля. Во-вторых, по указаниям из Москвы Барону приходилось участвовать в экспертизах, изучавших причины возгорания в самых различных местах, даже там, где он никогда не работал. Между прочим, в Первоуральске, Верещагино и Свердловске алиби Барона было надежно проверено – оно оказалось безупречным. В Перми ограничились запросом по новому месту работы Шееля. В ответ кратко сообщалось, что по имеющимся сведениям Барон никуда не отлучался, однако в справке не было указано, где в тот день находился старик. Тем не менее, регулярность возгораний, а также результаты экспертизы, утверждавшей, что имели место «виртуозно организованные» поджоги, наводили на мысль – враг не дремал.

Факты подтверждали это.

Трущев помчался к Федотову, и, описав общую схему происшествий, выразил уверенность в несомненной связи всех этих случаев с деятельностью Шееля, однако, как откровенно признался молодой оперативник, ему так и не удалось крепко схватить Барона за хвост. Уж больно куций.

– А ты как хотел? – усмехнулся Федотов. – У них, голубчик, дураков не больше, чем у нас. Что ты предлагаешь?

– Немедленно арестовать Шееля!

– Ишь, какой прыткий! – усмехнулся Павел Васильевич. – На каком основании? Где факты? Участие в комиссиях? Или ты считаешь фактом, что Барон работал на всех этих объектах? Я готов согласиться, что в твоих словах есть смысл. Готов согласиться и с тем, что отсутствие улики – это наша недоработка, однако беда в том, что ты слишком узко смотришь на это дело. Правда, это тоже полбеда, – он сделал паузу, снял очки, протер их, вновь водрузил на нос и остро глянул на Трущева. – Беда в том, что Шеель на допросах молчит.

Перехватив изумленный взгляд Трущева, Федотов кивком подтвердил.

– Да-да. В Краснозатонске проявили инициативу и для профилактики изолировали старика. В управлении Ефимова поддержали. На всякий случай! Барона допросили, он ни в чем не признался, и я больше чем уверен, что и не признается. Или ему не в чем признаваться. Знаешь, что вышло из этой инициативы? Областное партийное руководство обратилось в ЦК с предложением – если на старика нет ничего реального, надо дать ему доработать. Без него такой важный объект как фанерная фабрика вовремя не вести в строй. Ты, партиец, как к этому относишься?

– Положительно, – признался Трущев, затем задал вопрос. – А если он исхитрится и попытается сжечь фабрику?

Павел Васильевич поднял указательный палец.

– Во-от! Это и есть момент истины! В чем наша задача? Хватать и не пущать? Нет, Трущев, не этого ждет от нас партия. Наша задача, Николай Михайлович, прежде всего обеспечить социалистическое строительство. Кадры решают все. Как, впрочем, и темпы. Если Шеель враг, он безусловно попытается воспользоваться ситуацией. А для того, чтобы ею воспользоваться, он будет землю носом рыть, чтобы доказать свою лояльность, чтобы притупить нашу бдительность. Только в этом случае можно в нужный момент нанести смертельный удар. С этой точки зрения, его арест – это грубейшая ошибка, я уже доложил наверх свое мнение. Наша работа как раз в том и заключается, чтобы предотвратить этот удар. Или укус. Что мы можем на данный момент противопоста-

вить Шеелю? Ничего. У нас нет неопровержимых, убойных фактов.

Пауза, вздох, признание.

– Наркома вызывали в Кремль. Срок – две недели. Либо наркомат представит факты на Шееля, либо кое-кому худо придется, но я сейчас не о возмездии. Наша главная задача – обеспечить ввод предприятия в строй и не допустить никаких пожаров. Ясно, голубчик?

Когда деревянный Трущев приблизился к двери, Федотов его окликнул.

– Подожди, вернись.

Когда Трущев вернулся, Федотов поделился с ним.

– Шееля возьмат на работу прямо из следственного изолятора. Этот момент меня особенно беспокоит – он вроде бы и под надзором и в то же время на территории стройки за ним очень трудно уследить. Не этой ли ситуации добивался Барон? Что там по Мессингу?

– Никакой связи. Этот факир, провидец или фокусник, я так толком и не разобрался, живет в Белоруссии, ездит с концертами, помогает организовывать колхозы.

– Хорошо, голубчик.

В этот момент зазвонил телефон. Федотов подошел и взял трубку, затем доложил – так точно – и, положив трубку, сообщил.

– Нарком вызывает.

* * *

Здесь Михалыч предложил сделать перерыв и попить чаю.

Мы сидели на веранде добротного садового домика, последнего в ряду таких же строений, расположенных на территории садового кооператива. За проволочной оградой начиналась березовая роща. Был сентябрь, с деревьев сыпался лист, и присевшее солнце, дробя лучи, заглядывало на веранду – искало себя в отражении бликующего самоварного бока. Близкая тишина, табачный дух, притихший самовар, осевшее солнце – все было пропитано ожиданием слов, в звуках которых оживала родная история, одна на всех. Это ощущение причастности, пронзительной возможности отыскать – во что не верилось, но хотелось верить, – согласие с прошлым, а следовательно, и с будущим, приманивало сильнее, чем любые, пусть даже самые аппетитные материалы, которыми время от времени нас потчуют телевидение и прочие средства массовой информации.

Николай Михайлович принес альбом с тусклыми, пожелтевшими фотографиями. Что можно было разглядеть на этих отметинах истории? Прежде всего в глаза бросилось милое создание в светлом платье. На обороте надпись: «Светочке семь лет». Громадные банты, четкий пробор посреди головы. Затем Света в школьной форме – темное платье, белый фартук, – уже будущая красавица. Внизу дата: «1943 г.».

Николай Михайлович подал голос.

– В первый раз надела школьную форму. Ее как раз только что ввели.

Наконец, девушка-парашютистка. Ее сфотографировали в тот самый момент, когда, приставив ладонь к глазам, броско красивая девушка разглядывала небо. От этой груды фотографий густо пахло временем.

Я вернул снимки.

Николай Михайлович, глядя в сторону разлинованного розовыми облаками края вселенной поделился.

– Приду домой, Светочка тащит книгу с картинками и показывает пальцами – почитай! Потом на буквы показывает. Я ей объясняю – это «А», а это «Б». Мы с ней за полгода научились по нему разговаривать.

Николай Михайлович собрал фотографии, сложил их в альбом и закурил. Сигареты он хранил в прекрасно отделанном серебряном портсигаре. Заметив мой взгляд, он передал мне портсигар, чтобы я мог полюбоваться раритетной вещицей.

– Награда, – добавил он. – За добросовестную службу... От самого Палыча.

Портсигар действительно был классный, увесистый, с изящной резьбой на крышке, изображавшей сцену охоты – охотник вскинул ружье и целится в пролетающих мимо уток. Я пересчитал уток – их было пять, испуганных, готовых метнуться в разные стороны. Ожидание смертельного выстрела было передано точно и впечатляюще.

Я вернул портсигар.

– Берия как обычно был краток и груб. Сначала матерно выразился в том смысле, что больше не допустит разгильдяйства. Он спросил, отдаем ли мы себе отчет в политической остроте момента? Затем предупредил, ни партия, ни чекисты не потерпят в своей среде ротозеев. После чего кратко объяснил суть задания. Мне было приказано немедленно лететь в Пермь и выявить нутро этого Шееля.

– Вам, Трущев, будут даны все полномочия! – предупредил Лаврентий Павлович. – От вас, Трущев, ждут рэзултат.

Вот и весь разговор.

Вернувшись в свой кабинет, Федотов разъяснил, что мне будет предоставлен самолет и чтобы не позже завтрашнего дня я был в Перми и не позже завтрашнего вечера доложил о том, что сделано.

Предваряя мой вопрос, Николай Михайлович спросил.

– Почему именно Пермь? – и сам ответил на него. – Начать с Перми, как и отправить меня в командировку таким экзотическим способом, предложил Федотов. Это Павел Васильевич дал направление поиску. Он же подсказал, где следует искать улики, при этом кратко пояснил свою мысль – хуже всего следствие было проведено в Перми, следовательно, там должно быть больше всего зацепок. Ищи, голубчик! Докладывать будешь два раза в сутки – до десяти ноль-ноль и после двадцати трех ноль-ноль.

Выходит, Федотов успел за ночь просмотреть все прежние дела о поджогах?..

Мы еще раз обсудили порядок действий. На прощание Федотов неожиданно обратил мое внимание, что судьба наградила меня малым ростом, следовательно, я имею важное преимущество в оперативной работе.

– Сначала к коротышкам относятся несерьезно, – поделился он собственным опытом. – Но если такой мальчик-с-пальчик сумеет дать отпор и показать зубы, его будут остерегаться куда сильнее, чем какого-нибудь громилу. Воспользуйтесь этим преимуществом, голубчик.

Глава 3

Николай Михайлович погрузился в воспоминания.

– Это было удивительное путешествие. Мне впервые посчастливилось летать по небу. Не скрою, сначала была опаска, но мне страсть, как хотелось, сказку сделать былью. Самолет, на котором я должен был отправиться в далекие края, был неказистый – учебный У-2, однако ждавший меня летчик оказался опытным пилотом. Я человек без суеверий, но и меня взяла оторопь, когда услышал его фамилию – Поджигайло. Не иначе, это был знак свыше. Оглядев меня, доставленного на «эмке» на Центральный аэродром, он сделал настораживающий, я бы сказал, подозрительный, вывод – не жалеет ваше начальство молодых сотрудников. Я попытался добиться ответа, откуда такое неверие в руководство НКВД, однако Поджигайло не обратил на мои вопросы никакого внимания – отмахнулся и пригласил в подсобку. Там приказал снять шинель, затем подобрал ватные штаны, полушубок и летный шлем – все это позаимствовал у своих друзей-пилотов. Заставил все это примерить, затем приказал плотно застегнуть ремешки. Перед тем как занять место в кабине предупредил – в кабине не дурить и не пачкать. Также запрещалось петь, обращаться с идиотскими просьбами – например, можно ли курить в полете? – а в случае воздушной ямы «даже не пытайся вылезти из кабины, а то я тебя сам выброшу».

Эти распоряжения вовсе не были пустыми словами, а за то, что Поджигайло позаботился одеть меня в теплое, я вовек буду благодарен ему.

Было начало весны, и холодрыга на высоте оказалась зверская!

Насчет движения в воздушном пространстве могу отметить, – это чудо. Мне хотелось петь, но помня приказ Поджигайло – «не дурить!», я не отважился нарушить его.

Более возвышенного наслаждения я в своей жизни не испытывал, хотя в первые минуты полета мне то и дело становилось жутко, особенно когда машина вдруг проваливалась вниз и желудок подступал к горлу. Спасала мысль, что, вопреки мнению Поджигайло, с которым попозже следует основательно разобраться, мне повезло с начальником. Оказывается, Федотов сам допер, где искать факты. Это резко добавляло энтузиазма. В полете я испытал незабываемый восторг – враг решил сжечь наши лесопилки!? Так не бывать этому!

Эй, комроты, даешь пулеметы!..

Мы вылетели ночью. Наша советская земля сверху выглядела пустыней, через которую очень редко пробивались редкие огоньки. К утру прибыли в Ижевск, там дозаправились, Поджигайло передал спецпочту, и снова в небо. В Пермь¹⁰ прилетели под вечер и, если бы не воспитанная с детства привычка исполнять приказания, я бы не решился настаивать на связи с Москвой.

О чем было докладывать? О радостях полета? О том, что на прямой вопрос – почему Поджигайло считает, что мое начальство не жалеет сотрудников, тот дал странный, я бы сказал, подозрительный, ответ – «потому что ночной полет не время для полетов».

На прощание летчик похвалил меня.

– А ты, Трущев, молодец. Хорошо, что кабину не облевал!..

От такого рода похвалы мне стало не по себе. Я даже Тане никогда не рассказывал о первом полете. Тебе первому.

Ладно, проехали...

Федотов оказался прав и в том смысле, что начальник местного управления НКВД при виде посланца из Москвы особой радости не испытал. Чем бы ни закончилась моя миссия, но если я что-нибудь раскопаю, ему по любому могло влететь за поверхностно проведенное расследование, пусть даже проведено оно было при прежнем начальнике управления, у которого он был заместителем.

Глянув на меня, он, по-видимому, решил, что такого коротышки опасаться нечего, и сразу начал настаивать, чтобы к расследованию подключились его люди. Я отказался и попросил связать меня с Москвой. Старший майор попер на меня – о чем докладывать, поработай сначала под руководством моего зама по контрразведке, тогда и доложишь! Пришлось настоять на своем – настоять решительно, чего местный начальник никак не ожидал от недомерка с петлицами младшего лейтенанта.

При телефонном разговоре с Федотовым он не присутствовал, но, полагаю, ему сразу донесли – московский гость сообщил своему начальнику, что встретили его в высшей степени гостеприимно (что было враньем), местные товарищи пообещали помогать во всем, что потребуется для выполнения задания Берии (чтобы защитить свои задницы). Услышав о Пальче, старший майор сразу сменил тон, и мы втроем, включая его заместителя, не взирая на позднее время, засели за разработку плана мероприятий.

Я до сих пор поражаюсь чутью Федотова, отправившего меня именно в Пермь, а не в Свердловск или, скажем, в Краснозатонск, где казалось бы происходили главные события. Это был гений контрразведки. В то время других и не держали.

Что касается профессионализма...

В Перми я впервые столкнулся с присущим работникам на местах дремучим непониманием методов работы спецслужб, в первую очередь, на фронте борьбы со шпионажем. Местные чекисты мало того, что действовали неповоротливо, – хуже, что, осуществляя оперативные мероприятия, они до сих пор вдохновлялись призывами прежнего наркома: «ищи врагов чутьем», «подозреваемых немедленно в «ежовые рукавицы». Одним словом, «не умением, а числом». В этом я убедился, когда в половине пятого утра – за окном еще была тьма-тьмушья! – мне доставили первого свидетеля из тех, кто проходил по делу о поджоге.

Задержанный Фельдман держался с достоинством, но было видно, что мысли его крутились где-то очень далеко от существа нашего разговора. Как ни старался, он не смог припомнить ничего интересного и постоянно заверял «гражданина следователя», что мало что знает, а если бы что-то знал, сразу бы доложил начальству. Да, он первым поднял тревогу. Да, активно участвовал в тушении пожара. Да, не снимает с себя вину за ротозейство, но, помилуйте, я же сразу примчался на лесопилку. Это могут подтвердить все, кто участвовал в тушении пожара. Гражданин начальник, – Фельдман прижал руки к груди – я поднял всех, но в чем моя вина, если Маша Еремина в ту ночь была отвезена в роддом, где и родила мальчика весом четыре килограммов двести граммов. По этой причине она никак не могла участвовать в организации поджога.

Я уставился на него как на умалишенного. Мы вот так (Трущев изобразил такого лопуха, что я не удержался от улыбки), как сейчас, сидели и пялились друг на друга. В этот момент зазвонил

¹⁰ Этому древнему городу еще с полгода оставалось называться своим исконным именем. В 1940 году его переименовали в Молотов, каким он и оставался до 1957.

внутренний телефон – привезли следующего по списку, сторожа Берендеева, дежурившего в ту ночь, когда сгорела лесопилка. Куда его?..

Я попросил дежурного поместить Фельдмана в свободную комнату и приказал доставить Берендеева.

Этого и спрашивать ни о чем не надо было. Услышав о пожаре, он с готовностью предложил свои услуги и с неожиданным слезливым остервенением покаялся, что у него все внутри закипает, когда он видит, сколько еще троцкистов и двурушников прячется по темным углам. Они не брезгают даже пивной, куда Берендеев часто захаживает с «наблюдательными целями».

Что он может сказать насчет пивной?

Берендеев наклонился ко мне, как бы устанавливая более доверительные отношения со следствием, и, цыкнув зубом, доложил.

– Гражданин следователь, в пивной на улице Карла Маркса... – он, привлекая мое внимание к названию улицы, поднял указательный палец, – разбавляют пиво!

Затем многозначительно подмигнул, словно я должен был сам догадаться, чем грозит власти рабочих и крестьян такого рода вредительство.

– Я докладывал в инстанции, но там не реагируют...

Еще один намек с подмаргиванием – мол, сам догадайся, где прячутся недобитые троцкисты и двурушники. Затем Берендеев начал закладывать всех подряд – и тех, кто принимал участие в тушении, и тех кто не принимал. Последние, по смыслу его рассуждений, как раз и являлись поджигателями, особенно эта блядь, Машка Еремина, которая замаскировалась в роддоме. А ведь обществу до сих пор неизвестно, кто является отцом ребенка.

Если кому-то эти бредни покажутся юмором и сатирой, вроде «нарочно не придумаешь», – он ошибается. В словесном поносе, который буквально хлестал из Берендеева, отчетливо слышался истошный, беззвучный вопль перепуганного насмерть человека. Стоило мне упомянуть ту или иную фамилию, как он уже был готов выложить всю подноготную этого присмиренца или пособника.

Я растерялся. Я не знал, что делать? Как достучаться до сознательной деятельности их ума, до верности идеалам, до патриотизма, наконец?

Третьего ввели в кабинет на рассвете, он явился с узелком в руках. Губы у Крузенштерна Аскольда Петровича подрагивали. Приглашенный сесть, он сразу заявил, что ни в чем не виноват, потом внезапно осмелев – или обнаглев, – поинтересовался, сколько ему светит и что он должен сделать, чтобы уменьшить срок.

– Вы собственно о чем ведете речь? – спросил Трущев.

– О заслуженном наказании, – трагически вымолвил Крузенштерн и торопливо добавил. – Но я ни в чем не виноват!

– Вы, вероятно, не поняли – никто вас не арестовывал. Вас просто пригласили на беседу.

– И я о том же! – горячо подхватил Аскольд Петрович.

В следующий момент меня буквально обожгла волна страха, которая хлестала из недр этого обезумевшего человека, который в тот момент более всего переживал о собственных детях. Как им придется без отца, если органы возьмут также и мать?

Я не выдержал и пристукнул ладонью по столу.

– Прекратить!

Позже я научился так лупить по столу металлической линейкой, что кое-кто из подследственных не без потери сознания валился на пол, но в тот момент я буквально растерялся. Что делать? Как выявить истину? Через пару часов у меня связь с Москвой. Что я буду докладывать?

Крузенштерн, притихший и обмякший, сидел тихо – руки на коленях, в глазах страх и отчетливое желание рассказать все, что знает. Ни следа дерзости или попыток обмануть следствие.

– Скажите, Аскольд Петрович, – начал я, – какое отношение к вам имеет Иван Христофорович Крузенштерн?

– Что?! – встрепенулся Аскольд Петрович.

Среагировав на имя и отчество, он сразу съезжился, обмяк и, как бы о чем-то догадавшись, с некоторой грустью подтвердил.

– Это мой прапрадед по отцовской линии. Он – единственный адмирал в нашей семье, но это было давно, в девятнадцатом веке. Мой дед, мой отец и я сам всегда верили и верим в мировую

революцию.

– При чем здесь мировая революция?! Я веду речь о великом патриоте, заслужившем благодарность всего прогрессивного человечества за открытие Антарктиды. Ведь это ваш прапрадед открыл Антарктиду?

Задержанный кивнул.

Я спросил.

– Зачем вам узелок?

– Но как же?..

– Вас никто не арестовывал. И не собирался арестовывать!

Он против воли усмехнулся, и эта усмешка натолкнула меня на мысль.

Я целенаправленно повел атаку.

– Повторяю, вас никто не арестовывал и не собирался арестовывать. Вас пригласили на беседу, и если вы не готовы к разговору, можете вернуться домой. Когда за вами пришли, вы чем занимались?

Крузенштерн крупно, сухо сглотнул.

– Спал... умывался... зубы чистил.

– Вот возвращайтесь и дочистите зубы, затем доешьте свой завтрак и отправляйтесь на работу. У меня единственная просьба – не надо никому рассказывать о нашем разговоре. Даже самым близким людям.

Еще один судорожный глоток.

– Так значит я не арестован?

– Нет.

– Тогда, гражданин следователь, зачем я здесь? Да еще в такую рань?..

Я объяснил, что меня в деталях интересует все, что произошло на предприятии до пожара, во время тушения пожара и после, и что он сам думает по этому поводу.

– А теперь можете возвращаться домой.

С тем и отпустил.

У порога, отшатнувшись от вошедшего конвойного – кобура у него была многообещающе расстегнута – Крузенштерн поинтересовался.

– И это все?

Я кивнул.

– Я понимаю, – оживился Аскольд Петрович. – Я очень хорошо понимаю ваш интерес, но мне трудно вспомнить. Хотя вспоминать... – он болезненно поморщился, – не хотелось бы.

– Аскольд Петрович, в этом деле выявились некоторые странности, которые нам надо обязательно прояснить. И срочно!

– Если вы полагаете, что я капризный мальчишка и не понимаю, что ваш интерес не мог возникнуть на пустом месте, вы ошибаетесь. Поймите, мне нельзя сейчас возвращаться домой! Если вы или ваши товарищи еще раз вот так, на рассвете, пригласят меня на беседу, боюсь, у жены сердце не выдержит. У нее большое сердце.

Он решительно вернулся, сел на стул и заявил.

– Спрашивайте!

Я отослал конвойного.

Мне повезло с Крузенштерном. Аскольд Петрович оказался достойным своего знаменитого предка, в трудных условиях кругосветного путешествия не проморгавшего туманные берега Антарктиды. Это был внимательный и соображающий свидетель. Прежде всего, с его помощью я составил поминутную хронологию возгорания.

Понятно, что я ни словом не обмолвился о направленности моего интереса, однако Крузенштерну хватило соображалки учуять, откуда ветер дует. И, как оказалось, этот вопрос тоже интересовал его. Ему было крайне важно – он сам признался в этом – докопаться до истины, так как только в этом случае с него будет сняты всякие подозрения и он сможет жить в покое. Относительно, конечно. Но в том положении, в котором он оказался, ему несдобровать. Рано или поздно за ним придут – «это было ясно как день», заявил он. Любой сбой, любая поломка, любой срыв производственного задания может стоить ему жизни.

Это была суровая истина. Я был обязан учитывать ее.

Крузенштерн был убежден, что поджог воистину был виртуозно организован. Его уверен-

ность основывались на том, что возгорание возникло внезапно и с такой силой, что, скорее всего, кто-то очень постарался, чтобы огонь возник в нужное время в нужном месте. Насчет этого «кого-то» его мнение сводилось к тому, что только двум-трем сотрудникам, имевшим полномочия появляться на объекте в любое время и устраивать проверки, хватило бы знаний и умения спланировать поджог заранее. Представлял загадку сам метод поджога. Как изобретателя и руководителя группы рационализаторов его очень интересовала техническая сторона вопроса. (Именно этот интерес оказался решающим доводом для привлечения его к ответственности). В вину пьяницы Иванова он не верил – кишка тонка.

Бомба? Вряд ли, был бы взрыв. Использование жидких горючих материалов? Сомнительно. Их не спрячешь, с ними много возни, к тому же это не объясняет такую длительную задержку во времени, на какую вы, «гражданин следователь, негласно намекнули».

Я поправил его – товарищ следователь.

Потомок великого адмирала несколько секунд пережевывал эту невероятную новость. У него сразу прибавилось и жара и логики.

В ту ночь дежурили два сторожа – Берендеев, стоявший на проходной, и Новожилов, совершавший обход территории. Новожилов поднял тревогу и, по словам Берендеева, первым бросился тушить быстро распространявшееся пламя. Застигнутый огнем, он не сумел спастись. Возле его обгоревших останков нашли изуродованный баллон огнетушителя.

Я вновь вызвал Берендеева. Строго предупрежденный о наказании за дачу ложных показаний, он в целом подтвердил показания Крузенштерна. Затем я приказал увести Берендеева и доставить Фельдмана. Доставленный Фельдман сделал важное уточнение – огонь, вначале слабый, затем, вдруг разгулялся с такой невероятной силой, что спасти лесопилку оказалось невозможно. Более того, он поставил под сомнение утверждение Крузенштерна о том, что взрывное устройство можно исключить. Свою точку зрения он подтвердил тем, что взрывные устройства бывают разные. Например, существуют такие, с помощью которых можно разбрызгать горючую смесь. В этом случае хлопок услышать практически невозможно. К тому же Берендеев признался, что слышал что-то подобное, будто кто-то сильно ударил лопатой по грудке опилок. Сторож решил, что это Новожилов, а что было на самом деле, Создатель знает.

Фельдман, упомянув о Создателе, осекся и испуганно уставился на меня – не припишу ли я ему религиозную пропаганду? Я сделал вид, что не услышал его в его призыве контрреволюционных намеков...

Далее Трущев предупредил меня, своего соавтора – все дело в воспитательной работе. Если вы, молодые, будете плохо вести воспитательную работу...

И прочее, прочее, прочее!

Его понесло.

Мне не сразу удалось вернуть его к сути происходившего в следственном изоляторе Пермского УНКВД.

Призванный к продолжению рассказа – или отчета, как хотите, – он включил свет на веранде, затем вернувшись за стол, удивился.

– Причем здесь изолятор?! Утром вместе с Фельдманом и Крузенштерном я отправился на объект. Пока знакомился с территорией отстроенной заново лесопилки, туда примчались директор и главный инженер. В результате мне удалось отыскать массу свидетельств правильности показаний начальника техотдела Крузенштерна и заведующего производством Фельдмана.

Однако причина пожара по-прежнему ускользала от меня. Все специалисты в один голос предполагали обширное и мощное разбрызгивание горючей смеси, но как, каким образом – подсказать не могли.

Свет во тьме мелькнул, когда я просмотрел оперативные материалы. Оказывается, спустя несколько дней после отъезда комиссии найденный рядом с погибшим Николаевым огнетушитель, вернее то, что от него осталось, был отправлен на экспертизу. Специалисты из Москвы не исключили возможность, что в этот огнетушитель была залита горючая жидкость, скорее всего, бензин. В Пермском управлении не стали поднимать шум, потому что никто не хотел брать на себя ответственность за халатность при обыске на предприятии. Этот предмет внесли в список вещественных доказательств и о нем забыли. Еще большей удачей можно считать, что в одной из папок я отыскал сообщение о том, что во время оперативных мероприятий удалось отыскать свидетеля,

который в ту роковую ночь видел возле лесопилки неизвестного человека.

Это открытие потянуло за собой цепочку неопровержимых фактов.

Свидетель оказался путевым обходчиком на железной дороге, проходившей в полусотне метров от лесопилки. Он утверждал, что за полчаса до возгорания приметил фигуру, спрыгнувшую со сбросившего скорость товарняка и двинувшуюся в сторону лесопилки. Идентифицировать этого человека обходчик не смог.

На всякий случай я предъявил свидетелю снимок Барона. Тот повертел фотографию и пожал плечами.

– Не-е, это мне уже показывали. Это не Шеель, я его знаю. Спрыгнувший был с усами.

Я не дал волю победным чувствам. Не торопясь отыскал в портфеле хорошо увеличенный и подретушированный портрет барона Шееля Альфреда-Еско Максимилиана. Он был изображен на субботнике, вид довольный, под носом усики.

Обходчик сконфузился, затем неловко кивнул.

– Он!

Итак, ночью, за несколько минут до начала пожара Альфреда Максимилиановича видали возле места происшествия. Спрыгнув с товарняка, он направился в сторону лесопилки.

Время было позднее, но я тотчас отбил донесение Федотову с кратким отчетом о результатах проделанной работы и предложением немедленно изолировать Шееля, а также проверить все огнетушители на фанерной фабрике в Краснозатонске.

Ответ пришел утром следующего дня.

«Немедленно вылетайте Краснозатонск. Федотов».

* * *

Кудасов лично встретил Трущева на обширном выпасе неподалеку от города. Для середины апреля в тех местах стояла на удивление жаркая погода. Снег уже сошел, поднялась трава, сбегавшиеся на поле местные мальчишки разогнали коров, так что Поджигайло, совершив круг над городом, приземлился героически, без помех. Кудасов, с трудом пробившийся через толпу, сбравшуюся поглазеть на первый приземлившийся в этих местах аэроплан, по пути в райотдел, лавируя по непролазной грязи, рассказал.

– Ориентировка из управления пришла под утро. Меня в городе не было, выезжал в район, так что дежурный разбудил Ефимова. Тот не нашел ничего лучше, как в четыре часа утра вызвать Шееля на допрос из камеры. Усек? Начал стращать старика «фактом огнетушителя», потребовал – признавайся, враг, тебе же лучше будет. Барон спросонья только плечами пожал и заявил, что никакого отношения «ко всякого рода огнетушителям» не имеет и в свою очередь потребовал объяснений – он не понимает, по какой причине у Ефимова «накопился багаж несправедливого отношения к живому человеку?» Он, Шеель, свою историческую миссию выполняет честно и на пределе сознательности. Он предупредил, что партия непременно узнает, до чего довели его бездумно бюрократическое отношение к честному специалисту и желание выслужиться перед начальством.

Ефимов сдрейфил. Он вообще, Трущев, из тех людей, которым только стоит услышать призыв к мировой революции, как они тут же вскакивают, будто желают быть политическим сигналом для всех пролетариев мира, но стоит рядом просвистеть пуле, и его днем с огнем не сыщешь. Однако пролетарии пролетариями, а приказа задержать Шееля не поступало. К тому же после недавнего Пленума ЦК, указавшего на необходимость уважительного отношения к спецам, еще неизвестно как в управлении посмотрят на его инициативу. Он, дурак, отправил Шееля под надзором конвойных на стройку. В цеху Барон попросился в туалет – и поминай как звали. Усек? Сейчас комиссия разбирается с Ефимовым. Его поместили в изолятор, там он строчит объяснительную за объяснительной. Ты пойми, Трущев, я не злорадствую. Дело в том, во время проверки в одном из огнетушителей действительно обнаружили бензин, а Шееля нет. С кого теперь спрашивать?

На крыльце бревенчатой избы, в которой размещался райотдел, Кудасов вкратце объяснил виртуозность вредительского замысла.

– Этот тип огнетушителя устроен следующим образом – к цилиндрической емкости с жидкостью приделывается маленький баллончик со сжатым газом. При включении сжатый воздух должен выдавливать воду, а в этом случае он бы выдавил бензин. Неизбежно взрывное воспламене-

ние, человек, схвативший огнетушитель, сгорел бы на месте. Вот тут-то и возникает вопрос – были у Шееля сообщники? Или сообщник, которого Барон решил использовать в темную? Задумка отличная – кто-то устраивает очаг возгорания, например, тот же Шеель или его парнишка, а его сообщник хватает назначенный заранее огнетушитель и открывает затвор.

Он тщательно, о прибитую скобу у крыльца райотдела, стер в подошв налипшую грязь и с сожалением добавил.

– Усек, Трущев?

Глава 4

Скрывался Шеель недолго, взяли его в первых числах мая, на Дальнем Востоке и тут же доставили в Москву.

Сначала свою причастность к шпионской деятельности Барон отвергал напрочь. На допросах держался с каким-то надменным пренебрежением к собственной участи и подтверждал только те факты, которые были установлены следствием, и то в какой-то иронично-приблизительной форме.

«Свидетели утверждают, что видели, как вы во время проверки сняли со стены один из огнетушителей и отнесли в свой кабинет. Вы подтверждаете этот факт?»

«Если утверждают, значит, так оно и было».

«По какой причине вы совершили побег?»

«Испугался».

«Кто помог вам раздобыть подлинные документы?»

«Нашел на вокзале».

«Где скрывается ваш сын, Алексей Шеель?»

«Понятия не имею. Я не видал его с момента встречи с моим бывшим другом, а ныне классовым врагом, Людвигом фон Майендорфом. Мы крупно повздорили и окончательно прервали друг с другом всякие отношения».

«В чем причина разрыва?»

«Это наше семейное дело. К победе социализма в мировом масштабе оно не имеет никакого отношения. Кстати, мне были даны гарантии, что после встречи с этим фашиствующим субъектом Майендорфом, меня не подвергнут репрессиям».

«Это не репрессия, а задержание в связи с обнаружившимися фактами вашей шпионской деятельности».

«Какими фактами?»

«Вот заключение экспертизы о подготовленном вами зажигательном устройстве в форме заправленного бензином огнетушителя. Вот свидетельство путевого обходчика, выдавшего вас в ночь пожара на объекте в Верещагино».

«Никакого отношения к испорченному огнетушителю не имею, а свидетельство обходчика – подлог. Или он был пьян и обознался. Я в это время находился в Краснозатонске».

«Свидетельница Бестужева утверждает, что видела вас в Свердловске».

«Вы доверяете показаниям полубезумной старухи? Она ошибается».

И так далее.

Познакомившись с протоколами, а также поприблизившись на допросах, Федотов в беседе с Трущевым предположил.

– Послушайте, голубчик! Вам не кажется, что он тянет время, чтобы прикрыть мальчишку? Эта тема для него наиболее остра. Стоит завести разговор о сыне, как подозреваемый сразу напрягается. Займитесь-ка, голубчик, поиском молодого Шееля. Ищите да поторапливайтесь.

Затем Федотов добавил.

– Кстати, у меня для вас есть особое задание. Отправитесь в Минск и доставите в Москву одного типа. Его фамилия Мессинг, помните такого? Зовут Вольф Григорьевич. Это по-нашему, как по-еврейски не знаю. Вас трое, вы старший, вести себя вежливо и доброжелательно. Товарищ Мессинг опытный революционный боец. К тому же, по непроверенным данным, он способен опознавать чужие мысли. Так, по крайней мере утверждают свидетели.

При первой встрече Мессинг не произвел на меня впечатления. Это был невысокого роста сорокалетний мужчина с торчащими во все стороны вьющимися волосами. В самолете вел себя

смирно, видно было, что этот заезжий гастролер, с одной стороны, был готов ко всяким испытаниям, которые ждали его на советской земле, а с другой – ужасно страшился той самой минуты, когда эти испытания начнут ворохом сыпаться на него. Когда двое моих подчиненных подхватили его под мышки и подсобили взобраться в СБ, его буквально перекосило. Так и сидел весь полет с перекошенным личиком. Время от времени поглядывал на нас, пытаюсь, по-видимому, опознать наши мысли. Если ему это удалось, то ничего, кроме восхищения могучим советским «скоростным бомбардировщиком» – «неплохо потрудились на пролетариат буржуазные спецы», – обсуждения волнующей темы «самолет – лучший оратор летчика», и одобрения смычки рабочего класса с колхозным крестьянством, ему не досталось. Нам было строго-настрого запрещено даже мысленно касаться служебных дел и причин, по которым этого странного человека везут в Москву. В столице мы сдали Мессинга спецуполномоченному из отдела охраны правительства, тот пригласил его в машину, и автомобиль немедля ни минуты покинул Центральный аэродром.

Кое-какие фактики подсказали, что его повезли прямо к хозяину на Ближнюю дачу.

Вторая встреча случилась уже в Москве, в кабинете Берии, куда меня вызвали прямо от Федотова, который ввел меня в курс дела.

– Небезызвестный вам Мессинг, появившись в Москве, сумел заинтересовать кое-кого из руководства страны. Он оказался не так прост, каким казался издали. У него богатая биография, он встречался со многими людьми, в том числе и из верхушки нацистской партии, и согласился поделиться увиденным с компетентными органами. Твоя задача доставить его на конспиративную квартиру, и пусть он там напишет все, что знает о Гитлере и прочих высокопоставленных фашистах.

Я вошел в кабинет наркома, представился. Мы с Мессингом пожали друг другу руки, затем договорились, что я заеду за ним в гостиницу «Москва» не ранее половины десятого утра, после чего вышел из кабинета.

Вернувшись на рабочее место, я приступил к заданию, которое получил от старшего начальника. Тот приказал – ищи гаденьша!

Легко сказать – ищи!

Поближе познакомившись – пусть даже по документам – с этим любителем межпланетных полетов, у меня сложилось впечатление, что мы имеем дело с человеком без тени и потому практически невидимым. Он был насквозь прозрачен – никаких темных пятен! Материалы дела подсказывали – это был на редкость опасный субъект. Он настолько ловко маскировался под советского гражданина, что ни у кого из знавших его школьных друзей и студенческих товарищей не возникало сомнений в его незамутненной приверженности коммунистическому идеалу. Врагов у него не было, отрицательных моментов, например нездоровой тяги к женскому полу, к азартным играм или другим порокам, тоже. Он ничего не скрывал – ни происхождения, ни увлечения межпланетными перелетами, ни желания внести достойный вклад в строительство светлого будущего. К приспособленцам, присмиренцам, не говоря уже о скрытых недобитках из троцкистской оппозиции, относился резко отрицательно. В обращении был прост и дружелюбен. Все, кто знал Алекса, или Алексея Шееля, отмечали его редкие математические способности.

Попробуй, отыщи такого!..

То ли дело надзор за Мессингом, которого я привез в Лялин переулок.

* * *

Теперь самое время предупредить – далее по тексту будут приводиться некоторые закрытые сведения, которые и по сегодняшний день не подлежат разглашению. По требованию Николая Михайловича подаваться они будут в форме рассказов «очевидцев», ссылок на несуществующих должностных лиц, на несуществующие номера следственных дел, а также с привлечением фантастических небылиц, на которые серьезные люди и внимания не обращают. Пояснения будут даваться лишь в редчайших случаях.

Свою позицию Николай Михайлович объяснил тем, что ему (как, впрочем, и автору) не раз приходилось давать соответствующие подписки о неразглашении, так что теперь, даже на пенсии, оказавшись гражданином другого государства, Николай Михайлович не в силах вот так запросто сбросить с себя груз ответственности. Составив воспоминания, он посоветовался насчет их содер-

жания с инстанцией. Там, в целом, одобрили замысел, точнее, выразились так – «запретить не можем, но есть пожелание соблюдать некоторые условия». Ему предложили предупредить меня как соавтора, что для подтверждения того или иного случая или обстоятельства мне не возбраняется намекать на след, ведущий к тайне. Приемлемы также ссылки на сведения, приводимые в документальных книгах, вышедших за последние десять-пятнадцать лет. Среди них есть и серьезные работы, скрывающие за той же маской сенсационности и откровенных подстав детали подлинных событий тех лет. А вот о том, что не подлежало оглашению, Николай Михайлович посоветовал «не щадить фантазию»! Пусть тот или иной случай выглядит совершенной фантастикой. «Чтобы читатели животики понадрывали от смеха», – предупредил он. Это, конечно, обидное условие – какому автору хочется, чтобы над его страницами покатывались, но взялся за гуж... Трущев успокоил меня – если же кто-то не обхохочется, с ним поговорят отдельно, у прокурора. Заставят вспомнить о долге, о патриотизме...

Николай Михайлович решительно потребовал, чтобы в текст романа было внесено четкое и не допускающее кривотолков предупреждение, обращенное к читателям – не суйте нос, куда не просят. Отрежут и могут забыть прилепить новый.

Прочитали – забудьте, а еще лучше эти страницы до прочтения сжечь.

Если такого предупреждения недостаточно, и какой-нибудь уважаемый читатель рискнет лично проверить эти сведения, в этом случае вся ответственность ложится на него.

* * *

На следующее утро Трущев привез Мессинга в тихий и малолюдный Лялин переулок, расположенный неподалеку от Курского вокзала. Они поднялись на четвертый этаж. Жилплощадь – трехкомнатная, прилично обставленная дореволюционная квартира – была просторна, хорошо проветривалась. Здесь хранился полный комплект свежайшего постельного белья и дефицитных продуктов. Одним словом, это уютное гнездышко было отлично подготовлено к встречам с внештатными интеллигентными сотрудниками. Или сотрудниками от интеллигенции. Здесь также нередко проходила вербовка лиц, оказавшихся причастными к противоправной деятельности, направленной против нашего государства.

Николай Михайлович угостил гостя замечательным вином. Как утверждал генерал Рясной,¹¹ это было любимое, «сталинское». Вино было действительно на редкость вкусное, терпкое и сладкое.

Пригубив, Вольф Григорьевич завел разговор о том, что термин «опознавание мыслей на расстоянии», который предложил Берия и который ему пришлось бы использовать в отчете, не в полной мере отражает способности, которыми природа наградила его, Мессинга.

– Я не опознаю мысли, – принялся доказывать медиум. – Они как бы невзначай, сами по себе всплывают у меня в сознании. Это, скорее, случайность, удача.

– Давайте назовем эту способность «угадыванием», – предложил Трущев.

Этот вариант вызвал бурный восторг у подопечного. Затем Мессинг робко поинтересовался – нельзя ли вообще обойти эту тему насчет «угадывания», «опознавания»?

Трущев развел руками – как же ее можно обойти, если начальство настаивает на точности в использовании терминологии?

– Что да, то да! – согласился Мессинг и остро глянул на Трущева.

После короткой паузы он выговорил.

– А ведь вы мне не верите, Николай Михайлович?

– Что да, то да, – согласился младший лейтенант, и они оба рассмеялись.

Трущев обеспечил Вольфа Григорьевича бумагой и письменными принадлежностями, а сам

¹¹ Рясной В. С. (1904–1995), генерал-лейтенант. В органах государственной безопасности с 1937 года. В 1941–1943 годах возглавлял Управление НКВД Горьковской области. С 1943 года являлся наркомом внутренних дел Украины. В 1946 года назначен заместителем наркома внутренних дел Советского Союза, курировал подразделения по борьбе с бандитизмом и шпионажем, строительство крупнейших гидротехнических сооружений (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др.). С февраля 1952 года – заместитель министра госбезопасности. В 1953 году руководил внешней разведкой. В 1953–1956 годах возглавлял Управление МВД по городу Москве и Московской области. 5 июля 1956 года уволен из органов МВД.

удалился на кухню готовить обед.

Во время приема пищи поболтали о том о сем. После обеда Мессинг продолжил составлять отчет о годах, проведенных в Германии, об участии в Эйсlebenском восстании двадцать третьего года.

* * *

Николай Михайлович откровенно признался.

– Я писанину Вольфа Григорьевича не читал. Признаться, я действительно не вполне доверял ему. Меня смущали слухи, которые сопровождали этого невзрачного, со включенными волосами экстрасенса. Чем этот странный человечек со всеми его удивительными способностями мог помочь в поисках молодого Шееля, если учесть, что мне было строго-настроено запрещено посвящать этого субъекта в служебные дела.

Здесь я попытался вставить словцо, однако Трущев коротко и однозначно рявкнул.

– Не перебивать!

Затем, уже спокойней и деликатней добавил.

– Речь идет о том, чтобы в присутствии своего подручного я даже подумать не смел о своих служебных обязанностях. Лаврентий Палыч лично предупредил – в присутствии этого «лопоухого прорицателя» держать «мисли за зубами». С этой целью нарком отослал меня к капитану Пугачеву, замначальнику девятого спецотделения.

Пугачев кратко ввел меня в курс дела.

– Лучший способ скрыть свои мысли от опознавания, это напевать про себя что-нибудь прилипчивое, комсомольское, желательное на оборонную тематику. Например, такую. Слыхал, наверное, – и он с ходу завел.

В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю,
Упадет на яблоню спелый цвет зари.
Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с острой саблей пику подари.¹²

– Вполне подходящая песня. По секрету, Трущев, она была написана специально по заказу нашего отдела. Убедись, смысла никакого! Любой гипнотизер голову сломает, прежде чем поймет, зачем глупой бабе сабля и острая пика? Чем ее сокол воевать будет? Второй куплет еще хлеще.

Я на кончик пики повяжу платочек,
На твои на синие погляжу глаза.

В этом месте Трущев подхватил, и они вместе допели:

Как взмахнет платочек, я всплакну чуточек,
По дареной сабле побежит слеза.

Закончив с пением, Пугачев продолжил инструктаж.

– Не плохо также сосредоточиться на решении математической или шахматной задачи. Но это только в том случае, если ты увлекаешься математикой или шахматами. Если нет – посмакуй женские прелести. Этот прием здорово помогает наглухо прикрыть планы разрабатываемых секретных операций. По себе знаю.

Подобная методика показалась Трущеву малоэффективной, хотя никого он так не любил как свою Татьяну. В те дни его более всего волновала Светочка, поэтому в мыслях он остановился на поисках такого кудесника и колдуна, который смог бы вернуть ей способность говорить.

– *Что касается колдунов, – внес уточнение Трущев, – берусь подтвердить, что в начале 20-*

¹² Песня 1936 года «В путь-дорожку дальнюю». Музыка Матвея Блантера, слова Сергея Острового.

х годов в Коминтерне была организована особая секция, в которую собирали людей с неординарными способностями и где изучали способы ведения классовой борьбы в потустороннем измерении. Этими вопросами, например, занимался бывший руководитель ленинградских чекистов, небыизвестный Глеб Бокий.¹³

Помимо создания собственных и расшифровки вражеских шифров, Бокий интересовался всякими потусторонними силами, и кое-кто из секретной коминтерновской секции перебрался к нему под крыло. Насколько мне известно, Бокия как раз расстреляли за развал работы на этом направлении. Большевик с подпольным стажем, опытный чекист, чьим именем был назван парход, свозивший осужденных на Соловки, вдруг забросил работу по овладению человеческой психикой и ударился в масонство и откровенно чуждые пролетариату и воинствующему материализму восточные культы, а также занялся организацией подпольного мистического общества «Единое трудовое братство».

Тем не менее, после гибели Бокия кое-какой мистический опыт у нас на Лубянке сумели сохранить.

Два дня Николай Михайлович и Вольф Григорьевич прожили душа в душу. Заграничный медиум не лез к Трущеву с идиотскими вопросами. Трущев воздерживался от того, чтобы давать подопечному советы, тем более всякого рода руководящие указания, касавшиеся составления отчета.

Вечером второго дня, Вольф Григорьевич, закончив свою писанину, неожиданно и очень тихо спросил.

– Что с дочкой, Николай Михайлович?

Это было как удар под дых. Трущев не сразу нашел, что ответить. Для начала большими пальцами расправил гимнастерку под ремнем. Потом подошел к окну, притаился за шторой, замер.

– Здесь нет прослушки, – добавил Мессинг.

Нет прослушки? Кому он это говорит?!

– Как вы можете знать?

– Вижу. Вижу также вашу Светлану. На мой взгляд, вполне здоровая девочка.

– Она разучилась говорить.

– То есть? – не понял Мессинг.

– Зачем вам знать, Вольф Григорьевич?..

– Смелее, Николай Михайлович. Я не классовый враг и не двурушник, в чем, надеюсь, вы успели убедиться.

Николай Михайлович уселся на диван, закинул ногу на ногу, закурил папиросу.

– Она разучилась говорить. Потеряла, так сказать, дар речи. Сильнейший испуг.

– Когда это случилось?

– В декабре, перед новым годом.

– Сколько ей лет? Семь?

Трущев кивнул.

Мессинг предложил.

– Я мог бы помочь.

Что он, Трущев, младший лейтенант госбезопасности, мог ответить?

Николай Михайлович молча докурив папиросу, встал, привычно расправил гимнастерку под ремнем, подошел ближе и поинтересовался.

– Ну, что тут у нас?..

Мессинг протянул ему последний исписанный листок. Трущев просмотрел его, потом вернул

¹³ Бокий Г. И. (1879–1937) – активный участник Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде; член Петроградского ВРК. Долгие годы руководил Ленинградским управлением ГПУ-НКВД. В последние годы жизни и работы в НКВД Г. И. Бокий курировал расследования и поиск всевозможных паранормальных явлений. Существуют непроверенные сведения, что Бокий вел (по заданию высшего партруководства) исследования по паранормальным явлениям, зомбированию, восточным мистическим культам и т. д., тем более что он сам всегда интересовался подобными проблемами.

Бокий – один из самых активных создателей ГУЛАГа. Во время чистки аппарата НКВД Н. И. Ежовым от сотрудников Г. Г. Ягоды года арестован и по обвинению в «предательстве и контрреволюционной деятельности» и расстрелян. В 1956 году реабилитирован.

и подсказал.

– Подпись, число.

Мессинг добросовестно вывел: «18 июня 1940 г. Вольф Мессинг».

– Теперь в гостиницу?

– Да.

На лестнице Вольф Григорьевич предупредил.

– Только не надо никак афишировать мою помощь. Прошу, никому ни слова, для меня это очень важно. Только вы, я и ваша дочь. В тихой обстановке. Можно у меня в номере. Обдумайте мое предложение.

Что оставалось Трущеву, как не отделаться усмешкой.

Вольф Григорьевич заверил.

– Если вы об оплате, деньги меня не интересуют.

– Я не о том. Я в состоянии заплатить, просто я обязан доложить начальству.

– Кто вам поверит, Николай Михайлович? Я непременно откажусь от своих слов. Поверьте, моя помощь вас ни к чему не обязывает.

Вероятно, Вольф Григорьевич всерьез полагал, что все дело в прослушке. Ему, продукту буржуазной культуры, было невдомек, что я не мог не сообщить начальству о сделанном мне предложении, иначе какой я чекист?! Конечно, было очень заманчиво воспользоваться услугами такого специалиста, каким являлся Мессинг – одним этим предложением он убедительно доказал свои безграничные возможности, – однако опыт подсказывал, чем могло закончиться для меня и моей семьи подобное легкомыслие.

Всю ночь я взвешивал за и против. Я не мог отказаться от этой идеи! Пожертвовать здоровьем дочери было выше моих сил. Но разум, зловредный и неумолимый разум, подсказывал – прослушка не прослушка, а начальство рано или поздно узнает о моей неискренности, о том, что я дал слабину и поддался на заманчивое предложение темного с чекистской точки зрения человека. Я был уверен – Мессинг не враг, но пойти на сделку с буржуазным специалистом без санкции руководства, взгромоздить личное поверх общественного, было чревато утратой доверия.

Всю ночь Таня пыталась меня, что случилось и почему я не сплю? Я ни слова не сказал ей. Отговорился неприятностями на работе, а на рассвете решил – пусть Света лучше пойдет в спецшколу для глухонемых, пусть останется в кругу тех, кого обидела природа, пусть дразнят и показывают на нее пальцем, но это все-таки лучше, чем лишение доверия. Мне было известно, как поступают с членами семей врагов народа. Быть немой и несчастной в московской квартире и при пайке это лучше, чем немой и несчастной в детском приюте.

Утром, явившись на работу, я сухо изложил Федотову суть дела. Тот невозмутимо выслушал меня и позвонил наркому.

– Мессинг предложил Трущеву излечить его дочь от немоты.

Что ответил Берия, я не знаю, только Федотов, положив трубку, порадовал меня.

– Мы ждали чего-нибудь в этом духе. Нарком дал добро – если родители согласны, пусть попробует.

Я, уняв дрожь в пальцах, позвонил Мессингу прямо из кабинета Федотова.

– Сколько времени займет курс лечения?

– Не знаю. Я должен осмотреть ребенка.

– Хорошо, завтра. На прежнем месте. Я заеду за вами в десять. Свету привезу к одиннадцати. Не забудьте надеть белый халат. Висит в платяном шкафу.

– Зачем халат?

– Если вы доктор, на вас должен быть белый халат. Я скажу Свете, мы едем к удивительному доктору, который умеет лечить добрым словом. О гипнозе, пожалуйста, не упоминайте.

Лечение оказалось куда более легким делом, чем я ожидал. Если состояние гипноза, это разновидность сна, то Света с легкостью погрузилась в дремоту.

Когда она пришла в себя, удивленно спросила.

– Это все?

У меня желваки заиграли на скулах.

– Да, Светочка, – подтвердил Вольф Григорьевич. – Теперь ты можешь не только говорить,

но и петь.

– Ну, уж петь, – не поверила Света. – Вы совсем как Айболит, только не знаете, звери не поют.

– А птички?

– Ну, птички. Это совсем другое дело.

Я, давась от смеха и слез, выскочил из комнаты. Там уже дал волю и тому и другому.

Уже на лестнице, где наверняка не было прослушки, я предложил Мессингу гонорар.

– Не люблю быть в долгу. Кажется, товарищ Мессинг, вы так однажды выразились?

– Спасибо, Николай Михайлович. Повторяю, вы мне ничем не обязаны. Мне просто понравилось, что у вас даже в мыслях не было унижить меня или причинить зло. Но еще более – как вы изощренно материли сокола, безоружным отправившимся на войну.

Когда я доложил Федотову о результатах лечения, тот вновь позвонил наркому. Палыч приказал доставить Свету в нашу медсанчасть. Там ее обследовали и пришли к выводу, что никаких следов сильнейшего душевного потрясения не наблюдается, речь вернулась к ней в полном объеме. Когда ее спросили, умеет ли она читать, Света серьезно кивнула и прочитала предложенный ей текст, чем привела консилиум в полнейший восторг.

Выходит, не зря все это время мы учили с ней буквы и учились узнавать слова.

* * *

Итак, эксперимент над моей дочерью закончился успешно, а то, что это был именно эксперимент, проверка возможностей свалившегося нам на голову экстрасенса, санкционированная на самом верху, я убедился позже. Девочка выздоровела – этим все было сказано, особенно в отношении товарища Вольфа Мессинга, однако откровенный прагматизм руководства пришелся мне не по нутру. В те дни я впервые задумался о границах исполнительности, а также о пользе сомнений, помогающих выявить эти границы. В этих помыслах не было ничего от троцкизма или, например, взглядов «правой оппозиции», тем не менее, догадываясь, что к чему, я усиленно гнал эти несомненно контрреволюционные мысли от себя. Я решил отыгаться на Шееле, который по-прежнему с прежней наглой вредительской самоуверенностью и фашистским фанатизмом отказывался давать правдивые показания. Мне никак не удавалось заставить его рассказать о своей преступной деятельности и, главное, осветить тайну бегства сына. С этим бароном и предателем можно было не церемониться – это было ясно как день! И то сказать – время неумолимо сворачивало к войне. В этом ни у кого не было сомнений, а ты, Трущев, корил я себя, какого-то мелкого нацистского гаденыша отыскать не можешь.

По совету Федотова, я попытался наладить с Бароном теплые отношения – может, проболтается! Во время допросов нередко переводил разговор на общие темы, потом исподволь сворачивал на интересующие следствие подробности преступной деятельности, в частности, каким образом Шеель совершил побег и кто ему помог.

Маневры молодого следователя были смешны старику, но – се человек! – даже угодив на Лубянку, в преддверии неминуемой расплаты он не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться над чекистами и доказать превосходство представителя арийской расы над жалким коммунистическим неучем, пытавшимся выведать у него тайные знания, то есть причину, по которым он согласился отправиться в страну унтерменшей. Я охотно подыгрывал ему – откровенно признавался в собственной исторической безграмотности, особенно в вопросах изучения заповедной таинственной силы, которая присутствовала в жилах древних тевтонов, а теперь начала просыпаться в их потомках, и которую так рьяно воспевал Гвидо фон Лист.¹⁴

¹⁴ ЛистГ(в)идо Карл Антон фон (1848–1919) – австрийский мыслитель и писатель. Основатель ариософии, утверждавшей, что в результате смешения крови и утраты чистоты расы современное человечество потеряло связь с тайными знаниями древних народов. Гидо фон Лист первым попытался примирить результаты современных естественных наук, научно-техническую революцию с религиозным взглядом на мир, что могло бы вернуть человеку его достоинство и центральное место в универсуме. Лист по существу продолжил изыскания Е. П. Блаватской, заложившей основы современного эзотеризма, суть которых – очень кратко – заключается, прежде всего, в утверждении теории расового превосходства, элитаризма, и обещании грядущего Апокалипсиса, который ждет нас всех, если не принять срочных мер и не обратиться к древней мудрости.

Приложив теософские идеи Блаватской к германской почве, Лист первым ввел в оборот национального самосозна-

Вдохновленный попустительством молодого следователя, германский барон, например, позволял себе такие пассажи.

– Что вы знаете о доктрине Вечного льда,¹⁵ молодой человек? Вы ничего о ней не знаете! Вы

ния веру в магическую силу древних рун и необходимость возрождения «древнегерманских» ценностей. Ариесовия Гидо фон Листа лишь закономерное развитие идей Блаватской внутри той расы, которую сами теософы называют прямой наследницей доисторической оккультной традиции.

Взгляды Листа, переработанные и пропагандируемые основателем Германского ордена, Рудольфом фон Зеботтендорфом, послужили основой идеологии Третьего рейха.

В этой связи необходимо отметить роль такого известного мистика, каким в первой половине XX века являлся Георгий Гурджиев, предожившего свое видение эзотерического пространства. Его попытки пробиться к Абсолюту посредством «рытья туннеля», другими словами, духовного самосовершенствования, были восприняты Карлом Хаусхофером, который прошел выучку у Гурджиева.

В конечном итоге все европейские эзотерические доктрины, появившиеся на свет в конце XIX и в начале XX века и имеющие гностические корни, образовали причудливую смесь, питавшую в первую очередь идеологию тех, кто рискнул нарушить естественный ход истории во имя колоссального социального эксперимента. Теперь мы знаем результат этих экспериментов. Их прервали советские солдаты 9 мая 1945 года.

Боюсь, только на время...

¹⁵ *Доктрина Гербигера* основана на идее вечной борьбы между льдом и огнем, между силами отталкивания и притяжения. Эта борьба происходит также и на Земле и определяет историю человечества. Гербигер утверждал, что раскрыл самое отдаленное прошлое Земли и ее еще более отдаленное будущее. Люди – боги, гиганты, сказочные цивилизации – предшествовали нам сотни тысяч, если, не миллионы, лет назад. Возможно, мы вновь станем тем, чем были предки нашей расы, пройдя через катаклизмы и необыкновенные мутации по ходу истории, которая развивается циклами на Земле и в Космосе.

Вселенная – живой организм, и все отражается во всем. Судьбы людей связаны с судьбой звезд. Происходящее в Космосе происходит и на Земле, и наоборот.

Эта доктрина циклов и магических отношений между человеком и Вселенной опиралась на древние пророчества, оккультное учение об астрале, древнеиндийскую мистику и демонологию.

В начале в пространстве было огромное тело с высокой температурой, в миллионы раз больше нашего нынешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, состоявшей из скопления космического льда. Масса льда глубоко проникла в сверхсолнце. Затем в течение сотни тысяч лет не происходило ничего. Потом произошел гигантский взрыв. Осколки были отброшены так далеко, что затерялись в ледяном пространстве. Другие либо упали обратно на центральную массу, либо были отброшены в среднюю зону, став планетами нашей системы. Их было тридцать. Постепенно они стали покрываться льдом. Луна, Юпитер, Сатурн состоят из льда, каналы Марса – трещины во льду. Только Земля не была полностью охвачена холодом, на ней продолжается борьба между льдом и огнем.

Млечный путь – это огромное ледяное кольцо, находящееся на расстоянии, втрое большем, чем до Нептуна. Оно и сейчас там находится. Астрономы называют его Млечным Путем, так как несколько звезд, похожих на наше Солнце, сверкают сквозь него в бесконечном пространстве. Что же касается фотографий отдельных звезд, совокупность которых представляет Млечный Путь, то это подделки.

Солнечные пятна, которые меняют свою форму и место каждые одиннадцать лет, происходят от падения ледяных глыб, которые оторвались от Юпитера, совершающего свой оборот вокруг Солнца каждые одиннадцать лет.

Луна, согласно доктрине Гербигера, упадет на Землю. В течение нескольких десятков она приближается к Земле. В связи с этим сила гравитации будет увеличиваться. Воды океанов Земли соединятся в постоянные цунами, они поднимутся, покроют сушу, затопят тропики и окружают самые высокие горы. Все живые существа постепенно станут легче и увеличатся в своих размерах. Космические силы станут более мощными. Действуя на хромосомы и гены, они создадут мутации. Появятся новые расы, животные, растения и гигантские леса.

Затем, еще более приблизившись, Луна взорвется от большой скорости вращения и станет кольцом из скал, воды и газа. Это кольцо будет вращаться все быстрее и быстрее. Наконец, это кольцо обрушится на Землю.

И тогда произойдет Падение, предсказанное Апокалипсисом. Выживут только самые лучшие, сильные, избранные люди. Они увидят ужасающие картины Конца мира.

На протяжении тысячелетий лишённую спутников Землю ожидают наслоения новых рас и цивилизаций гигантов. Все начнется снова после потопа и огромных катаклизмов. Марс, значительно меньший, чем Земля, в конце концов достигнет ее орбиты. Слишком большой, чтобы стать спутником, он пройдет совсем близко от Земли, заденет ее и упадет на Солнце, притянутый его огнем. Земная атмосфера окажется увлеченной притяжением Марса, покинет Землю и затеряется в пространстве. Океаны забурылят, вскипая на поверхности Земли, смоят все, и земная кора взорвется. Мертвая планета, продолжая двигаться по спирали, будет захвачена ледяными планетоидами, плавающими в небе, и станет огромным ледяным шаром, который, в свою очередь, упадет на Солнце. После столкновения наступит Великое Молчание, Великая неподвижность, а внутри полыхающей массы на протяжении миллионов лет будут собираться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв для созидания новых миров вечными пламенными силами Космоса.

Такова судьба нашей Солнечной системы в глазах австрийского инженера, которого национал-социалисты называли «Коперником XX века».

Феномен Гербигера не может быть понят вне общей атмосферы «сумасшедшего дома», которая окружала фашизм на всех его этапах. Без оккультной истерии, сопровождавшей борьбу нацистов за власть, не было бы и «ледяного про-

слыхали о полой земле? Тоже ничего не слыхали?! А как насчет всеиспепеляющего огня? Как же вы отважились взяться за строительство социализма, если мудрость древних для вас тайна за семью печатями?

В его глазах вспыхивал безумный огонек.

– Прежде, чем Луна упадет на Землю – а это неизбежно! – пламя, священное пламя древних тевтонов, охватит землю. Оно пожрет наших врагов. Враги корчатся, враги протягивают руки к небу. Поздно! Небо на нашей стороне, оно обрушится на вас, избыточную по численности расу. Оно поглотит вас. Очень скоро небо, наш безграничный заоблачный фатерлянд, распахнет свои объятия высшей расе. Планета Земля, не говоря о Евразии, тесна для расплодившегося поголовья низших. Что вы путаетесь под ногами! Германцы всегда упиралась плечами в чуждые племена. Вспомните полабских славян, этих недоносков в человеческих шкурах! Вспомните, на чьих костях возведен Берлин и Кенигсберг! Это было начало. Веками мы расширяли жизненное пространство, веками германцы, пожирая соседние племена, двигались на восток. Теперь пробил ваш час! Я ощущаю дыхание последней битвы!

Однажды, слушая разглагольствования матерого шпиона насчет грозившего нам истреблением, я оборвал его, заявив, что никакой гибели богов, тем более конца света ожидать не следует. Это все суеверия.

– ... и не вам, человеку, присягнувшему на верность новой родине, грозить рабочим и крестьянам страны Советов, победившим в гражданской войне и успешно строящим социализм, истреблением. Этого не никогда не будет!

Барон вскричал.

– Почему не будет?! Древние пророчества подтверждают!..

– Чихать я хотел на ваши пророчества! Этого не будет потому, что не будет никогда! Хотя бы потому, что мы нашли законсервированный вами огнетушитель. Вот полюбуйте, фабрика жива и здорова. А вот листы профилированной фанеры, из которой мы будем изготавливать крылья для наших новых истребителей! А вот наш новый истребитель, которому ваш «мессершмитт» в подметки не годится! Ваша карта бита, господин Шеель!

Я протянул Шеелю пачку фотографий, сосредоточился...

Старик торопливо схватил снимки, начал перебирать их, и в следующий миг, когда в его руки попала фотография, на которой был изображен его сын, укладывающий в штабель фанерные листы, меня окатил неслышимый, но вполне отчетливый вопль.

«Was? Unmöglich!!!»¹⁶

Я мельком глянул на подследственного.

Старик обладал не менее крепкой, чем Закруткин, закваской. Он сжал душу до беззвучия, презрительно усмехнулся и, вернув следователю ловко смонтированную фотографию, с презрительной усмешкой поздравил.

– Неплохая фальшивка!

Поздно!!

Я победно помалкивал. Трудно было поверить в удачу, однако то ли этим молчанием, то ли мне действительно удалось задеть Барона за живое, только старик занервничал.

– Это грубый монтаж! Провокация!..

Я немедленно прервал допрос. Когда Шееля увели, мне пришлось потратить некоторое время на то, чтобы мысленно разложить по полочкам собственные ощущения, родившиеся в момент, когда подследственный увидел фотографию сына, укладывающего листы фанеры. Федотов прав – все, что касалось Алекса, било наотмашь. Смутило другое – его чуждое, высказанное на вражеском языке «не может быть!» очень походило на вскрик, вырвавшийся у полковника Закруткина в тот день, когда он впервые взял в руки фотографию молодого Шееля.

Эту странную, так неожиданно всплывшую связь следовало немедленно прояснить. Только нельзя пороть горячку, надо успокоиться.

Я поспешил домой и после краткого и бурного соития с женой, прикинув, что к чему, отправился в гости к Закруткину.

рока».

¹⁶ Was? Unmöglich! – Что? Не может быть!

Было начало осени, лучшее время в Москве. Дом красных командиров располагался в центре города, в тихом переулке неподалеку от Воздвиженки. Во дворе я буквально заставил себя присесть на лавку. Успокоившись, прикинул – не бросить ли всю эту самодеятельность? Или все-таки рискнуть и попытаться выяснить у Закруткина, почему фотография молодого Шееля ошеломила его? Понятно, что ни о пожилом Шееле, ни о внутреннем голосе ни слова. Может, мне померещилось?!

Пусть это мистика самого мракобесного пошиба, но в любом случае, если появились сомнения, партия требует развеять их.

Оружие с собой?

Я ошупал в кармане пистолетную рукоять ТТ.

Взвел курок.

Это было не смешно, это было очень серьезно. Как отчитаться перед партией, если я сейчас наламаю дров? Что достойней – вернуться, промолчать, отпрянуть? Явиться с непроверенной вестью или сломить сопротивление вражде, и в схватке с целым морем лжи сразить ее, тем самым оказав сопротивление? Как родились эти слова, откуда явились, объяснить не могу, но, как любила выражаться Таня, «внутри все трепетало».

Будь что будет, и, узнав у мальчишек, играющих во дворе, номер квартиры Закруткиных, я вошел в подъезд.

Поднялся по широкой, ограниченной резной чугунной решеткой с лакированными поручнями, лестнице, позвонил.

За дверью послышались шаги, затем молодой бодрый голос спросил – кто там?

– К Константину Петровичу. По службе.

Дверь распахнулась и на пороге собственной персоной очертился Алекс-Еско фон Шеель.

Молодой человек поздоровался и ответил.

– Папы нет. Он в командировке.

– Извините, – прочистив горло, откликнулся я и на всякий случай аккуратно спустил курок, тем самым поставив ТТ на предохранитель. – Я зайду в следующий раз.

– Вы хотели что-то передать папе?

– Нет, это не горит. А вы кто будете?

– Сын, Анатолий.

– До свиданья, Анатолий.

Я направился к лестнице, затем, изобразив догадку, вернулся.

– Как же я забыл. Отец говорил, что вы учитесь в МГУ?

– Нет, в Инязе, на германской филологии.

– Должно быть, увлекательнейшее занятие?

– Да-а... – неуверенно подтвердил студент Закруткин.

Я еще раз попрощался и направился к лестнице.

Дверь за мной подозрительно мягко захлопнулась.

Одна – наиглупейшая! – мысль, билась в виске.

– Вот здесь, – указал Николай Михайлович на голубенькую жилку, бившуюся в миллиметре от геометрически ровного шрама, отчетливо проступавшего сквозь поредевшие седые волосы.

Заметив мой взгляд, он мимоходом пояснил.

– Фашистский осколок, – затем вернулся к рассказу. – Шел и нервничал – не спугнул? Не дай Бог, спугнул! Вроде нет... Самому стало смешно – кого спугнул? Что значит спугнул? Сына полковника Закруткина или сбежавшего гаденыша? Как я мог его – или их – спугнуть, если ни тот, ни другой никогда меня в глаза не видали. Меня другое будоражило – выходит, это два разных человека?!

Но какое поразительное сходство!!

* * *

На следующий день я доложил Федотову о находке.

Начальник отдела внимательно выслушал, потом спросил:

– Вы, товарищ Трущев, сообщаете, что говорите?

– Так точно, товарищ комиссар третьего ранга.

Павел Васильевич снял очки и принялся протирать стекла, затем потянулся, снял телефонную трубку и тусклым голосом произнес.

– Наркома!

Пауза.

– Лаврентий Павлович, есть вопрос. Да, неотложный. Хорошо... Со мной Трущев. Слушаюсь!

В коридоре Федотов, дождавшись, когда я подстроюсь под его шаг, предупредил.

– Вы, голубчик, про мистику не распространяйтесь. Сходство обнаружили случайно.

– Так точно. Вы мне не верите, Павел Федорович?

– Почему не верю, – пожал плечами начальник отдела. – Я в мистику не верю, а в подобие очень даже верю. Если, конечно, вы, голубчик, не преувеличиваете. Наркому скажете – сработала интуиция. Шестое чувство, так сказать. Понятно?

– Слушаюсь.

На этот раз Берия встретил молодого сотрудника более доброжелательно и без возражений дал санкцию на негласный сбор сведения об Анатолии Закруткине. План игры сложился накатом – глупо было отказываться от возможности окончательно расколоть Барона. За ним без всяких сомнений должна была тянуться длинная вереница сообщников.

На прощание Берия предупредил.

– Это хорошо, Трущев, что на этот раз вы не проморгали, однако поиски настоящего преступника – это ваша прямая обязанность.

* * *

– Что можно сказать о молодом Закруткине? – Трущев помешал чай и вытащил ложку. – Парень казался своим в доску. Комсомолец, ворошиловский стрелок, крепок физически. На такого можно положиться, если бы не одно «но». В тридцать шестом, на первом курсе Анатолий подал заявление с просьбой направить его в Испанию на помощь бойцам-интернационалистам, однако спустя неделю забрал его. Свое решение мотивировал необходимостью лучше освоить язык.

Когда я под видом вербовщика встретился с Анатолием и задал этот вопрос, тот признался, что забрать заявление его заставил отец. Полковник решительно, не слушая никаких возражений, настоял, чтобы сын напрочь забыл о всякой нелегальщине.

– Твоя стезя, – напомнил он, – научная работа. Этим и занимайся. Когда понадобится, тебя вызовут, а до той поры учись, повышай культурный уровень.

– Это был первый случай, – признался Трущев, – когда я лоб в лоб столкнулся с такой откровенно оппортунистической позицией. Меня взяло сомнение, с какой стати полковник Разведупра, нелегал и, как мне казалось, идейно подкованный человек, позволил себе отговаривать сына от исполнения долга перед партией?

После паузы Трущев пояснил.

– Это был интересный момент моей биографии. В ту пору я был молод и глуп. Когда я уже совсем собрался сообщить куда следует о странном поведении старшего Закруткина, мне вспомнилась Светочка и то, каким образом с ее помощью мои старшие товарищи сумели выявить нутро Вольфа Мессинга. Эта мимолетная мысль оказалась чем-то вроде ключика, отворившего мне двери туда, где прежде, чем совершить недостойный поступок – какие бы оправдания не приводились в его защиту – следовало крепко подумать. Позже Вольф Григорьевич объяснил, что самое главное – сохранить уважение к себе и уметь держать дистанцию между собой и миром. Существует некое микроскопическое расстояние, от которого, невзирая ни на какую пропаганду и агитацию, ни в коем случае нельзя отказываться. Иначе – крах!..

Усек?

Я кивнул, хотя, откровенно, мне было не совсем понятно, об чем речь. Такого рода философий я понаслышался немало. (С другой стороны, авторитет ветерана был весом и не мне было вмешиваться в мысли-ключики, с помощью которых он, отделившись шрамом на виске, тюремным заключением и побоями, прошел все это злобно-героическое время).

Между тем Николай Михайлович во всю вещал.

—...если признать необходимость сохранения дистанции, неизбежно возникает вопрос, от кого оберегать ее? Кто эти личности, посягающие на твою ауру? И личности ли это?.. Может, это некие незримые существа, названные Мессингом и прочими, «измами» и «стягами»? Может, Платон был прав, утверждая, что так называемые эйдосы, или идеи, существуют реально. Эти мерзкие фантомы, порабощающие нас, нами же и производятся. Не разобравшись с ними, невозможно добиться согласия с самим собой.

Впрочем, об этом после. Ты занеси в протокол следующий тезис – со своей стороны, беседа с Толиком, я тоже старался избегать слова «родина требует...» и так далее...

Он принялся помешивать чай.

Вообще, чай он гонял как заправский отставник – напиток был крепок, того самого неповторимого густо-медового оттенка, которым славятся хороший чай, стакан млеет в серебряном подстаканнике.

– Будешь править текст, – предупредил он меня, – вычеркивай везде, где можно, слово «родина». В нашей среде оно не употреблялось. Его заменяла слово «партия». Кстати, интереснейшее словцо. Чрезвычайно многозначное. Как-нибудь мы поговорим об этом и о том, чем грозит подмена понятий.

Я с готовностью кивнул.

* * *

Разъяснив Анатолию его роль и уже на Лубянке хорошенько подготовив молодого человека, я вызвал Шееля на допрос, где еще раз предложил помочь следствию и облегчить свою участь чистосердечным признанием. Если они найдут общий язык, если он будет искренен в своем раскаянии, можно рассчитывать на снисхождение при вынесении приговора. Иначе...

Альфред фон Шеель, не обращая на меня никакого внимания, некоторое время изучал свои ногти, потом ответил.

– Гражданин следователь, я однажды попался на вашу удочку, больше не желаю. Не вы ли гарантировали мне безопасность, если я соглашусь встретиться с Майендорфом?

– И что? Вы можете пожаловаться, что органы не выполнили свое обещание? Что же касается вашей шпионской деятельности, если вы и дальше будете упорствовать, вряд ли стоит рассчитывать на снисхождение.

– Это пустой разговор, – усмехнулся Шеель. – Отключайте шарманку.

– Как хотите. Тогда мы получим интересующие нас сведения от вашего сына. Если он тоже будет упорствовать, мы расстреляем его у вас на глазах. Или наоборот.

– Сначала поймите. Кстати, как ваше начальство отнеслось к фокусу с фотографией?

– Мне объявили благодарность.

– Рад за вас. Что вы приготовили на сегодня?

– Вот полюбуйтеся.

Я протянул подследственному фотографию, на которой веселый Анатолий Закруткин в форме лейтенанта НКВД поправлял большими пальцами ремень на гимнастерке. За его спиной было отчетливо видно здание наркомата на Лубянке.

Барон одобрил качество фальшивки.

– На это раз значительно лучше. Совсем как настоящая.

– А это и есть настоящая. Приглядитесь повнимательнее.

Старик некоторое время пристально разглядывал фотографию. Я затаил дыхание. Ее подлинность не вызывала сомнений.

Старик занервничал.

Я продолжил атаку.

– Ему надоело жить под чужим именем. Он пришел с повинной и, как видите, Советская власть отнеслась к нему снисходительно.

– Мне известно, с какой снисходительностью вы относитесь к гражданам, которые приходят к вам с повинной. Известно ли вам вообще, что такое снисходительность? Кстати, под чьими документами скрывался этот субъект? – он ткнул пальцем в портрет.

Это был убойный вопрос. Что я мог ответить старику? Я медленно поднялся, вышел из-за стола, приблизился к подследственному – в руке у меня была метровая металлическая линейка. Я

ударил линейкой по столу, потом напомнил.

– Здесь вопросы задаю я! А ты, фашистская морда, мог бы и помолчать.

Затем вызвал конвойного.

Тот зашел и сделал знак – все готово. Я распорядился.

– В камеру!

Старик натужно поднялся и вышел в коридор. Я попробовал определить в уме, сбил я его с толку или нет? Если бы не этот хитрый вопрос насчет документов!.. Умен, гад!..

Я встал и направился вслед за Шеелем. Когда конвойный подвел Барона к лестнице, в пролете, загороженном металлической сеткой, тот увидел сына. Его тащили под руки два амбала в форме. Кровь обильно хлестала из разбитой головы, одна нога была неестественно вывернута.

Старик встал как вкопанный, заплакал – конвойный в отчете так и написал: «Подследственный заплакал...» – затем страшно закричал.

Я приблизился и, указав на истерзанного человека, с гнусной улыбочкой поинтересовался.

– Хор-рош?

В камеру барона фон Шееля пришлось тащить волоком.

На следующий день он начал давать показания – выдал всех: Шихматова, Ройзинга, Штирблянда, в Краснозатонске своего подручного Иванова, приготовленного к закланию на священном тевтонском огне. Умолчал только о преступной деятельности сына. Ни слова не сказал, только советовал.

– Спросите у Алекса.

Глава 5

След молодого Шееля обнаружился осенью 1940 года. Мелькнул настолько неожиданно, что Трущев не сразу поверил в удачу. Правда, к тому моменту дело барона Альфреда, советского гражданина, шпиона германских спецслужб – в общем-то, вполне обычное, ничем не примечательное, внезапно приобрело государственный, можно сказать, несуразно эпохальный, с отчетливым зловещим оттенком, характер.

Все завертелось в конце сорокового, когда следчасть закончила расследование дела и готовилась передать его в суд.

Трущева подняли далеко за полночь, прислали машину. До самой Лубянки сердечко вздрагивало – куда везут? Успокоился только, когда машина, миновав ворота внутренней тюрьмы, остановилась возле наркомовского подъезда. Дежурный офицер, встретивший его на КПП, приказал поторапливаться. Это был здоровенный, метра под два ростом, детина – он двинулся вперед таким быстрым шагом, что Трущеву пришлось перейти на мелкую рысь. Бежать по коридору было очень стыдно – не дай Бог, кто-нибудь заметит! Благо, в коридоре было пусто, время-то позднее. Дыхание перевел в лифте, там же прикинул – чего ради такая спешка? Догадался – опять этот проклятый Шеель. Своими руками придушил бы этого двурушника!

Берия, в кабинете которого уже находились Меркулов и Федотов, повел себя на удивление вежливо. Поздоровался, пригласил сесть, спросил – успел ли Трущев «воткнуть» жене?

Николай Михайлович, не снимая маску готовности исполнить любой приказ родины, онемел от такого неслыханного хамства. От ответной грубости спасла мысль – не для того же его поднимали среди ночи, чтобы поинтересоваться, чем он все это время занимался с Татьяной?

Его невозмутимость, как видно, удовлетворила Берию. Он так и сказал, обращаясь к наркому госбезопасности и начальнику КРО.

– Неплохая видержка! – и без паузы, уже повернувшись к Трущеву, продолжил. – Как у тебя насчет памяти, Трущев?

– Пока не жаловался.

Берия скривился.

– Неправильно отвечаешь, не по-коммунистически. Если начальник спрашивает тебя, как у тебя с памятью, отвечай четко и ясно – у меня хорошая память, товарищ нарком. Всякие «жаловался-не жаловался» отставить. На прямые вопросы отвечай «так точно», «никак нет», и строго-настрою предупреждаю – не лез с инициативой. Отвечай толко, когда спросят. Понял?

– Так точно.

– Теперь давай по сути.

Нарком начал гонять младшего лейтенанта по всем сомнительным вопросам, сохранившимся в деле Шееля, причем направленность этих вопросов вконец сразила Трущева. Менее всего наркома интересовала преступная деятельность матерого шпиона. Подавляющее большинство вопросов относилось к биографии Барона, особенно к той части его жизни, которая относилась к Германии.

Трущев отвечал четко, без запинки, это тоже понравилось Берии. Затем нарком спросил на удивление дружески, без всякого нажима, без гневливого – «мы этого не потерпим», «партия нам этого не простит» и тому подобных угроз, на которые он был мастак, – что Трущев думает о сроках поимки Алекса? Попросил ответить честно, «без викрутасов».

Трущев не удержался и искоса глянул на Меркулова и Федотова – может, он ослышался? Может, вопрос не к нему? Что он, младший лейтенант госбезопасности, может думать?..

Лица у тех были каменные. Значит вопрос к нему, и этот вопрос отделял его живого Трущева от другого, скорее всего, мертвого или в хомуте по сто шестнадцатой пополам, если он сейчас слукавит или промахнется в сроках.

Он ответил честно.

– Пока никаких зацепок, товарищ нарком, но убежден, гулять ему недолго.

– На чем строишь уверенность, Трущев?

– На сроках исчезновения. У нас есть фактическая дата, а это немало. Он сбежал из Свердловска в тот же день, когда был арестован отец. Мы тотчас перекрыли транспорт, дороги, частный извоз, так что далеко от Свердловска он, скорее всего, уехать не мог. Значит, где-то поблизости, но если это соображение окажется ошибочным, ничего страшного – просто фронт работы увеличивается. Шеелю необходимо легализоваться как можно скорее. Документы у него, полагаю, наичистейшие, следовательно, он вполне может обратиться в такое учреждение, куда сезонно набирают людей. Завербоваться на Север? Вряд ли – оттуда так просто не выбраться. Скорее всего, что-то по линии учебных заведений и тех организаций, которые обладают собственным жилым фондом. Фотографии разосланы, работа закончится через месяц другой.

– Будем считать это предельным сроком. Иди, работай.

Трущев ничем не выказал недоумения. Встал, вышел.

Весь день он ждал вызова от Федотова. Когда дождался, поразился – тот ни словом не обмолвился о ночном происшествии. Начальник отдела еще раз тщательно проработал с Трущевым все возможные варианты поиска Алексея Шееля, напомнил об осеннем призыве в армию.

* * *

Удача выглянула из-за угла, как убийца – неожиданно и страшно, даже «внутри все затрепетало».

Забирая у Анатолия Закруткина подписку о неразглашении, Трущев официально поблагодарил паренька за проявленные выдержку и мужество при выполнении задания. Насчет мужества, добавил от себя Трущев, судить, конечно трудно, – «я, так сказать, авансом», – но с выдержкой у Анатолия действительно все оказалось в порядке. Возможно, сказалась отцовская закалка. Закруткин так и не спросил о цели всего этого спектакля, о том, хорошо ли он сыграл свою роль? Ему хватило ответа – так надо.

Но глаза...

Глаза откровенно выдавали его. Глядя в них, Трущев вспомнил себя в кабинете Берии – неужели он тоже выдал себя взглядом? Это недостойно чекиста, у которого должен быть холодный взгляд, большие, крепкие руки и что-то там с сердцем.

Трущев не имел права ничего объяснять пареньку, однако оставлять эти глаза в неведении было в высшей степени жестоко.

Он сказал так:

– Типа одного надо было расколоть, матерого шпиона. Ты оказался похож на связного, направленного к нему из-за кордона. Мы решили продемонстрировать резиденту, что ты у нас в руках.

Анатолий удивленно глянул на Трущева.

– Говорите, связного?..

Трущев кивнул.

– Значит, связной похож на меня? – поинтересовался Закруткин.

Николай Михайлович промолчал, тем самым как бы подчеркнул, что молодой человек недалек от истины.

Анатолий задумчиво поделился.

– То-то я понять не мог, что это Колька из соседней группы ко мне прицепился. Что ты, мол, летом делал в Одессе? Я отбрыкиваюсь, не был я в Одессе, а он мне – брось! Я что, слепой? Разгуливаешь по Дерибассовской в курсантской форме. Я тебя окликнул, а ты вроде как не заметил.

– Кто, говоришь, видал тебя в Одессе? – мимоходом поинтересовался Трущев.

Анатолий назвал фамилию Кольки, и уже на следующий день, поговорив с приятелем Закруткина, Трущев обнаружил, что летом сорокового года в Одесское пехотное училище имени Клим Ворошилова согласно направлению, выданному в Харьковской области, поступил курсант Неглибко Василий Петрович, как две капли похожий на Анатолия Закруткина.

В тот же день Трущев доложил Федотову о найденном шпионе и диверсанте. Пора брать, предложил он.

– Да, конечно, – согласился Федотов, затем, встрепенувшись, заявил нечто прямо противоположное. – Ни в коем случае!! Он под надежным наблюдением?

– Обложили со всех сторон.

– Не говори гоп, – предупредил Павел Васильевич. – Впрочем, сейчас есть дело поважнее. Ты подготовился?

– К чему?

– К чему?! – Федотов в первый раз выказал откровенное раздражение. – Как отвечаете, младший лейтенант?

Трущев вытянулся.

– Все материалы по делу Шееля помнишь?

– Так точно.

– Будь гот...

Он не договорил.

Зазвонил телефон. Федотов снял трубку.

– Да, товарищ нарком. У меня. Есть, так точно. Товарищ нарком, обнаружен младший Шеель. Да-да, лично Трущевым. Так точно. Да-да. Слушаюсь. Через пять минут будет внизу.

Он положил трубку и, сменив гнев на милость, предупредил.

– Послушай, голубчик, у нарком сейчас нет времени для доклада, поэтому ты поедешь с ним и по пути все расскажешь. Это очень важно. Безоговорочно выполняй все его распоряжения, каждую секунду будь готов дать справку. Помнишь, о чем тебя предупреждали? Отвечать кратко и по существу, свои домыслы, тем более советы, держать при себе. И не лезь, пока не спросят. Понял?

– Никак нет?!

– Что ты не понял?

– Куда мы поедем.

– В Кремль, Трущев! В Кремль!!! По дороге доложишь наркому насчет младшего Шееля. Если он возьмет тебя с собой, держись достойно. Будешь докладывать или нет, не знаю. Этого никто не может предугадать, но ты должен быть наготове.

Трущев взмолился.

– Товарищ комиссар, да объясните наконец, в чем дело. Кому и что я должен докладывать?

Федотов выдержал длинную паузу, потом, на что-то решившись, сообщил.

– Товарищу Сталину? Насчет Шееля...

Трущев отпрянул на шаг.

– Зачем товарищу Сталину Шеель-то понадобился?

Федотов вновь выдержал паузу, затем предупредил.

– Забудь все, что я тебе скажу. Этот барон оказался крупной птицей. К сожалению, о его аресте узнали там, – он ткнул пальцем в сторону заходившего солнца. – Это, конечно, наша недоработка, но теперь поздно посыпать голову пеплом.

Еще пауза.

– Некоторое время назад полномочный посол Германии, граф фон Шуленбург по особому каналу обратился к товарищу Молотову с необычной или, точнее, необычно-личной просьбой облегчить участь арестованного фон Шееля и по возможности сохранить ему жизнь. Якобы Шеель

приходится ему родственником. Молотов упомянул об этой просьбе в присутствии вождя. Хозяин заинтересовался и предложил Лаврентию Павловичу прояснить суть вопроса. Все эти дни мы ждали вызова в Кремль. Сейчас позвонил Поскребышев... Ты поедешь вместе с наркомом и Меркуловым, посидишь в приемной. Если Лаврентию Павловичу понадобится справка, выдашь ее. Все помнишь? Смотри, язык не проглоти. Это наша работа, голубчик, информировать высшее руководство страны обо всем, что происходит на тайном фронте. Этого требует от нас партия. Ступай.

* * *

О посещении Кремля Трущев сообщил следующее:

– Что сказать о Петробыче? Ростом он был повыше меня, но не намного. Вот настолько... – Трущев, раздвинув большой и указательный пальцы, продемонстрировал расстояние, отделявшее его от Сталина. Оно оказалось невелико – сантиметра три. – Разговаривал запросто, акцент был куда менее заметен, чем у Берии, разве что называл он меня ближе к Трющеву, чем к Трущеву.

Николай Михайлович закурил.

– В Кремль въехали через Боровицкие ворота и сразу за угол. Обогнули дом Верховного Совета, поднялись на второй этаж. В приемной сидел Постышев, секретарь, следующая комната – зал ожидания. Там находился Власик. В зал мы вошли втроем. Когда Власик распахнул дверь в кабинет, Меркулов неловко, но сильно ткнулся в меня, и я против воли сделал шаг вперед. Берия покосился, но промолчал. Пришлось зайти. О кабинете рассказывать?

Я кивнул.

– Кабинет просторный, как я уже сказал, на втором этаже служебного корпуса, расположенного за Верховным Советом. Ближе к двери большой стол для заседаний – за столом сидели Калинин, Ворошилов, последним Молотов, подальше от членов Политбюро Маленков. Он что-то писал в блокноте. Мы вошли и встали у порога. Меркулов держался так, что мне показалось, вот-вот грохнется в обморок. Не знаю, может Сталин любил пугать его, но начал он именно с Всеволода Николаевича. Правда, сначала подошел к нам, поздоровался, на меня глянул вскользь. Затем, обращаясь к членам Политбюро, спросил:

– Как нам поступить с товарищем Меркуловым? Как партия должна поступить с наркомом госбезопасности, позволяющим себе писать пьесы.¹⁷ Что вы можете сказать по этому поводу, товарищ Меркулов?

– Это никак не мешает мне выполнять свои служебные обязанности, товарищ Сталин.

– Значит, вы пишете пьесы в свободное от работы время?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Значит, у вас много свободного времени, товарищ Меркулов?

– Не-ет, товарищ Сталин.

– Я думаю, и товарищи по Политбюро поддержат меня, что у вас должно быть мало свободного времени. Если мало времени, значит, пьеса не может получиться удачной. Вы согласны, товарищ Меркулов?

– Согласен, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо. Запомните, товарищ Меркулов, литературным творчеством займетесь, когда переловите всех шпионов. Тогда у вас будет много свободного времени, и пьесы будут получаться хорошие. Как, например, у Булгакова. А пока шпионы гуляют на свободе, вам следует усердней исполнять свои прямые обязанности. Например, что вы можете сказать о Шееле?

Берия не упустил момент и сделал шаг вперед.

– Дело находится в стадии завершения. Скоро оно будет передано в суд.

– Вы уверены, товарищ Берия, что НКВД выкорчевал все сорняки, выращенные этим матерым шпионом?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Ви хотите сказать, что нашли его сына?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Где ви его нашли?

¹⁷ Первую пьесу Меркулов написал в 1927 г. Во время войны на сцене страны вышла пьеса «Инженер Сергеев» Всеволода Рокка – комиссара госбезопасности первого ранга Меркулова.

– В Одессе, в пехотном училище имени Клим Ворошилова.

Ворошилова поперхнулся от такой наглости.

– Непростительная халатность!.. – воскликнул он и всплеснул руками. – Необходимо немедленно начать расследование...

– Подожди, Клим, – прервал его Сталин, потом, обратившись к Берии, поддержал Ворошилова. – Действительно, куда забрался! Он у нас все военные секреты выведает! Как же вы обнаружили его?

Берия кивнул в мою сторону.

– Этим делом занимается младший лейтенант Трущев.

Сталин подошел ко мне и благожелательно – видно, ему пришелся по душе мой малый рост, – спросил.

– Как вам удалось отыскать врага, товарищ Трущев?

– На подсадного, товарищ Сталин.

– То есть, – удивился хозяин кабинета.

– В процессе следствия было обнаружено, что у Алексея Шееля есть двойник...

– Кто? – насторожился Сталин.

– Сын полковника Разведупра Закруткина Константина Петровича.

– Вы даете отчет своим словам? – с откровенной неприязнью спросил Сталин. – Я знаю Закруткина, инициативный товарищ. Теперь оказывается, у него есть сын, похожий на шпиона?

– Анатолий Закруткин не имеет никакого отношения к преступной деятельности Алексея Шееля. Они просто очень похожи друг на друга.

– У вас есть фотографии? – заинтересовался Сталин.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Покажите.

Я вытащил из папки несколько фотографий. Сталин некоторое время рассматривал их, затем протянул Калинин. Тот поцокал языком, произнес «ай-яй-яй» и передал Ворошилову. Этот, словно желая подчеркнуть, куда может завести халатность, выразился внушительно – «да-а-а...» – и передал фотографии Молотову. Наркоминдел ничего не сказал, только выразительно усмехнулся и положил фотографии на стол так, что Маленкову пришлось тянуться за ними. Георгий Максимилианович тоже промолчал, правда, в блокнот записывать перестал. Работая в кадрах под началом Ежова, он и не такое видывал.

Я стоял как вкопанный, ожидая самого худшего для себя, для Закруткина, для его сына и, не поверишь, для молодого Шееля.

– Как старший Шеель держался на допросах? – поинтересовался хозяин кабинета, обращаясь к Трущеву.

Берия откровенно напрягся, однако Трущев решил сказать правду.

– Он молчал. Мы применили несколько подходов – бесполезно. Барон – матерый и крепкий враг, товарищ Сталин.

– Как же вы добились показаний, товарищ Трущев?

– Мы подготовили Закруткина, затем продемонстрировали его старику.

– Хорошо подготовили? – живо поинтересовался Молотов.

– По полной программе, товарищ Молотов, – отрапортовал Трущев. – Кровь хлестала как из борова.

– И Барон сразу раскололся? – не поверил Сталин.

– Так точно, – ответил я.

– Да, – согласился Сталин и, обращаясь к Берии, выразил одобрение. – Твои молодцы умеют допрашивать.

– Это был психологический ход, товарищ Сталин, – объяснил Берия.

– Ха, ход, – усмехнулся Сталин и пригладил усы. – Впрочем, черт с ним, с Шеелем! Как мы должны поступить с этим шпионом?

Молотов подал голос.

– Шуленбург намекает на возможный обмен.

– Мы шпионов на предателей не меняем. Хотя просьба посла дружественной державы заслуживает внимания. Что вы предлагаете, товарищ Берия?

– Закон позволяет сохранить ему жизнь.

- Кому – старшему или младшему?
- Обоим, – уточнил наркомвнудел.
- Так, – высказал свое мнение Сталин. – Враги сжигают наши лесопилки, убивают наших граждан, а вы предлагаете сохранить им жизнь?
- Суд решит, товарищ Сталин, – выкрутился Берия.
- Суд, конечно, решит, но суд не может решить политический вопрос – как поступить со старшим Шеелем?
- Революционный долг, товарищ Сталин, требует от нас бить безжалостными с врагами революции.
- Это верно. Но пролетарская сознательность подсказывает, если старый Шеель – враг матерей, то молодой, к тому же имеющий двойника, мог бы пригодиться. Товарищ Трющев, – обратился он ко мне, – старик сумел опознать подмену?
- Никак нет, товарищ Сталин. Он заплакал.
- Как заплакал?! – удивился Сталин. – Слезу пустил?
- Так точно.
- Вот так раз! Значит, можно предположит, что высокопоставленные чиновники в Германии, увидев сына Шееля, тоже пустят слезу. Почему бы нам не воспользоваться удобным случаем? Как вы считаете, товарищ Трющев?
- Это невероятно сложно, товарищ Сталин.
- Это хорошо, что вы понимаете меру ответственности за порученное дело, однако партия учит, что для коммунистов нет и не бывает невыполнимых заданий. Как вы считаете, товарищ Меркулов?
- Меркулов моментально согласился с вождем.
- Вот и поработайте над возможностью подмены молодого фашиста нашим проверенным товарищем. Он член партии?
- Он – комсомолец, товарищ Сталин.
- Вот и хорошо. Лаврентий, обрати особое внимание на эту операцию. Какое название лучше всего отразило бы ее суть.
- Никто не посмел рта раскрыть. Сталин подошел к своему письменному столу, выбил трубку, разломил две папиросы «Герцеговина Флор», набил трубку, не спеша прикурил, потом, повернувшись к собравшимся, внес предложение.
- Предлагаю назвать эту операцию «Близнец».
- После короткой паузы он добавил.
- А насчет старого Шееля, товарищ Берия прав – как наш советский суд решит, так и будет. Верно, товарищ Трющев?
- Так точно, товарищ Сталин.

* * *

Два дня у Трющева не было отбою от желающих позвать ему руку. Чины, которые прежде едва козыряли в ответ, теперь зазывали молодого оперативника в свои кабинеты, расспрашивали о жите-бытье, старались наладить отношения – в случае чего, ты, Трющев, не стесняйся, заходи, поможем. Единственным человеком, не обратившим никакого внимания на милость вождя, был Федотов и в какой-то мере Берия. Он, правда, упрекнул новоиспеченного лейтенанта.

- Зачем ты послушался Меркулова и поперся в кабинет?
- Николай Михайлович, мимоходом отметив, что и этот начал называть его Трющев, начал оправдываться.
- Товарищ Меркулов споткнулся и толкнул меня. Я против воли шагнул, потом уже было поздно. Власик глядел на меня во все глаза.
- Он на всех так смотрит, кто в первый раз. Буквально как рентген. Хорошо, что у тебя по Алексу Шеелю?
- Находится под колпаком.
- Колпак надежный?
- Так точно, – вступил в разговор Федотов. – Лучшие оперативники местного управления не спускают с него глаз.

– Почему бы, Павел Василевич, не взят этого гаденыша?

– Это будет грубейшая ошибка, особенно в свете указаний товарища Сталина.

Берия промолчал. Он встал, подошел к окну, долго глядел в темный мрачный переулоч. Наконец, что-то взвесив, спросил.

– Докажите.

Федотов, видно, уже все решивший для себя, раскрыл папку, просмотрел несколько листочков – момент был архиважный, наконец, доложил.

– Товарищ нарком, мы бродим в потемках, следовательно нужна предельная осторожность, а в свете указаний товарища Сталина, осторожность должна быть возведена в квадрат...

– Это я понимаю, – раздраженно прервал его Берия. – Говори по существу.

Федотов будто не слышал начальственного окрика – продолжил в том же темпе и с той же обстоятельностью.

– Насколько мне известно, посол Германии граф Шуленбург обратился к нам с просьбой облегчить участь старшего Шееля. О младшем даже не заикнулся. Это может означать, что германскому послу известно, что младший находится вне пределов нашей досягаемости. Из этой необычной просьбы можно также сделать вывод, что у Алексея Шееля, по-видимому, есть связь с германской разведкой, и они попытаются вызволить его собственными силами. По крайней мере, эта версия исключена быть не может...

Берия перебил его.

– Каким образом?

– Скоро в Одессу должен прийти германский пароход. Возможно, младший Шеель попытается проникнуть на его борт.

– Согласен. Во-вторых?..

– Участие в судьбе Шееля такого видного господина как посол Германии подтверждает, что Барон являлся в Германии достаточно авторитетным субъектом, следовательно, идея товарища Сталина имеет под собой надежную почву, поэтому мы тем более не имеем права рисковать.

Он несколько раз кашлянул, поправил голос, потом с прежним интригующим занудством продолжил.

– Наша задача полностью исключить угрозу утечки сведений о том, что молодой Шеель находится под колпаком. Если противной стороне станет известно об его аресте, судьба нашего агента будет решена. Чтобы этого не случилось необходимо провести ряд взаимосвязанных между собой мероприятий.

– Конкретней, – приказал нарком.

– Необходимо собрать как можно больше информации о нем и о его прошлом, чтобы здесь, на Лубянке, младший Шеель не затеял бы с нами нечистую игру. По свидетельству Трущева, этот малый исключительно умен, находчив, обладает математическими способностями, следовательно, опасен.

– Неужели наш советский комсомолец уступит ему по части сообразительности? – удивился Берия.

– Мы обязаны предусмотреть все варианты.

– Что же ты предлагаешь?

– Для оперативного наблюдения приставить к Шеелю надежного товарища, обязательно курсанта Одесской школы. Такие там есть.

Берия перебил начальника КРО.

– Приглядывают за Шеелем, конечно, надо. Только, Павел Васильевич, учти – информатор ни в коем случае не должен знать о сути задания. Ему следует поручить наблюдение за несколькими кандидатурами. Продумайте, как объяснить наш интерес. – Берия помедлил, затем продолжил. – Но этого мало. Необходимо внедрить в училище нашего сотрудника, знакомого с общей идеей операции.

– Так точно, товарищ нарком. У нас уже есть прикидки. Нашего сотрудника можно будет командировать в Одессу по линии особого отдела. В свете ваших указаний мы легендируем его как вербовщика, подбирающего кандидатов на курсы подготовки будущих командиров разведывательно-диверсионных взводов. Надеюсь, Шеель клюнет на эту приманку. В состав группы войдет восемь-десять курсантов, в том числе и наш информатор. В этом случае перевод Шееля подальше от границы и поближе к нам будет вполне оправдан. Например, в недавно организованное По-

дольское пехотно-пулеметное училище. Это недалеко, сорок километров от Москвы.

– Почему не в Московское?

– Москва слишком большой город, к тому же мы не можем допустить проникновения чужого в одно из лучших училищ страны. Не хватало еще, чтобы он составил словесные портреты на своих однокурсников. Наоборот, в Подольском училище проведен первый набор и большинство курсантов не знакомы друг с другом.

– Согласен.

– В Подольске после проведения всех подготовительных мероприятий решим вопрос об изоляции Близнеца.

– Конкретней.

– Прежде всего, необходимо подготовить Анатолия Закруткина. С этой целью его необходимо срочно отозвать из института и направить в военное училище, где ему придется в течение двух месяцев пройти программу, которую уже освоил Шеель.

– Ты полагаешь двух месяцев хватит? – засомневался Берия.

– У нас нет выбора. Я познакомился с Анатолием. Он неглупый парень, подкованный, политически грамотный. Наша главная задача на первом этапе провести замену Близнеца негласно, без всякого разрыва или шероховатости.

– Хорошо. Кого ты наметил послать в Одессу?

– Лейтенанта Трущева.

Берия бросил оценивающий взгляд на лейтенанта.

– Как считаешь, Трющев, справишься?

– Постараюсь, товарищ нарком!

Берия, не скрывая раздражения, осадил его.

– Что за «постараюсь», лейтенант! Старатся с женой будешь!

– Так точно, товарищ нарком.

Берия сочувственно оглядел Николая Михайловича, и, не скрывая ухмылки, добавил.

– Товарищ Сталин оказал тебе доверие, вот и постарайся оправдать его.

Затем он неожиданно перешел с молодым оперативником на более-менее доверительный тон.

– Имей в виду, Трющев, ты взял на себя огромную ответственность. Аккуратно выжми из этого молодого барона все, что можно. Надеюсь, мне не надо тебе объяснять, что ты и дальше будешь курировать эту операцию. У тебя будут большие права, но ты не спеши ими воспользоваться – это мой совет. Тише едешь – дальше будешь. Это твой начальник мне когда-то посоветовал.

Трющев от растерянности не нашел ничего лучше, как спросить.

– Какой начальник?

– Как какой начальник! Твой начальник, Федотов Павел Васильевич. Мы с ним еще на Северном Кавказе вместе работали. Слушайся его во всем, но не забивай – игрока красит инициатива, а мы начинаем большую, я бы сказал, рискованную, но очень перспективную игру, и без инициативы в ней нечего делать. Понял?

– Так точно.

– Что еще, Павел Васильевич? Когда будем брать Близнеца?

– Необходимо любой ценой вытянуть из Барона и его сына все, что они имеют по Германии.

– Тянуть тоже нельзя.

– Я понимаю, товарищ нарком.

– Это хорошо, Павел Васильевич, что ты понимаешь. Твоя задача, чтобы это поняли все, кто в той или иной мере будет посвящен в операцию.

– Все задействованные в этом деле предупреждены о персональной ответственности.

– Хорошо. Срок заброски Закруткина определяю зима сорок первого года, чтобы к началу войны, к лету сорок второго, он уже надежно легализовался в Германии. Мне понравилась идея насчет германского судна. Это неплохой задел на будущее.

– Так точно, товарищ нарком.

– Запомните, без моего разрешения к Близнецу никого не подпускать. Впрочем, это относится и молодому Закруткину. Кстати, как мы будем его называть?

Все замерли. Берия подбодрил присутствующих.

– Давайте предложения.

Федотов кашлянул и выговорил.

– Может, «Первый»?

Берия надолго задумался, потом грубовато, по-свойски спросил.

– Намекаешь, что может понадобиться Второй?

Федотов промолчал.

– «Первый» так «Первый», – согласился нарком. – Лучше, конечно, «Боец» или «Воин», но один в поле не воин, так что пуст будет «Первый».

Глава 6

В Одессу я прибыл в полдень. На местном вокзале царило столпотворение. Еще на перроне меня подхватила толпа пассажиров, желавших поскорее попасть в город. Пришлось подчиниться натиску, и через вокзальное помещение, через входные двери, меня вынесло в самую узость под арками, где я угодил во встречный поток взбудораженных, крикливых, «гакающих» женщин, спешивших на подаваемый к перрону местный поезд. Этим потоком меня отбросило в сторону, прижало спиной к какой-то округлой преграде. Ближайшая ко мне торговка проехала по моему лицу переброшенным за спину, грязным, нестерпимо пропахшим рыбой, мешком. Спасаясь от мешка, я попытался развернуться к торговке спиной.

Повернулся – и тут же наткнулся взглядом на здоровенный кукиш, принадлежавший на удивление маленькому, но твердо стоявшему на земле, комсомольцу с несуразно громадной, вытянутой в сторону кружавчатых облаков рукой. Меня безжалостно поволокло вдоль длиннющей руки, на ходу я успел познакомиться с комментарием в кукишу. Надпись гласила: «Есть ли бог?» Речь шла о назначенном на среду диспуте, устроенном одесскими безбожниками, и кукиш являлся недвусмысленным ответом молодежи страны Советов на этот извечный вопрос. В следующий момент меня притиснули к изображению какого-то косоглазого, напоминавшего японца, медиума в буржуазном цилиндре и во фраке. Это уже потом я сообразил, что судьба неспроста подтолкнула меня к афишной тумбе, а тогда, сражаясь со злополучным мешком, я не пожалел сил, чтобы затормозить и выяснить, зачем этот подозрительный японец-прорицатель приехал в Одессу, где негде спрятаться от мешков с рыбой!

На красочной афише было броско начертано: «Едет Мессинг!!!» – ниже, мелким шрифтом: «Встречайте в городской филармонии!».

Одесса, приготовив подобный сюрприз, одним махом заставила меня забыть о долге, о необходимости следить за иностранным шпионом. Во мне проснулся мальчишка, когда-то страстно увлекавшийся тайнами фотографических портретов. В сравнении с психологическими опытами Мессинга охота за Шеелем показалась мне скучным и даже отвратительным мероприятием. Протрезвев, в отместку за навеянное капитулянство я решил потребовать у Вольфа Григорьевича контрамарку.

А то и две.

Как только натиск торговки ослаб и мне наконец удалось выбраться из-за тумбы, я направился к трамвайной остановке. На ходу принялся стряхивать грязь с плаща, и в этот момент до меня донеслись звуки музыки. Я поднял голову – со стороны Привоза к вокзалу приближалась армейская колонна. Скоро стали различимы слова:

Школа красных командиров!
Комсостав стране своей кует!
Смело в бой вести готовы
За трудящийся народ!..

Прежде, чем остолбенеть, я еще успел подумать – вот как тебя, Николай, встречают в солнечной Одессе! В следующее мгновение до меня дошло, что направляющим во втором ряду вышагивает разыскиваемый по всей стране шпион и террорист Василий Неглибко, он же Алексей Шеель, во все горло распевавший:

Эй, комроты, даешь пулеметы!
Даешь батарей,

Чтоб было веселей!

В те годы я уже считал себя третьим калачом и, как бы это не выглядело нелепо, готов поклясться – Шеель пел от души. Особенно ему, умело схоронившемуся в военном училище имени Клим Ворошилова, удавался лихой посвист в конце припева. По пути в управление, осмысливая чудеса и загадки, которыми с первых минут пребывания щедро одарила меня прекрасная Одесса, я пришел к выводу, что с этим певуном необходимо держать ухо востро. Этот Шеель-Неглибко был тот еще фрукт. Он не то, что причастность к шпионажу, шило способен в мешке утаить.

Прибавьте к этим двусмысленностям ворох других фактиков. В агентурной записке, представленной информатором, внедренным в училище, сообщалось, что курсант Неглибко перед самым отбоем убеждал товарищей по казарме «в важности скорейшего овладения безвоздушным пространством, без чего пролетариату не добиться победы во всемирном масштабе» (источник «Минарет»). В другом документе внимание куратора обращалось на курсанта Н., который в споре – как долго продлится надвигающаяся война и успеют ли они, курсанты попасть на фронт? – заявил: «Успеем, ребята. Навоюемся досыта и, возможно, на своей территории». Курсант Неглибко поправил скептика: «Война будет скоротечная и победоносная. Главное, успеть отличиться и получить орден» (источник тот же).

Была ли это умелая маскировка или Шеель искренне верил в непобедимость Красной Армии, со стороны судить было трудно. В любом случае нам будет о чем поговорить на Лубянке.

Что касается Мессинга, он охотно поделился со мной контрамарками. Одну из них я предложил Шеелю-Неглибко, который, играя на своем рабоче-крестьянском происхождении – нас, мол, в детстве кофием не поили! – упорно и не без скрытого ехидства отстаивал тезис о том, что все проделки знаменитого экстрасенса не более чем «ловкость рук» и «обман публики», так как ни Маркс, ни Ленин, ни тем более Сталин нигде, ни в одной из своих работ, не упоминали о возможности опознавать мысли на расстоянии. Особый скепсис вызвала у него способность предсказывать будущее, чего с материалистической точки зрения быть не могло. Я, оказавшись в тот момент в курилке, поинтересовался – почему? Марксизм четко разграничивает непознанное от непознаваемого, и если мы твердо стоим на научных позициях, надо внимательней относиться к тайнам человеческой психики. Я предложил Шеелю лично убедиться в удивительных возможностях приехавшего экстрасенса.

Признаюсь, бросив наживку, я тешил себя надеждой – глядишь, в разговоре по душам, намеченном после посещения концерта, Шеель сболтнет что-нибудь лишнее – например, насчет Дюсельдорфа, где его еще мальчишкой поили кофием и где ему, дворянскому отпрыску, посчастливилось побывать на выступлении Мессинга. Если не проговорится, хотя бы намекнет. Ведь должны же быть слабые места у этого еще очень юного нелегала, иначе как к нему подступиться?

Как вывернуть ему нутро?..

Ясно, что это нельзя сделать с помощью выдиранья зубов или беспробудного бдения, когда подследственному несколько суток не давали спать. Такие методы у нас практиковались, но чаще всего следствию вовсе не надо было прибегать к подобным неординарным методам – охотников помочь органам всегда находилось предостаточно. В их число я включаю и самих подследственных, которые «в интересах партии», захлебываясь, клеветали на самих себя. Полезность физического воздействия вообще сомнительна и выявляется только в тех случаях, когда следствию приходится иметь дело со слабыми в психическом отношении субъектами. Шеель был не из таких, это был факт и с ним надо было считаться. Руководящим тезисом для меня изначально было предположение, что всякое насилие в общении с Шеелем исключалось напрочь. Чтобы склонить его к сотрудничеству, я мог рассчитывать исключительно на доверие, на общность взглядов или, на худой конец, на согласие трудиться сообща. Как ни живуч в человеке страх, я был уверен, – этот парень за столько лет сумел притерпеться к нему, тем более приноровиться к нависшему над ним приговору. Будь он трусом, он давно сошел бы с ума или прибежал к нам с повинной, как однажды поступил Минарет, он же курсант Авилов. Это случилось после окончания средней школы, когда распоясавшиеся подростки, выпив в первый раз в жизни вина, позволили себе в форме анекдотов глумиться над Советской властью. Их было трое. Авилов первым примчался в райотдел. Двоих отправили на поселение, а скороходу, успевшему получить в военкомате направление в военное училище, предложили «во искуплении вины» бдительно следить за настроениями будущих

красных командиров.

Авилов работал грубо, неумно. В деле, заведенном в Одесском управлении НКВД, хранились, например, написанные Неглибко стихи, посвященные прекрасной даме. У дамы было странное имя – Магдалена. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня, мог догадаться, кем была эта Магдалена, однако этот факт неожиданно вызвал у куратора пристальный профессиональный интерес. Нет ли в этом вызывающе буржуазном имени какой-либо контрреволюционной подоплеки? Иначе зачем такой выпендрей?

Позже на следствии Шеель признался – когда обнаружилось, что из его тумбочки исчезает сахар, он для страховки решил вычислить воришку и заодно проверить его на причастность к органам. Проследить, кто именно копается в чужих вещах, не составило труда. Он написал стихи и спрятал эту политическую наживку в тумбочке. Отсюда вывод – курсант Неглибко был не глуп и не прочь поиздеваться над органами, так что с этим фруктом еще работать и работать. Кроме того, эта история выявила определенные недоработки в руководстве осведомителями.

Неглибко с нескрываемой радостью согласился отправиться в филармонию. Весь взвод жутко завидовал ему. Авилов даже рискнул задать провокационный вопрос – с какой стати Ваське такая честь? Я объяснил, курсант Неглибко – отличник боевой и политической подготовки, поэтому преподавательский состав должен с особой чуткостью относиться к отличникам. Во-вторых, в сомнениях товарища Неглибко присутствует искреннее желание разобраться в научной стороне проблемы, связанной с тайнами непознанного, и для того, чтобы в дальнейшем он выступал не голословно, а умел отстаивать свою позицию, я беру его с собой.

Легкомысленный выпад белобрысого, мешковатого Авилова я оставил без последствий – молодо-зелено, однако, как оказалось, тот куда серьезней отнесся к странной позиции, выказанной прикомандированным к училищу особистом, и, проявив незаурядную бдительность, наката на меня донос. Я лично ознакомился с этим сигналом и серьезно поговорил с заместителем начальника управления, посвященным в тайну моей командировки, без расшифровки Неглибко, естественно. Я подсказал заму, что не стоит, где надо и не надо, выпячивать свою «бдительность» и казаться «революционнее», чем ты есть. Я потребовал напомнить куратору Минарета, чем должен заниматься его подопечный – наблюдением, но ни в коем случае не хищением сладкого. Я потребовал напомнить, что прежде чем расставлять галочки в агентурных справках, привлекающих внимание начальства к якобы контрреволюционным стишкам, надо думать. Кто позволил Авилову проявлять инициативу? Кто разрешил ему собирать сведения на комсостав? Я предложил вправить им обоим мозги, иначе мне придется принять свои меры.

Червоточина в психологическом облике Минарета угадывалась с первого взгляда. Учился Авилов неважно, однако был очень силен физически и неглуп практически. Свою будущую карьеру он наивно связывал с поддержкой, какую оказывали ему органы, полагая, что за каждый дополнительный донос ему без обязательной выслуги будут присваивать очередное звание. К сожалению, он уже был задействован в операции, и я не мог вычеркнуть его из списков тех, кто дал согласие отправиться в подмосковный город на курсы подготовки командиров диверсионно-разведывательных взводов.

Пообщавшись с Шеелем, я сделал два важных вывода. Во-первых, в должной мере оценил замечание наркома, предупреждавшего меня о недопустимости спешки в таком важном деле как операция «Близнец». Во-вторых, окончательно уяснил, что лучший способ заставить Шееля работать на нас – это, помимо доверия, постоянно проявлять инициативу. В конце концов, правда за мной, какими бы увертками не пользовались враги Советской власти. Чем дальше, тем сильнее я убеждался, Алексей не безнадобен.

Значит, в бой!

За правду, за победу, за сносную жизнь, которая достанется людям, когда мы сломаем хребет фашистскому зверю и вырвемся в космическое пространство.

Я был уверен – приглашением посетить выступление знаменитого медиума мною выигран первый раунд.

* * *

Приезд Мессинга произвел на одесситов впечатление, которое можно было бы сравнить с

прилетом в город Змея Горыныча. Кассы в филармонии на Пушкинской брали штурмом. Нам с Алексеем с трудом удалось протиснуться в зал, здесь я обнаружил, что горожанам штурм удался. Мало сказать, что в зале некуда яблоку упасть – в зале негде было упасть горошине.

В тот вечер Вольф Григорьевич был особенно в ударе и демонстрировал такие чудеса человеческой психики, что можно было только диву даваться. Задания, которые зрители предлагали ему выполнить, были самые невероятные – по запискам он пересаживал членов комиссии, избранной, чтобы следить, чтобы все происходило «без шухера и всякого фуфла», отыскивал открытки, авторучки, ключи, очешники. В этом ему помогала индуктор – худенькая, перепуганная до смерти женщина в очках. Мессинг держал ее за руку и постоянно повторял: «Думайте, думайте!» Кое-какие трюки он выполнял, не касаясь ее руки, например, сложение и перемножение цифр в карманном календарике. Эти цифры, как, впрочем, и сам календарь, еще надо было отыскать у одного из членов комиссии. По той же методе он находил игральные карты. По фотографиям определял судьбу и место пребывания того или иного человека. Правда, от двух предложений решительно отказался – отговорился тем, что в этом случае поисками должен заниматься не медиум, а компетентные органы, чем привел публику в совершенный восторг.

В память врезалось одно из самых сложных заданий – на сцену передали сложенный номер «Известий» и запечатанную записку, в которой предлагалось поработать над газетой с завязанными глазами. Мессинг согласился. Его увели со сцены и объявили задание – с помощью ножниц вырезать из газет портрет ударника.

Газету развернули, показали публике.

Перед тем, как пригласить Мессинга, номер сложили. Вольфу Григорьевичу завязали глаза, вручили газету. Он развернул ее, и шум в зале заметно поутих. Портрет стахановца был опубликован на второй полосе, а на первой была помещена фотография Сталина во время встречи с каким-то зарубежным журналистом. Как только Мессинг, работая ножницами, добрался до фотографии вождя, в зале наступила мертвая тишина. Мессинг на мгновение замер, поерзал лезвиями, затем ловко и точно по краю фотографии обогнул дорогой и любимый образ и только потом напрямую добрался до заказанного стахановца.

Я задался вопросом – кто этот таинственный доброжелатель, подсунувший артисту газету с портретом Сталина? Где он притаился и как должны были поступить мы, работники органов, если бы Вольф Григорьевич вдруг проехался стальными ножницами по физиономии Петробыча?

Это я к масштабам репрессий. Прежде гражданам следует научиться спрашивать с себя, затем заглянуть в архивы и только потом валить вину на власть, иначе нам никогда не выбраться за пределы заколдованного круга, в котором оказалась Россия. Речь идет о нашей национальной традиции спасаться наказанием самих себя. Пока жареный петух не клюнет... пока гром не грянет... пока то да се... Тогда начинаем... вздымаем дубину народной войны... сплываем ряды... встаем от края и до края. Поем славу павшим героям, которых могло и не быть. Переписываем историю в угоду выжившим захребетникам, страстно клеймим правителей, в том числе и Петробыча, который, конечно, был не сахар. Но кто доверил ему власть? Не сами ли жертвы репрессий? Куда смотрели товарищи Зиновьев, Каменев, Бухарин, Троцкий¹⁸ с компанией?.. Не они ли кричали из президиума – расстрелять! ликвидировать! изолировать!..

Поверьте специалисту – более половины следственных дел возникали не по вине органов, а исходя из наличия «сигналов», да еще подкрепленных двумя свидетелями.¹⁹

¹⁸ Интересна мысль Троцкого насчет революционного чутья. «Ленинизм как система революционного действия предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной – то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде». (Л. Троцкий, «Новый курс». Изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 47).

В ноябре 1936 на пленуме ЦК «любимец партии» Бухарин выступал с речью: «...Необходимо, чтобы сейчас все члены партии, снизу доверху, преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и всем прочим... Я абсолютно, на все сто процентов, считаю правильным и необходимым уничтожить всех этих троцкистов и диверсантов...» А ведь эти троцкисты и диверсанты были его товарищами, с которыми он делал революцию в 1917 году... (Колтакиди, Прудникова. *Двойной заговор*. С. 75).

21 августа в «Правде» появилась статья Пятакова «Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей», в «Известиях» – «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман Троцкий» известного сторонника Троцкого Карла Радека.

¹⁹ Из воспоминаний А. В. Горбатова «Годы и войны», Глава 5 «Так было».

Но вернемся к Мессингу. Ему приходилось нелегко, он выступал в трудных условиях. На сцене было полным-полно зрителей и с каждой минутой они прибывали и прибывали. Граждане, церемонно извиняясь, ходили взад и вперед, пока Мессинг не сделал замечание администратору. Тот, громадный, толстый, насквозь чернявый южанин, решительно отодвинул малорослого, субтильного артиста в сторону и громко, на весь зал осадил одного из перебиравшихся с места на место поклонника непознанного.

– Здесь вам аллея? Что вы расхаживаете, как у себя в коридоре? Гуляйте там, если у вас есть место, а здесь места нет.

Никто не засмеялся. Чтобы рассмешить Одессу надо было сказать что-нибудь поумнее, и, поверьте, они сказали. Зал раззадорил вежливый и необыкновенно въедливый старикашка, избранный в комиссию.

Когда дело дошло до мгновенного перемножения громадных чисел, Мессинга вновь увели со сцены, и председатель принялся записывать цифры, которые предстояло перемножить залетному магу. Цифры выкрикивали из-за зала. Когда председатель комиссии написал девятую по счету цифру, старичок многозначительно изрек.

– Меня сомневают, не будет ли хватит? Кто их будет перемножать? Тетя Фаня Либерштейн? Она бухгалтер, она-таки умеет считать, но и ей есть пределы.

Из зала послышались выкрики – давайте бухгалтера! Давайте тетю Фаню Либерштейн! Тете Фане пришлось встать. Ее пределы действительно были необъятны, дамы с Привоза в сравнении с ней казались девочками. Освободить ей проход к сцене было не под силу даже жизнерадостным одесситам. Члены комиссии подождали, потом председатель комиссии потер лоб и стер по две цифры в каждом числе. Тетя Фаня Либерштейн в уме перемножила их.

Я невольно задался вопросом – зачем одесситы пришли любоваться на Мессинга?

После представления мы обсудили этот вопрос с Васей Неглибко. Я выдвинул тезис, что такой народ невозможно победить. Он горячо согласился с этим предположением.

Глава 7

Алексея Шееля взяли в воскресенье, 9 мая 1941 года, когда курсант Неглибко, переведенный в составе группы в Подольское военно-пехотное училище, получив увольнительную, собрался в Москву. В коридоре ему повстречался Трущев, предложивший Неглибко подбросить его до Москвы. Трущева, мол, срочно вызвали в наркомат, так что если желаешь на служебной «эмке»... Правда, по пути придется завернуть в Щербинку захватить знакомого. Это все равно быстрее, чем ждать пригородный поезд, а потом полтора часа трястись до Курского вокзала.

Неглибко согласился.

Из рассказов Н. М. Трущева:

– Знакомых оказалось двое, оба в штатском. У одного плащ, свернутый и перекинутый через

«Среди моих сокамерников (в Лефортовской тюрьме – прим. авт.) опять оказалось много людей, которые на допросах сочиняли, как они говорили, «романы» и безропотно подписывали протоколы допросов, состряпанных следователем. И чего только не было в этих «романах»! Один, например, сознался, что происходит из княжеского рода и с 1918 года живет по чужому паспорту, взятому у убитого им крестьянина, что все это время вредил Советской власти и т. д. Многие, узнав, что мне удалось не дать никаких показаний, негодовали на свои вымыслы и свое поведение. Другие успокаивали себя тем, что «всему одна цена – что подписал, что не подписал; ведь Горбатов тоже получил пятнадцать плюс пять». А были и такие, что просто мне не верили...»

«...Моим соседом по нарам был в колымском лагере один крупный когда-то работник железнодорожного транспорта, даже хвалившийся тем, что оклеветал около трехсот человек. Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: «Чем больше, тем лучше – скорее все разъяснится». Кроме того, в массовых арестах он видел какую-то «историческую закономерность», приводил примеры из времен Ивана Грозного и Петра Первого... Хотя я не скрывал крайнего нерасположения к этому теоретизирующему клеветнику, тот почему-то всегда старался завести со мной разговор. Меня это сначала злило; потом я стал думать, что он ищет в разговорах успокоения своей совести. Но однажды, будучи выведенным из терпения, сказал ему:

– Ты и тебе подобные так сильно запутали клубок, что распутать его будет трудно. Однако распутают!.. Если бы я оказался на твоём месте, давно бы повесился...

На следующее утро его нашли повесившимся. Несмотря на мою большую к нему неприязнь, я долго и болезненно переживал эту смерть».

руку, под плащом оружие. Шофер подкатил к обочине, притормозил, и они с двух сторон умело подсади в машину.

Шеель сразу все понял, попытался вырваться, его тут же намертво взяли в тиски. Он вслух выругался – ловко, вашу мать. Ему никто не ответил – с той минуты, как ребята из группы захвата зажали его в салоне, он официально считался задержанным. Молодой человек сник и до самой Лубянской площади больше слова не вымолвил. Во дворе внутренней тюрьмы я приказал ему выйти. Задержанный ответил «есть» и вышел из машины. Он был бледен как мел, однако держался достойно. По приказу конвойных неумело сложил руки за спиной. Перед тем, как войти в помещение, в последний раз глянул на небо – и потопал в предбанник.

Мне стало по-человечески жаль его, не по своей воле оказавшегося в непростой ситуации. Я тоже бросил взгляд на небо – день, к несчастью выдался сумрачный, не внушавший оптимизма.

Накрапывало.

По пути в служебный кабинет, я прикинул, чем заняться в первую очередь. Впереди нас ждал долгий и трудный разговор, не на день и не на два. Мне не хотелось превращать его в допросы. Но и разыгрывать панибрата тоже ни к чему.

Из всех тайн, которые мне надлежало выведать у Алексея Шееля, наиважнейшей было отношение к Советской власти. Кто он, Алексей Шеель, – матерый двурушник или заплутавший в трех соснах человек? Фанатик, вроде его отца, свихнувшегося на бреднях Гербигера и Листа или разумный, всерьез мечтающий о космических полетах товарищ? Придурок, уверовавший в превосходство арийской расы над славянскими недочеловеками или законный приемный сын Страны Советов? На этом пустышном, не имеющем, на первый взгляд, существенного значения вопросе – шпион, он и есть шпион! – висела судьба всей операции, а также моя собственная судьба и судьбы всех, кто был причастен к этому труднейшему заданию партии. У меня с самого начала были сомнения в возможность однозначного ответа на этот вопрос.

Одесса только подтвердила их.

Увидев меня за столом в камере для допросов во внутренней тюрьме на Лубянке, Алексей Шеель начал с признания – классно работаете, Николай Михайлович, или как вас там?..

– Так и есть, Николай Михайлович, – подтвердил я и добавил. – Спасибо за комплимент, Вася, он же Алеша, он же Алекс-Еско. Ладно, оставим лирику. Имя, отчество, фамилия... – затем я, как и было запланировано, скакнул на другое. – До невесты так и не доехал?

Алексей кивнул.

– Хорошо, что не доехал. Моя Галю успела замуж выскочить.

– Проверять? – спросил я.

– А проверяйте!

– Может, сам все расскажешь?

– А чего, расскажу. Попробуй не рассказать, все равно сами все узнаете. Подсадите в камеру какого-нибудь чуткого товарища, он все и выведает.

– Все да не все, Алеша, поэтому сам решай – либо все подчистую, либо никакого снисхождения.

– О каком снисхождении вы говорите, товарищ следователь! Что с моим отцом?

Мне пришлось по душе «товарищ следователь», но согласно процессуальному кодексу я должен был поправить его.

– Гражданин следователь! Что касается отца, его приговорили к высшей мере. Он отказался сотрудничать со следствием.

– Приговор приведен в исполнение?

– Да.

– Ага, значит пугать расправой над близким родственником не станете. Впрочем, пугать меня – безнадежное занятие. Я за свои двадцать лет столько раз пугался, что...

– Послушай, Алексей! Давай отбросим личные обиды! Давай отбросим все личное и взглянем на ситуацию как мужчины. Происхождение происхождением, но как ни крути, единственную присягу, которую тебе пришлось дать, это была присяга нашей Советской отчизне. Тебя вывезли из Германии ребенком, ты не вправе отвечать за грехи отцов. Слыхал, сын за отца не отвечает?

Шеель с некоторой издевкой во взгляде, кивнул.

Я продолжил атаку.

– Как бы ты повел себя на нашем месте? И еще – все, о чем мы говорили с тобой – после концерта Мессинга, в поезде, по прибытию в Подольск – все правда. Я ценю твой энтузиазм в отношении полетов в свободном пространстве, готов согласиться и с утверждением, что мировому пролетариату крайне важно первым выйти в космос, однако на сегодняшний день у пролетариата есть куда более важные и насущные задачи. Согласен?

Шеель задумался.

– Хорошо, я все расскажу. Признание будет добровольным. Надеюсь, мне это зачтется?

– Обязательно, даже если на тебе есть кровь.

– Крови на мне нет.

– Это значительно упрощает дело, – согласился я и занес его признание в протокол. – А теперь насчет подсадного. Его уже приготовили. Вдвоем в камере, знаешь ли, веселее.

Шеель пожал плечами.

В следующий момент в кабинет вошел Анатолий Закруткин.

– Алексей, – обратился я к Шеелю, – познакомься. Это курсант Неглибко Василий Петрович. (Далее разговор пошел на немецком языке.)

Шеель долго взглядывался в Закруткина, затем поинтересовался.

– Альтер эго?

Закруткин подтвердил.

– Оно самое, и даже больше, чем альтер – еще и кандидат в члены партии.

– Похвально, – одобрил Шеель. – А я вот не успел. Теперь, надеюсь, не успею.

Я подбодрил его.

– Не торопись, Алеша. Партия никуда не убежит, она – на века. Успеешь вступить.

– В какую посоветуете, Николай Михайлович! – поинтересовался Алекс. – В ВКП(б) или НСДАП?

– Это смотря по обстоятельствам. А теперь давай с самого начала. Имя, время, место рождения...

– Алекс-Еско Альфред фон Шеель, после смерти папочки наследник титула. Барон. Гражданин Советского Союза. Место рождения Дюссельдорф, 17 мая 1921 года...

* * *

Срабатывались мы на рысях – «не упускают ни минуты» потребовал от нас Берия, – хотя трудностей хватало.

Они ворохом сыпались на нас.

Например, еще во время учебы в Уральском политехе Шеелю вырезали аппендицит, и на упражнениях по физической подготовке курсанты могли вволю любоваться шрамом, располовавшим ему живот, а также родинками и прочими отметинами на теле. По приказу Федотова Анатолию пришлось срочно лечь в госпиталь, где его лишили этого поганого отростка. Операция и связанная с ней нетрудоспособность отняла пару недель, а ведь ему в ускоренном режиме надо было осваивать радиодело и много прочих секретных наук, о которых теперь слышаны все. Правда, нам здорово помогало, что отец сумел воспитать в сыне интерес к подобного рода занятиям.

Были и другие накладки, например, связанные с языком, особенно с произношением и местными для рейнских областей идиомами, с группой крови – она у них была различна.

В первые дни Шеель вел себя на редкость покладисто. Ему не надо было ничего объяснять, убеждать, доказывать – он моментально смекнул, зачем на допросах присутствует похожий на него человек. Шеель был словоохотлив, активен, проявлял инициативу, писал отчет за отчетом, самостоятельно располагал их по месяцам и годам, прорабатывал различные сценарии поведения Анатолия в тех случаях, когда тому придется иметь дело с людьми, знавшими его, отца, мать и вообще Шеелей. Однажды он признался, что ему самому интересно – как этот «товарищ» сыграет его роль «там», в Германии?

Про себя с ехидцей проговорился.

«На чем проколется?..»

Я вида не подал, что распознал его тайные мысли – угадать их большого ума не требовалось. Я подозревал что-либо подобное, и мы с Федотовым поговорили с подследственным по душам.

Чтобы исключить возможность провала, в мою задачу входило любой ценой добиться работоспособности этого удивительного треугольника, включавшего двух моих подопечных и меня, в чьем лице были представлено руководство органами – Федотов, Фитин,²⁰ а также многие другие сотрудники, обеспечивавшие успех дела. Ставки в этой игре были очень высокие – сам понимаешь, какие.

Это была трудная задача, без сноровки и творческой инициативы ее не решить.

Беда в том, что скоро выяснилось – Алексей и Анатолий испытывали друг к другу откровенную антипатию.

Шеель не мог простить мне, а в моем лице Советской власти, дьявольскую, как ему казалось, каверзу, какую власть рабочих и крестьян сыграла с ним, подсунув так называемого «близнеца». Я был уверен, Алекс обсуждал с отцом возможность провала, и тот объяснил ему, как вести себя в случае ареста. Если тебя возьмут, пусть это будет статья 58, пункт 1а (шпионаж). Этого пункта и следует держаться. Любой ценой постарайся избежать всех последующих параграфов, касавшихся контрреволюционной и вредительской деятельности. Никакой политики! По первому пункту тебя могут приговорить к расстрелу, но эта обязателька распространяется только на военных, при смягчающих обстоятельствах можно отделаться и десятью годами заключения. Смягчающие обстоятельства налицо – возраст, в реальных шпионских деяниях ты практически не принимал участия (по крайней мере, ничего такого нам доказать не удалось). Прибавь к этому добровольное признание и желание сотрудничать с органами. Отсидишь десять лет – и на волю с чистой совестью. К тому же мало ли что могло случиться за этот срок. Например, Германия нападет на СССР или СССР на Германию и еще неизвестно, кто победит в этой схватке.

Появление двойника спутало Шеелю все карты. Вовлеченный против воли в навязанную ему комбинацию, он становился заложником задуманной НКВД игры. Как всякий, причисляющий себя к трезвомыслящим европейцам, трезвомыслящий человек, Еско был уверен – этому «продукту советской эпохи», «активисту и передовику социалистической учебы», никак не выжить в живущей по другим законам, более культурной и откровенно враждебной всему русскому – тем более, советскому! – среде. Рано или поздно этого «новатора» схватят, и провал обязательно спишут на него.

К этому трезвому и тщательно выверенному расчету примешивалась тончайшая психологическая подоплека. Отвратительным казалось Шеелю само требование выложить свою подноготную. Он как рассуждал – попался, так судите, но ультиматум, обязывающий его делиться с похожим на него «передовиком» самыми интимными подробностями личной жизни, посчитал безжалостным глумлением над тем, что было ему дорого.

Неприязнь Шееля я мог понять, но вот обида Закруткина буквально огорошила меня. Свою антипатию к Шеелю он объяснил инстинктивным неприятием навязанной ему личины. О каких полетах в безвоздушное пространство можно мечтать, когда враг у ворот? Будь его воля, он ни за что бы ни согласился стать Алексом-Еско фон Шеелем, просиживать штаны в вонючих буржуазных салонах, ухаживать за развратными, манерными женщинами, на которых он, будучи Анатолием Закруткиным, никогда бы и глаз не положил. У него были иные планы. Он готов пожертвовать собой, но не в личине фашистского холуя! Приказ перевоплотиться в чужого он ощущал как невыносимую для советского человека, пагубную зависимость от этого невесть откуда взявшегося фашистского недобитка. Наличие Шееля, тем более необходимость походить на него, замещать его, вызвало у него нежелательное, прилипчивое чувство, как если бы ему, мальчику из хорошей советской семьи, пришлось надеть чужие грязные носки и разгуливать в них в странной, если не

²⁰ *Фитин П. М.* (1907–1971) – руководитель 5-го отдела ГУГБ НКВД (внешней разведки) во время войны.

Несмотря на молодость П. М. Фитина, которому к моменту назначения на руководящий пост исполнилось всего тридцать один год, выбор начальника разведки органов государственной безопасности оказался правильным. Возглавляя внешнюю разведку в годы войны, комиссар госбезопасности 3-го ранга Фитин сделал все зависящее от него для того, чтобы обеспечить политическое руководство страны достоверной политической информацией о стратегических замыслах германского командования, сведениями о перспективах открытия «второго фронта» в Европе, документальными материалами о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции в послевоенный период. Важный вклад принадлежит П. М. Фитину в овладение Советским Союзом секретами ядерного оружия.

В конце июня 1946 года по распоряжению Берии генерал-лейтенант Фитин был освобожден от занимаемой должности. Лишь после ареста и суда над Берией и его подручными в 1953 году П. М. Фитину удалось устроиться директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы, где он работал до конца жизни.

сказать неприемлемой, для кандидата в члены партии, компании.

– Умереть без права быть собой, что же в этом героического, Николай Михайлович?!

Не хватало только, чтобы кандидат, на которого руководство возлагало такие надежды, поставил личное выше общественного!

Им – и тому, и другому – словно под копирку, мерещилось, будто жизнь, в силу какой-то неясной потусторонней причуды, наградившей их одной биографией на двоих, обошлась с ними вызывающе несправедливо.

Причем, без всякого повода с их стороны.

Шеель, например, уверил себя, что на его долю выпало все самое скверное, что могло приготовить им совместное будущее – отсидку с постоянным ожиданием расстрела, в то время как его альтер эго, его тень, будет просиживать в салонах штаны, пользоваться его капиталом, любить женщин, которых должен был любить он, Алекс фон Шеель, ведь судя по заданию, НКВД обязательно постарается свести его с Магди Майендорф, о которой у Алекса остались самые теплые воспоминания. Эта симпатичная, всегда умытая, сверхаккуратная и ухоженная девочка часто являлась ему в сне. Здесь не было ничего сексуального. Станным образом Магди олицетворяла Германию. Отчасти это был бред, но Еско и бредом не хотел делиться с Закруткиным.

В свою очередь, Анатолий ни капельки не верил Шеелю и полагал, что тот все равно каким-нибудь хитрым способом предаст его, и он будет не в силах предотвратить провал. Каждый из них винил другого, что тот загоняет его в тиски. Каждому было не по себе от одной только неотвязной мысли, что добром это поручение ВКП(б) закончиться не может. Рано или поздно их поволокут на казнь, с кого потом спросишь за такой итог?

Это очень мешало работе.

Удивительно, но их внешнее сходство, а также откровенное неприятие друг друга, остроумнейшая пикировка на допросах, как магнит притягивала к себе таких крайне занятых, неподкупных и, не побоюсь этого слова, суровых до абсолютной черствости людей как мои начальники. Если присутствие Федотова и Фитина на допросах объяснялось служебными обязанностями – именно им была поручена роль кураторов, то посещение допросов – или, точнее, бесед – наркомом НКГБ В. Н. Меркуловым, его странные наводящие вопросы, с помощью которых он пытался выявить причину неприязни, придавали этим посещениям, а также вопросам, которые он задавал, – какой-то несовместимый с лубяньским воздухом гротесково-театральный или, скорее, киношный характер.

Не допрос в лубяньских подвалах, а творческая перебранка в каком-нибудь дореволюционном литературном кафе!

Побывав на допросах, Меркулов неожиданно задался вопросом – не являются ли Шеель и Закруткин родственниками? Для проверки этой версии были подняты горы материалов, задействованы несколько сотрудников. Благо, я в этой мышине возне не участвовал, у меня своих забот хватало. В конце концов Всеволод Николаевич сделал сенсационное открытие – причина неприязни в том, что они оба оказались чужими друг другу людьми. Конечно, Владислав Николаевич являлся известным драмоделом, знатоком человеческих душ, мастодонтом пера, правда, доморощенным и раскритикованным самим Петробычем, однако я нутром чуял, дело здесь не в родстве, не в отсутствии родства, не в какой-то мистической подоплеке, а во вполне определенной, правда, пока еще неясной, непознанной конкретике, в наличии которой я убедился после случая со Светочкой и колебаниями старшего Закруткина в отношении судьбы его сына. Именно тогда мне посчастливилось прикоснуться к головокружительной тайне, которую можно было бы обозначить как поиск согласия.

Или танец доверия... Существует несколько определений этому умению...

Мало Меркулова?

Получите Лаврентия Павловича!

Он тоже захаживал к нам на посиделки. Его интерес объяснялся просто. С годами я накрепко усвоил, что Петробыч никогда и ничего, по крайней мере, до и во время войны, не забывал. Если прибавить к незаурядной памяти привычку в самый неподходящий момент задавать самые каверзные для докладчика вопросы, можно представить, с каким вниманием нарком относился к подготовке Закруткина. Правда, свое мнение он придерживал, доверял исполнителям, которые лучше знают, как поступить в том или ином случае. Только однажды напомнил Шеелю, в какие игры

здесь играют.

– Если, Шеель, все пройдет без сучка и задоринки, вы можете рассчитывать на значительные льготы во время отсидки. А то и на амнистию.

Шеель позволил себе вопрос.

– А если нет?

– Сотрем в лагерную пиль.

До меня, к тому моменту уже терявшему последние силы, внезапно, будто из-под земли доносится мысленный выкрик Шееля – «*это вы можете!*»

Я с некоторым мысленным усилием подтвердил – «*можем!*»

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить «близнецов» – в начале славных дел такая нервотрепка просто неуместна. Сколько сил пришлось потратить, чтобы доходчиво объяснить этим, по существу, желторотым юнцам – их недоверие в отношении друг друга не имеет серьезных оснований, это не более чем рябь на воде. Давайте заглянем в глубину. Зачем заранее хоронить себя? Не лучше ли сосредоточиться на необходимости выжить и победить, а этого можно добиться исключительно, если мы отбросим всякого рода предрассудки и попытаемся отыскать согласие. Встанем в позу, которая устроит всех, кто задействован в этой операции. Мы все в этом деле партнеры, разве не так, Еско? Так давай станцуем предложенный нам судьбой танец! Ведь этого не избежать, а музыка уже слышна.

Еско после короткого раздумья вынужден был согласиться.

Тогда сбей фокусировку с сиюминутных обид, настройся на долговременное сотрудничество.

Прикинь, Анатолий, что вырисовывается в сердцевине нашей комбинации?

Прикиньте оба...

Правильно, жизнь. Дар бесценный, манящий. Если мы побрезгуем жизнью и замкнемся в собственных обидах и предрассудках, вам удастся выжить?

Теперь задумались оба.

После короткой паузы Шеель поинтересовался – а вам, Николай Михайлович?

Закруткин промолчал, но я был уверен – он задался тем же самым вопросом. Алекс-Еско только опередил его, и этот подспудный, едва ощутимый факт переломил ситуацию.

Я ответил искренне – мне в первую очередь. Мне жизненно необходимо с пользой отвалсировать свою партию, иначе... И тут же бросился в атаку – так будьте мужчинами, помогите друг другу, помогите мне достичь цели. Как иначе можно добиться победы, если не действовать согласованно.

Усекли?

Я рисовал им различные схемы, вычерчивал геометрические фигуры, соединял вершины фигур отрезками прямых, на которых писал всякого рода отношения, которые связывают людей, – «любовь», «ненависть», «привязанность», «расчет», «равнодушие», «желание помочь» и много других. Не индивидуальные душевные характеристики – например, «жадность», «бескорыстие», «трусость», «храбрость», «гордыня», «присмиренчество» – а именно те, что связывают нас в нечто, что условно можно назвать человеческим сообществом.

Я снабжал отрезки стрелками, чтобы показать направленность действий. В случае «антипатии», например, острия были направлены в разные стороны, в случае «любви» – друг к другу. Объяснял, что существует «исполнение» и «исполнительность» и не надо путать одно с другим, как нельзя подменять «убеждения» «убежденностью», «устремление» «устремленностью», «боязнь» «робостью». Если первое – акт, поступок, порыв, то второе – качество, определяющее судьбу человека, причем, чаще всего это качество ориентировано на какой-нибудь «изм». Я спрашивал – вправе ли человек отказываться от своего глубинного «я» ради выявления в себе раба любого из этих качеств?

Одним словом, занимался всякой ерундистикой. Нажимал на практику, бил на логику, на неизбежность победы труда над капиталом. Сочинял сказки о светлом будущем, ссылаясь на несуществующих знающих людей – я называл их иногда «зналами», иногда «симфами», которые уверяют, что согласие, лад, созвучие – это прямая противоположность не только раздору, конфликту и разладу, но и единству, единодушию, консолидации, сплочению.

Я спрашивал их – в чем и как искать *согласие*? Понятно, что в исполнении задания, но стоит

ли при этом поступаться своим пониманием правды и истины ради какой-то другой правды и истины? Никто не заставляет вас отказываться от чего-то ценного самого по себе ради чего-то ценного самого по себе? Кому нужно такого рода принуждение? Такое принуждение назовем *единением*.

Я задавал вопрос – существует ли в принципе возможность таких отношений, когда и свое свято и чужое в радость, после чего предлагал задуматься именно над такой организацией наших совместных усилий?

Не берусь утверждать, что мне удалось сагитировать их, однако после нескольких усиленных политзанятий работа пошла слаженней, правда, не без нервотрепки, которая усугублялась нехваткой времени, а также повышенным вниманием начальства к проведению подготовительных мероприятий, связанных с операцией «Близнец».

За короткое время свалившиеся мне на голову «близнецы» довели меня до крайней степени изнеможения. Я буквально валился с ног, ведь за какой-то месяц, оставшийся до начала войны, мне, кроме всего прочего, пришлось отработать связника Шееля, работавшего бухгалтером на одном из оборонных предприятий Москвы. После ареста отца Алекс обратился к нему за помощью. Тот снабдил его чистейшими документами, посоветовал держаться подальше от столицы, поступить в военное училище. Лучше всего, в Одессе или Ленинграде. Туда часто захаживают германские торговые суда. В крайнем случае, война не за горами. Постарайся как можно скорее попасть на фронт, там ты получишь шанс перейти к своим. Здесь тебя рано или поздно отыщут.

Совет был неглупый. Мы им воспользовались.

Бухгалтер оказался агентом длительного залегания. Его задание состояло в том, чтобы передавать сведения о состоянии радиосвязи в Красной Армии. Состояние было ужасающее, и дело даже не в самой технике, которая была значительно хуже немецкой, но в самом отношении общевоинских командиров к этому «ненадежному» с их точки зрения, средству связи.

Выявив нутро Бухгалтера, руководство пришло к выводу, что этот тишайший, неприметный негодяй и двурушник может оказаться перспективным каналом для слива дезинформации, целью которой было любой ценой оттянуть начало войны с весны 1942 года на весну 1943-го. Эта задача для органов в те дни считалась наиважнейшей. К бухгалтеру приставили родного племянника, вполне надежного товарища, с нашей помощью переведенного в Москву из Новосибирска и якобы имевшего выход на кремлевские верхи, так что хотя бы в этом пункте мы получили от Шееля весомую прибыль.

Кроме того, мы решили использовать Бухгалтера для определения степени готовности Закруткина.

Это было очень серьезное испытание и руководство не сразу дало санкцию. Мы с Федотовым имели в виду не только проверку Закруткина, но и добросовестности барончика, ведь встречу мы спланировали по его указаниям. Прежде всего, визуальный сигнал – в 19–30 Бухгалтер должен был выйти из проходной и направиться в сторону станции метро. В 19–32 Закруткин двинется ему навстречу с газетой «Известия» в правой руке. Ровно через два часа он должен позвонить Бухгалтеру по телефону-автомату. Вопрос – это аптека номер двадцать один? Бухгалтер должен ответить – нет, вы ошиблись номером. После чего Бухгалтер обязан положить трубку. Любые добавочные слова будут свидетельствовать о том, что встреча отменяется.

Я подробно проинструктировал Закруткина. Он торопливо кивал, со всем соглашался и рвался в бой.

Молодо-зелено!

В 21–00 он появился на условленном месте. Это был тихий московский дворик в районе Покровского бульвара, куда можно было попасть с нескольких сторон. За скамейкой в глубине двора, на которой расположился Бухгалтер, находился вход в подъезд, откуда можно было выбраться на бульвар.

Встреча прошла на удивление полезно. Закруткин сообщил Бухгалтеру, что со дня на день ждет отправки на фронт – дело происходило в июле сорок первого – и это, по-видимому, последняя увольнительная. Он спросил – сгодится ли пароль для связи со своими, который сообщил ему отец? Бухгалтер ответил, что ничего сказать не может.

Объяснил.

– С началом войны все могло измениться. Ориентируйся на месте, – затем посоветовал. –

Только не спеши и не рискуй попусту. Ты нужен рейху. С твоим опытом, с твоими данными тебя ждет блистательная карьера.

Что-то передать с Алексом Бухгалтер отказался – отговорился тем, что это неоправданный риск. К тому же сведения быстро устаревают.

На этом, пожелав друг другу удачи, они расстались.

Проверка через Племянника подтвердила, Бухгалтер ничего не заподозрил, более того, он откровенно позавидовал Алексу-Еско – «скоро тот будет среди своих». Выходит, сработали на отлично.

Затем, уже в более спокойной обстановке, мы проработали с Анатолием конкретные детали перехода линии фронта, явки в Смоленске и Великих луках. В ожидание вызова с согласия старшего майора Федотова Закруткин, согласно легенде, отправился в Подольск, в родное училище, где он числился как Неглибко и где должен был дожидаться особого приказа.

За Бухгалтера я получил повышение, а также талон на право приобретения замечательных швейцарских часов «лонжин», которыми снабжал наше управление Николай Кузнецов. Слыхал о таком? Герой Советского Союза, человек-легенда?..

Я кивнул.

Николай Михайлович пояснил.

– Перед самой войной Кузнецов работал в Москве на подставе. Сбывал ювелирные изделия и часы, привезенные иностранными дипломатами из-за границы на продажу. Контрразведка ловила их на спекуляциях и принуждала к сотрудничеству. К слову сказать, среди них попадались весьма жирные караси. Скоро Кузнецов развернулся в таком масштабе, что руководство, чтобы как-то окупить расходы, разрешило продать часы «по себестоимости», то есть по весьма доступным ценам особо отличившимся сотрудникам. Получение каждого талона было праздником, его вручали в присутствии коллег. Понятно, что источник, откуда поступали часы, был надежно скрыт и залегендирован.

Правда, никто и не спрашивал, все и так знали.

Часть II Крестовые ситуации

В работе ни я, ни мои коллеги, никогда не прибегал к услугам экстрасенсов. Своим успехом мы обязаны прежде всего трудолюбию, внимательности, профессионализму и сжатым срокам получения информации.

Рейнхард Гелен

Глава 1

Наркомат госбезопасности²¹ залихорадило шестнадцатого или семнадцатого июня 1941 года, когда на совещании ответственных работников Меркулов приказал Судоплатову²² организовать

²¹ Накануне войны, 3.02.1941 НКВД СССР был разделён на два самостоятельных органа: НКВД СССР (нарком – Л. П. Берия) и Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ) (нарком – В. Н. Меркулов). В НКГБ вошло и управление контрразведки во главе с П. В. Федотовым. В составе нового ведомства не оказалось особых отделов (ОО), то есть военной контрразведки, которые подчинили наркоматам обороны и военно-морского флота (третьи управления НКО и НКВМФ). В НКВД СССР от бывшего ГУГБ остался лишь 3-й отдел, в задачу которого входило контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск. Координация деятельности разрозненных ветвей системы спецслужб возлагалась на созданный для этого Центральный совет.

17.06.1941 г. был воссоздан единый Народный комиссариат внутренних дел. Военную контрразведку возглавило Управление особых отделов (УОО) НКВД во главе с В. С. Абакумовым.

²² Судоплатов П. А. (1907–1996) – генерал-лейтенант госбезопасности, с 1941 по 1945 г. начальник Особой группы при наркоме НКВД–НКГБ СССР, выдающийся организатор тайных разведывательно-диверсионных операций. В условиях жесточайшего полицейского режима на временно оккупированных фашистами советских территориях Судоплатову и его подчиненным удалось подготовить и провести сотни не имеющих аналогов разведывательных и диверсионных операций. В 1953 г. по личному указанию Хрущева был арестован и 15 лет провел в тюрьмах. Полностью реабилитирован в 1998 г.

для проведения спецопераций особую группу из числа сотрудников, находившихся в его непосредственном подчинении. Я был включен в эту группу для обеспечения связи с контрразведкой.

В ночь с пятницы на субботу меня долго не отпускали домой. Федотов приказал немедленно заняться справкой по состоянию дел операции «Близнец». В справке я указал, что необходимую подготовку реально закончить через три-четыре месяца, к ноябрю сорок первого. Большие проблемы возникли с произношением, а также с наличием у Шееля шва, оставшегося после удаления аппендикса. Федотов ничего мне не ответил, и я счел его молчание как согласие на указанный срок, однако жизнь взяла свое.

Домой я добрался к четырем часам утра и сразу завалился спать, но толком отдохнуть мне не дали. В пять утра Таня разбудила меня, шепнула – звонят из наркомата – и расплакалась. Я успокоил ее – что ты, родная! Действительно, за последние два месяца меня раза по два на неделе срывали из дома. Добравшись до наркомата, я узнал о начале войны. Эту новость я спросонья выслушал тупо, только мелькнуло в голове – началось! – и сразу за работу.

Здесь Николай Михайлович позволил сделать отступление.

– Война – это трагедия. Громадная, вот такая, – он сверху вниз обвел руками окружность. – Личная трагедия каждого советского гражданина. Это была катастрофа, подлинная, без всякого намека на снисхождение, на милость к участникам, жертвам и свидетелям. Однако мало кто сразу воспринял ее целиком, как некий кошмар, которого не избежать, от которого не спрятаться. Трудно было поверить, что рано или поздно враг посягнет на твою жизнь, на жизнь тех, кто тебе дорог. На жизни детей, стариков, женщин и в первую очередь на жизни молодых здоровых мужчин. Всех! То есть, в общем и целом... – он обвел руками окружность, теперь снизу вверх, – каждому было ясно: нагрянула неслыханная беда, но принять ее, оценить масштаб последствий, разум отказывался. Я, например, тешил себя надеждой на пролетарскую солидарность – неужели немецкие рабочие поднимут руку на первое в мире государство рабочих и крестьян?! Успокаивал себя мощью Красной Армии – повоюем на чужой территории, и по домам! Верил, все как-нибудь само собой устаканиться.

Он неожиданно уперся локтями в стол, уткнул лицо в сомкнутые ладони.

Я замер.

Что он там увидел?

Мой отец в такие минуты уходил в другую комнату и начинал расхаживать там из угла в угол. Неужели этот энкаведешник заплакал? Я не слышал его рыданий, не видал слез, но я видал глаза отца, нагулявшегося за стенкой. Как-то он рассказал мне, школьнику, как для него началась война. В чем-то его воспоминания сходились с рассказом Трущева.

Это было под Ельней. Август сорок первого... Батальонная колонна двигалась по шоссе Москва-Смоленск в сторону Смоленска. В стороне на увалах немцы устроили засаду – зарыли свои танки в землю и принялись расстреливать колонну с дистанции в триста метров. Сначала факелом вспыхнул идущий впереди Т-34 комиссара батальона, затем две болванки пробиты борт отцовского Т-26, в ключья разорвали механика-водителя. Следующий снаряд угодил в моторное отделение. Стало дымить. Отец рассказывал, что до сих пор не может вспомнить, как выбрался наружу, скорее всего, через нижний люк.

Николай Михайлович оторвал лицо от ладоней и торжествующим голосом добавил.

– Пока не долбануло! По самому кумполу! К чему я веду?..

Он задумался.

– Ага... К тому, что каждый из нас вступил в войну в разные моменты, в разных условиях, при разных обстоятельствах. Ощущение, что от нее не спрячешься, не убережешься, приходило не сразу.

Меня, например, война настигла в начале октября сорок первого, когда на Лубянку, в ответ на приказ направить курсанта Неглибко в Москву в распоряжение наркомата обороны, из Подольска ответили, что курсант Неглибко пропал без вести в боях под Юхновым.

Я не сразу понял смысл сообщения. В каких боях?! Он не имел права участвовать ни в каких боях! Еще через неделю, когда по результатам следствия выяснилось, что Закруткин мало того,

что нарушил боевой приказ, но и добровольно сдался немцам, меня арестовали.

Трущев направился в дом, вернулся с блокнотом, водрузил очки на нос и строго предупредил.

– С этого момента записывай точно, только то, что я продиктую.

Он раскрыл блокнот.

Завороженный, близостью истории, ее неодолимой, цепкой властью, способной походить скомкать в неразрешимую для человека загадку личную трагедию и гигантское вражеское нашествие, гибель сотен тысяч людей и крушение надежд одного-единственного, не самого приметного индивидуума, пусть даже и старшего лейтенанта НКВД, я затаил дыхание.

Николай Михайлович продиктовал.

– В конце сентября сорок первого года удар германской группы армий «Центр» потряс всю «жидкую» оборону советских войск на Западном направлении. 3 октября немцы взяли Орел, 5 – Юхнов и Мосальск. 14 октября – Калинин, в скобках Тверь. Записал? Тверь в скобках? Хорошо... 12 октября передовые части вермахта вошли в Калугу. В окружении под Вязьмой и в районе западнее Орла оказались шесть советских армий, что-то около полумиллиона человек.

После взятия Калуги перед врагом открылась прямая дорога на Москву с юго-запада.

Поднятые по тревоге курсанты двух Подольских училищ около двух недель сдерживали врага под Юхновым и на Ильинском оборонительном рубеже. Это на реке Наре. Они полегли там практически все, на наши позиции вышло с пять десятков измученных и израненных бойцов.

Он закрыл блокнот, закурил, затем резко предупредил.

– Об этом не пиши. Усек? Из двух тысяч восемнадцатилетних-девятнадцатилетних парней выжило всего несколько десятков человек!.. По поводу пропавшего курсанта Неглибко было назначено спецрасследование, которое установило, что по свидетельству уцелевших курсантов Неглибко добровольно перешел на сторону немцев.

* * *

Трущев успокаивался долго, вздыхал, в раздумье шевелил пальцами, наконец продолжил прежним назидательным тоном.

– Меня арестовали в ночь на 15 октября и сразу на допрос.

Абакумов Виктор Семенович уже ждал меня. Ему было не до пустых формальностей. Он сразу поставил вопрос ребром.

– Не ведешь ли ты, падло, двойную игру? – после чего ударил в ухо.

Затем наклонился и задал следующий вопрос.

– Это ты завербовал Закруткина или он тебя?

Удар сапогом в область печени.

– Сознайся, ты дал ему задание связаться с абвером?

Удар сапогом в ребра.

– Или с гестапо?..

Абакумов сгреб меня за ворот гимнастерки и резко, рывком усадил на табуретку.

– Отвечай, падло!!

Кем я был в сравнении с Виктором Семеновичем? Мелким замухрышкой, птенчиком. Или тараканчиком. Абакумов, сын истопника и прачки, был красавец под два метра роста, косая сажень в плечах.

Я был уверен – то, что он проделывал со мной, было мероприятие показушное. Психологическое давление, не более того. Захотел бы, одним ударом сломал челюсть, а так – я изнутри обвел зубы языком – все на месте. Это я к тому, что Виктор Семенович был неглупый человек и понимал – сегодня он меня, завтра я его.

Далее он повел допрос во вполне интеллигентном духе.

– Выкладывай, сволочь, что вы там с этим негодяем Закруткиным задумали?

Я, чтобы избавиться от сгустка во рту, сплюнул. Крови оказалось многовато.

– Не только я, но и Федотов, Фитин, Меркулов...

– Ты еще наркома сюда приплети! – посоветовал Абакумов.

Я внял совету.

– Товарищ Берия, а также товарищ Сталин.

– Я слышал эту историю, Трущев, – скривился Абакумов. – Ты решил спрятаться за их спинами? Не выйдет, сволочь!

– Нет, я просто пытаюсь объяснить, о чем мне позволено говорить, а о чем лучше помолчать.

Абакумов встал, прошелся по камере, остановился за спиной. Я изо всех сил напрягся – попытался сохранить спокойствие и не выдать себя. Я с детства боюсь ударов сзади.

Старший майор, начальник управления особых отделов (УОО) НКВД, зашел с фланга, наклонился, заглянул в глаза.

– Как ты мог, Трущев, обмануть партию? Обмануть товарища Сталина?! Тебе доверили такое важное дело, а ты решил сьюлить? Решил нажать политический капитал, чтобы было что предложить фашистам, когда они войдут в Москву? Ты рассчитываешь, они войдут в столицу?

– Я всегда был верен Сталину и партии. Верен до конца!

– Оно и видно, как ты был верен. Где твой Закруткин, падло?!

– Виктор Семенович, – немея от страха, обратился я к Абакумову, – может, сначала разберемся, а потом в ухо?

– По уху, – поправил меня Абакумов. – Если бы в ухо, ты бы не встал. У меня рука, сам знаешь, какая. А насчет разобратся, давай разберемся. Подскажи, как и когда вы с Закруткиным задумали предательство. Может, у вас в компании еще кто-то был?

Меня пронзило – почему он не спрашивает о Шееле? Он не знает о барончике?

Да! Да! Да!

Следовательно ему приказано вывернуть мне нутро, но не более того. Достоверно никто не знает, что случилось с Закруткиным.

Ну, Анатолий! Ну, передовик!! Ну, новатор на почве разведки!!! Попадись ты мне в руки!

Абакумов позволил назвать себя по имени, следовательно я ему не тамбовский волк, а пока свой, но с мутью. Пусть даже обманувший доверие, но свой!.. Значит, еще можно побороться.

Ну, Закруткин!.. Своими руками удавил бы!

Мне нельзя упоминать о Шееле! Если Абакумов знает о нем, пусть сам назовет это имя. Может, заодно со спецрасследованием, порученным Абакумову, Лаврентий Павлович решил лишний раз выявить мое нутро? Если Абакумов назовет, значит, он имеет доступ к операции «Близнец». Это плохо. Тогда мне каюк. Но если не назовет, значит, либо не знает, либо не хочет подставляться.

– Да, в нашу компанию с Закруткиным входили разные люди, но о них не стоит упоминать.

– А это видел? – Абакумов показал мне кулак.

– Виктор Семенович, объясните, что случилось? Почему вы решили, что Закруткин предатель? Потому что ушел к немцам? Но ведь он и должен был туда уйти.

– Ага, должен. Когда и где, вот в чем вопрос? А насчет того, что я решил, это не так. Это свидетели решили.

Он протянул мне кипу листов. Это были свидетельские показания, которые выжившие под Юхновым и Ильинским курсанты дали при расследовании дела курсанта Неглибко.

Из показаний курсанта Бязева И. С.

«5 октября было воскресенье, день выдался солнечный и теплый. К ребятам приехали родные и друзья – многие из курсантов были набраны в Подмосковье. В 9.55 меня окликнули.

– Бязев! На проходную, брат приехал.

Я бросился к выходу из казармы. Бегу по коридору и вдруг слышу голос из репродуктора:

– Боевая тревога! Всем быть в своих подразделениях. Всем, кто находится с родственниками, немедленно вернуться в училище.

Так я и не повидался с братом, сразу отправился на фронт. В составе передового отряда были в основном добровольцы, да и то сказать, кто был в здании училища, тех и записали. Отказников не помню. Вася Неглибко записался вместе со мной. Сначала он собрался заглянуть в штаб – сказал, дело есть, потом махнул рукой – к черту, говорит!

Вечером я отбыл вместе с товарищами в сторону Малоярославца. С Неглибко я встретился под селом Ильинское, на оборонительном рубеже.

Вопрос следователя.

– Потери были большие?

– Огромные, товарищ следователь. У Старчака²³ в районе из четырехсот человек к 7 октября осталось три десятка. У нас тоже.

– Когда вы в последний раз видели курсанта Неглибко?

– Утром 8 октября. Нас, оставшихся в живых, свели в роту и приказали атаковать ферму, что возле Ильинского. Ферму мы взяли, но тут появились два танка, а у нас уже и гранат не осталось. Мы начали отползать. Там в воронке я в последний раз видал Неглибко. Крови на нем не было, наверное, контузило. Больше я его не видел...»

Из показаний вышедшего из окружения курсанта Петросяна В. А.

«...нас загнали в лес. Мы барахтались в грязи. Немцы обстреляли нас из автоматов, но в грязь не полезли. Я немецкий кое-как разбираю, понял, что они сказали – сами вылезут. Сами не сами, а спустя минут двадцать фашисты начали обстреливать болото из минометов. Это был ад. Мины шлепались беззвучно, рвались глухо. Хлопок – и перед тобой встает стена грязи...»

– Петросян, вас не о грязи спрашивают. Вопрос, когда вы в последний раз видали курсанта Неглибко?

– Васю? Когда выбрался из болота. Там наших много полегло. Грязью завалит, выбраться сил не было... Кто раненый...

– Петросян!! Будьте мужчиной!

– Так точно, товарищ следователь. Но и вы поймите, когда на тебя центнер грязи рухнет. Если раненый, каюк. Понимаю... Неглибко, гада, увидал под вечер. Его вели два солдата. Он был без ремня, без оружия, шел с поднятыми руками. Не раненый, сам шел, форма чистая. Чуть прихрамывал...»

– Ну, ознакомился? – спросил Абакумов. – Как ты это объяснишь – чуть запахло жареным, он сразу рванул к немцам?

– Ничего не понимаю! – признался я. – У Закруткина был приказ ждать особых распоряжений. Со дня на день его должны были отправить в Калинин. Там он должен был перейти линию фронта.

Абакумов закурил, потом откликнулся.

– Немцы взяли Калинин 14 октября. Знаешь, как он раньше назывался?

– Тверь.

– Правильно. У меня родители из-под Твери.

Он некоторое время курил, наконец ударил ладонью по столу.

– Вот что, Трущев. Ты посиди и подумай. Мой тебе совет – напиши всю правду, где, кто и когда тебя завербовал. В общем, всю подноготную.

* * *

В камере я провел почти два месяца. На допросы меня не вызывали, разве что два или три раза для уточнения моих собственноручно написанных показаний, в которых я изложил план заброски Закруткина за линию фронта. О Шееле и общем замысле операции, естественно, я не упомянул ни слова. Меня не били, но обращались жестко.

Освободили также внезапно, как и посадили – в первый день контрнаступления под Москвой. Вернули все, вплоть до расчески – у нас с этим было строго, мелочь считали до копейки.

Отвезли домой. Два дня я отдыхал. На третью ночь меня опять же на машине привезли на работу. Порученец, поднявшийся в квартиру, посоветовал одеться по форме. Меня пот прошиб – если это не амнистия, то что это? Таня не выдержала, разрыдалась и выскочила из комнаты на кухню, где моя мама держала взаперти Светочку.

Это действительно была амнистия, и в духе прежних революционных традиций, прижившихся на Лубянке со времен железного Феликса, первым делом меня отвели к Берии.

– Трущев!

²³ Старчак И. Г. – командир разведывательного десантного отряда численностью примерно четыреста человек. Первый бой десантники приняли 5 октября под Юхновым. Четыре дня они сдерживали моторизованную колонну немцев, пока к ним на помощь не пришли подольские курсанты.

Нарком снял пенсне, протер воспаленные глаза (было что-то около трех часов утра), предупредил.

– Еще один такой прокол, и ты уже не выйдешь сухим бэз воды. Понял?

– Так точно.

– Ступай. Федотов тебе все объяснит.

Федотов встретил меня сурово, сухо объяснил.

– Засучивай рукава и за работу. «Первый» внедрился самостоятельно. Имей в виду, это перспективно. Все подробности в деле.

Я, откровенно говоря, растерялся, даже обиделся. Отдал честь, повернулся через левое плечо и напрямик к двери. У порога не выдержал, повернулся и задал вопрос.

– Если «Первый» внедрился, зачем же меня держали под арестом?

Федотов снял очки, кисло глянул с мою сторону.

– Трущев, не разводи антимоии! Ты не красная девица.

Я глянул на начальника управления и нутром почувствовал, до какой степени устал этот человек, а тут я с своими антимоиями.

Я заговорил торопливо, сбивчиво.

– Павел Васильевич, я не о себе. Я могу понять, если мой арест был спланирован заранее, если это была проверка, но если это выражение недоверия, как мне работать? Создается впечатление, будто меня отправили в двухмесячный отпуск, а теперь ждут, что я с новыми силами приступлю к работе.

– Видишь, какой завал? – сухо спросил Федотов и указал на гору бумаг у него на столе.

Затем вполне официально добавил.

– Такое развитие событий предусмотрено не было. Я был против ареста. Я настоял на твоём освобождении. Ты, Николай, по-видимому, в рубашке родился. Что ты можешь сказать о Закруткине?

– Готов поручиться, он не предатель. Скорее, заигрался, возможно, струсил. Когда рядом рванет мина и тебя накроет полутонной грязи, любой может сдрейфить.

– А если сломали?

– Конечно, сломать можно, только тогда он ни к черту не годится. То есть, для немцев пользы от него никакой. Использовать его в роли мелкого провокатора себе дороже. Обиженный агент опасен. Начнет болтать и прочее...

– Ты уверен?

– Так точно.

– А мы нет. У нас были сомнения. До того самого момента, пока к Бухгалтеру не явился человек с той стороны и не предъявил фотографию Первого в форме немецкого офицера. В ходе оперативных мероприятий выяснилось, что Закруткин в Смоленске. Подробности в деле. Хорошо проанализируй все данные и составь записку с предложениями, как мы могли бы использовать Первого.

Он надел очки и уже в упор уставился на меня – ну, чистый филин!

– А еще я тебе скажу, удача в нашем деле не последнее дело. Судя по донесениям и общему развитию событий, если бы мы действовали по заранее утвержденному плану, его, скорее всего, уже на свете не было. Тебя тоже. Так что иди и работай. И *попрошу*, не разводи антимоии!

* * *

Николай Михайлович начал прощаться, принялся торопить меня – поспеши, иначе, мол, не успеешь на последний автобус в Снов.

Его предупреждение с трудом дошло до меня – в тот момент я умом и сердцем пребывал в тех декабрьских днях сорок первого.

Горечь не отпускала. Ради чего я ввязался в эту историю? Разве не для того, чтобы испытать прикосновения истории? Разве не для того, чтобы ощутить живую жизнь?! И в этот момент, когда мы наконец прикоснулись к оголенному прошлому, вплотную подобрались к извлечению смысла меня беспардонно вышвыривают домой.

Как котенка?..

Но с чекистами не поспоришь.

На прощание, у калитки, он сунул мне папку. Напомнил, чтобы я ознакомился с содержанием «один на один» и только после того, как «крепко поужинаю». Это был его стиль. Этот невысокий энкаведешник скудно завтракал, в меру обедал, и объедался за ужином.

Вот и пойми этих стражей революции.

Глава 2

Отпечатанные на древней пишущей машинке листки оказались отрывками из отчета или, точнее, письма, адресованного лично Трущеву. Место его написания, сроки – все это требовало специального изучения, но мне было не до аналитики. Я до утра разбирал стершиеся абзацы. Некоторые строки и слова пришлось вычитывать с помощью лупы, однако к утру причины, толкнувшие Закруткина на безумный поступок, начали проясняться.

«...только сегодня узнал, что случилось с вами после того, как я «бежал к немцам». Поверьте, у меня в мыслях не было подставлять вас – человека, изменившего мою жизнь, более того, сумевшего внятно растолковать мне и известному вам любителю космических путешествий, что такое согласие и как порой трудно отыскать его в себе».

«...однако постыдное ощущение недоговоренности, причинение вреда, несправедливого, пусть даже и побочного, вам, человеку, втолкнувшего меня в самую сердцевину истории, требует формальных объяснений с моей стороны. Этому учил меня отец, иногда отличавшийся неуместной старорорежимной шепетильностью по отношению к коллегам.

Но не к врагам!

Считайте это письмо, если оно дойдет до вас, отчетом, составленным по всем требованиям жанра, чем с такой радостью в незабываемое довоенное время занимался небезызвестный вам Авилов. Мне удалось сполна рассчитаться с ним в оккупированном Смоленске. Рассчитаться за все – за украденный сахар, за наглость, за измену родине, доверившей ему оружие и пославшей в бой».

«По существу дела могу сообщить – гром грянул, когда в стенах Подольского училища была объявлена боевая тревога. Я, единственный в трех лицах – Закруткин от рождения, Шеель по приказу партии, официально Неглибко Вася, свой в доску курсант, отличник боевой и политической подготовки, прошедший спецподготовку для действий в ближнем тылу врага – растерялся.

У меня на руках было точное предписание, обязывающее меня в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств немедленно обратиться к начальнику особого отдела или к самому начальнику училища, генерал-майору Смирнову, назвать условную фразу, после чего меня должны были моментально отправить в Москву.

Вообразите картину – в училище объявлена боевая тревога, ребята бегут по коридору, топчут – «Вася, поспешай», «говорят, немцы прорвались под Юхновым», «Калугу взяли!!!» – а я, значит, плевать хотел на Юхнов, на Калугу и вразвалочку к особисту – пора драпать, нас ждут в Москве.

Я вместе со всеми выбежал во двор и встал в строй. Генерал Смирнов зачитал приказ и командовал.

– По машинам! – затем окриком – назад! – приостановил рванувшуюся к грузовикам толпу.

Лицо у него дрогнуло.

– Ребята! – обратился он к курсантам. – Москва в опасности. Отступить нельзя. Продержитесь несколько дней, и помощь придет.

Вот и все напутствие.

Не знаю, сможете ли вы простить меня, но я не мог поступить иначе.

До Каменки мы мчались по приличной дороге. Ветер был холодный, я продрог, остыл и с ужасом осознал, что наделал, но упрямство было сильнее. Я убеждал себя, из грузовика уже не прыгнешь, особист остался в Подольске, и бегу я не от фронта, а на фронт. Вопреки приказу, логике и материалистическим убеждениям, я положился на удачу. Будь что будет! Успокаивал себя тем, что в принципе, все мои поступки в тылу врага уже расписаны, явки заучены назубок, поря-

док действий известен и не все ли равно в каком месте я уйду к фашистам».

«...взрослел быстро, не без раскаяния. Не без попыток отыскать какого-нибудь особиста и шепнуть ему пару заветных слов. Но особистов среди нас не было, а обращаться с подобной просьбой к командиру батальона Бабакову, было не только бесполезно, но и опасно. Он вполне мог счесть меня дезертиром. Было бы крайне неуместно получить пулю от своих. Дезертиром я должен был стать в удобный момент и на глазах у нескольких сослуживцев.

Первый бой выбил из меня последние иллюзии. Первый бой это не для...»

«...мое разочарование было настолько велико, что будь на моем месте подлинный Шеель, он тоже бы растерялся.

Я крикнул из воронки.

– Schießen Sie nicht! Ich bin deutsch! (сноска: Не стреляйте! Я немец!)

Меня заставили встать, приказали выбраться наверх. Как только я замешкался, кривоногий, малорослый солдат, ближе других стоявший к краю воронки, выстрелил в мою сторону из автомата.

Я торопливо, с поднятыми руками полез по осыпавшемуся склону. Наверху выпрямился и повторил.

– Nicht schießen! Ich bin deutsch!

Кривоногий прищурился.

– Ты немец? Если ты немец, зачем стрелял в своих? Ты плохой немец, – и навел на меня автомат.

Солдат был явно не в себе. Нет, от него не пахло алкоголем. Позже я сообразил, что курсанты сопротивлялись настолько отчаянно, пустили столько крови, что враги, до сих пор не испытывавшие злобы к пленным, на этот раз словно осатанели.

Меня спас ефрейтор, сохранивший хладнокровие. Он одернул товарища.

– Ты веришь русскому, Курт? Разве тебе не объясняли, как этих свиней учили немецкому в школе. Они должны были хором повторять на уроке – «не стреляйте, я сдаюсь».

Они засмеялись. Засмеялся и палач.

Я с замиранием слушал их разговор и уже не пытался напомнить, что я не только немец, но и барон. Напирать на происхождение в такой ситуации не только бессмысленно, но и опасно. В их разговорах не было ничего пролетарского или интернационального. Был октябрь, и по ночам уже было холодно. Это обстоятельство огорчало их куда больше, чем «русские свиньи».

Русских они называли «свиньями». Других определений охранники на месте сбора военнопленных не знали. Сам пункт представлял собой ровное огороженное колючей проволокой место. Среди пленных было много раненых – медицинскую помощь им оказывали – мазали йодом, но это был единственный гуманизм, с которым я столкнулся в плену. Правила были драконовские: за приближение к проволоке расстрел, за хождение по ночам расстрел, а как было усидеть на месте в гимнастерке, когда по ночам начались заморозки.

Это было суровое испытание. Кем я был до того момента, когда с поднятыми руками полез из воронки? Студентом, комсомольцем, активистом, мечтавшим – «если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Я был романтическим патриотом. Шталаг прочистил мне мозги, назначил цену всему, чему учили детстве, что слышал по радио, о чем читал в газетах. Оказалось, что внимать рассказам ветеранов, изучать газеты, строиться, подчиняясь призывам из громкоговорителей, тоже следует с умом. Дороже всего в этой жизни ценится жизнь, но никак ни политические или любые иные «измы».

В этом не было и намека на предательство. У меня в мыслях ничего подобного не было. Я проклинал себя за глупость, проклинал за допущенные в минуту страха растерянность и колебания, но это не мешало мне на пределе задуматься о будущем».

«Помню молоденького танкиста, его звали Кандауров. Еще совсем мальчишка, он кипел ненавистью к врагу. У него на этой почве было что-то вроде психического расстройства, но мне уже хватало соображалки, чтобы не следовать его примеру и держать себя в руках.

В плен Кандауров попал в августе под Ельней, где немцам удалось окружить танковый батальон, в котором он служил механиком-водителем.

«...горючка закончилась. Усек? Всего хватало – боеприпасов, провианта, храбрости хоть отбавляй, а солярки нет, без нее много не навоюешь.

Немцы попытались взять нас наскоком, однако получили крепкий отпор и отступили. До вечера, в ожидании подмоги мы организовали оборону: окопались, зарыли машины в землю, выставили боевое охранение. Ночь выдалась прохладная, бодрящая – спать не хотелось, ведь завтра в бой. Подойдет бригада, тогда фашисты попляшут.

Где-то после полуночи я задремал – и вдруг, мать родная, музыка, знакомая, довоенная! От неожиданности я схватился за оружие, и не я один. Командир объявил боевую тревогу, однако спустя несколько минут суматоха схлынула. Мы прислушались – на вражеской стороне вовсю наяривали: «Броня крепка и танки наши быстры!..»

Сначала все посмеивались – воюем, мол, с музыкой и так далее... Кое-кто подпевал.

Кандауров с нескрываемой ненавистью вполголоса пропел:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!

«...он сплюнул.

– Между собой мы решили, вот подоспеет помощь, тогда мы вам тоже что-нибудь сыграем.²⁴

Весь следующий день немцы безостановочно крутили пластинку. Изредка, когда иглу патефона ставили на начало, кричали в микрофон: «Рус, сдавайся, ви окружены, сопротивление бесполезно!». С приходом темноты концерт продолжался, причем немцы до предела усилили громкость.

– Это была жуткая ночь, никто не мог глаз сомкнуть, нервы у всех на пределе, а помощи нет как нет. Разведчики, с вечера ушедшие в сторону наших, как в воду канули. На следующее утро в командирской рации сели батарейки. Стало ясно: дело – труба, надо прорываться. Однако комиссар отказался подписывать приказ – мол, нельзя бросать технику. Надо проявить стойкость. Враг орет? Давит на психику? Ну и пусть давит. Не стреляет же! Значит, враг трусит... Помощь обязательно придет, не может не прийти, и так далее...

Командир приказал устроить еще одну вылазку, чтобы забросать громкоговорители гранатами, а если повезет, прорваться к своим. Добровольцев было предостаточно, однако как только бойцы пошли в атаку, пулеметчики под аккомпанемент задорного марша прицельно расстреляли добровольцев.

На следующее утро в батальоне был обнаружен первый свихнувшийся боец, с винтовкой наперевес бросившийся на немцев. Потом еще один, и так далее... К полудню в батальоне начался полный разброд. Кое-кто в открытую начал поговаривать, лучше сдаться, чем слушать этот бред про товарища Сталина и первого маршала. Пару говорунов, пытавшихся сбежать к немцам, взяли под арест, а над рощей по-прежнему победоносно реяло – гремя огнем, сверкая блеском стали...

И так далее...»

«...наконец, немцам надоел этот концерт, и ближе к вечеру на позиции батальона обрушились пикировщики. Меня контузило».

«...очнулся, побрел на восток. По пути завернул в какую-то деревню. Незнакомая женщина завела меня в избу, заставила залезть на печь. Не успел я отогреться, как вошли два полицая. Они вытолкали меня на двор и погнали к тракту. Там втолкнули в колонну пленных, бредущих в сторону Малоярославца.

У колонны не было ни начала, ни конца...»

²⁴ Под Сталинградом в последние недели перед капитуляцией возобладала чья-то идея, что томные танго психологически добьют измучившихся немецких солдат, и советские радиустановки устроили своего рода «Латинскую Америку» с ее ритмами. Вместо объявления следующего танго звучало приглашение сдаться. Либо услышать танго в последний раз. И так 24 часа в сутки.

«Кандауров выразился так – «я им, гадам, никогда не прощу эту броню». В лагере, при всем ужасе и беспросветности, это было общее мнение, но я уже никак не мог разделить его. По ночам, дрожа от холода, я трезво, уже не озадачиваясь никакими побочными обстоятельствами, прикидывал – как бы поскорее выбраться из этой катавасии. Для этого следовало отколоться от общей массы и любой ценой привлечь к себе внимание охраны – иной возможности у меня не было».

«... от теории до практики путь оказался куда более длинным, чем это виделось по ночам...»

«...очередную глупость я совершил, когда рискнул окликнуть проходившего мимо солдата по-немецки. Тот в ответ, не разбираясь или со страху, дал поперх голов очередь из автомата».

«... своего добился. Я остался один, теперь за мою жизнь нельзя было дать и ломаной копейки. Соседи, слышавшие, как я пытался окликнуть охранника, отлучили меня от кусков хлеба, которую иногда бросали охранявшие нас солдаты. Кандауров, с которым мы грелись в совместно выкопанной яме, плюнул, ушел к соседям и, не скрывая, начал подыскивать помощников, чтобы разделаться с «сукой» – то есть, со мной».

«Ночь выдалась промозглая, дождь то моросил, то замирал, после полуночи небо вызвездило. Под утро ударил заморозок. С первыми лучами солнца – день обещал быть ясным, солнечным, бодрящим, – я осознал немудреную истину – в моем распоряжении день, иначе какок. Следующую ночь мне не пережить...»

К полудню, на голодный желудок, я начал отползать от соседей в сторону колючей проволоки. Комсомолец Кандауров, ослабевший, но по-прежнему желающий «придушить суку», последовал за мной. Лицо у него было недоброе.

Так мы оба оторвались от общей массы. Метров за пять до ограды я остановился. Ближе нельзя. Кандауров держался поодаль – поджидал, когда я вернусь к своей норе.

Когда патруль на внешней стороне колючки приблизился к тому месту, где я затаился, я бросился на танкиста. Солдаты, заинтересовавшись дракой, притормозили. Я ударил Кандаурова, свалил с ног, принялся бить и топтать ногами, затем бросился к проволоке.

Караульные – все разом – передернули затворы. Я не помню, что кричал – что-то вроде того, что родом из Дюссельдорфа, что жил на улице Канареек возле Марктплац, что хочу жить, хочу спастись от «этих русских свиней, задумавших съесть меня».

Глаза ефрейтора, командовавшего патрулем, расширились. Он окриком заставил меня остановиться, затем подозвал к проволоке, спросил.

– Sie von Dusseldorf? (сноска: Ты из Дюссельдорфа?)

Я как заведенный повторял одно и то же.

– Ja! Ja! Dusseldorf!! Ich lebte auf der Straße der Kanarienvögel!.. Dieses völlig folgende von Marktplats. (сноска: Да! Да! Я родом из Дюссельдорфа, улица Канареек!.. Это совсем близко от Марктплац).

Меня отвели в комендатуру».

«...и ничего не изменилось, кроме того, что толстый обер-лейтенант, командир этой вшивой караульной команды, равнодушно выслушал меня и приказал отправить в шталаг XXX-3а, расположенный в пригородах Смоленска. Мои объяснения его не интересовали, наверное, потому что сам он был родом из Баварии. Вам наверняка известно, как баварцы относятся к выходцам из Вестфалии. Они считают их задирами. Берлинцы все выскочки, а северяне задиры – такова правда.

Шталаг оказался сборным пунктом, где собирали всякое отребье, согласившееся послужить великой Германии. Более мерзких типов мне в жизни встречать не приходилось. Я не мог понять, почему их не добились в тридцать седьмом...»

«...но я еще верил в чудодейственную силу слов, в торжество арийской справедливости. Я еще надеялся, что сыну расстрелянного большевиками Альфреда фон Шееля, помимо почестей, должно найтись место на земле, на которую ступила нога его соотечественников».

«В лагерь частенько наведывались офицеры вермахта, а также два господина в серой форме с ромбом на рукаве. На ромбе было вышито «СД». Дня через два меня вызвали в комендатуру и предложили в письменной форме изложить, кто я и с какой целью перешел линию фронта. Объяснительную записку я написал по-немецки, однако наблюдавший за мной штабс-вахмистр порвал страницы и приказал переписать по-русски. К моему глубочайшему удивлению история Алекса-Еско Альфреда Максимилиана фон Шееля никого не заинтересовала, даже вербовщиков из абвера. Один из них, какой-то прыщавый обер-лейтенант, вызвал меня и предложил рассказать – опять же на русском! – как я попал в плен. При этом сам он владел русским отвратительно и, скорее всего, просто хотел потренироваться в языке. Подробности моей жизни его мало интересовали. В конце допроса он задал несколько наиглупейших вопросов – например, с какой целью я изменил фамилию Шеель на Неглибко? Или – зачем мой отец сменил подданство?»

Более внимательно ко мне отнесся следователь из эйнзатцгруппы, расквартированной в Смоленске. Этот, по крайней мере, позволил мне объясниться по-немецки. Он внимательно выслушал меня, затем дал бумагу и попросил еще раз изложить свою историю, начиная с того момента, как я оказался на территории Советского Союза. Школьные годы разрешил опустить – отметить только даты, когда отца перебрасывали с места на место и в каком классе я учился.

Эта волынка тянулась до первых чисел ноября. Я совсем упал духом. Все изменилось в годовщину революции. Меня неожиданно вызвали в комендатуру, усадили в легковую машину и увезли в Смоленск. Там меня поджидала удача. Я встретил – кого бы вы думали? – вашего свердловского знакомого, господина Майендорфа.

Сначала я не мог разобраться, в каком он чине, несомненно, высоком – все ходили перед ним на цыпочках. Позже он рассказал, что его отправили на Восточный фронт с инспекционной поездкой. Перед самой поездкой рейхсфюрер произвел его в штандартенфюреры. В ту пору он проходил по VII, «идеологическому», управлению РСХА. Руководство интересовало, как идут дела в недавно организованных на оккупированных территориях эйнзатцгруппах, в задачи которых входило обеспечение порядка на оккупированных территориях и борьба с враждебно настроенными по отношению к рейху элементами в тылу сражающихся войск. Как раз в это время на посту начальника эйнзатцкоманды «В» небезызвестного Артура Нёбе сменил оберфюрер СС Науман, добрый знакомый дяди Людвига.

Майендорф встретил меня ласково, называл «мой дорогой Алекс», но настороженности не скрывал. Попросил еще раз со всеми подробностями, «вплоть до самых ничтожных», описать мои приключения в стране большевиков. Посоветовал не спешить и осознать цену каждого слова. Как говорят русские, что написано пером, не вырубишь топором.

Это пожелание дяди Людвига я выполнил в полном объеме и в спокойной обстановке, так как в Смоленске мне разрешили поселиться на частной квартире – в доме, расположенном неподалеку от комендатуры. В середине ноября меня вызвали допрос в гестапо.

Вот тогда я вновь, нос к носу столкнулся с Авиловым...»

«Этот негодяй служил у них опознавателем. Оказавшись в плену, он, спасая свою шкуру, выдал всех, кого знал по училищу и по работе на НКВД. На очной ставке Авилов, не задумываясь, даже с какой-то радостью, подтвердил – «да, это Неглибко, известная комсомольская тварь» и настоятельно потребовал, чтобы «господин офицер обратил на меня особое внимание». Свою неприязнь Авилов объяснил тем, что не встречал более зараженного неизлечимым фанатизмом и отъявленной коммунистической фанаберией, уroda. Он посмел тыкать в меня пальцем – «этот один из самых отъявленных! Отличник боевой и политической подготовки, активист. Сотрудничал с особым отделом. Посещал концерты с приезжим энкаведешником. Его первым отобрали в группу диверсантов».

Я объяснил гауптштурмфюреру Ротте, что сознательно стремился попасть в спецгруппу, поэтому и старался преуспеть в учении. Как иначе я мог оказаться за линией фронта? Что касается Авилова, его, между прочим, тоже отправили на спецкурсы, и не за красивые глаза. Он тоже был активистом, а заодно доносчиком и мелким воришкой. Еще вопрос, кто из нас чем заражен. Я назвал Авилова недоноском и обвинил в том, что в тыл германских войск он был заброшен НКВД, а его услуги, которые он оказывает германским войскам, оплачены Сталиным.

Авилов бросился на меня с кулаками. Прежде, чем нас растащила охрана, я успел врезать ему под дых.

Перепуганный следователь призвал нас к порядку и поставил вопрос ребром – кто из нас говорит правду и кто лжет?

Мы вновь взяли за дело. Авилов обвинил меня, что я стучал на товарищей и писался по ночам. Эта несусветная ложь вывела меня из себя. Я на правах арийца еще раз врезал ему.

Нас вновь растащили.

Порядок навел явившийся на допрос господин Майендорф. Полагаю, он ждал удобный момент, чтобы популярно объяснить следователю, каким образом сподручнее всего выявить истину. Он приказал охранникам покинуть помещение, потом вытащил парабеллум и предложил.

– Пусть господа сами решат этот спор. В пистолете один патрон. Я кладу его на стол... – он положил оружие примерно посерединке между мною и Авиловым. – Мы с господином Ротте отойдем в сторону а вы по команде хватайте оружие и постарайтесь свести счеты.

Авилов взвыл.

– Господин офицер, я всегда честно служил Германии. За что же?..

– Это шутка, господин Авилов, – объяснил Майендорф.

– Ах, шутка!.. – нервно обрадовался Авилов и, не глядя в мою сторону, многозначительно прибавил. – Что ж, пошуткуем, красная сволочь!

Затем Майендорф обратился ко мне.

– Вам ясно, господин Неглибко? Это шутка.

– Так точно, господин офицер!

– По местам! – скомандовал Майендорф.

Раздосадованный Авилов мелкими шажками отошел к стене.

Я тоже.

Я насквозь видел этого гада. За несколько лет он привык к тому, что его доносы являлись окончательными и не подлежащими обсуждению приговорами. Та же история повторилась в гестапо. Он тыкал в пленного пальцем – того расстреливали. Что же случилось на этот раз? Почему Неглибко, которому достался билет на концерт Мессинга, и здесь обошел его? Что это за порода такая выдающаяся, которой все можно?..

По команде, воспользовавшись замешательством Авилова, с недоумением и надеждой поглядывавшего на Майендорфа, как бы спрашивая – это действительно шутка?.. – я бросился к столу и, первым схватив парабеллум, выстрелил в негодея.

Людвиг фон Майендорф глазом не моргнул, а толстый гауптштурмфюрер при звуке выстрела вздрогнул и невольно зажмурился. Майендорф переступил через умиравшего Авилова, подошел ко мне, взял за плечи и вывел в коридор.

– Пойдем, мой мальчик. Спектакль окончен...»

«Франц, – я впоследствии подружился с ним – признался, что после этого «фантастического» допроса он проклял все на свете и прежде всего свою несчастливую звезду, загнавшую его в эти дикие колониальные края, где вопреки всем зоологическим справочникам самыми распространенными и кровожадными хищниками оказались не волки, а партизаны.

– Меня раздрают противоречивые чувства, Алекс. Ты – знаток славянской души, растолкуй, как я должен поступать с подследственными, которым чуждо всякое понятие о логике?

Ротте закончил теологический (богословский) факультет Фрайбургского университета и был помешан на силлогизмах. Любимыми словечками его было «предположим» и «следовательно».

– Предположим, Авилов был прав, и ты являешься русским агентом. В таком случае тебе было важно наладить добрые отношения с этим подонком. Как ни крути, вы оба изменили присяге. А ты в драку!»

«...– Ты же образованный человек, Алекс. Ты, наверное, читал Толстого! Ты должен был объяснить Авилову, что в силу обстоятельств тебе тоже приходилось менять личины. В любом случае, стрелять в товарища, это крайняя степень варварства. Если даже Авилов искренне заблуждался, тебе тем более нельзя было доводить дело до стрельбы, так как теперь я обязан завести на тебя дело, ведь ты уничтожил важного свидетеля. Ты сам, Алекс, значительно усложнил первые шаги на попроще обретения родины.

Он был занятный человек, этот Франц. Невысокий, излишне полный для офицера, он как-то признался, что в молодости зачитывался Толстым, но в той ситуации, в которой я оказался в конце

сорок первого мне было плевать на Толстого, на Франца, на непротивление злу насилеием.

– Послушай, Франц, мне плевать на Авилова, но неужели от него нельзя было избавиться менее изощренным способом? Зачем Майендорфу надо было подставлять тебя?

Ротте задумался.

– Откуда ты знаешь, что я получил приказ избавиться от Авилова?

– Кто же позволит без приказа открывать стрельбу в стенах вашего учреждения?!

Ротте хмыкнул.

– Ты догадлив. Хорошо, я поделюсь с тобой служебной тайной. Авиллов свихнулся и перестал быть нужным рейху. Ранее он с усердием охотничьей собаки выискивал комиссаров, командиров и евреев, но с какого-то момента у него пропал нюх, и этот негодяй решил брать количеством. Например, его подсаживают в группу, в которой находится двести пленных. Утром он докладывает, что выполнил задачу и заносит в список не менее сотни соотечественников. Он полагал, что за перевыполнение плана его ждет награда? Но здесь нет гнилых Советов, здесь территория рейха. Мы ценим качественную работу, а не достижения в соцсоревновании. Он свихнулся. Русские все из породы свихнувшихся, даже те, кто согласился сотрудничать с нами. Казалось, выбор сделан – служи, получай паек, добивайся расположения начальства. Так нет... Недавно один такой решил повеситься в сортире. К сожалению, веревка не выдержала и негодяй упал на доски. Те проломились и он, умирающий, хрипящий, провалился в яму с нечистотами. Пока его вытаскивали, туалет окончательно пришел в негодность. Если ты *nedonosok* и решил повеситься – вешайся, но зачем туалеты ломать?

– Зачем ты рассказал мне эту историю, Франц? Ты хочешь занять у меня деньги, но сам знаешь, у меня в обрез. Ладно, считай, шантаж тебе удался, и я выделю тебе пятьдесят марок. Пиши расписку. Что касается логики, она чужда русской душе. Где, в какой другой стране, можно было устроить революцию с таким масштабным избиением себе подобных? Русские, особенно советские, вопреки всякой логике различают правду и истину. Тот же Толстой утверждал, истина – это что-то чужое, холодное. Она пришла от немцев, значит, истиной можно поступиться. А вот правда – это что-то свое, родное, теплое, что необходимо защищать, не щадя жизни. Стоит только нащупать ее в душе, и тебе откроется дорога в рай. Здесь говорят, Бог не в силе, а в правде. Здесь верят не в астрологию, а в коммунизм. Здесь верят в рай на земле.

Ротте долго переваривал этот бред. Пусть помучается, фашистская морда...»

«...после расчета с Авилловым я отважился назвать Майендорфа дядей Людвигом – и не прогадал! Это был удачный ход, пусть даже по признанию Франца, я являюсь самым подозрительным типом на свете. Дядя Людвиг протянул мне руку, теперь он моя единственная надежда и опора и, что еще важнее, источник доходов. На первое время он вручил мне изрядную сумму от некоего благодетеля. Имени не назвал.

В наших отношениях, особенно после того, как я предался сентиментальным воспоминаниям о дружбе с Магдаленой, даже обнаружилась некоторая теплота».

«... – Ты помнишь Магди?

– Как я мог забыть ее, ведь насколько я помню нас в шутку называли «женихом» и «невестой».

– Помнится, в Свердловске ты был менее любезен.

– Разве я мог поступить иначе в этой варварской стране, где все мы сидели под колпаком у НКВД! Если вы внимательно читали мои показания, то, должно быть, убедились, что я, будучи в комсомоле и являясь последовательным активистом, тем не менее пописывал стишки. Так, баловство в духе юного Гете. Они были посвящены Магди.

Дядя Людвиг признался.

– Этими стихами ты сразил меня наповал. В доносе Авилова есть упоминание о том, как он сумел извлечь их из твоей тумбочки. – Затем он поинтересовался. – Кстати, кто такой *nedonosok*?

– *Nedonosok*?.. Это значит унтерменш».

«Не следует думать, что поддержка Майендорфа что-то изменила в моем статусе, просто ребята из команды Наумана занялись мною всерьез».

«...абвер подло предал меня и моего отца, которого эти карьеристы в Берлине сначала направили в страну врагов, а затем палец о палец не ударили, чтобы вытащить из подвалов НКВД. Сотруднику СД, обратившемуся в дом на набережной Тирпитца²⁵ за разъяснениями ответили – факт заброски барона фон Шееля они подтверждают, но это случилось так давно, что не осталось ни документов, ни свидетелей, способных подтвердить личность его сына. В архивах центрального управления моих отпечатков пальцев не обнаружено, сохранились только отпечатки пальцев отца. Они сослались на хаос и безденежье, царившие в Германии после Версальского мира, на нехватку квалифицированных кадров и малочисленность штатов, из-за чего разведывательному бюро рейхсвера было трудно в полной мере соблюсти требования, предъявляемые к подготовке агентов длительного залегания. Руководство абвера «готово отдать должное усилиям барона фон Шееля во вражеской стране, однако легализация предполагаемого сына агента W-17, представляется задачей практически невыполнимой». Единственное, на что я мог рассчитывать – это на небольшое возмещение за те годы, которые провел во враждебной стране».

«Дядя Людвиг популярно объяснил мне, что бюрократия у немцев почище советской.

– Эти чистоплюи решили отделаться от тебя. Никто не хочет брать на себя ответственность за неожиданно свалившегося им на голову наследника Альфреда фон Шееля».

«...к сожалению, в твоём фантастическом спасении из большевистского ада есть что-то избыточно романтическое. Его невозможно подтвердить или опровергнуть, если, конечно, не иметь своих людей среди высшего руководства Лубянки. К сожалению, кремлевский тиран успел до войны основательно почистить НКВД. С другой стороны, все косвенные факты свидетельствуют в твою пользу. Да, мой мальчик, я вижу перед собой не двуличное продажное существо, а белокурую бестию, истинного арийца».

«Наш человек в Москве идентифицировал тебя и полностью подтвердил приведенные тобой сведения. Твоя фантастическая история обрела черты подлинности...»

«Мы, национал-социалисты, поступаем проще, мы не хитрим. Я рассказал рейхсфюреру твою историю. Сообщил и о случае с Авиловым, наглядно продемонстрировавшим природное превосходство быстрого и сообразительного представителя арийской расы над расхлябанным, лишенным нравственных ценностей *pedonoskom*. Твоя история заинтересовала Гимmlера как одно из убедительных свидетельств несгибаемости германского духа, его изначальной тяги к власти. Кровь определяет исход борьбы. Не воспитание, а кровь и почва! Это важный тезис в мироощущении тех, кто разделяет взгляды фюрера.

– Между нами, – Майендорф понизил голос, – мне трудно поверить, чтобы те, кто занимается аналитикой на Лубянке, были способны разработать такую хитроумную комбинацию, и не потому что славяне настолько тупы и неразвиты – это не так. Среди них встречаются выдающиеся личности, например, Сталин. Просто им пришлось бы иметь дело с неподатливым материалом. Я не верю, что в НКВД смогли бы без ущерба для твоей психики перевербовать тебя. Если бы ты согласился работать на них, ты стал одной из разновидностей Авилова, а что я вижу теперь? Я вижу немца, мой мальчик. Ты поступаешь как немец, держишься как немец, обладаешь реакцией немца, сообразительностью немца. Это врожденное.

Кстати, рейхсфюрер подтвердил – в твоём наблюдении, Людвиг, что-то есть».

«...тем не менее, мой мальчик, нет главного – неопровержимого свидетельства в твою пользу.

Он пригубил коньяк.

– Что же могло бы стать таким свидетельством?

– Отпечатки пальцев. Твой отец был настоящим патриотом, он согласился помочь рейху в трудные годы. Всего несколько человек были посвящены в его тайну. Даже я, его ближайший друг, был в неведении до того самого момента, пока он не выбрал меня в доверенные лица, кото-

²⁵ Штаб-квартира абвера в Берлине.

рые должны были бы, когда ты вернешься на родину, помочь тебе освоиться в рейхе. Я готов сдержать слово, однако вступить во владение капиталом, который Альфред поместил в один из швейцарских банков, ты сможешь только с согласия другого человека. Для того чтобы получить доступ к счету, тебе придется обратиться к нему.

– К кому?

– К Ялмару Шахту.

Это была новость так новость, так новость. Я знал, что ваш пронирливый Шеель сумеет подложить мне крупную свинью, но такую!..

– Президент рейхсбанка?!!

– Бывший президент. Теперь он входит в правительство в качестве министра без портфеля.

– В таком случае мне не видать наследства как своих ушей!

Дядя Людвиг поморщился.

– Только не надо трагедий!

– Дядя Людвиг, как мне из какого-то вшивого Смоленска добраться до Шахта?! Послать открытку на Рождество – здравствуйте, дядя Ялмар? К вам обращается сын вашего доброго товарища Альфреда-Еско...

– А что, – подхватил дядя Людвиг, – неплохая идея! Конечно такое письмо нельзя доверять почте. Я мог бы при встрече передать твою весточку. Поддержка такой фигуры как Шахт много значит в рейхе. По существу, слово Шахта может все решить. К сожалению, в последнее время он нередко высказывает странные идеи насчет того, война с Россией – роковая ошибка, и зря мы ввязались в эту авантюру, тем не менее, фюрер высоко ценит его. Что касается исхода войны, ты скоро сам убедишься, кто возьмет верх в этом споре. Ты прав в другом – без личной встречи не обойтись. Ялмару есть что сказать сыну старого товарища.

– Дядя Людвиг, умоляю, помогите мне! Ради вашего друга и моего отца, ради Магди!.. Ведь нас в шутку называли «женихом» и «невестой».

– Хотелось бы еще раз напомнить тебе Свердловск, и как ты пытался отделаться от докучливых воспоминаний равнодушным кивком. Неужели ты всерьез полагаешь, что человеку, прошедшему столько лет в стране врагов, являвшемуся активным комсомольцем и активистом, легко заслужить доверие? Ты должен смириться с тем, тебя будут третировать и оттеснять.

– Только не меня! Роль «хиви»²⁶ меня не устроит. Барон Шеель никогда не будет служить переводчиком или конторской крысой! Поскольку я прошел проверку, пусть хотя бы предварительную, я отправлюсь на фронт рядовым и докажу, что по праву ношу немецкое имя.

– Это хорошая инициатива. Более того, вполне уместная. Это решение устроит всех – от этих гордецов из абвера-3²⁷ до специалистов из гестапо. Кровь смоем все прегрешения, заткнет самые грязные рты. Я рад, что не ошибся в тебе. Прозит!

Мы выпили, и дядя Людвиг продолжил.

– Ты развеял мои последние сомнения. Рад за тебя, Алекс. Однако не будем терять голову. Зачем же рядовым? Офицерское звание тебе пока недоступно, но это вопрос времени. У меня много друзей, а у этих друзей тоже много друзей. Например, генерал Зевеке. Он командует дивизией в районе Тулы. Это неподалеку от Смоленска. Густав охотно примет под свое крыло сына боевого товарища, ведь мы все трое сражались во Франции в четырнадцатом. Ты успел закончить военное училище в Подольске?

Это был хороший вопрос, выдававший дядю Людвигу с головой. Впрочем, он и не скрывал, мой удел на ближайшее будущее – это проверка за проверкой, притом, что главная проверка еще впереди. Он всего лишь помогал мне расчистить дорогу к миллионам, хранившимся в банке Женевы. Бескорыстно или нет, другой вопрос. Стоит мне вступить во владение наследством, и во всем рейхе трудно будет сыскать человека, который осмелился бы упрекнуть меня в трудном комсомольском детстве.

²⁶ Хиви (нем. Hilfswilliger) – добровольные помощники вермахта, набиравшиеся из местного населения на оккупированных территориях СССР и военнопленных. Первоначально они служили в вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами и т. п. После того, как потери вермахта начали расти, хиви стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях и операциях против партизан и местного населения.

²⁷ Абвер-3 – подразделение абвера, занимавшееся контрразведкой в вооруженных силах.

А уж как обрадуется Ротте!..»

«Ночью, оставшись наедине с собой, я еще раз переосмыслил разговор с дядей Людвигом. Передо мной, Николай Михайлович, открывался трудный путь, но я, как ни странно, не испытывал страха. Ведь что такое страх, как не природная робость, соединенная с ужасом. Так вот, у меня не было страха, возможно, потому что робким я никогда не был, а ужаса мне пришлось досыта нахлебаться в лагере для военнопленных...

В любом случае, на минном поле, на которое я ступил в сорок первом, у меня нашелся проводник. Я просчитал Майендорфа – его манил запах денег, упрятанных моим папашей в Lombard Odier. Следовательно, мне придется обхаживать эту чистюлю Магди.

Но этого мало. Хуже всего, что у меня не было опыта, а те профессиональные знания, которые вы постарались впихнуть в меня, в тех обстоятельствах имели мало значения. Куда полезнее оказались схемы согласия, которые вы рисовали нам с Шеелем, и намек на «зналов», которые способны помочь отыскать его.

«... это был верный итог. Я – боец-одиночка, один в поле в воин...

Для начала мне пришлось напрочь отбросить мысль о встречах с назначенными мне связными. Ротте как-то обмолвился, что городское подполье насквозь пронизано провокаторами. Это был ясный намек. Я благодарен Францу – не желая терять безотказный источник заема, он время от времени пугал меня всесильем гестапо и бездарностью организаторов сопротивления. Действительно, шок, испытанный добропорядочными советскими гражданами, оказавшимися под пятой оккупантов, был такой силы, что я просто не мог доверять им.

Например, учительнице, жившей в Смоленске по улице Адольфа Гитлера, дом 5 (бывшей Советской) В сентябре к ней подселили офицера, который быстро склонил ее к сожительству. Он был обходителен, приветлив, не позволял себе лишнего, только однажды, когда они уже жили вместе, поинтересовался, зачем она каждый вторник и четверг переставляет цветы на подоконнике.

Несчастливая женщина расплакалась...

У меня не было права на слезы. Я смертным боем избил танкиста Кандаурова. Теперь я у него в долгу. Я в долгу у всех Кандауровых, Ивановых, Петровых, Сидоровых, Бязевых и Петросянов, так что мне следовало быть предельно осторожным».

«...ваши упреки несправедливы! Как еще я мог связаться с Москвой, как не рискнуть. Об этом говорил и наш общий начальник, предупреждавший, что разведчика красит инициатива. Петю я приметил во время казни партизан, которых в самый мороз повесили на площади напротив торговых рядов в Калуге. У мальчишки пылали глаза. Его я и послал к партизанам в одну из деревень на берегу Оки».

«Генерал-майор Густав фон Зевеке с ходу отмел всякие промежуточные степени и назвал Майендорфу через штаб 4-ой армии добился для меня лейтенантских погон. Генерал осадил дядю Людвига замечанием: «...я лично допрашивал младших командиров Красной Армии, я видел их в деле и готов утверждать, что уровень их подготовки не уступает выпускникам германских пехотных школ».

* * *

Странное впечатление произвели на меня эти страницы.

Возникнув из ничего, нелепо угодив мне в руки, этот отрывочный, извлеченный из подвалов времени отчет дразнил неясным, таинственным смыслом, скупо просвечивавшим сквозь, в общем-то, понятное и связное изложение приключений, увлекших активиста Закруткина в стан врагов.

В руках у меня был кроссворд, точнее, не имеющее ни исходных данных отправителя, ни сведений о получателе, шифросообщение, не без умысла подsunутое мне Трущевым. Сам способ передачи этих страниц малознакомому человеку как бы подсказывал – таинственное письмо нашло своего адресата. Следом набежали другие вопросы: кто и когда выбросил за борт истории эти удивительные откровения? Не случилось ли это в последнюю ночь перед казнью, иначе чем

объяснить решение опытного нелегала доверить бумаге совершенно секретные сведения. Зачем Трущев столько лет хранил этот документ, и кто еще знает о нем?

Вручив рукопись, хитрый энкаведешник тем самым заставил меня самостоятельно искать ответы на эти вопросы. Это был ловкий ход, вполне в духе коварных методов, применяемых НКВД. Мне не отвертеться – текст уже побывал у меня в руках. Нельзя также обращаться за помощью к Трущеву, ведь подобным малодушием я грубо нарушил бы правила игры. В угадывании скрытых ходов истории были свои, не совсем понятные и чуждые гуманизму правила. Не соблюдая их, демонстрируя своеволие либо хлипкость натуры, нельзя браться за дело. Трущев на правах куратора негласно доверил мне провести собственное расследование, результаты которого должны будут всплывать по ходу написания романа.

Поддавшись догадке, я еще раз внимательно просмотрел отчет Закруткина.

Эти страницы отбарабанили за пределами Союза. Шрифт русский, но кегль, количество строк и букв в строке никак не укладывалось в стандарт, принятый в те годы в СССР. Что касается времени написания, берусь утверждать, отчет представлял собой компиляцию разнородных кусков, написанных на протяжении не менее десятка лет. Об этом свидетельствовала путаница с идентификацией «своих» и «чужих» – автор ощущает себя то русским, то немцем. Это касалось и действующих лиц. Кроме того, обращала на себя внимание продвинутость в мировоззренческих вопросах – для автора (или авторов) мир и реальность уже не существовали без некоего обобщающего принципа, который назывался «согласием», о чем свидетельствовало небрежное упоминание о тех, кто являлся приверженцами этого принципа. В тексте они были обозначены как «симфы» или «зналы». Я припомнил, это словечко однажды проскользнуло у Трущева, но кто стоял за ним? В какую таинственную организацию эти самые «зналы» или «симфы» (в английском написании «knowmen», «simphs») вовлекали меня? Если же эта организация находится на нелегальном положении, от кого они прячутся? И причем здесь Трущев со своими подопечными?

Эта неопределенность только добавляла аппетитный аромат к вареву, которым угостил меня Трущев.

Глава 3

В сообщении Первого, доставленном из-под Калуги, было сказано: «Внедрился самостоятельно, явка в Смоленске провалена. Воспользовался собственным каналом. Имею важные сведения, касающиеся оперативных мероприятий немцев на Московском направлении. Подробности сообщу только при встрече со связным, знакомым мне лично».

Получив шифротелеграмму, полученную от особой диверсионно-разведывательной группы, переброшенной в немецкий тыл к немцам по линии управления «С»,²⁸ я сразу догадался – Анатолий решил и дальше действовать самостоятельно. Он не верил, что это сообщение дойдет до нас. Детальный анализ подтвердил мое предположение. Но оно дошло, и это была большая удача.

Федотов согласился со мной, только удержал от немедленного доклада руководству.

– О чем собираешься докладывать, Николай? О том, что Первый ставит невыполнимое условие? К тому же наркома нет на месте, он в командировке, значит, у нас есть сутки, чтобы принять правильное решение.

– Но, Павел Васильевич?..

– Что «но»? Ты детально проанализируй, что пишет Закруткин – у него есть важные материалы, но передаст он их только тому связному, которого знает лично. Сподхватил его мысль?

– Он работает на абвер и это сообщение ловушка.

– Это вряд ли, но исключать такую версию нельзя. Скорее опять берет на себя слишком много. Вот и займись проверкой, собери все возможные материалы, детально проанализируй варианты и не спеши рапортовать, иначе...

Он не договорил, но намек был яснее ясного.

Сутки я работал с посланием Первого. Мне пришлось пройти по всей цепочке, по которой на

²⁸ Управление «С» или Четвертое управление при наркоме внутренних дел СССР, образованное с началом войны и возглавленной П. А. Судоплатовым. В обязанности управления входила организация тайных разведывательно-диверсионных операций в тылу врага. Одна из наиболее мощных и эффективных спецслужб, когда либо существовавших в России.

Лубянку попала его записка. В партизанский отряд, на базе которого действовала диверсионно-разведывательная группа, ее доставил шестнадцатилетний парнишка, комсомолец Петр Заслонов. Судя по объяснениям Заслонова, Первый выявил его в Калуге во время казни патриотов, одним из которых был двоюродный брат Петрухи. После вербовочного разговора Закруткину удалось отговорить парнишку от попытки немедленно отомстить фашистам и убедить его отправиться в лес. Кроме того, по просьбе Федотова начальник управления разведки НКВД Фитин, не выявляя нутра Шееля, запросил свои источники в штабе немецкой группы армий «Центр».

На следующий день в начале пятого утра нас с Федотовым срочно вызвали к наркому.

Берия поставил вопрос ребром.

– Что нового по Закруткину?

Федотов доложил о полученном сообщении.

– Как прикажете понимает эту галиматю? – поинтересовался Берия? – Агент и дальше будет указывать нам, с кем он согласится вступит в связь, а кем побрезгует? Товарищ Сталин требует от нас предоставления самих точных, самих свежих сведений о враге, а вы что мне принесли? Что предлагаешь, Павел Васильевич?

– Мы проанализировали сообщение Первого...

– Ах, вы проанализировали!..

Федотов невозмутимо повторил.

– Мы проанализировали сообщение Первого, и пришли к выводу, что он сознательно поставил перед нами практически неразрешимую задачу. По предварительным данным все, кто учился вместе с Закруткиным или знал его, за пределами нашей досягаемости. Все воюют, а от курсантов Подольского училища осталась горстка людей, все они ранены.

– Перевербовка не исключается?

– Не исключается, но это, по мнению Трущева, вряд ли. Я с ним согласен, фактов, подтверждающих измену, нет.

– Какие будут предложения?

– В качестве связника послать Трущева.

– Ви думаете, что говорите?! Работника центрального управления!..

– Это его инициатива.

Берия скептически оглядел меня.

– Справишься, Трущев?

– Так точно, товарищ нарком. Мы обсудили...

– Ха!.. Они обсудили! Тебе понятно, что работнику центрального аппарата нельзя попасть в руки немцев живым?

– Так точно.

– У меня такой уверенности нет! – ответил как отрезал Берия.

Я позволил себе подать голос.

– Есть еще вариант.

– Какой?

– Выйти на Разведупр и послать на связь полковника Закруткина.

Лаврентий Павлович наконец дал волю гневу. Он матерно выругался, потом обличил меня в том, что я «мало дюмаю и, вообще, не дюмаю, когда говорю».

– Не хватает у тебя, Трущев, политического чутья. Это исключительно наша операция и подключат к ней варягов – худший из вариантов.

В этот момент Федотов подал голос.

– Других нет, товарищ нарком. В сообщении ясно сказано – на связь он выйдет только с известным ему человеком.

– И ты туда же, Павел Васильевич? – с угрозой в голосе спросил Берия. – Какой-то сопляк смеет ставить нам условия, и ты туда же? Идите, и еще проанализируйте.

Несколько дней я не вылезал из-за стола – анализировал! Источник Фитина подтвердил легенду Первого – прямо из Смоленска Шееля отправили в Оршу, в штаб группы армий «Центр», оттуда в штаб 4-ой армии, затем генерал Зевеке забрал его с собой в Калугу, где он как вольноопределяющийся был приписан к штабу дивизии. Никаких подозрительных встреч не зафиксиро-

вано, таинственных посещений офицеров из отдела 1с,²⁹ а также встреч с работниками абвера, тем более поездок в Минск или Варшаву, не совершал.

По свидетельству источника, случай с Шеелем произвел некоторое впечатление в офицерской среде, однако с началом русского контрнаступления в штабах было не до романтических настроений. Источник докладывал, что общее мнение складывалось в пользу внезапно объявившегося «комсомольского барона». Его желание вступить в вермахт и отомстить большевикам за смерть отца вызвало одобрение офицерского состава.

Еще через день пришло повторное сообщение от десантников. По распоряжению начальства комсомольца Заслонова Петра Алексеевича, шестнадцати лет от роду, заместителя организатора и руководителя подпольной ячейки «За Родину», допросили еще раз и со всей возможной тщательностью. Командир группы, младший лейтенант госбезопасности Горбунов заверил его показания своей подписью. Заслонов уверенно подтвердил – Первый вышел на него самостоятельно, он же сумел доставить его в деревню Уколовку к дяде, сына которого повесили в Калуге. Дядя по заданию райкома одним из первых вступил в полицию, он же переправил парнишку к партизанам. В шифротелеграмме подтверждалось, что оккупационный режим в тех местах еще не вступил в полную силу, и к началу декабря в немецком тылу образовалось что-то вроде «слоеного пирога». Враг контролировал города и крупные населенные пункты, в глубинке немцы пока не появлялись. Командир диверсионной группы сообщил, что гладь озера Тишь, расположенного в районе Воротынска, может служить отличной площадкой для приема самолетов. Фашистов поблизости не наблюдалось. Местные гарнизоны малочисленны, полицию оккупанты сформировать не успели, те малочисленные негодяи, кто подался к ним, за околицу старались не выходить.

К вечеру четвертого дня Федотова и меня вновь спешно вызвали к наркому.

Когда мы вошли в кабинет, Берия не удержался, чтобы не съехидничать.

– Ну, что наанализировали?..

В этот момент раздался телефонный звонок.

Лаврентий Павлович, сняв трубку, мгновенно подобрался – всю начальственную вальяжность с него как водой смыло. Он не был подхалимом, но звонок по ВЧ производил такое впечатление на абонентов правительственной связи, что многие во время разговора вставали.

Берия отвечал кратко – да, никак нет, так точно, будет исполнено, я все понял, товарищ Сталин. Так что осуждать нас с Федотовым за то, что мы вытянулись в струнку, не следует.

Нарком положил трубку и глянул на нас. Выразился кратко.

– Срочно в машину! По пути доложите, что вы там наанализировали.

Затем показал мне кулак.

– А ты, Трущев, если еще раз ворвешься в кабинет без приказа, я тебя в лагерную пыль сотру.

Мы не сговариваясь, в один голос, откликнулись.

– Так точно, товарищ нарком.

По пути, занимавшим что-то около пяти минут, Лаврентий Павлович, просматривая сводку, проинструктировал Федотова, о чем не стоит упоминать в кабинете Сталина, а меня еще раз предупредил, чтобы я не вздумал без персонального вызова входить к Петробычу. Это было очень необычно для Берии – как правило свои приказы он не повторял.

В Кремль мы въехали через Боровицкие ворота. Здесь, возле правительственного здания, где был вход в бомбоубежище, машина остановилась. По пути обошли громадную воронку, раскидавшую камни кремлевской мостовой. Другая воронка, еще более крупного диаметра, смутно угадывалась в стороне. Спустились в подвальное помещение. Там прошли мимо охранников по длинному коридору с дверями, выходящими, как в спальном вагоне, на правую сторону. Наконец, в конце коридора Берия, словно в купе, открыл дверь. Мы шагнули следом в тесный предбанник, где нас встретил незнакомый моложавый секретарь и проводил в приемную.

Берия и Федотов по знаку Поскребышева, склонившегося за письменным столом, сразу направились в кабинет, мне было предложено подождать на стуле. Рядом встал лейтенант из первого отдела ГУГБ (охрана правительства). Я шапочко был знаком с ним.

²⁹ Отдел 1с – штабной отдел, отвечавший за разведывательную работу в войсках.

Минут через пятнадцать после того как Берия и Федотов скрылись за дверями, Поскребышев снял трубку, ответил «есть!» и равнодушно глянул в мою сторону.

– Пройдите в кабинет.

Что касается взгляда Поскребышева, его можно было также назвать и отрешенным.

Или крайне усталым.

Я расправил гимнастерку под ремнем и, когда охранник распахнул дверь, шагнул вперед.

– Здравствуй, товарищ Трющев, – приветствовал меня Петробыч.

– Здравия желаю, товарищ Сталин.

Кабинет был невелик, не то, что в правительственном здании. За длинным столом, в стороне от разложенных карт, сидел Молотов и Маленков, опять поодаль друг от друга. Вячеслав Михайлович, сцепив пальцы, держал руки на столе, Маленков что-то черкал в своем знаменитом блокноте, в котором рождались проекты решений политбюро.

Сталин, пососав трубку, ткнул мундштуком в мою сторону.

– Это хорошо, что вы соблюдаете субординацию, но мы сейчас не на параде. Мы собрались, чтобы обсудить, как поступить с Закруткиным, с его требованием прислать на связь известного ему человека. Вы готовы принять участие в обсуждении вопроса?

– Да, товарищ Сталин.

Я почувствовал как внутренне перекосило Берию, но Сталин наоборот одобрил отступления от устава.

– Вот и хорошо, товарищ Трющев. Считайте, что у нас здесь партийное собрание. Товарищ Маленков будет вести протокол, а я, на правах партийца с дореволюционным стажем, начну первым. Что вы можете сказать о Закруткине? Партия может доверять ему?

– Да, товарищ Сталин.

– Это хорошо, что вы доверяете подчиненным, но мне, старшему товарищу, вы могли бы объяснить, на чем держится ваша уверенность?

– Я лично готовил его, мне и нести ответственность.

– Об ответственности мы поговорим позже, а сейчас скажите – если Закруткин предал, чем может грозить связному встреча с двурушником?

– Простите, товарищ Сталин, но я исключаю возможность предательства со стороны Первого. Прежде всего, если бы Закруткин согласился работать на врага, его давным-давно не было бы ни в Смоленске, ни в Калуге. Немцы немедленно переправили бы его в Берлин или в Варшаву, где организован штаб абвера «Валли» для работы против Советского Союза. Чтобы использовать Первого для слива дезинформации необходимо осуществить ряд предварительных мероприятий, а на это нужно время. По мелочам они не станут руки марать. Они там любят мыслить в расчете, что мы лопухи. В любом случае первому связному немцы позволят уйти. Кроме того, все косвенные данные по линии товарища Фитина подтверждают – Первый никаких подозрительных контактов не имел, общается исключительно с младшим комсоставом, его возможности в получении важной информации ограничены.

– Согласен, – кивнул Сталин. – Однако в таком деле мы не имеем права доверять даже самым разумным предположениям. На кону судьба сотен тысяч наших бойцов. Они каждый день рискуют жизнями. Как вы, товарищ Трющев, относитесь к тому, что они рискуют жизнями?

Это был странный вопрос. Что я должен был ответить? Бить себя в грудь и настаивать, что я сам готов пожертвовать жизнью ради победы? Не этого ждал от меня Петробыч.

Я был уверен – Петробыч ждал от меня чего-то иного. Он впервые смотрел на меня как на человека – точнее, соратника, имевшего право на собственную, отличную от приказов, биографию.

– Я считаю, товарищ Сталин, что жертвовать или не жертвовать жизнью – это второй вопрос. Прежде всего, следует решить, как успешнее выполнить задание, и если для этого потребуется жизнь, значит, так надо.

– Хороший ответ, – согласился Петробыч, и на какое-то мгновение я увидел перед собой не вождя, не председателя ГКО или главу Ставки, но человека, взвалившего на плечи груз страшной ответственности. Разделить ношу он мог только с теми, кто был готов принять правила игры и не задумываясь подставить плечо.

– В таком случае, товарищ Трющев, вам придется отправиться на встречу с Первым.

Это сказал уже не человек, но вождь, мгновенно сменивший личину простого человеческого

любопытства на руководящий и указующий перст.

– Вы должны понимать, что живым в руки врагов вы попасть не имеете права. Партия запрещает. Я запрещаю. Но запреты запретами, однако не забывайте о главном – надо вразумить Первого, что его главная задача не рыскать по рабочим столам штаба какой-то вшивой немецкой дивизии – что он там может отыскать? – не собирать информацию по офицерским клубам, но любой ценой внедриться в верхи германского руководства. Он нужен партии на этом посту. Вы так и передайте – это партийное задание. Это требует товарищ Сталин.

После паузы Петробыч добавил.

– Если же он окажется предателем, вы должны уничтожить предателя. Ничего из того, что вам известно, не должно достаться врагу.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Нет, Трющев, не «так точно», а «я все сделаю, товарищ Сталин».

– Я все сделаю, товарищ Сталин.

* * *

Вероятно, я действительно родился в рубашке – моя заброска в оккупированную Калугу прошла без помарок и точно в срок.

Сутки назад я сидел в Москве в рабочем кабинете, из которого открывался вид на верхи башен Кремля, вокруг меня были товарищи и коллеги. Глубокой ночью я отправился на Центральный аэродром, где меня поджидал Поджигайло. На рассвете следующего дня он удачно приземлил свой Ли-2 в немецком тылу, на озере Тишь.

Мороз был за тридцать, тишина вокруг стояла сказочная, будто в царстве Берендея. Звонко похрустывал лес на озерном берегу. В светлое время суток лесными дорогами мы на розвальнях добрались до Калуги. В сумерках Заслонов, обходя патрули, сумел довести меня и двух десантников до Тульской улицы, укрыть нас в своей хибаре. Затем отправился на встречу с Первым.

Я незаметно последовал за ним. Два часа, в самую стужу, практически до самого комендантского часа, мне пришлось прятаться в развалинах, пока Алекс фон Шеель не соизволил появиться на улице. Заметив Заслонова, Первый простился с сопровождавшим его офицером и направился вслед за парнишкой. Чтобы исключить недопонимание, я вышел ему навстречу и двинулся по противоположной стороне улицы. Увидев меня, Анатолий остолбенел, но сумел проявить выдержку и продолжил движение. Впечатление он производил смехотворное – на голове пилотка офицера вермахта, поля опущены на уши, на плечах красноармейский командирский полушубок. «Допек немцев русский мороз», – невольно отметил я про себя. Пропустив эту парочку, я некоторое время изучал обстановку и только убедившись, что нет хвоста, двинулся следом.

Мы расположились в тускло освещенной спальне, рядом еще одна комната, в которой по-сменно грелись сопровождавшие меня в город десантники и Петруха.

В городе изредка стреляли, еще реже до нас отголоском доносилась артиллерийская пальба.

Сидевший спиной к двери Закруткин доложил – наши врезали Гудериану по самое-самое. По свидетельству офицеров дивизионного штаба, к середине декабря его 2-я танковая армия и 43-й армейский корпус оказались отброшенными в разные стороны в результате чего между ними образовался разрыв в сорок километров. В самой Калуге оккупантов мало – неполная рота полицейского батальона, несущая караульную службу, и штабные подразделения 167-ой дивизии. Вся остальная тыловая «сволочь» сведена в оперативную группу и отправлена под Тарусу, где с их помощью командующий 43-им корпусом Хейнрици пытается заткнуть образовавшуюся брешь.

Затем Толик вкратце поведал, что ему пришлось пережить в плену, рассказал о встрече с Майендорфом, о ситуации вообще и в Калуге в частности.

Мы пили чай, настоящий, байховый, который я захватил с собой из Москвы. Анатолий, скинувший пилотку и полушубок, теперь сидел передо мной в офицерской форме без знаков различия и нашивок, кроме имперского орла на правой стороне кителя. Орел держал в когтях свастику, этот знак обозначал принадлежность к высшей расе. Другими словами, власти официально признали его немцем.

Он признался, это большая удача, что мы вновь вместе.

– Точнее, на связи, – поправил я его.

– Пусть даже так, но почему именно вы? Я рассчитывал, что руководство пришлет кого-

нибудь из курсантов или товарищей по институту.

– Так сразу это сделать трудно, а времени у нас в обрез, ведь ты написал, что имеешь важные сведения, касающиеся планов немцев на юго-западном направлении. Мы крайне нуждаемся в такого рода данных. Что касается курсантов, в живых осталось несколько десятков человек, большинство раненые. Товарищей из института разбросала война. Пришлось мне...

– Это страшный риск. Причем неоправданный... Вы же работник центрального аппарата.

– Меня попросил об этом товарищ Сталин.

Анатолий поперхнулся.

– Сочиняете?

Я пожал плечами.

– С какой стати?

– Расскажите?..

Я рассказал, затем сменил тему.

– Теперь давай обобщим факты. Они таковы – в первом бою ты струсил, Толик. Тебе стало стыдно. Ты попытался найти оправдание своей слабости, тоже факт. И наконец – в плену ты воочию убедился, с каким зверьем воюем. Теперь о том, какие выводы из этого следует. Какую игру ты затеял? Ты спелся с врагом?

– У меня и в мыслях не было!! – воскликнул Закруткин.

– Верю, поэтому я здесь. Теперь насчет того, на что ты рассчитывал. Ты не рассчитывал так быстро увидеть связного. Ты рассчитывал, что мы не сумеем сработать оперативно. Ты не рассчитывал увидеть меня в оккупированной Калуге. Я так полагаю, ты опять решил выкинуть какой-то фортель. Решил жить своим умом – вы там, на Лубянке, думайте, что хотите, а я поступлю по-своему. Интересно, что ты затеял на этот раз? Помочь Петрухе отомстить за родственника или добыть план обороны города? А может, похитить командира дивизии? Генерал, конечно, будет солиднее. Ты на что рассчитываешь – вот я появлюсь у наших с пленным генералом и тебе сразу спишут все грехи! А то, глядишь, наградят и отправят на фронт – и ты расплатишься за все сразу! За свою минутную слабость, за танкиста Кандаурова, за братишку Заслонова, за мечтателя Циолковского и его обгаженные космические аппараты, за товарищей по училищу, которых фашисты добивали штыками. Ты рассчитывал, что, оказавшись среди своих и даже не получив прощения, ты в любом случае избавишься от Шееля. Дальше фронта не сошлют. Ты станешь свободным и независимым, ринешься в бой без оглядки на этого недобитого барончика, который рано или поздно подставит тебе подножку. Так?

Закруткин – в сущности, совсем еще мальчишка, чуть постарше Заслонова, пусть даже повидавший, как враги, изображая расстрел, ради смеха простреливали уши пленным, – кивнул.

– Фрондер ты, Закруткин. Родина требует от тебя исполнения приказа, а ты все норовишь поступить по-своему. Толик, запомни, для тебя родина – это мы. Это Лубянка! И не надо играть с нами в прятки.

– Шеель все равно предаст.

– Каким образом?

– Не знаю, но это неизбежно. Он немец. Он не дурак.

– И ты испугался?

Он не ответил.

Я не торопил его. В таких делах спешить нельзя. Что у него, столичного мальчишки, было за плечами? Комсомольская юность, московская, а значит, сытая жизнь, желание сыграть в Мальчиша-Кибальчиша? Папаша в больших чинах, причастен к секретам. Наверное, рассказывал сынку об Испании? Пробуждал у него, так сказать, революционно-романтические настроения, а может, прививал убежденность в том, врага можно разгромить «малой кровью, могучим ударом»?

Оказалось, что для результата, который мы надеялись добыть, этого маловато. Химеры рухнули в одночасье. Наследники Гете и Гельдерлина, творчество которых Анатолий выбирал для курсовых, в насмешку над всякими понятиями о просвещении и гуманизме ради забавы швыряли пленным буханку хлеба и с восторгом наблюдали, как унтерменши не на жизнь, а на смерть сражались за нее. Этот шок просчитывался как дважды два.

Меня тревожило, какой вывод он сделал из этой истории?

– Если бы вы попали в плен...

– Таким, как я, в плен попадать нельзя.

Анатолий усмехнулся, потом с подковыркой поинтересовался.

– Поэтому руку из кармана не вытаскиваете?

– И поэтому тоже.

– Что у вас там, пистолет или граната?

– Лимонка.

– С чеки сняли?

– Снял.

Он принялся перемешивать чай. Наглядевшись на черную остывшую жидкость, предложил.

– Может, поставим чеку на место?

Я не ответил. После паузы спросил:

– Видеть не можешь эти рожи?

Закруткин молча кивнул.

– Мою тоже?

– Что вы, Николай Михайлович! Помните, вы объясняли нам с Шеелем, что такое согласие.

Я, после того как оказался в плену, отыскал ключик к согласию. Нашел, так сказать, на базе ненависти к врагу. Разве родине не нужна моя ненависть?

Вернувшийся с поста заиндевелый десантник заглянул в комнату.

– Чисто.

Я вытащил руку из кармана. Анатолий с трудом разжал мои пальцы, вставил в гранату чеку.

Некоторое время я дул на руку, потом, отхлебнув еще теплый чай, объяснил.

– Родине нужна не ненависть, а результат. Ты был невнимателен и мало что понял в согласии. Оно всегда для чего-то, что по определению является плюсом. Согласие всегда строго очерчено и направлено на результат. Нельзя искать согласие непонятно о чем. Это первое. Второе, тот, кто попытается найти согласие с оккупантами, в конце концов скатится к предательству. Это неизбежно. Я разве требовал от тебя пускаться с ними в пляс? Даже под музыку ненависти. Тем более под такую музыку! Это верный путь к срыву задания. На базе неприязни, с позиций мести никакого согласия быть не может. На танец тебя пригласил я, пригласила Лубянка, и ты не имеешь права сменить партнера. Мы должны так исполнить свою партию, чтобы у врага тени сомнения не возникло. Эти одичавшие потомки Гете и Гельдерлина должны встретить наше выступление аплодисментами. Я – твой партнер, ясно?! Ты должен беспрекословно выполнять мои приказы. Боже упаси тебя помыслить о каком-нибудь подвиге без моего приказа. Товарищ Сталин потребовал любой ценой внедриться в верхи германского руководства. Ты нужен партии на этом посту. Он просил передать – это партийное задание. Это задание самого товарища Сталина. Усек?!

После короткой паузы я, с целью выявить нутро, осторожно поинтересовался.

– Насчет связника сам догадался или кто-нибудь надоумил?

– Отец рассказывал, что наибольшая опасность нелегалу чаще всего исходит от связника.

Я даже привстал.

– Ты поделился с ним порученным заданием?!

– Нет, просто я любил слушать, а он любил инструктировать меня, конечно, без конкретики. Как бы оно было, если бы... Чаще всего распространялся об Испании. Например, о том, как наши добровольцы, пробиравшиеся сухопутным путем через Пиренеи, проваливались на пустышной мелочи. Заполняя бланки в гостиницах, они всегда перечеркивали цифру «7». В Европе так не принято, и каждый портье сразу догадывался, с кем имеет дело. Было?

Я пожал плечами.

– Не знаю.

Толик понимающе кивнул.

– Я чувствовал, что отцу не по нутру, что я согласился работать на НКВД. Увидев меня в курсантской форме, он сразу обо всем догадался. Не конкретно, а сразу обо всем. Он настаивал, чтобы я продолжал заниматься филологией. Твоя стезя, сказал он, это научная деятельность.

Я спросил.

– И по этой причине он решил поделиться с тобой секретами агентурной работы? – а про себя подумал – «пора разобраться с этим полковником».

Мы допили чай.

– Теперь насчет Шееля. Мне почему-то не верится, что он продаст.

– Вам проще не верить.

– Ты так считаешь? Анатолий, ты еще молод и неопытен. В случае твоего провала мне тоже не поздоровится. У тебя есть какие-нибудь факты против Алекса?

– Нет.

– У меня тоже, хотя я знаю побольше твоего. Барончик на перепутье, его надо поддержать морально... А твоя задача – внедряться, внедряться и еще раз внедряться. Ясно? И без выкрутасов, а Шееля я беру на себя.

Глава 4

– Это было смелое заявление, – признался Трущев и глянул на часы.

Ноябрьский день, назначенный Николаем Михайловичем для оживления тайн недавней войны, подходил к концу. На садовых участках и в ближайших поселках отключили электричество, так что добираться до автобусной остановки мне пришлось бы в полной темноте.

Николай Михайлович зажег керосиновую лампу. При тусклом свете фитиля в нем прорезалось что-то человеческое.

– Впрочем, если хочешь, можешь остаться. Места хватит.

Сраженный его гуманизмом, я рискнул спросить.

– А ваша супруга?

– Умерла. Два года назад. Теперь мой черед. Пошли в дом.

Он, поддерживая лампу обеими руками, направился в темный проем. Я, зачарованный незамысловатой символичностью момента, двинулся следом.

Дом у Трущева был большой, двухэтажный, бревенчатый, гулкий, как музыкальный инструмент. Половицы в коридоре и в просторной комнате, куда мы процессиально вступили, куда внесли керосиновый свет, отличались мелодичным разноскрипьем. Здесь, как в любых загородных помещениях, где не живут, а куда наезжают, было много свезенной мебели – древний шифоньер, два книжных шкафа, на полках которых среди редких книг, сверкали разнородные хрустальные рюмки из недобитых сервизов. На стульях, креслах и тахте была набросана старая одежда и пыльное тряпье. На расстеленных по громадному круглому столу газетах лежали яблоки, в дальнем углу, возле русской печки, по полу был рассыпан картофель.

Николай Михайлович, пристроив лампу посреди яблочного изобилья, занялся печкой. Сначала наколот лучины, потом тщательно уложил поленья, не торопясь поискал спички – при этом что-то неотрывно мурлыкал про себя.

Я невольно прислушался к невнятной бормотанью. Интересно, кого ветераны НКВД поминуют темным ноябрьским вечером, о ком слагают песни.

–... Не для меня придет весна... Дон разольется... и сердце девичье забьется с восторгом чуть, – мурлыкал отставник. – Не для меня...

Как только в печке затрещал огонь, фитилек керосиновой лампы дрогнул, подпустил чаду и свету. Ожили тени, затрепетали – мне показалось, начали подпевать.

Николай Михайлович поставил на стол початую бутылку водки.

– Давай помянем...

Колбасу жарили при набирающем силу тепле, в уюте, вбирая чудесные ароматы разгоравшихся дров, яблок и сохнувшей картошки. Мне было поручено резать хлеб.

После первой рюмки Трущев признался, что сведения Первого оказались «малоценными». Информация запоздала. Закруткин в зашифрованном сообщении докладывал, что 16 декабря Гитлер назначил себя главнокомандующим и отдал приказ стоять насмерть.

Трущев дотянулся до книжного шкафа и снял с полки обернутую в газету книгу, раскрыл и, напрягши голос – вероятно, чтоб сходство стало убедительней, – процитировал.

– *Zu widerstehen der Wille muß jede militärische Unterteilung erarbeiten...*

Эти ожившие вопли – спустя более полвека озвученные в другой стране, зачитанные недоброжелателем и унтерменшем, – произвели странное действие не только на меня, но и на фитилек в лампе, на огонь в печи. Пламя задрожало, затрепетали тени – выстроились, сомкнулись, затаили дыхание. Одна из них, рожденная углом шифоньера и брошенной на него курткой, преобразилась, украсилась челкой и обрела неотразимо схожие черты с закатывающим глаза чудиком, решившим спасти мир от славянской чумы.

Трущев продолжал цитировать, слегка передразнивая автора древнего амбициозного текста.

—...es kann nicht eine Frage über den Rückzug sein. In einigen Plätzen treten die tiefen Durchgriffe des Feindes nur auf. Die defensiven Positionen in der Rückseite verursachen – Phantasie. Frontseite leidet nur unter einer: im Feind ist es mehr als Soldaten. In es nicht mehr als Artillerieinstrumente. Es wars viel schlechter als wir...?³⁰

Оживив прошлое, Трущев деловито уточнил.

– К записке также была приложена схема обороны Калуги. К тому моменту, как Берия докладывал Сталину, город уже освободили.

После второй рюмки Трущев внес в поток истории философскую струю.

– Все дело в воспитательной работе. Запустили вы этот участок, трудно будет рассчитывать на успех...

– А вы?

– А мы свое отбарабанили. Побарабаньте вы.

То ли обстановка подействовала, то ли насмешливый пафос, с каким этот цепной пес режима передал мне палочки, только неожиданно для себя я, расправив плечи, брякнул.

– Побарабаним!

Он одобрительно глянул на меня и неожиданно тонким, с хрипотцой, голосом пропел.

– Не для меня... цветут сады. В долине роща расцветает... там соловей весну встречает. Давай, наливай. Что-то я сегодня совсем распоясался... Он будет петь не для меня.

Закусив, Трущев продолжил.

– Возле самой партизанской базы меня ранило, – он указал на шрам у виска. – Пришлось по-валяться в госпитале. Дураку-командиру партизанского отряда, лейтенанту из окруженцев, именно в тот день приспичило штурмовать детский дом в окрестностях Калуги. Там, понимаешь, немцы у детишек кровь для своих раненых отымали. Нельзя было день обождать! Ведь был приказ сидеть тихо!.. Но этому окруженцу все было по барабану. Они все, кто выжил или бежал из плена, были какие-то бешеные. Им казалось, что ничего страшнее, чем первый бой, плен, знакомство с фашистскими мордами придумать невозможно. Впрочем, хрен с ними, с партизанами! – он с неожиданной легкой издевкой съехидничал. – Хрен с ними, с делами давно минувших дней, преданьями старины далекой!

Затем заголосил громче, душевней.

–...Не для меня придет Пасха... за стол родня вся соберется... Христос Воскрес из уст польется... в Пасхальный день не для меня, – и, неожиданно стукнув кулаком по столу, затаил басом, – Трущевой Татьяне Петровне, ве-е-ечная па-а-амя-ять!

Насчет Пасхи, это было что-то новенькое для правоверного коммуниста и ветерана НКВД, ведь в чем угодно можно было упрекнуть Трущева, только не в попытке перекраситься.

Мне стало не по себе – уместна ли ирония на поминках? И не является ли эта самая ирония чумой нашего времени?

Я поинтересовался.

– Сегодня день ее смерти.

– Чьей?

– Вашей жены?

– Нет, уважаемый. Сегодня разбилась Светочка. Светлана Николаевна Трущева. Прыгнула вниз головой с самолета, а парашют не раскрылся. Это было в сорок восьмом... нет в сорок девятом году. Считай, полвека прошло, как она поступила в институт. Жена умерла в прошлом году, на Пасху... Трущевой Светлане Николаевне, ве-е-ечная па-а-амя-ять! Всем павшим на войне и после войны, всем горемыкам и бедолагам, у которых фашисты высасывали кровь ве-е-ечная па-а-амя-ять! Бом, бом!..

Он обратился ко мне.

– Скажи, малой, зачем этот инициативный окруженец без приказа отправился детей спасать? Когда мы добрались до партизанской базы, Ли-2 был забит под завязку, да еще на санях с пяток ребятишек лежало. Они не могли ходить. Немцы, к тому времени подобравшиеся к озеру, начали

³⁰ Воля выстоять должна овладеть каждым воинским подразделением...

...не может быть вопроса об отступлении. Только в *некоторых* местах имеют место глубокие проникновения противника. Создавать оборонительные позиции в тылу – фантазия. Фронт страдает только от одного: у противника больше солдат. У него не больше артиллерийских орудий. Он воюет гораздо хуже, чем мы...

обстреливать лед из минометов. Меня тогда и садануло.

Он указал на висок, перевел дыхание.

– Я даже не заметил, что ранили, злой был до предела. Поджигайло, командир разведгруппы Горбунов жмутся в сторонке, робеют с этим бешеным лейтенантом схватиться. Я как старший по званию приказал высадить из самолета трех или четырех ребяташек, чтобы мы с Заслоновым могли поместиться там. Не было у меня такого права оставлять Петруху в немецком тылу. Лейтенанту Петру Алексеичу Заслонову, командиру артиллерийского противотанкового взвода, погибшему на Висле, ве-е-ечная па-а-амя-ять! Бом, бом!..

Окруженец совсем ополоумел, схватил меня за грудки – доходяг ссаживаешь?! Сам в Москву драпаешь, а нам, значит, здесь отбивайся?! Ладно, по мне прошелся, но если бы он тогда что-нибудь насчет НКВД брякнул, я пристрелил бы его, несмотря на то, что его люди, стоявшие рядом, взяли оружие на изготовку.

Одно слово, партизанщина!

Только высадили детвору из самолета, как начал кочевряжиться Заслонов! У меня голова раскалывается, а он в истерику – не полечу в тыл! Хочу с партизанами! Десантники его силком в самолет засунули. Я взял девочку из саней и вслед за ним. Поджигайло плюнул, выругался, приказал задраить люк. Кое-как взлетели, хорошо, что путь короткий, иначе я бы от холода очокурился. В Москве меня уже без сознания из Ли-2 вытаскивали. Что с той девочкой стало, с ребяташками, которых мы оставили на озере, не знаю. Ве-е-ечная па-а-амя-ять! Бом, бом!.. Бом, бом!..

Он вполне искренне пожаловался.

– А я вот живу! – затем признался. – Мессинг лет тридцать назад напроорочил, что как раз сегодня, 19 ноября, в день советской артиллерии, мне придет каюк, так что ждать осталось недолго, несколько часов. К тому же внук навещает, не забывает старика.

Я поперхнулся. Даже закусить забыл – жить ему, видите ли, осталось несколько часов! А Светочка хороша. Что же получается – наплевав на девичью честь, она родила в самом юном возрасте, а затем отправилась на аэродром прыгать с парашютом?

Вот это комсомолка!

Чудеса!

История, организовавшая эту ночную исповедь, лукаво подмигнула – это еще что!

Николай Михайлович горячо заверил меня.

– Светочка к ребенку никакого отношения не имеет. Ребенок был от Шееля. Петей назвали.

Я потерял дар речи.

Это был удивительный вечер – вечер знакомства с семейными тайнами, с заклетьями, оказавшимися не менее замысловатыми, чем история цельной страны. Удивительным было то, что эти тайны оказались неразрывно связаны с непознанным в человеческой психике, знатоком которого являлся Вольф Мессинг. Трущев наглядно продемонстрировал, как много он почерпнул у знаменитого экстрасенса, если сумел с ходу подцепить в моей голове восторг и рукопотирательское удивление, касавшиеся комсомолки Светы.

Но за всеми срамными домыслами, нервным хихиканьем, проистекающим из благоговения перед историей, – передо мной, за пределами истории, впервые за все время общения с Трущевым, въявь проступил абрис таинственного, неизвестного науке существа. Черты были стущеваны, подвижны, неокончены, однако вполне отчетливо складывались в подобие сфинкса.

Его лик, напоминавший кошачью морду, был ошеломляющ и неотразимо притягателен, как может быть притягателен идеал или вечный двигатель. В лапах он держал косу – ту самую, с которой разгуливает костлявая. Тайна этого существа была всем тайнам тайна. Это был лик вечности, а что такое история как не ожившая, наполненная лицами и поступками вечность?

Какие житейские удовольствия, какие тончайшие наслаждения, психологические выверты или шокирующие извращения могут сравниться с радостью лицезрения бесконечной протяженности времени?!

Чего еще может желать человек?

Трущев вновь заголосил.

– А для меня в перспективе инфаркт... Может, сегодня и грянет. Вроде и водку не трескал, как некоторые. Я имею в виду, в оглушительных количествах, и на тебе!.. И слезы горькие прольются... Такая жизнь, брат, ждет меня. Бом, бом!.. Записываешь?

Я показал Николаю Михайловичу диктофон.

Он приказал.

– Антимонии вычеркни. Ни к чему...

Я не ожидал такого предательства и с надрывом в голосе воскликнул.

– Можно оставить?! – и ни с того ни с сего заявил. – Перестройка ведь!..

Николай Михайлович подцепил на вилку ворох квашеной капусты, зажевал и махнул вилкой.

– Оставляй. Мне все равно. Жаль, что редко удается свидеться с внуком. Далеко живет, за границей. Впрочем, об этом в свой черед, а в декабре сорок первого, перед самым Новым годом я сбежал из госпиталя. Хотелось встретить Новый год и заодно отпраздновать награждение в домашней обстановке. Меня тогда представили к Красному знамени, повысили в звании до капитана. Хотелось пройтись гоголем перед Светочкой...

Он помолчал, видно, припомнил что-то незаживающее, затем неожиданно помянул Сталина.

– Железный человек был человек... История его крепко выдрессировала. К окружавшим его товарищам по борьбе никаких дополнительных чувств, помимо деловых, не испытывал. Разве что к тем, кого называли сталинскими выдвигенцами, относился более заинтересовано. Петробыч любил ставить в тупик товарищей из Политбюро неожиданным решением кадровых вопросов.

Он опять взмахнул вилкой, на этот раз пустой.

– Впрочем, мне эта заумь по барабану. С точки зрения поиска согласия эти моменты несущественны – так говорил Заратустра. Согласен? Важен результат, а результат налицо. Или на лице. Спорить будешь?

Попробуй поспорь с ним!

Наворачивая квашеную капусту – вкуснейшую, должен признаться, закуску, – он подытожил.

– Победа, атомная бомба, Гагарин – это, конечно, но и кулак был ого-го! А мы сами разве без кулаков? А ты говоришь перестройка.

Он выпил, поставил рюмку, зажевал, затем подцепил ломоть жареной колбасы, положил его на хлеб и взялся за выдвигенцев.

– Таких было немного, но взлетали они вмиг и очень высоко. При этом падали чаще других, и, как правило, разбивались насмерть. Вспомни Рычагова, Павлова, Вознесенского!..³¹ Но если выдвигенец не подводил, такому прощалось многое. Я побывал в их шкуре, я знаю. Так, например, случилось с молодым Закруткиным.

Еще одна рюмка окончательно развязала ему язык.

– С этими свалившимися на меня двойниками вообще происходила странная история. Петробыч, как назло, взял в привычку, использовать этот случай в назидание НКВД. Он как бы ставил нам на вид – усекли, какой я прозорливый? Уж на что ты, Берия, хитрожопый, а не догадался, как можно использовать сына заядлого фашиста. Только товарищ Сталин в полной мере оценил солнечные дали, которые открывала эта игра.

³¹ Рычагов Павел Васильевич (1911–1941) – летчик-истребитель. В армии с 1928. С октября 1936 по февраль 1937 под псевдонимом Пабло Паленкар участвовал в боевых действиях в Испании. В ноябре 1937 направлен в Китай, где под его руководством была разгромлена база японских ВВС на Тайване, что вызвал шоковое состояние у японцев. В течение целого месяца оттуда не взлетали самолеты.

С июня 1940 заместитель начальника, с августа – начальник Главного управления ВВС РККА (29 летний генерал-лейтенант!!!). С февраля 1941 г. заместитель наркома обороны СССР. На одном из заседаний ЦК выступил с резкой критикой новых самолетов обвинив в плохой работе советских авиаконструкторов. После чего в апреле 1941 снят с поста заместитель наркома обороны и зачислен на учебу в Академию Генерального штаба. В июне 1941 провел секретное инспектирование советско-германской границы.

В ночь на 24 июня 1941 Рычагов арестован и в октябре 1941 расстрелян. Посмертно реабилитирован 23 июля 1954 года.

Павлов Д. Г. (1897–1941) – советский военный деятель. В 1936–37 гг. сражался в Испании, командир танковой бригады. Затем начальник Автобронетанкового управления РККА. С июня 1940 командующий войсками Западного Особого военного округа, с 22 июня до 2 июля 1941 командующий войсками Западного фронта. Расстрелян.

Вознесенский Н. А. (1903–1950) – советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1943). С 1938 председатель Госплана СССР, одновременно член бюро Комиссии советского контроля. С 1939 заместитель председателя СНК, с 1941 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. В годы Великой Отечественной войны член ГКО. Автор книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947), являвшейся первой попыткой научного анализа развития советской экономики в годы Великой Отечественной войны. Государственная премия СССР (1948). Репрессирован в 1949 г.

В следующий момент в поселке дали свет. Трущев притушил фитилек и щелкнул выключателем. Залившее комнату электрическое полководье погубило тени, бывшее аккуратно съежилось, расплозлось по углам.

Вечность растаяла – обнажился шифоньер, тряпье, яблоки.

Трущев спросил.

– Хочешь поставлю музыку?

Я поперхнулся, потом махнул рукой – давайте.

Николай Михайлович включил допотопный магнитофон и оттуда с потрескиванием и шипением полились незамысловатые слова:

Для нас открылись солнечные дали,
Горят огни победы над страной.
На радость нам живет товарищ Сталин,
Любимый вождь, учитель дорогой...³²

Я не удержался.

– Так вы, Николай Михайлович, сталинист?

– Кто? Я?! Упаси Боже!..

После паузы он уточнил свою позицию.

– Сталины приходят и уходят, а Россия остается, понял, литератор?

– Но как же?..

– А вот также. Корень следует извлекать, а не делить дробь. Для начала неплохо без пошлых воплей разобраться, кем он являлся для всей совокупности граждан и нет ли вины каждого из нас в загубленных жизнях, а уж потом орать «тиран!», «убийца!», «могущественный и гениальный злодей, вокруг замыслов которого вертелся весь мир».

Трущев устроился на стуле вполне по-энкаведешному, как это показывают в современном кино – нога на ногу, в зубах папироса, правда, в руке вместо револьвера надкусанное яблоко.

Я приготовился к допросу.

– Что ты слышал о Василии Теркине?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Что я мог сказать о знаменитом солдате? Не дожидаясь ответа, Николай Михайлович подытожил.

– Все слышали, но мало кто готов признаться, что у него был прототип. Твардовский на очнике подтвердил. Что за прототип, откуда он появился, судить не берусь, для этого существовало следственное управление, а в нем такие мастера как Свердлов и Рюмин.³³ Суть в том, что Петробыч приказал найти прототипа и его нашли. В точности как на известной картине – разбитной такой, веселый, с гармошкой.

Во время войны в Корее, когда выяснилось что среди наших добровольцев затесались перебежчики и боевой дух оказался не на высоте, он вызвал Берию, Булганина, шнурков из Политуправления и потребовал объяснений. Напомнил, что партия не может либеральничать с теми, кто пустил на самотек воспитательную работу. На Великой Отечественной как было? Если трудно, если враг нажимает, как должен поступить политработник? Он должен отыскать весельчака. Такого, например, как Теркин. Глядишь, лица сразу повеселеют, глазки заиграют и дело пойдет. Затем добавил, если политработник не может отыскать Теркина, пусть поднимает дух личным примером... Кстати, о Теркине. Неплохо бы отправить его в Корею, пусть поможет нашим узкоглазым братьям громить американских империалистов и своих узкоглазых реакционеров.

Лаврентий Павлович посмел возразить, что в каком-то смысле Теркин – литературный персонаж. Его нет в природе.

Петробыч даже обрадовался. «Вот именно, персонаж! А у каждого персонажа, как считают в отделе агитации и пропаганды ЦК, есть прототип. Политбюро поддерживает эту позицию. Впро-

³² Музыка В. Мурадели, слова А. Суркова.

³³ Рюмин, Свердлов – следователи центрального аппарата, отличившиеся применением незаконного физического воздействия во время следственного производства. Особенно Андрей Свердлов, сын небезызвестного Якова Свердлова. Наиболее зверски он проявил себя в «деле врачей».

чем, зачем спорить, вызовем автора и спросим, был у Теркина прототип или нет?»

Вызвали Твардовского – он тогда «Новым миром» заведовал, это недалеко от Кремля, так что долго ждать не пришлось.

Сталин спросил у нашего известного поэта: «Мы, – он указал на присутствующих, – с уважением относимся к вашему творчеству, товарищ Твардовский. Партия отметила вашу работу Сталинской премией, это высокая честь для всякого советского литератора, не правда ли?» – «Так точно, товарищ Сталин!» – «Если мы пришли к консенсусу по этому вопросу, ответьте, пожалуйста, – был у Теркина прототип или нет?»

Вообрази, с каким интересом уставились на Твардовского Берия, Булганин, особенно ребята из Политуправления РККА. Кому хотелось отправляться в Корею и личным примером на гармошке поднимать дух наших добровольцев. Твардовский тоже скис – черт его знает, что ответить Хозяину?

Был у Теркина прототип или нет?

Скажешь, не было, Петробыч спросит, как же ты, сукин сын, не зная жизни, такую великую поэму отгрохал?! Кто тебе, кулацкому отродью, наваял эти бессмертные строчки – переправа, переправа, берег левый, берег правый... Не Бухарин ли?.. Его всегда тянуло к правому берегу, может, поэтому он всегда горой стоял за кулаков.

Скажешь, был – Хозяин поинтересуется, где он теперь?

Товарищ Твардовский был головастый мужик и вовремя сообразил, что как раз на второй вопрос ответить легче легкого.

Он так и брякнул – прототип был, но его с прототипом развела война, – и с облегчением обнаружил, что угадал. На сердце потеплело – глядишь, еще одну премию подкинут.

Петробыч раскурил трубку и заявил: «Это не беда, что развела. Наши органы отыщут. Не так ли, товарищ Берия?»

И что ты думаешь – отыскали. Отправили в Корею на гармошке играть.

Усек?

Трущев выбрал следующее яблоко – на этот раз взял антоновку. Надкусил и распорядился.

– Ешь фрукты, в них железа много. Утром отправишься домой, прихвати с собой. Мне их за год не съесть.

Я выбрал свой любимый сорт, «пепин шафранный». Яблоко было грушевидное, налитое, густо-бордовое, вкуснее не бывает.

– Скажи, уважаемый литератор, – спросил Трущев, – неужели Петробыч был настолько дремучий руководитель, что не слышал насчет прототипов? Конечно, слышал, он был исключительно начитанный человек, но ведь нашли! Стоит только правильно организовать воспитательную работу, и наши люди не то, что Теркина, инопланетянина отыщут. А вот если у исполнителей на каждый приказ тут же сыщутся отговорки – какие, мол, инопланетяне, наука сама еще в неведении, есть ли жизнь на Марсе – сразу все пойдет вкривь и вкось.

Усек?

В том же разрезе следует рассматривать и Закруткина с Шеелем. Петробыч усмотрел в этой сладкой парочке крепкую узду, с помощью которой он мог бы держать в страхе подчиненных. Таков, уважаемый, был дух эпохи. Вспомни, как мое руководство обошлось со Светочкой. Совсем кроху – и под взгляд заезжего экстрасенса. А вдруг он маньяк, вдруг на всю жизнь искалечит? Дочь сотрудника? Тем лучше. Пусть залетный гастролер поэкспериментирует, а отец понаблюдает.

Какие тогда могли быть антимины?

Лаврентий Павлович, конечно, сразу учуял эту сталинскую подоплеку. Природа наградила его высшей сообразительностью в подобных делах, но заметь, этим природа не ограничилась. Также щедро наделила его стратегическим видением проблем и умением брать ответственность на себя. Это не мало. Это много, это очень даже много для руководителя, но, к сожалению, та же самая природа поскупилась для такого головастого человека, каким был Лаврентий Павлович, на элементарное уважение к людям. Хотя бы к товарищам по партии. О гуманизме я даже не заикаюсь. На этом, казалось бы, пустяке Хрущев его и подловил. Он до такой степени напугал Политбюро и Совмин, что все лапки кверху. Страшилка была из самых безыскусных – смотрите, придет Берия к власти, всем вам крышка!

Во взгляде Трущева отчетливо прорезался ужас, охвативший членов Политбюро и правительства, когда они представили, как Берия захватывает пост Предсовмина.

– Я имею право судить объективно, мне Берия ничего плохого не сделал. Однажды даже признался, что долго не мог понять: кто я, «свой» или «чужой»? Ответ на этот вопрос дало мое согласие совершить рейд по тылам врага. Догадываешься, почему?

История глазами Трущева уставилась на меня.

Сознаюсь, мне стало не по себе. Над такими вопросами мне еще не приходилось задумываться. Такого рода вопросы относились к высшему политическому пилотажу.

Я отрицательно покачал головой.

– Этот нюанс мне популярно объяснил Абакумов Виктор Семенович. Тот, что колотил меня во внутренней тюрьме НКВД.

Я кивнул.

– Кстати, – продолжил Трущев, – Абакумов как раз и был из выдвиженцев. Он сразу пришелся по вкусу Петробычу. Рост громадный, в плечах кося сажень. И, конечно, голова... Светлейшая, надо отметить, голова. Канарис со всем его абвером Абакумову в подметки не годился. Он быстро пошел в гору. Берия страсть как не любил таких выдвиженцев-сорохватов. Весной 1942 года Абакумов имел со мной частную беседу. Он предложил перейти к нему, в особые отделы.³⁴ Ты, Трущев, побывал за линией фронта, поэтому в НКГБ путь к генеральским погонам тебе заказан. Кто знает, чем ты там, в немецком тылу, занимался... Я успел с тобой пообщаться и убедился – ты свой в доску. Я обещаю тебе должность зама и генеральские погоны.

Я отказался. И правильно сделал. Никому о том разговоре не докладывал, а Лаврентию все-таки стукнули. Вот тогда он и провел со мной воспитательную беседу насчет того, что рейд по тылам противника это, конечно, существенный минус. Даже он, нарком НКВД, не в силах внести исправления в анкету, но разве анкета – это самое главное? «Послушай, Николай Михайлович – он тогда впервые меня по имени отчеству назвал, – разве в анкете дело? Ты кому служишь – анкете или делу?» Я доложил – делу. Лаврентий одобрил такую позицию. «Ты, Трущев, в трудные моменты в кустах не прятался, надеюсь, и дальше будешь проявлять разумную инициативу. А насчет генеральских погон... Даже для знакомого тебе здоровяка это дело неподъемное, так что не переживай». С тех пор я пользовался его безусловным доверием. Что касается Закруткина младшего, дело было за малым...

Трущев, не мигая смотревший на меня, поинтересовался.

– Догадался, к чему я клоню?

Я отрицательно покачал головой.

– Эх, молодо-зелено, – усмехнулся Николай Михайлович. – Необходимо было организовать Первому поразительные успехи в тылу врага.

Ветеран откусил от яблока. Жевал долго.

– В защиту Петробыча могу сказать, в подобных играх ему всегда удавалось соблюдать меру. Он носом чуял, чего можно требовать от исполнителей, а что вне пределов их возможностей. Конечно, ошибался, кто без греха, но здравый смысл редко подводил его. Он сразу угадывал всякую туфту. Разве что в последние годы ослабил бдительность... Но это к делу не относится. А вот его наследники, особенно кукурузник, эти были ту-у-п-ы-ы-е! У них не то что выдумки, элементарной фантазии не хватало, чтобы не оторваться от действительности. Они от природы были лишены всяких умственных способностей, тем более, наиважнейшей для правителя – умения держать аппарат в узде. Кукурузника в своем кругу вообще считали чем-то вроде пародии на Теркина. Если бы ты знал, сколько раз он перед Сталиным гопака плясал. Стоило Петробычу ткнуть в него пальцем, и тот уже помчался в присядку. Хитрый был – да. Умный – нет. Когда наука попыталась объяснить ему, что за Полярным кругом кукуруза не растет, холодно там, он этак хитро прищурился и подмигнул – а вдруг вырастет!

Ну, не дурак?..

* * *

³⁴ Управление особых отделов, ответственных за контрразведывательную работу в армии. В начале 1943 они выведены из состава НКВД и преобразованы в СМЕРШ.

– Что касается Закруткина Константина Петровича, я еще в лазарете вынашивал мысль о вредительской деятельности этого грушника. Чем дальше, тем острее полковник Закруткин выявлял свое нутро. Личность оказалась крайне противоречивая, если не сказать, сомнительная, и, если бы не практические соображения, я бы не раздумывая накатал бы на него рапорт.

К сожалению, его арест мог поставить под удар всю операцию. Это был смертельный риск, имея в виду непредсказуемость и своеволие его сыночка.

Задача была не из простых.

Николай Михайлович бросил огрызок яблока в печку и заявил.

– Я предложил использовать папашу в качестве связника. Я так и сказал Лаврентию Павловичу – другого, более надежного средства, чтобы держать Первого в узде, не вижу.

Ну и напугал же я их!..

– Он, видите ли, не видит! – взорвался Берия и, обращаясь к Федотову, добавил. – Нам толко варягов не хватало!

Рассудительный Федотов сохранил спокойствие. Он обратился ко мне вполне по-дружески, я бы сказал, участливо.

– Николай Михайлович, вы хорошо обдумали ваше предложение?

– Так точно, товарищ комиссар второго ранга.

– Докажите.

– Несмотря на то, что внедрение Первого прошло успешно, его нельзя оставлять без контроля. Обеспечивая связь, полковник Закруткин полностью снимет эту проблему, при этом число посвященных в операцию «Близнец» не увеличится. Он разделит ответственность за фортели Анатолия. С его возможностями нам будет легче поддерживать связь с оккупированной глубинкой во Франции, куда вывели на переформирование дивизию Зевеке.

– Что ты знаешь о Закруткине, Трющев?! – воскликнул Берия.

– Когда разрабатывал Анатолия, познакомился с анкетными данными.

– Вот и заткнись насчет него!

Федотов не дал разгореться страстям.

– Вы полагаете, что Первый способен еще раз выкинуть какой-нибудь фокус? – спросил он.

– Фокус может выкинуть Шеель, а Анатолий впопыхах неверно среагирует на угрозу. У него мало опыта, его вполне могут взять на подставу, на какого-нибудь липового подпольщика, который сбежал из концлагеря и со слезой в голосе обратится к нему за помощь. Закруткин сгоряча может что угодно натворить. Имея на связи Закруткина-старшего, это будет сделать куда труднее.

– Почему бы не попробовать, – внезапно поддержал меня Федотов и подбросил идею. – Пусть его ведомство разделит с нами ответственность. Наше дело предложить и обосновать...

Берия задумался.

– Ты так считаешь?..

Потом обратился ко мне.

– Трющев, можешь идти и не забудь, что ты головой отвечаешь за Первого.

Первая конспиративная встреча Закруткиных, состоявшаяся в Баварских Альпах, принесла на удивление обнадеживающие результаты. Нашему доморощенному Алексу-Еско фон Шеелю по ходатайству Зевеке и фельдмаршала Клюге без всяких помех и задержек присвоили звание лейтенанта вермахта. Эту радостную весть ему доставил Майендорф. Он нагрязнул в госпиталь вместе с Магди, которая, покраснев и опустив глазки, преподнесла герою букетик скромных фиалок, чем вызвала бурные аплодисменты соседей Шееля по палате.

Дядя Людвиг от души поздравил Алекса с почетной наградой, которой его удостоили за то, что, отомстив за отца, молодой человек подтвердил звание арийца.

Соседи-фронтовики скромно захлопали – невелика награда. (Один из них потом признался: вот так всегда, дерешься с большевиками не на жизнь, а на смерть, кровь им пускаешь, а тебя за это награждают бумажонкой, свидетельствующей что ты не «рыжий»). Очень щедрые дядюшки сидят в Берлине). Затем Майендорф пригласил Первого в гости, ведь после ранения тебе положен отпуск, и ты, Алекс, непременно захочешь побывать в родных местах. Заодно посети Берлин. Мы с Магди ждем тебя. Думаю, господин Шахт тоже захочет повидаться с тобой.

Что могло более убедительно свидетельствовать о успешном начале части операции! Даже

предстоящая встреча с Ялмаром Шахтом представлялась в Москве в розовом свете.

– Теперь, уважаемый, сообрази, в каком дерьме мы все оказались, когда спустя два месяца на Лубянке получили сообщение:

«Встреча с Тетей состоялась. Первый на грани провала. Второй – предатель. Его отпечатки пальцев хранятся в банке Lombard Odier. Ситуация три креста».

* * *

– Это был удар под дых, – вздохнул Трущев. – Факт убойный! Берия матерился так, что уши вяли.

– Что будем делать, Трущев?

Они все – Федотов, Фитин, сам Лаврентий Павлович, – устали на меня, будто я волшебник, способный на расстоянии узреть, что случилось с Первым в Берлине.

Подтекст был понятен – о чем докладывать Хозяину, если он вдруг вспомнит о Первом?

Одна надежда – в ту пору Хозяину было не до Шееля.

Шел сорок второй год. Готов подтвердить, он оказался куда более трудным, чем предыдущий, сорок первый. В конце весны немцы устроили кровавую мясорубку в Крыму, затем, смяв под Харьковом наш ударный кулак, прорвались к Воронежу. В городе завязались уличные бои, и никто не мог с уверенностью сказать, куда повернет враг, захватив этот стратегически наиважнейший пункт. От решения Гитлера зависела судьба страны. По мнению советского Генштаба, вариант поворота на север, на Саратов и Горький, в обхват Москвы, грозил, если у врага хватит сил, реальным поражением в войне. Южное направление, в сторону Сталинграда, давало надежду на передышку.

Нарком ввел меня в курс дела.

– Полковник Закруткин предлагает немедленно отозвать Первого.

Что я мог возразить? Решение очевидное со всех точек зрения. Не имея ясного представления, в чем состоит угроза и откуда она исходит, мы ничем не могли помочь Толику. Затягивая решение, мы, скорее всего, погубили бы его, а это означало внутреннее расследование, гнев Петробыча.

История впала в пронзительную ностальгию, заставила Трущева выявить нутро.

– Мне бы согласиться с грушником, но совесть партийца не позволила. Я был уверен, страхи Анатолия преувеличены. Но попробуй скажи об этом вслух. Даже если ты не за анкету, а за дело болееешь.

Усек?

Я кивнул. Что ж тут не понять.

– Это, соавтор, страшная ответственность. Известно ли тебе, что такое ответственность?

Он поднялся и, порывшись на полках, достал толстенную общую тетрадь. Раскрыл ее и прочитал.

– Вот послушай, что писал по этому поводу Вольф Мессинг.

«...ответственность – это один из самых коварных «измов», который только можно выдумать себе на погибель. Поддаваться ей, значило окончательно погубить себя. Это я проверил на себе. Эта «сть», как, впрочем и «принципиальность», предполагает, что ее носитель изначально кому-то что-то должен. Более того, несчастный чаще всего испытывает головокружащую радость оттого, что допустил эту ядовитую жидкость в свое сердце. Отравленный «ответственностью», он полагает, что ему доверили принять участие в каком-то великом и благородном деле. Его страх – это страх радостный, сходный с энтузиазмом, но от этого он не становится менее страхом».

А вот еще...

«Если кто-то из романтически настроенных читателей заинтересуется, как можно работать в таких условиях, могу заверить – испытание «ответственностью» являлись в то время нормой, modus vivendi строителей социализма. Ответственно подойти к выполнению задания считалось делом ума, чести и совести этой эпохи. Мне пришлось на собственном опыте убедиться, что «ответственность» сама по себе, вольная и осознанная, не привязанная как служебная собака к какому-то высокопоставленному и напыщенному «изму», способна творить чудеса».

Трущев снял очки, пристроил их на громадном, с золотистым отливом бочкё антоновского

яблока. Оно угрюмо, через минусовые стекла, глянуло на меня и предупредило – не спеши с выводами.

Я доверился яблоку.

Между тем Трущев продолжал вещать.

– Доводы были самые незамысловатые. Во-первых, встреча с Тетей состоялась. Во-вторых, Первый сумел переправить сообщение через мертвый почтовый ящик, следовательно, он обладает некоторой свободой передвижения, чего просто не могло быть, если бы абвер или гестапо взяли его под колпак. В-третьих, Шеель у нас в руках, и мы обязаны по полной использовать этот фактор. Я предложил срочно вызвать барончика из лагеря и хорошенько допросить на предмет – «жизнью играешь, сукин сын? Подожди, мы тебе покажем кузькину мать!» Также незамедлительно направить Старика в Берлин, а пока, не теряя времени, по радио, потребовать от Первого прояснить обстановку. Ты ухвати главное – предложенные мною меры имели смысл только в том случае, если кто-то из старших по званию рискнет взять на себя ответственность.

Берия рискнул.

После чего Трущев объявил.

– На этом и закончим. Пора на боковую.

Я не выдержал.

– Издеваетесь?! В ваших записках нет ни слова о каких-то Тетях, первых, вторых, крестах, мертвых почтовых ящиках? Только общие слова и цитаты из классиков марксизма-ленинизма, а также из воспоминаний небезызвестного Мессинга. Теперь вдруг оказывается, что ответственность перед каким-то «измом» – это самая страшная напасть, которая может овладеть человеком!.. Просто чума какая-то!

Трущев поправил меня.

– Чумой нашего времени является ирония, – и, отыскав в своей многостраничной библии, очередную цитату, снял очки с яблока и продекламировал. – «Чумой нашего времени является ирония. Эта как бы «насмешка», а точнее, презрение, позволяет повисить собственную значимость, оскорбить любое чувство, высмеять самый благородный порыв. Ирония безжалостна, бесчеловечна, пуста, лишена способности творить. Она превращает человека в надменного скота, считающего допустимым оскорблять невинных, терзать слабых, насмехаться над мудрыми».

– Это тоже Мессинг сказал? – нескрываемым сарказмом спросил я.

– Нет, граф Сен-Жермен.

Что я мог возразить Сен-Жермену? И, тем не менее, вечер удался. За эти несколько часов мне повезло пообщаться с историей, ощутить присутствие вечности, пусть даже вооруженной знаменитой косой, побывать в сталинском дурдоме и, что особенно радовало, приобщиться к тайнам согласия. Не много ли за раз, тем более, что мне надо будет каким-то образом упаковывать этот материал в читабельный, упрощенный для дуриков роман. Как прикажете работать с таким материалом? С какой буквы писать этих Дядь, Теть, Первых, Вторых. С прописной или строчной?

Я выложил эти сомнения полковнику в отставке.

Трущев, не задумываясь, наложил резолюцию.

– Буря в стакане воды! – затем неожиданно смилостивился, наверное, водочка подействовала, и добавил. – Объясню вкратце – три креста означают провал. Мертвым ящиком называют такой способ передачи информации, при котором неизвестно кто закладывает сообщение и неизвестно, кто вынимает. Принимающий передает сообщение пианисту, который просто должен отстучать его в эфир. Инструкции Первый получал по радио. В Москве мы обговорили время и частоты, однако проблему с обратной связью нам до конца войны так и не удалось решить удовлетворительно.

Николай Михайлович поднялся, дал последние инструкции.

– Что касается Светочки, я отговаривал ее от занятий парашютным спортом. Толковая девушка. Красавица. Горячая, энергичная... Папа, как ты не понимаешь, что прыжок с парашютом – это прыжок в будущее. Десантные войска – самые важные. Я попытался объяснить ей, что самыми важными войсками следует считать танки. Или атомную бомбу, о которой тогда ходило множество слухов. Например, одна бомба – один город. Судоплатов усиленно работал по этой тематике. Но разве вас, молодых, можно в чем-нибудь убедить. Так что война достала нас с Таней через четыре года. Я этот полет с нераскрывшимся парашютом до сих пор забыть не могу. Остался у нас

мальчик, пусть даже чужой, пусть даже поднадзорный, но наш. Он называл меня «деда», а Таню «баба».

На прощание смилоствивился.

– Я пошел спать, а ты, если хочешь, можешь познакомиться с отрывком из воспоминаний Мессинга. Это подлинный материал, а не седьмая вода на киселе, опубликованная в журнале «Наука и религия». Правда, здесь тоже много туфты и умолчаний, но зерно истины есть. Имей в виду, Вольф Григорьевич, к сожалению, перепутал последовательность событий. Он много чего напутал, например, насчет меня. Он на сегодняшний день знаешь что мне напророчил? Мол, сдохну я от разрыва сердца, а я, как видишь еще ого-го. Еще вполне огурчик. Вольф Григорьевич также перепутал даты – не знаю, сознательно или нет. Вас, сочинителей, трудно понять, чем вы руководствуетесь, прибегая к хронологии.

Ладно, проехали. К тому моменту, когда Мессинг был подключен к операции, мы еще не знали, какая именно угроза нависла над Первым, а он уже пишет о мерах, на которые решилось руководство НКВД, чтобы справиться с кризисом. Рассказать об этом надо с юмором, с легким налетом сенсационности. Насчет использования экстрасенсорики и прочей телепатической ерунды не стесняйся.

Уже с порога добавил.

– Мысль о привлечении Мессинга к расшифровке угрозы, нависшей над Первым, первым высказал Берия.

Затем он дружески предупредил меня.

– Но об этом писать не следует. Так будет лучше, дружище, – и улыбнулся на прощание.

Глава 5

Отрывок из воспоминаний Мессинга я привожу полностью, не редактируя, только изредка, для лучшего понимания событий, внося уточнения в текст.

Лично я в таком сотрудничестве с автором не вижу никакого криминала.

А вы?

Для ясности – руководство НКВД, приняв предложение наркома использовать необычные способности Вольфа Мессинга, тут же отправило Трущева в Новосибирск. Прямо с аэродрома Николай Михайлович помчался в гостиницу, разбудил растерянного Мессинга, заставил его одеться и сразу на аэродром. В самолете они обсудили создавшуюся ситуацию. Спустя сутки с помощью Поджигайло оба оказались в Москве.

* * *

Бомбардировщик³⁵ – это не гостиничный номер, где трудно избавиться от посторонних ушей, так что, устроившись в салоне, мы с Мессингом имели возможность обговорить детали предстоящего задания.

Итак, слово Вольфу Григорьевичу Мессингу:

«Сразу после посадки – время было позднее, далеко за полночь, – меня доставили на Лубянку, прямо в кабинет наркома. Берия заметно пожелтел, исхудал, глаза были до крайности усталые – видно, работы было невпроворот. Тем самым он несколько развеял мои опасения насчет способности кремлевских вождей оказать сопротивление врагу. Времена были трудные, и вера в победу, отовсюду доносившаяся до меня, нередко сочеталась с розовыми надеждами на то, что «немецкий пролетариат наконец проснется и сбросит преступную фашистскую клику». Или, что еще тревожнее, – «наши» сумеют договориться с немцами». Этот неожиданный для меня, разочаровавший оттенок будущего плохо сочетался с природной русской привычкой кряхтя тащить воз, каким бы тяжелым он не казался. Но что было, то было. К счастью, у этих, в Москве, подобных настроений не было, это внушало надежду на осуществление предсказанного мною будущего.

³⁵ Оставим ошибку на совести В. Мессинга, глубоко штатского человека. Трушев впоследствии уточнил, конечно, это был транспортный Ли-2.

Лаврентий Павлович встретил меня на удивление приветливо. Назвал «старим дружищем», поблагодарил за желание помочь, угостил чаем. Затем протянул папку и предложил ознакомиться с делом негодяя, осужденного за шпионаж, от чего я, помня разговор с Трущевым в самолете, резко отличавшийся от полученных в гостинице инструкций, решительно отказался. Не хватало, что-бы Мессинг увяз в секретных материалах!

– Нет так нет, – пожал плечами Лаврентий Павлович.

Он коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал о подозреваемом; его, так сказать, жизненным пути, затем толково и с въедливой дотошностью обрисовал мою задачу и предложил приступить.

В свою очередь я попросил оградить наш разговор от прослушки. Прилипчивое ухо от меня все равно не скроешь, а эта добавка к беседе заметно осложнит выполнение задания родины.

– Почему? – спросил нарком.

– Я постоянно буду отвлекаться от работы. Насколько я понял, вам нужен ответ на вопрос, готов ли осужденный честно сотрудничать с советской властью или он лукавит? Комментарии и объяснения вас не интересуют?

Берия согласился.

– Хорошо. Давайте результат. В случае чего объяснения ми и так получим.

Трущев повел меня по коридору, затем мы вышли во двор, направились к мрачному зданию внутренней тюрьмы, и по мере приближения к цели меня все крепче охватывал страх и раскаяние – только очень легкомысленный и крайне недалекий человек мог добровольно согласиться быть помещенным во внутреннюю тюрьму на Лубянке? Пусть даже на несколько часов. А если это ловушка? Мне стало стыдно за Мессинга. Сколько сил Вилли Вайскруфт потратил, чтобы научить его держаться подальше от властей, а он вновь ввязался в темную историю. Скверную шутку играет с человеком неистребимая греховность природы. «Измы» исполнительности и оказанного доверия ловко подцепили его на «интерес», на профессиональный азарт, обещая познакомить с мыслями врага на расстоянии. То, что я имею дело с врагом, представлялось очевидным.

Трущев довел меня до железных дверей, где нас встретил дежурный офицер, проводивший меня в камеру. На пороге, уже погружаясь в *сулонг*, я поставил себе задачу – если это возможно, помочь несчастному узнику, чьи мысли мне предстояло угадать, все равно по какой причине он угодил в эту клинику.

Пациентом оказался рослый чернявый молодой человек лет двадцати с характерным «арийским» носом.

Мессинг представился. Заключение ответил, что рад встрече со мной даже в такой неожиданной обстановке. Действительно, по-немецки он говорил с заметным славянским акцентом – громыхал буквой «р».

Акцент – пустяк, акцент мы исправим...

Заключенный спросил, не собираюсь ли я провести с ним сеанс гипноза? Я не обратил внимания на колкость, а тот продолжал сыпать комплиментами. В частности он сообщил, что рад побывать на представлении, где будет исполнять роль зрителя и индуктора одновременно. Я всегда был интересен ему (слово «интересен» он не без тайной насмешки выделил). Еще мальчишкой ему посчастливилось присутствовать на моем выступлении в Дюссельдорфе, затем, уже в зрелом возрасте, сумел пробиться на сеанс в Одессе. Пациент спросил, как Мессингу удастся так ловко водить зрителей за нос и зачем он согласился участвовать в чекистской провокации? Я пропустил издевку мимо ушей и признался, что в работе мне помогает опыт и, естественно, кое-какие природные способности.

– Например? – поинтересовался молодой человек.

– Ну, хотя бы... в Дюссельдорфе на моем представлении вы были с отцом. Это было в двадцать девятом году.

– Это вы могли вычитать из моего дела.

Я, державший ушки на макушке, сразу сообразил – вот откуда у наркома появилась идея привлечь Мессинга! Этот молодой человек из приличной семьи упомянул о нем в своих показаниях.

– Конечно – согласился я. – Но во время допросов вы ни словом не упомянули, что вместе с вами была Магди, дочь друга вашего отца. Не могу разобрать его фамилию?..

Молодой человек вызывающе промолчал.

Я поинтересовался.

– Он попросил взять ее с собой?

– Что вы хотите от меня?

– Меня попросили проверить, насколько вы искренни, согласившись помочь красным? Ведь вы же дали согласие спасти нашего человека на той стороне, не так ли?

– Что для этого надо?

– Расскажите о себе. Только вслух говорите исключительно по-русски.

Заклученный не сразу догадался, что я имею в виду, затем пожал плечами и начал с того, что официально представился. Его звали Алекс-Еско Альфред фон Шеель (давайте условимся называть его этим именем). Родом он был из старинного вестфальского рода, корни которого исходят из XV века. Основатель фамилии Иоганн Ланц фон Шеель возвысился из простых цирюльников, Чем он угодил германскому императору, Еско сказать не мог. Его отец, Альфред-Еско Максимилиан, носил титул барона. Альфред принимал участие в Первой мировой войне, однако где и в каких частях служил, молодой человек не уточнил. Поражение Германии, особенно унижения, которым победители подвергли рейх в 1918 году, а также испытания, грудой посыпавшиеся на него – увольнение из армии, трудности мирного времени – основательно поколебали его веру в прошлое. Сомнения усугубила депрессия, в которую старший фон Шеель погрузился после смерти любимой жены, оставившей ему восьмилетнего сына.

Разочарование, овладевшее отцом, закрепилось в детских впечатлениях Еско жуткими подробностями и более чем странными поступками, которые отец после смерти матери нанизывал один на другой. Он ни с того ни с сего принялся публично нахваливать красных. Знакомые – офицеры рейхсвера и местный высший свет – начали поговаривать, не сошел ли Шеель с ума? Разговоры усилились, когда отец продал поместье и землю и взялся возводить деревообрабатывающее предприятие. Правда, когда фанерная фабрика начала приносить неплохой доход, свет перевел его из разряда умалишенных в разряд сумасбродов. Альфреду фон Шеелю было плевать на «этих напыщенных индюков». Он окончательно порвал с прежними знакомыми и окончательно скатился к «левакам». Однажды заявил вслух, будто бы Советы – страна молодых и здоровых людей. Там занимается заря нового мира, и всякий порядочный человек обязан оказывать помощь Советам. Чудачества кончились тем, что в разгар кризиса он обанкротился, бросил Вестфалию и по контракту отправился в Советскую Россию способствовать строительству социализма.

Обыкновенная история!

В Советском Союзе его направили на Урал, где возводилось большое деревообрабатывающее предприятие. Директором стройки был назначен местный партийный функционер, а Шеель стал у него консультантом. Местные власти вскоре по достоинству оценили усердие буржуазного спеца, его желание влиться в новую кипучую жизнь, и спустя год он фактически возглавил строительство. Альфред фон Шеель записал сына в местную школу, при этом посоветовал называться исключительно Еско, чтобы не привлекать внимание к слишком броской, классово чуждой фамилии и, ни в коем случае не упоминать о титуле. Если не хочешь, чтобы тебя дразнили бароном, предупредил старший Шеель, забудь Алекса, Альфреда и так далее. Молодой человек признался, что сначала ему было нестерпимо жаль прошлого, особенно свое полное звучное имя, однако отец настоял на своем.

Здесь, к моему немалому удивлению, заключенный не удержался – видно, прошлое крепко вцепилось в него, – и мысленно добавил про себя.

«Ты должен стать здесь своим, Алекс!».

Это было сказано по-немецки.

Мне явилась тусклая размытая картинка, на которой высокий сухощавый немец с породистым лицом наставлял маленького мальчика, как следует вести себя с советскими сверстниками. Волосы у мальчика были прилизаны и разглажены на пробор.

Одолев воспоминания, Еско продолжил.

– Отец всегда отличался чрезвычайной предусмотрительностью. Кому в голову пришла бы мысль принять в пионеры барона Алекса-Еско фон Шееля? А своего в доску Еско – пожалуйста. В четырнадцать лет отец настоятельно посоветовал мне вступить в комсомол. Это было в тот год, когда Гитлер пришел к власти. Отец доверительно поговорил со мной на эту тему. Он сообщил, что намерен принять советское гражданство.

На этом месте заключенный не удержался и вновь мысленно скатился к правде.

На самом деле смысл разговора состоял в том, что старший Шеель признался сыну, что вынужден принять советское гражданство. Так было запланировано заранее – в случае каких-либо социальных потрясений в Германии фон Шеелю и его сыну необходимо стать полноправными гражданами Советского Союза.

– Отец был не в восторге от фюрера, – объяснил Еско. – По его мнению, ефрейтору не хватает рассудительности. Он тороплив и поверхностен.

Здесь молодой человек вновь сделал паузу – долго прикидывал, договаривать или нет?

Я с волнением ждал, на что он решится. Суть разговора уже была мне известна, однако я ничем не выдал себя.

Еско попросил угостить его папиросой. Я протянул ему пачку. Он закурил, глубоко затянулся, выпустил богатую струю дыма и поделился.

– Отец учил меня – сынок, запомни, народ сам выбирает вождей. Не подданные, а именно народ. Мы принадлежим к славному племени германцев. Предки ждут от нас верности и стойкости духа. Это – страна врагов, Алекс. Так было и так будет...

Устная и внутренняя речь совпали слово в слово.

Он жадно затянулся и продолжил.

– Он напомнил: «Не забывай, ты – фон Шеель, и у тебя есть деньги, но, чтобы достойно воспользоваться ими, ты не имеешь права замарать наше славное имя. Ты обязан исполнить долг перед родиной. Гитлеры приходят и уходят, а интересы отчизны остаются. Они неизменны». Что касается России, отец предупредил – здесь ты никогда не будешь своим. Помнится, он даже воскликнул – что ты, фон Шеель, будешь иметь здесь, кроме пайка? Хорошенько подумай об этом и держи язык за зубами.

Слова отца вызвали у подростка тяжелый душевный кризис. Мне стало по-человечески жаль молодого человека. Кроссворд, в котором он оказался, решить было непросто.

– Его якобы левые убеждения, – разгорячился Еско, – оказались фикцией. Точнее, маскировкой. Что касается «напыщенных индюков» в Дюссельдорфе, он даже в Москве вспоминал о них с неприкрытой неприязнью. Они якобы готовы были за пфенниг продать фатерлянд.

Далее Еско с горечью констатировал заболевание, которому оказался подвержен его отец.

– В нем было что-то от фанатика. Даже в России я редко встречал таких. Увидев открытое пламя, он буквально сходил с ума. В Советский Союз он отправился по заданию абвера на глубокое залегание. Я сообщил об этом в своих показаниях. Впрочем, как мне представляется – и это тоже задокументировано – ставка, прежде всего, делалась на меня; на то, что я, оставаясь немцем, выпитаю советскую жизнь и стану здесь своим.

После паузы он продолжил.

– Для меня это было трудное испытание. В ту пору мне было четырнадцать лет. Я успел сдружиться с местными ребятами и многое из того, во что они верили, о чем мечтали, казалось мне верным.

Это было совсем по-мессинговски. Путаница в его голове очень напоминала лабиринт, в котором недавно очутился знаменитый маг. В стране мечты тоже были свои темные углы, их оказалось немало, но у меня был опыт общения с Вайскруфтом, с Адди Шикльгрубером и то, что мне, в конце концов, стало ясно как день, для молодого еще человека являлось серьезной, на грани помешательства проблемой. Кто в юные годы готов смириться с проблемой, какое из двух зол выбрать? А выбирать придется, иначе в лабиринте далеко не уедешь.

Между тем молодой Шеель мечтательно продолжил.

– Мы увлекались межпланетными перелетами, создали в школе кружок.

Пауза, легкое облачко дыма, насквозь пропитанное меланхолией.

– Они вовсе не испытывали ненависти к немцам. Они восхищались Обертом, Цандером. Их стремление сказку сделать былью, увлекли меня. Почему бы и нет, господин Мессинг? Я был обязан выполнить приказ родины, но мне претило гадить. Спасибо отцу, он, по-видимому, что-то почувствовал и не стал насильно втягивать меня в работу.

– Возможно, пожалел?

– О чем вы говорите, господин Мессинг! Какая жалость?! Чем в нашем положении могла помочь жалость? Я уверен, сантиментов у него не было, но завязывать меня крепким узлом он считал недальновидным. Я же не червь. Не знаю, поймете ли вы меня, но больше всего мне не хотелось терять уважение к себе. Стоит один раз сломаться...

Он обреченно махнул рукой.

Я заверил Еско.

– Я понимаю вас. Более, чем понимаю.

Молодой человек пожал плечами.

– Мне, в общем-то плевать, понимаете вы меня или нет!.. Когда я учился в последнем классе, отец послал меня в Челябинск. Это был единственный раз, когда он привлек меня к работе. В Челябинске я должен был встретиться с человеком, приметы которого сообщил мне отец, а также осмотреть ведущуюся там стройку. Мы встретились, незнакомец передал мне дешевый портсигар. Приметы агента и описание портсигара я изложил на допросе. Больше никаких заданий такого рода я не выполнял.

Еско сделал последнюю затяжку, затушил папиросу о каблук и возмущенно повторил.

– Жалость!! Надо же! Вы еще вспомните про любовь к ближнему!.. Это все для благородных девиц. Я уверен, по дороге в Челябинск и обратно кто-то исподтишка следил за мной – не заверну ли я по пути в НКВД? Э-э, о чем здесь говорить!..

Он переменял позу, закинул ногу на ногу и объяснил.

– Пафос в другом. Когда я вернулся в Краснозатонск, отец подробно расспросил, как идет строительство машиностроительного завода. Сколько к нему подводят железнодорожных путей, количество корпусов, как много рабочих, о чем они говорят? Когда я спросил, зачем это нужно, он объяснил – на этом заводе будут производить танки, которые рано или поздно обрушатся на нашу родину.

Еско фон Шеель, словно желая, чтобы я предельно серьезно отнесся к его словам, взглянул мне прямо в глаза.

– Мне пришлось сделать выбор.

– Какой же выбор вы сделали? – спросил я.

Он усмехнулся и мысленно послал меня к черту. По-немецки.

Я ответил ему тоже по-немецки. Мысленно.

«Скажите правду».

Он недоверчиво глянул на меня и, не удержавшись, откликнулся: «Какую правду?!» – затем оторопело огляделся, словно отыскивая отверстие в стене, откуда до него долетел немой вопрос.

Я был настойчив. Я был в хорошей форме, и моя внутренняя речь журчала, как прозрачная вода.

«Какой выбор вы сделали? Россия или Германия? Скажите мысленно, на родном языке. Они не могут подслушивать мысли».

Он уставился на меня, побледнел. В его глазах внезапно созрело прозрение, сменившееся откровенным ужасом. Чтобы вывести из ступора, я протянул Еско пачку. Он автоматически, щелчком выколотил оттуда папиросу. Закурив, ожил. Кровь прихлынула к щекам. Мысли его смешались, закружились. Некоторое время я различил неясную туманную взвесь. В ней промелькивали лица, одно из них было женское – по-видимому, матери. Она была в шляпке с букетиком цветов, приколотых к тулье.

Наконец ему удалось взять себя в руки. Возможно, он смирился с тем, что в арсенале НКВД оказалось такое фантастическое средство как угадывание чужих мыслей.

Его голос окреп, обрел расшифрованную ясность.

«Разве (дело в том), Россия или Германия? Беда (в другом), герр Мессинг. Я имею (смутное) подозрение, что это (не тот) выбор. Принять (чья-то сторона) означает (сразу) подписать (себе) смертный приговор. Дело (не в том, кому) служить, а (в том, что) обе страны не правы. (Или) обе правы».

«Говорите вслух... Что-то говорите вслух!» – подтолкнул я его.

– Подождите, я еще не закончил, – торопливо выговорил он. – Перед экзаменами на аттестат зрелости, отец имел со мной доверительную беседу. Он посоветовал поступить в институт, после его окончания зарекомендовать себя и подать заявление в партию. «Война неизбежна, – напомнил он, – ты должен быть готов выполнить долг». Его совет свел меня с ума...

Он вновь перешел на немецкий мысленный.

«Повторяю, (либо) обе страны правы, (либо) обе не правы. Если невозможно исполнить долг (по отношению) к обеим, значит, (надо отвергнуть) их обе. (И) Гитлера, (и) Сталина. Как это осуществить (практически)? Подскажите».

Вслух Еско продолжил.

– Я поступил в Уральский политех. Отучился почти три года. Был отличником! – не без юношеской гордости похвалился он. – С отцом переписывался редко, так было оговорено заранее. За полтора года два письма. От меня – приветы и отчет об успехах в учебе. От него безграничное удовлетворение от проделанной работы – фанера шла высший сорт. Если пропитать листы особым клеем, ее вполне можно использовать при сборке самолетов. В феврале сорокового отец шифрованной телеграммой до востребования вызвал меня на Урал. Поздравление с праздником означало, что я должен вести себя крайне осторожно и ни в коем случае не появляться в Краснозатонске. Я, соблюдая все меры предосторожности, отправился в условленное место. Об этом я подробно рассказал на следствии. Оказалось, наружка не смогла зафиксировать нашу встречу. Отец сообщил, что после последней диверсионной акции обнаружил за собой слежку.

– Что за акция? – поинтересовался Мессинг.

Язык бы Мессингу отрезать!!

Еско подозрительно уставился на меня.

– Он пытался сжечь фанерный завод. Чекисты вышли на след. Конец был неизбежен. Отец хотел любой ценой спасти меня. Для этого он передал мне заранее приготовленные документы, такие чистые, что не подкопаешься, и приказал начать новую жизнь. Он дал мне явку в Москве, которой я мог воспользоваться только в крайнем случае.

Я ушел из института и на время исчез.

Опять в эфире промелькнуло знакомое женское лицо. Меня взяли сомнения – оно мало походило на лицо немецкой дамы.

–...спустя несколько месяцев я отправился в Одессу и там с новыми документами поступил в пехотное училище. Отучился полгода и в весной сорок первого меня взяли. Я до сих пор не могу понять, как они вышли на меня. В чем промах?! Документы безупречные, мне не надо было прикидываться советским, разве что...

Он задумался, потом, словно о чем-то догадавшись, пронизательно глянул на меня и добавил.

– Я рассказываю то, что уже давным-давно оформлено в протоколах допросов. Что еще вы хотите услышать от меня?

– Я верю вам, Алекс, – ответил я. – Мне не нужны подробности. Но вы в растерянности, вам не по себе. Поверьте, мне тоже! По правилам этой безумной игры вас уже не должно быть на белом свете. Этот разговор в принципе не должен был состояться!

Далее по-немецки, на волнах телепатического эфира я индуцировал в сторону Алекса.

«Вы не доверяете (мне), но (могу ли) я доверять вам? Возможно, это провокация красных? Они (уже пытались) подловить Мессинга на (какой-нибудь) антисоветчине. (Пытались приписать) умысел на психический теракт. Говорите вслух, не молчите!!! Почему вас оставили в живых?».

Он с непривычки брякнул.

– Вы хотите знать, почему меня не расстреляли?

«Тише, молодой человек! Осторожнее!!»

Теперь пришла моя очередь закурить.

«Знать хочу, – сообщил я, – (но только) правду. Это понятно?»

«Да», – ответил он и наглухо закрылся.

Некоторое время мы играли в молчанку. Время стремительно убывало, а результата не было.

Я заговорил вслух.

– Послушайте, молодой человек. Вы видите перед собой человека, который лучше любого лекаря способен излечить вас от такой заразы как хандра. А также от верности долгу и прочих смертельно-идеальных бактерий, не дающих покоя людям. Я готов помочь вам обрести твердость духа и веру в цель. Что вас мучает? Страх?

Генрих отрывисто кивнул.

– Калибр страха не приемлем?

Еще подтверждающий кивок.

– Вам грозит расстрел?

Кивок.

– Вам предлагают свободу, если вы что-то исполните?

– Я рассчитывал на амнистию, однако они предложили мне сносные условия существования.

Меня мобилизуют в трудовую армию. Это считается полупрощением.

– Выбор для вас мучителен? Вы не желаете ощущать себя предателем?

– Мне предлагают работать против Германии. Правда, они хитрецы – утверждают, что работать я буду не против Германии, а против преступного режима Гитлера.

Я сразу распознал почерк Трущева, но разве Николай Михайлович был не прав, играя такого рода «измами»?

Парень был мне симпатичен, его трудности являлись отражением тех испытаний, которые пришлось преодолеть мне. Я не мог оставить его в беде.

Далее торопливый мысленный речитатив.

«Что (вас) смущает?»

«Они (не верят) мне».

«Что вы (хотите от) меня?»

«Чтобы они мне поверили».

«Убедите меня. (Говорите вслух). Убеждайте, убеждайте!!»

– После ареста меня доставили на Лубянку. Здесь следователь (передо мной явственно всплыл лицо Трущева) сообщил, что отца взяли с поличным, приговорили к расстрелу за шпионаж, приговор приведен в исполнение. Если я не хочу последовать за ним, мне придется рассказать все как есть. Я рассказал все как есть, но особой надежды не питал. Статья у меня, сами понимаете, такая, что оставалось только ждать исполнения приговора. Когда на суде мне сунули десятку и даже не за измену родине, а по «пятьдесят восьмой-четыре» (оказание помощи международной буржуазии) и «пятьдесят восьмой-шесть» (сбор сведений несекретного характера), я решил, что мне крупно повезло. Я долго не мог понять, в чем дело, пока на последующих допросах следователь не удивил меня странной направленностью вопросов. Его мало интересовали конкретные факты – адреса, явки, поездка в Челябинск. Куда больше его интересовали наши родственники в Германии, прежние друзья отца. Он расспрашивал о поместье, которое отец продал в двадцать пятом, интересовался фабрикой, нашей городской квартирой в Дюссельдорфе.

Я отвечал как можно более подробно. Рисовал схемы расположения мебели, называл уменьшительные имена, которыми мами награждала служанок. Я в точности описал им баронский герб нашего рода. Догадка посетила меня, когда ко мне в камеру подсадили молодого человека одинаковой со мной наружности...

– То есть?

– Мы были похожи, как две капли воды. У близнецов больше различий, чем у меня с этим русским парнем. Правда, со временем, приглядевшись, я обнаружилось, что и подбородок у него выдается не так, как у меня, и разрез носа, и ухватки чужие, и ведет себя он несколько иначе. Но это было потом, а за то время, что он провел со мной в камере, он усердно старался стать таким как я. Он изо всех сил старался превратиться в Алекса-Еско фон Шееля. Это открыло мне глаза – его готовят на мое место. Это давало мне шанс.

– Шанс? – не понял я.

Я многого не мог понять, но, прежде всего, какое отношение имела ко мне эта захватывающая история? С какой стати Лаврентий Павлович вспомнил о Мессинге? Ну, было упоминание о нем в показаниях этого заключенного, подробно рассказавшего о своем детстве. Ну, вспомнил Шеель о моем выступлении в Одессе – и что? Какую цель преследовал Лаврентий Павлович, приглашая Мессинга? Нет ли в этом приглашении второго дна? Наркомвнудел на все способен, я был уверен в этом, так что ухо следовало держать остро.

– Естественно, – подтвердил Генрих. – В конце ноября сорок первого меня дернули из камеры и сунули в лагерь. На прощание следователь доверительно предупредил – вы неглупый человек, Шеель, и должны понимать, если с вашим визави на той стороне что-то случится, вас ждет суровое наказание. Другими словами, операция началась.

Алекс вслух грубо выругался по-русски-немецки.

– Scheiße, scheiße и еще раз Шайзе (сноска: дерьмо), вашу мать! Подавиться вам колом в глотке!

Далее на немецком мысленном торопливо пожаловался.

«(Сталинский) лагерь хуже (любого наказания), тем более (тот, в котором) я очутился. Я (стремился) любой ценой вырваться (оттуда). Как (видите, моя уловка) сработала».

«Чем (же он) страшен?»

«Вы никогда (не бывали) в лагерях?»

«Нет».

«И не советую. Кормежка (паршивая, обычно ее) вовсе нет. Вы (там и месяца) не протянете».

«Говорите вслух. Только (думайте, что) говорите. О лагерях ни слова».

– Две недели назад меня самолетом доставили сюда и предложили испугать вину.

«Так не бывает!» – не поверил я.

«Я тоже (так считал). Какой (дурак возьмет на себя) ответственность вручить мне оружие и (отправить) на передовую. Я же (по идее сразу) перебегу на ту сторону».

«А вы (не перебежите)?»

«Нет!»

«Не верю. Вы (что-то не) договариваете. Говорите вслух!!! Нельзя (делать слишком) длинные паузы».

«(Если) я скажу, (вам) не выйти отсюда».

«Обо (мне не) беспокойтесь. (Подумайте) о себе. На той стороне (вас тоже ждет) расстрел или лагерь».

«Не скажите. У меня есть (чем поделиться с) дядями из фатерлянда!»

«(Говорите) вслух. (Говорите) что угодно, (только) не молчите!!!»

Он не произнес ни слова, поэтому мне пришлось заполнить опасную паузу.

– Зря надеетесь, Еско. Я знаю фашистов. Так с какой целью вас доставили в Москву?

– Человек на той стороне оказался или скоро окажется на грани провала. Следовательно утверждает, что это случилось по моей вине.

– Это правда, Алекс. Я знаю, что это правда. Расскажите все. Что вы утаили от чекистов?

Он сделал вид, что задумался, долго курил, осыпая меня с помощью табачного дыма грубыми и оскорбительными для всякого честного медиума мыслями.

«Вы провокатор. Scheiße, scheiße!!! Вы красный (провокатор)!!! Зачем (вам рисковать) головой? Шайзе!!!»

«Не (спешите с) выводами. Я согласен (с вами), выбор труден. Чтобы спастись, (попробуйте) отказаться от романтических настроений. Что-то в Германии и что-то в России враждебно вам. Но что-то настроено дружелюбно».

«Если вы имеете (в виду исход) войны, я более склоняюсь (к победе) красных. Если Гитлер (не смог сразу раздавить) их, ему как! На стороне красных (право) на жизнь. Они (будут драться до) конца. У (них есть) Сталин. Этот кого (угодно в бараний рог) согнет!»

«Согласен. Хотя (это не бесспорно). Не отвлекайтесь! Но выбор (вовсе не означает), что можно (предать живого) человека на той стороне».

«Я (не собираюсь никого) предавать. В том числе (Германию). В том числе (и своих) соотечественников.

Я спросил вслух.

– Вы знаете что творят наши соотечественники на оккупированной территории?

– Разве вы немец?

– Я вырос в Германии, там стал человеком. Мне было одиннадцать лет, когда я сбежал из иешивы? Вы не любите евреев?

– Глупости! Среди моих друзей в Краснозатонске были евреи. Прекрасные ребята.

– Этих прекрасных ребят расстреливают без суда и следствия. Только за обрезание, а их родственников сгоняют в гетто.

Он задумался.

Сердце у меня дрогнуло. Я ни в коем случае не стал бы доверять антисемиту, но, чувствовалось, у Еско нет камня за пазухой. Он вспомнил, как его отец по поводу гонений, распространившихся при Гитлере, заметил, что не одобряет преследований по расовому принципу. В первую очередь, объяснил старший Шеель, это бесполезно, во-вторых, примитивно, но это его страна, и он вынужден исполнять долг. Он воистину был старый имперский барон!

Я напомнил Еско.

– Один умный человек, живший в восемнадцатом веке, сказал, что верность долгу относится к тем опаснейшим заболеваниям, которым мечтают заразиться многие.

– Хорошо сказано, но это не мой случай.

«Это (именно тот) случай. (На одной чаше) верность долгу (неизвестно перед) кем и неиз-

вестно по какой причине, (на другой) жизнь человека, который борется (с фашизмом). Расскажи (все). За свои (грехи отвечу) сам. О чем (ты) умолчал?».

– Итак, в чем причина, что вас так срочно привезли в Москву?.. – я был настойчив.

– Перед отъездом отец перевел все свои средства в валюту и положил на счет в один из швейцарских банков. Мы съездили в Женеву, там у меня как наследника взяли отпечатки пальцев. Полагаю, что человеку на той стороне предложено получить деньги. Если он не в состоянии добраться до счета, следовательно, он не Шеель. Мне предлагают отравиться в Швейцарию и снять ключ. За это мне обещана амнистия и восстановление в правах советского гражданина.

«Они (боятся, что ты) сбежишь?!»

«Я сам (боюсь, что) сбегу!»

«Я верю (тебе, Алекс). У тебя (в сердце нет) ненависти к тому (человеку, который сейчас) находится в Германии?»

– У меня нет к нему ненависти.

Я испугался – ах, какой прокол! Я же не спрашивал о ненависти вслух. Хорошо, замнем.

– Ты полагаешь, что стоит тому человеку добраться до твоих денег, и ты останешься гол как сокол?

– Нет. Отец так распределил вклад, что до тридцати пяти лет я могу снять одновременно только твердо назначенную сумму. Она велика, но это мизер по сравнению с общим состоянием.

– Кто следит за исполнением этого условия?

– Душеприказчиками отца являются его друзья по Дюссельдорфу Людвиг фон Майендорф и банкир Ялмар Шахт.

Я поперхнулся.

Вот он, момент истины!!

Я едва сумел прикурить от зажженной спички – руки дрожали. Человеку, проживавшему в Германии после Первой войны, не надо было объяснять, кто такой Ялмар Шахт. Стало ясно, какие ставки на кону. Я знал немцев – перед человеком, чьим душеприказчиком является Шахт, откроются многие двери, в том числе и на самом верху. Они не хотят терять такую возможность. Они все равно отправят Еско в Швейцарию, но Лаврентию Павловичу нужна подстраховка. Если этот молодчик сбежит, он свалит вину и на меня тоже. Одним выстрелом убьет двух зайцев! Лаврентий Павлович крепко повяжет меня неудачей. Ловок, черт!

– Это Шахт настаивает, – спросил я, – чтобы липовый фон Шеель отправился в Швейцарию и оформил права на наследство?

Еско кивнул.

– Да, у моего визави есть примерно месяц, может, чуть больше. Я дал согласие отправиться в Швейцарию.

Каков нахал! Он дал согласие!.. Я бы тоже дал согласие. Надеется сбежать? Нет, что-то не так. Он был искренен, когда признался, что не хочет гадить.

Я еще раз лихорадочно прикинул условие задачи. Она была составлена таким образом, что Мессинг ни при каком раскладе не мог выйти сухим из воды. В случае измены Шееля, мне придется телом искупать вину. Если я угадал, это еще сильнее обострит страхи наркома по отношению к ненароком свалившемуся ему на голову экстрасенсу. Точный прогноз лишь на короткое время поможет мне сохранить относительную свободу рук. Пока у Берии слишком много других забот.

Молодой человек с интересом разглядывал меня.

Я никак не мог отыскать решение, не было даже зацепки, что решение существует. Молодой Шеель был неплохой парень, но где гарантия, что, оказавшись в Швейцарии, он не даст деру. С другой стороны, ему хватало соображалки понять, на той стороне его тоже вряд ли ждут с распростертыми объятиями. Рассчитывать, что соотечественники позволят свободно распоряжаться отцовским наследством – это уверовать в худший из «измов». Это сверхглупость! Красные тут же подбросят такой компромат, что ему не отвертеться».

Глава 6

В комнату вошел Николай Михайлович.

Я вздрогнул от неожиданности.

Был он в древнем махровом халате, подпоясанным солдатским ремнем. Из-под халата выглядывал свитер. На ногах войлочные ботинки «прощай, молодость» на босу ногу. Лицо у Трущева было настолько бледное и измученное, что хоть в гроб ложись. Молча, словно привидение, он приблизился к книжному шкафу, поискал что-то на полках. Нашел упаковку, добыл оттуда таблетку, сунул под язык, затем обратился ко мне.

– Вопросы есть?

– Уйма! – выпалил я.

Трущев подсел к столу, не спеша достал из кармана халата допотопный будильник, поставил его на стол и предложил.

– Ладно ты дочитайвай, а я рядом посижу, – затем сознался. – Не спится что-то. И сердце ноет. Кто их знает, экстрасенсов, до полуночи еще десять минут осталось. Мало ли, может, в эти последние минуты меня инфаркт и хватанет, а мне еще хотелось бы поведать тебе, как по милости молодого Шееля я оказался в Швейцарии.

Он простодушно глянул на меня. Совсем как ребенок. Или дьявол, что, впрочем, неразрывно сплеталось в нем в некую неделимую сущность, свойственную его поколению, чьими любимыми словечками являлись «даешь», «ударник», «аэроплан – лучший оратор летчика», «изолировать» и «ликвидировать». В любом случае команды полковника госбезопасности, пусть даже пенсионера, следовало выполнять безоговорочно.

Я уткнулся в текст. Рядышком пристроилась история, через плечо заглянула в страницы. Что там Мессинг насочинял?

«...и сразу провели в кабинет Берии, где уже находился Трущев и неизвестный мне генерал в армейской форме.

Генерал в отличие от наркома представился.

– Алексей Павлович. Товарищ Мессинг, я слыхал вы родом из Польши?

– Так точно, товарищ генерал.

– Вольф Григорьевич, у нас в стране под руководством генерала Андерса организуются польские части. Неплохо, если вы выступите перед ними, расскажете на родном языке о тайнах человеческой психики, о необходимости совместной борьбы с фашизмом.

– Я всегда готов, товарищ генерал.

– Вот и хорошо.

Берия постучал карандашом.

– Ближе к делу, – и, обратившись ко мне, пообещал. – С вами свяжутся по этому вопросу.

Затем нарком поставил вопрос ребром.

– Что вы, Мессинг, можете сказать, о подследственном? Ему можно верить?

Я ответил честно.

– Не могу сказать наверняка, Лаврентий Павлович.

– То есть как не можете сказать?! Хотите увильнуть от ответственности? Не выйдет, Мессинг!

Алексей Павлович унял расходившегося наркома.

– Подождите, Лаврентий Павлович. Зачем пугать нашего гостя. Скажите, Вольф Григорьевич, как настроен ваш подопечный?

«Мой подопечный! – отметил я про себя. – Ишь, как завернул. Этот генерал еще тот крокодил, почище Берии. Призывать поляков воевать на стороне пшеклентых москалей?! Куда хватил!»

Вслух я отрапортовал.

– Подопечный настроен просоветски. Он готов помочь, но я бы не стал прогнозировать поступки того или иного человека исключительно на основе его мыслеобразов. Нужны более серьезные зацепки. В нашем случае я их не нашел, только общие рассуждения, фантазии, уверенность в правоте нашего дела.

– Действительно, – согласился генерал. – Этого мало. Что вы посоветуете?

– Немного подождать.

– Мессинг, вы соображаете, что говорите! – воскликнул Берия. – Дело на контроле Ставки, вы понимаете, что это означает?

– Нет, – признался я.

Алексей Павлович вновь пришел мне на помощь.

– И слава Богу! Не надо впутывать гостя в наши дела. Сколько прикажете ждать?

Я замешкался.

– Н-не знаю. День, неделю, месяц.

– Это слишком долго.

В этот момент в разговор вновь вмешался Берия.

– Послушайте, Мессинг, предупреждаю – вы не выйдете отсюда, пока не дадите четкий и определенный результат, можем мы доверять Шеелю или нет.

– Как это? – удивился я.

– Вот так. Запрет вас в камеру. Посидите, подумаете. Глядишь, что-нибудь придумаете.

Затем он обратился в Трущеву.

– Это и тебя касается, Николай Михайлович.

– Так точно, товарищ нарком.

– Запомните, Мессинг, времени у нас в обрез.

Я ответил.

– Так точно, товарищ нарком.

* * *

Когда мы добрались до кабинета Трущева, светало. Николай Михайлович, подойдя к окну, так и объявил:

– Светает.

Я, уставший донельзя, пристроился на стуле и, подчиняясь команде капитана госбезопасности, бросил взгляд в окно. За стеклами расплывался скудный февральский рассвет. Дома угадывались смутно, будто нарисованные пастелью. Суровая правда окончательно добила меня. Я люблю живопись, люблю драгоценные камни. Они скрашивают мне присутствие на этом свете, но все-таки и на этом свете экстрасенсу надо позволить отдохнуть.

Трущев подсел ко мне и спросил.

– Полагаю, вам ясен смысл операции?

Я кивнул. В голове у него мелькнуло недоговоренное слово – «Близнец».

– Надеюсь, Вольф Григорьевич, вам также ясно, что в случае провала вас ждут не лучшие времена?

– А вас, Николай Михайлович?

Он улыбнулся.

– Меня расстреляют, а от вас попытаются добиться правды.

– Это страшно?

– Намного. Я хочу помочь вам. Прежде всего...

– Не распускать язык?

Трущев наморщил переносицу.

– При чем здесь язык? Язык – это пустое. Прежде всего, вам надо собраться с силами. Ложитесь на койку в комнате отдыха. Усекли? Я пока поработаю. Только скажите, не пустышку ли мы гоним?

– Нет, Николай Михайлович. Шеель – крепкий, по-своему честный парень. К тому по своему умственному развитию он многим даст фору. Если Шеель даст согласие, сдержит слово. Он на перепутье...

– Вы считаете, игра имеет смысл?

– Безусловно. Поверьте, Николай Михайлович, я понимаю, где замешан Шахт, отступления быть не может, но Еско можно было бы поверить. Проблема в том, что вера вас не устраивает.

– Конечно. Нам надо знать.

– Именно так. Решение существует, иначе я не стал бы работать. А сейчас мне надо немного поспать.

– Спице, Вольф Григорьевич. А я пока поработаю.

– У вас много дел?

– Выше головы.

– И даже под угрозой расстрела?..

Он пожал плечами.

* * *

Мне снилась Ханни. Это был несказанно сладостный сон, с объятьями, поцелуями, со слезами. С абрисом бледнеющего лица... Это воспоминание сменило мелькнувшее во время разговора с Шеелем женское личико.

От неожиданности я рывком сел на жесткой солдатской кровати.

Крикнул.

– Николай Михайлович!

Капитан госбезопасности заглянул в проем двери.

– Слушаю, Вольф Григорьевич.

– Необходимо срочно раздобыть фотографии всех девушек, с которыми учился Шеель. В школе, в институте. Надо поговорить с одноклассниками, с институтскими друзьями. Может, кто-то вспомнит – была ли у Еско девушка? Надежда слабая, но это единственный шанс.

– Недели на две работы, – оценил Трущев. – А результат?

– Мне нужны фотографии. Я узнаю, мне только нужны фото.

Как они крутились в НКВД, не могу сказать, только на исходе третьего дня в кабинет Трущева доставили множество фотографий. Мне, отоспавшемуся в камере, не составило труда идентифицировать одну из девиц.

План действий сложился на ходу. Тамара Петровна Сорокина, сокурсница Шееля, в ноябре сорок первого окончила курсы медсестер и сейчас служила в полевом госпитале на Западном направлении. Там в районе Ржева велись тяжелейшие бои.

У Тамары оказался маленький сын, отец неизвестен.

Я взглянул на Николая Михайловича.

– Это жестоко!

– Ну-ну, Вольф Григорьевич, не будем распускать нюни, – улыбнулся капитан госбезопасности.

Я едва не возненавидел его за эту улыбку.

Позже, разрабатывая план встречи, Трущев предложил организовать ее в полевых условиях – во фронтовом госпитале, где служила Тамара. Заодно провезти Шееля по местам недавних боев и освобожденным населенным пунктам.

Из-под небес подтверждаю – Мессинг ни о чем не жалеет! Да, он поддался «изму» ненависти, но это была *моя* ненависть, осознанная и толкающая в бой, так что не «измам» учить его, как относиться к последователям Шикльгубера.

В моем присутствии Трущев предъявил фотографию Сорокиной Алексу-Еско. У того ни единая жилочка на лице не дрогнула, но разве от Мессинга скроешь удар, который испытал молодой человек.

– Еско... – я не выдержал и вступил в разговор.

Шеель с ненавистью глянул на меня.

Пауза.

Ненависть сменилась волчьей тоской.

– Еско, – продолжил я. – Судьба любимой женщины в твоих руках.

Трущев добавил.

– А также судьба вашего сына.

Эта новость добила Еско. Он, теряя сознание, сполз со стула.

Я бросился на помощь. Трущев окриком остановил меня.

– Сядьте на место, Мессинг.

Через пару минут Еско пришел в себя.

Трущев обратился к нему.

– Алексей, вы готовы выполнить задание родины?

Шеель замедленно кивнул. Трущев глянул в мою сторону. Я тоже кивнул.

Неожиданно Алекс-Еско вскинул голову.

– Я должен повидаться с Тамарой!!

– Конечно. Только у меня есть просьба, – ответил Трущев. – Не согласились бы вы навестить

ее по месту службы?

Алекс-Еско, не скрывая изумления, глянул на следователя.

– Она служит?!

Трущев подтвердил.

– Да, Алеша. В армейском госпитале под Волоколамском.

Шеель кивнул.

– Я согласен.

– Вы отправитесь с нами, Мессинг, – предупредил меня Трущев.

Это была нелегкая поездка. Мороз донимал так, что, как говорят в России, я едва не отдал Богу душу. Маршрут был нарочно проложен таким образом, чтобы Еско, одетый в красноармейскую форму без знаков различия, мог воочию убедиться, чем забавлялись его соотечественники на оккупированной территории. Ничего более страшного я в своей жизни не видал. Замерзшие, истерзанные трупы снятся мне до сих пор, даже на высоте ангельской белизны облаков. Сердце у меня вздрагивало – если швабы так поступали с гоями, что же они выделявали с моими соплеменниками?

Об этом страшно было подумать.

Двести километров мы едва осилили за световой день. В сумерках прибыли в Волоколамск, отыскали в/ч 5114. Встреча любящих произвела на меня странное впечатление своей обыденностью, немногословностью, тусклым светом сделанной из снарядной гильзы керосиновой лампы, негромкими словами, тихой радостью Тамары, подрагивающими руками Еско.

Женщина смогла сказать только два слова:

– Я верила... – и зарыдала.

Мы с Трущевым, не сговариваясь, вышли из комнаты».

* * *

Я перевернул последний листок, аккуратно прибавил его к стопочке, вопросительно глянул на Трущева. Хотелось, конечно, знать, что случилось дальше, но я был не властен ни над Трущевым, ни над временем. Оно неожиданно оглушительной трелью напомнило о себе.

Николай Михайлович внимательно выслушал залихватый мотивчик, затем отключил звонок.

Наступила тишина.

– Уж полночь минула, – удовлетворенно провозгласил он, – а Германа все нет. Шутка. Будем считать, что Вольф Григорьевич начудил в очередной раз. Итак, – он обратился ко мне, – есть вопросы?

Я, ошарашенный трелью будильника, этим непререкаемым зовом судьбы, полвека поднимавшим советских людей на труд, на бой, перевел дух. Все хорошо в меру. Даже энкаведешная мистика. Единственным спасением представлялась строгая, последовательная хронология событий.

Я так и сказал Николаю Михайловичу – давайте по очереди. Начнем с 1942 года. Как вы оказались в Швейцарии?

Трущев, посасывая валидол, ответил.

– По милости Берии. Трудность состояла не в том, как добраться до Швейцарии, а как выбраться оттуда. Надеюсь, ребенку понятно, что отправлять барончика одного на поиски семейных сокровищ было рискованно. Мессинг Мессингом, но и наш маг... – Трущев кивнул на задорно постукивающий и беззаботно, вопреки всяким пророчествам, передвигавший стрелки будильник, – не был застрахован от ошибок. В сопровождающие был назначен Закруткин. Он также отвечал за подготовку Шееля.

В Женеву мы должны были проникнуть через французскую границу. У нас по линии Коминтерна были хорошие связи с французскими партизанами, действовавшими в департаменте Верхняя Савойя. Для ясности добавлю, в сорок втором году, примерно с весны, наши бомбардировщики ТБ-7, иначе Пе-8, начали совершать челночные рейсы в Англию.³⁶ Эти полеты совершались под

³⁶ См. А. Голованов. Дальняя бомбардировочная. Воспоминания. Глава «Миссия в Америку».

надзором Берии, так что сбросить нас на парашютах в западных предгорьях Альп проблем не составляло. Но как вывезти оттуда?

Он достал портсигар и закурил.

– Предлагались различные варианты – через вишистскую Францию в Испанию, а затем в нейтральную Португалию. Или через Германию в Швецию, оттуда в Союз. Напрямую, через Австрию и Венгрию на оккупированные территории, оттуда к партизанам, но все это была романтика. Что-то из области походов советского разведчика в тылу врага.

В НКВД к тому времени давно вывелись наивные простаки.

Пересечь границы рейха по поддельным документам было практически невозможно. Провал мог погубить всю операцию. Закруткин старший лучше других знал об этом. Он выдвинул идею ликвидации барончика после того, как тот отыграет свою партию. Константин Петрович высказался в том духе, что «...это куда проще, чем тащить зека через всю Европу для приведения приговора в исполнение». Вариант, конечно, надежный, но весьма рискованный в политическом смысле.

А также, в юридическом.

Лаврентий Палыч особо подчеркнул, что Шеель приговорен не к ВМН (высшая мера наказания.), а к десяти годам. «Как же вы, товарищ Закруткин, заслуженный партиец, может ставит вопрос об приведении приговора в исполнение, если самого приговора не существует в природе?»

Вот тогда Закруткин – сознательно или нет, не знаю, – сморозил глупость. Он заявил – дело, мол, за малым, у вас же есть тройки, на что Берия резко возразил – мы с социалистической законностью в кошки-мышки не играем. Я сам слышал эти слова, могу подтвердить. Спас Закруткина генерал Панфилов, в ту пору назначенный начальником ГРУ. Он свел разговор к тому, что полковника неправильно поняли. Берия не стал раздувать склоку – между нашими ведомствами и так всегда существовали трения. Кстати, той весной Сталин как раз перевел зарубежную военную разведку в подчинение наркомата обороны, то есть замкнул на себя, так что Берии ни к чему была лишняя головная боль.

Тем не менее, проблема оставалась и никто не знал, как к ней подступиться. Самое удивительное, что Шеель, узнав, кем приходится Анатолию полковник Закруткин, сразу смекнул, чем грозит ему путешествие с опытным нелегалом и решительно отказался от данного ранее обещания помочь органам. Уперся как баран – в компании с товарищем Вилли в Швейцарию не поеду, лучше сразу в лагерь. Для меня долгое время оставалось загадкой, кто не побоялся открыть Шеелю служебную тайну.

Накурившись, Трущев вновь сунул таблетку под язык. Долго сидел посасывал. История под села ближе, вся обратилась в слух.

– Избавиться от Шееля, такого опасного свидетеля, да еще оставить своего Толеньку при деньгах, было заветной мечтой Закруткина-старшего. Я отчетливо выудил это желание из его головы. Подтверждение получил позже, когда Закруткин в пятьдесят третьем наката на меня донос. Смысл его состоял в том, что сотрудник НКВД Трущев, являясь прихвостнем врага народа Берии, обеспечивал его связь с английской разведкой. Иначе откуда бы в обвинительном заключении Берии появилось этот странный до нелепости пункт.

Разобрались с доносом быстро – следователь предложил мне дать показания на Лаврентия «в том, что он является английским шпионом», и «эту писульку», – он показал мне донос, – «я порву на твоих глазах».

Я отказался и на десять лет отправился во Владимирку.

А ты говоришь, репрессии.

* * *

Рассудил всех Петробыч, пребывавший в марте сорок второго в восхитительном ожидании окончательного разгрома ненавистного врага. Вопреки всему, что утверждают современные писатели, очень многие в его окружении, в том числе и из военной верхушки, уверяли, что после Московского сражения аналогия с отступлением Наполеона напрашивается сама собой. Власов, например, во время разговора со Сталиным заявил: «Я считаю, немец выдохся. Его можно и нужно добить», – на что Петробыч одобрительно заметил: «Хорошо, что вы разделяете мое мнение.

Если сидеть и ждать, когда немцы начнут наступать, можно дожидаться беды. Отправляйтесь на Волховский фронт. Там намечаются большие дела».

О наших вояках можно рассказать много занятного, особенно что касается заговора тридцать седьмого года, которого якобы не было, начала войны, которое они, во главе с Жуковым и Тимошенко, просрали, и устранения Берии, но это другая тема, а пока вернемся к посещению Кремля, куда меня и Меркулова Лаврентий прихватил с собой. По пути он сообщил, что «ест мнение вместо Закруткина пошлет тебя. Обдумай это предложение».

Очередь до меня дошла нескоро – у меня было время «обдумать», то есть взять на себя инициативу этого назначения. Как любила выражаться Таня, «внутри все трепетало». Опять я за всех ответчик! Меня дальше Перми, Одессы и оккупированной Калуги еще не посылали, а тут Швейцария! Но попробуй возрази. В управлении на тот период была острая нехватка кадров.

Наконец мутный, бесконечно усталый взгляд Поскребышева внезапно сфокусировался на мне и оборвал бесплодные надежды, что хотя бы на этот раз исполнение долга обойдет меня стороной.

Петробыч поздоровался со мной за руку.

– Здравствуй, товарищ Трющев.

Отвечать «здравие желаю, товарищ Сталин», держась за руку вождя показалось мне неуместным лицемерием и я, обнаглев по полной, ответил.

– Здравствуй, Иосиф Виссарионович.

Шестым чувством почувствовал, как мысленно взвился Берия и как на мгновение оторопел Меркулов. Их реакция доставила немало радости Петробычу – он был телепат почище Вольфа Григорьевича.

– Мне доложили, что барончик ставит условия нашим доблестным чекистам. Как вы считаете, товарищ Трющев, что он задумал? Готов ли он сотрудничать с советской властью или мы имеем дело с двурушником?

У меня не было выбора, как только сказать правду.

– Полагаю, что Шеель искренне готов сотрудничать.

– Тогда зачем условия?

– Он хочет жить, товарищ Сталин.

Петробыч задумался – желание жить, по-видимому, вызывало у него много вопросов, однако он нашел в себе силы отнестись к такой вызывающе-оппортунистической позиции с пониманием.

– Вы хотите сказать, что прорабатывался и такой вариант?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Кто предложил эту идею?

Я обреченно подумал, что обязан отыграть свою роль до конца.

– Представитель Разведупра, полковник Закруткин.

– Что ж, Закруткина можно понять, но ведь вопрос не в Закруткине, не так ли, товарищ Трющев?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Тогда объясните, в чем же?

– В самом условии, товарищ Сталин.

– Чего же хочет барончик? На каких гарантиях в его положении можно настаивать?

Петробыча искренне заинтересовала ситуация, при которой матерый враг, сын матерого врага, классово чуждый элемент, будучи прижатым к стенке ставит условия чекистам, а те утверждают, что он имеет на это право, так как хочет жить. Это был какой-то неуместный и политически дурно пахнущий либерализм, который к тому же оправдывался практическими соображениями. Неужели буржуазная зараза успела так глубоко проникнуть в самое сердце органов? В таком случае только чисткой и усилением воспитательной работы не обойдешься, однако Петробыч отличался тем, что никогда не спешил принимать окончательное решение. Обычно он старался прояснить вопрос до конца, потом задумывался на две-три минуты. Иногда этого хватало, иногда не хватало.

– Шеель отказывается от переброски в Швейцарию под руководством Закруткина.

– Кого же он выбрал в попутчики?

– Меня, товарищ Сталин. Он почему-то считает, что надежной гарантией являюсь я.

В разговор вмешался Берия.

– Руководство поддерживает эту инициативу.

Сталин не обратил внимания на это уточнение. Он взглянул на меня.

– Он надеется, что у вас дрогнет рука?

– Нет, товарищ Сталин. Рука у меня не дрогнет. Но я считаю, что от живого Шееля пользы будет куда больше, чем от мертвого.

– Это ответственная позиция, товарищ Трющев. С ней можно было бы согласиться, если бы у вас был такой же опыт нелегальной работы за границей, какой есть у Закруткина.

– Я тоже так считаю, товарищ Сталин.

– С другой стороны, нет таких крепостей, которые не могли бы взять коммунисты. Даже если она называется Швейцария. Вы согласны, товарищ Меркулов?

Всеволод Николаевич вздрогнул.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Легковесно отвечаете, товарищ Меркулов.

Петробыч любил дразнить Меркулова, возможно, потому, что его привлекало дворянское происхождение чекиста номер 2, а ведь Всеволод Николаевич был безобидным, в сущности, человеком, прекрасным оперативником, выдумщиком и фантазером, болезненно не любившим подписывать смертные приговоры.

– Вам известно, товарищ Меркулов, что партия не любит, когда товарищи легковесно относятся к выполнению ответственных заданий.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Тогда поясните, на чем строится ваша уверенность, что товарищ Трющев сумеет выполнить задание?

– Он владеет немецким и в какой-то степени французским, что соответствует легенде. Документы изготовлены на высоком уровне. Переправа надежно отлажена, хотя мы пользуемся ею только в исключительных случаях. Кроме того, у Шееля есть доверие к Трющеву.

– Хорошо, но Шеель вправе задать вопрос – как же он и Трющев будут выбираться из Швейцарии? Неужели вы планируете перевести Трющева на нелегальное положение? Чепуха какая-то.

– Так точно, товарищ Сталин.

Берия, мгновенно почувствовавший, что настроение вождя изменилось к худшему, перехватил инициативу.

– Обратный маршрут предполагается осуществить через Англию.

– То есть как через Англию? – удивился Петробыч.

– Их вывезут на английском самолете. Этот способ уже проверен.

– Вы хотите сказать, что наши люди попадут в руки английской разведки?

У меня внутри все затрепетало. Теперь и мне стал понятен смысл интриги, срежисированной Меркуловым и Берией. Руководству наркомата позарез была нужна санкция верховной власти на такое неординарное мероприятие как контакт с английскими спецслужбами, да еще на их территории.

Задача усложнялась еще более.

– Мы уверены, что иного способа нет – отчеканил Лаврентий Павлович. – Трющев и Шеель получают дополнительные инструкции, как вести себя с англичанами. К тому же мы уже подготовили их вылет на родину.

– Каким образом?

– С помощью дальнего бомбардировщика ПЕ-8. На нем в Великобританию перебросят наших людей, которым поручено принять английские самолеты «Албимайл». Наши летчики утверждают, что это очень плохой самолет, однако пусть проверят на месте. К тому же это отличный повод отладить воздушный мост через оккупированную Европу.

– Вы имеете в виду подготовку к полету в Америку?³⁷

– Так точно, товарищ Сталин. Самолет, который доставит наших специалистов в Англию, на обратном пути захватит Трющева и Шееля.

Петробыч прошелся по кабинету, пососал трубку, затем выговорил такое, во что трудно бы-

³⁷ В мае-июне 1942 года нарком иностранных дел В. Молотов совершил на ПЕ-8 перелет в Англию, а затем в США.

ло поверить.

– Интересная получается игра. Вместо одного агента в сердце Германии мы получаем двух агентов. Это перспективно.

Затем он вновь обратился к Всеволоду Николаевичу.

– Что ж, товарищ Меркулов, когда вы переловите всех шпионов и сядете писать песу, вам не надо будет придумывать сюжеты. Приключения этих двух молодцов могут сослужить хорошую службу в воспитательной работе, если, конечно, операции «Наследство» будет сопутствовать успех».

* * *

Трущев надолго замолчал, наконец, кряхтя, поднялся, сунул будильник в карман и направился к дверям. По пути отчетливо упрекнул далекого и незримого друга.

– Эх, Вольф Григорьевич!.. Промажнулся ты на этот раз.

На пороге обернулся.

– Ты вот что, соавтор, тоже ложись спать. Утро вечера мудренее.

Часть III Крепость Швейцария

... Еще в начале операции Берия предупредил Второго и меня. «Получите результат – забудьте о том, что вы делали. Забудьте навсегда!» Это был приказ, и мы его выполнили: даже после войны, встречаясь и с Первым и со Вторым, о «Наследстве» мы никогда не упоминали.³⁸

Н. Трущев

Швейцария – это самое аморальное пятно на лице Европы.

А. Гитлер

Глава 1

Утром выпал снег. За ночь я так продрог, что первым делом бросился к печи. Она прогорела, но кирпичная стенка еще хранила тепло, и я прижался к ней спиной. Долго стоял соображая, какая злая сила занесла меня в этот холодильник, в логово Кощея Бессмертного, обладавшего непобедимой властью над духом истории. Этот чернокнижник и резидент сумел-таки запорошить мне глаза историческими байками и анекдотами.

Я испытывал смятение. Если насчет чернокнижника моя догадка оказалась верна, то насчет Кощея я откровенно дал маху. Здесь нет ни капельки иронии – это манера такая. Так я мыслю, следовательно, существую. Если кому-то такой прикид покажется извращением, пусть подскажет, как я должен выражаться, когда поднявшись наверх, обнаружил на кровати холодный труп Николая Михайловича.

Я не поверил глазам. С одной бутылки на двоих – и в ящик?! Пусть даже во исполнение древнего заклатья. Но факты были налицо. Я вызвал скорую, забегал по дому в поисках аптечки. Неотложка примчалась на удивление быстро. Врач подтвердил, что было и так ясно – Николай Михайлович Трущев, полковник, орденосец, ветеран спецслужб, соавтор и резидент разбросанной по свету секты «симфов», ушел в мир иной, оставив меня один на один с историей.

История обернулась будущим, оно показалось мне беспросветным как по форме, так и по содержанию. Не менее загадочной показалась мне метафизика чуда.

Блиzkих родственников у Николая Михайловича не оказалось, только дочь племянницы супруги отставника – седьмая вода на киселе. Нам вдвоем и пришлось организовывать похороны, затем поминки. Это было жалкое зрелище. На кремации присутствовало несколько ветхих стариков, на поминках они скромно пили по капельке и почти не закусывали.

³⁸ В архиве Службы внешней разведки РФ никаких документальных данных об операции «Наследство» нет.

Один из них встал, постучал вилок о край рюмки, затем выразился кратко и емко.

– Товарищи! Я бы хотел привлечь внимание к нелегкой, я бы сказал, трудной, жизни Николая Михайловича, начавшейся сразу после его рождения...

Далее он упомянул о героическом пути, о том, каким он был верным другом и настоящим человеком. Упомянув о смерти, вырвавшей из наших рядов, ветеран закончил клятвой.

– Мы будем помнить тебя, Коля. Спи спокойно, дорогой товарищ.

Возвращаясь домой, уже в электричке, я с мучительной для души пронзительностью – «внутри все трепетало» – осознал, что остался один в бушующем море. Волна смыла поводья, если угодно, лишила компаса. Я не мог отказаться от написания романа – аванс был получен. Более того, отказаться от него значило отказаться от прошлого, отказаться от памяти, от тайны, отказаться от прикосновения к чуду, а вот это уже пахло предательством.

Но куда грести?

Что делать с написанными страницами?

Как поступить с теми из ларца, кто, к своему счастью или несчастью, оказались одинаковыми с лица?

Как быть с согласием? Счесть эту антимонию бредом – аванс-то копеечный? К тому же отказ писать роман повышал мои шансы сдохнуть в собственной постели. Это был реальный выбор.

А выбирать было из чего. За прошедшие двадцать лет меня не раз и не два убеждали, а случалось, доказывали делом, что лучший ответ на вопрос, сколько будет дважды два, это умение спросить – сколько надо? Или примкнуть к тем, кто божится, что только свобода дает человеку право утверждать, что в результате перемножения можно получить и пять, и шесть, и три, и даже единицу с нулем?

Не устраивала меня также арифметика тех, кто настаивал на единственно приемлемом, «святотурецком» результате, который устанавливал семерку в качестве предмета восхищенного мистического созерцания, и отвергал цифру «шесть», как жидомасонский соблазн. Впрочем, цифра «шесть» меня тоже не манила.

Внучатая племянница попросила меня отправиться в садовый кооператив и опечатать дачу до приезда внука Трущева, вызванного *e-mail*ом из-за границы. Она же, волнуясь и заранее благодаря, предложила мне взять что-нибудь на память. Меня не надо было долго уговаривать. Я надеялся отыскать черновики, какие-нибудь документальные свидетельства долгой и путанной жизни Николая Михайловича. Фотографии, наконец, – они тоже могли помочь делу.

Я долго бродил по заставленному рухлядью, заваленному ветошью, историческому логову, куда, помнится, впервые вступил вслед за Трущевым при дребезжащем свете керосиновой лампы. Это было что-то вроде посвящения.

Мое внимание привлек будильник, отзвонивший по Николаю Михайловичу в ту памятную ночь, а также несколько древних пластинок с заветными песнями, хотя я даже вообразить не мог, на чем теперь их можно воспроизвести. Проще скачать из Интернета.

Что еще?

Собрание сочинений Сталина? Это полтора десятка томов (одного тома не хватало). Или ленинское, четвертое, предпоследнее? Три с половиной десятка книг тоже немало. Зачем они мне! Дело вовсе не в принципах, мне, в общем-то, безразлична судьба «самого передового в мире учения». Дело в том, что у меня хранится и то, и другое. Даже последнее собрание сочинений Маркса-Энгельса осталось от отца.

Захватить с собой эту макулатуру, а потом, дождавшись хорошей цены, толкнуть по Интернету?

Я не мог так поступить с памятью.

В наследство мне достались сущие пустяки. Прежде всего несколько листков, исчерченных рукой Николая Михайловича. Это были пресловутые схемы согласия, которые Трущев как-то продемонстрировал мне в качестве исторического свидетельства притирки Шееля и Закруткина друг к другу. Отрезки прямых, соединявшие вершины разнообразных геометрических фигур, обозначенных как «диоиды», «триоиды» и так далее, вплоть до «сентоидов», – были подписаны всякого рода глупейшими словами: «любовь», «ненависть», «привязанность», «расчет», «равнодушие», «желание помочь», «нежелание помочь» и тому подобное. Термины были помечены стрелками, показывающими направленность действия. В случае «антипатии», «гордости», «предубежденности»

острия были направлены в разные стороны, в случае «любви», «дружелюбия», «привязанности» – друг к другу. Кроме того, в шкафу отыскалась толстенная общая тетрадь, из которой Трущев выуживал свои противоречивые, если не сказать больше, афоризмы. Там же, на нижних полках, хранились тетрадка с конспектами политзанятий.

Конспекты меня не заинтересовали, а вот на общую тетрадь, не без претензии обозначенную «SUMMA CONCORDIA», я, сознательный либерал и пассивный патриот, клюнул.

Кто бы не клюнул, прочитав следующий отрывок?!

«...о каком согласии можно вести речь в нашем беспокойном свихнувшемся мире?! Не странно ли в который раз увлекаться пустым изобретательством эйдосов (идей) в тот момент, когда неглупые, обладающие властью люди уверяют, все идет своим путем, и только этот путь может считаться наилучшим. При этом их руки то и дело тянутся к пистолету. Когда конфликты настолько обострены, когда всякое здоровое чувство брезгливости приравнивается к тупости, когда все подвергается насмешкам и топится в иронии, рассуждать о согласии, о возможности добиться цели, сохранив свое и не отвергнув чужое, – это все равно, что утопая, радоваться, все-таки не повесили.

Это что-то из сказки об островах блаженных... туманном Авалоне, рае на земле...

Все так! Со всем согласен!

И все же, испытав тоску, утверждаю, не все потребности в наличие святого исчерпаны. Например, живет тоска по идеалу, по крайней мере, чему-то такому, что можно было бы счесть за идеал.

Вспомните, как это бывает...»

Среди обрывков этой доморощенной философии я обнаружил имя одного из первых адептов этой мудреной и неясной дури.

Его звали Нильсом Бором!

Как подверстать лауреата Нобелевской премии, физика по призванию, к образу ушедшего на вечный покой Трущева? Это была трудная умственная работа.

Тропка наметила, когда разум подсказал: «действуй по аналогии». Оперативное задание такого рода я однажды получил от Николая Михайловича. Смысл состоял в том, чтобы самостоятельно разобраться в таинственных обрывочных записях, в которых рассказывалось, с каким трудом молодому Закруткину удалось внедриться к врагу. Теперь меня, как и Джеймса Бонда, ожидало новое смертельно опасное задание – выяснить, так ли уж необходим людям и товарищам идеал? И с какого бока сюда подверстан Нильс Бор? А также каким образом эти два без конца грызущихся между собой активиста превратились в суперов, отличавшихся убойным фактором?

* * *

Поводырь объявился внезапно. Позвонил по телефону, представился.

– Барон Петер-Еско Максимилиан фон Шеель. Если угодно, Петр Алексеевич Шеель. Можно просто Петр. Имею до вас, уважаемый, деловое предложение.

Мне бы обидеться на «уважаемого», но я клюнул на «до вас». Теперь бароны только так и выражаются. Ладно, будь, что будет! Бракосочетание с историей состоялось, и блудная жена вновь напомнила о себе. Возможно, мне повезет, и я снова загляну в глаза сфинкса или поздороваюсь за руку с вежливой, вооруженной косой старухой.

При личной встрече ничего ернического, тем более подозрительного, в Петре Алексеевиче не обнаружилось.

Воланд как Воланд!

Правда, мелковат, рост чуть выше среднего, усики лохматые, недавно отпущенные, лицо неприметное, но симпатично-простодушное, арийское. Скорее доцент, а не профессор. Если моя догадка верна, значит, я имею дело с бубновым валетом. Такой персонаж вряд ли способен наградить покоем, скорее, пустыми хлопотами.

Место, где мы расположились, вполне годилось для душевных разговоров. Это была привокзальная забегаловка в моем родном Снове. Называлась она забористо – «Флокс». В просторном малолюдном зале были расставлены сколоченные из толстенных деревянных плах столы – по моему разумению для того, чтобы посетители не могли их опрокинуть. Возле них длинные ска-

мы, настолько тяжелые, чтобы их нельзя было пустить в ход, если кому-то захочется выяснить отношения. Потолок сводчатый, пол плиточный, заплесанный. Барон Петер-Еско фон Шеель на входе и во время ожидания у стойки глазом не моргнул, видно, счел для себя допустимым посещать такого рода заведения. В этой снисходительности было что-то свое, родное, что-то от правды, а не о истины. Видно, этот «фон» провел в таких заведениях немало приятных часов.

Первым делом, устроившись за дальним столом, мы помянули Трущева – пусть земля ему будет пухом.

Петр поставил стакан и неожиданно признался.

– Я маму смутно помню. Когда бабушке вручили похоронку, мне было года четыре. Бабушка словом не обмолвилась, только плакала и жаловалась – как же мы с тобой, родимый, без аттестата жить-то будем? Маялась бабуся недолго, и на Первомай сорок третьего отдала Богу душу.

Меня отправили в детский дом, откуда ближе к осени меня забрал Николай Михайлович.

Детский дом – это тихий ужас. Я, не поверите, молился – мамочка, заведи меня отсюда. Может, потому и запомнил ее лик. Ты вообрази, что я испытал, когда в августе прибежали ребята и гвалтом: «Петька, Петька! За тобой дядька военный приехал!» Я, помнится, завопил что есть мочи: «Папочка!» бросился к дядьке и замер на пороге. Дядька был куда ниже папочки, и возрастом староват.

В поезде Николай Михайлович объяснил, что он, скорее, дедушка, а не папа. Я даже обиделся.

Я так ждал отца.

Я помнил его смутно. Сколько мне было, когда он впервые приехал к нам в Саратов? Года три или три с половиной... Он тоже был военный, громадный, куда выше незваного дедушки. Он легко подкидывал меня к потолку. Поверишь, я даже не испугался...

Барон помолчал, несколько раз машинально вытер подбородок.

– В Москве дед сдал меня на руки матери Глафире Васильевне, жене Татьяне, Светке. Для меня началась другая жизнь. Первое слово я выговорил спустя неделю, как оказался в Москве. Светка в награду повела меня на Красную площадь и показала дом, в котором живет товарищ Сталин.

Шеель публично почесал затылок.

– Удивительная у нашей семьи биография – все родные и ни одного родственника, разве что Светлана приходилась дочерью Татьяне Петровне. Даже фрау Магди, уж на что арийка, и та теперь родная. Чудеса!

За родственников, чтобы все были живы-здоровы, мы чокнулись. Барон вновь активно заработал вилкой. Я глядел на него и никак не мог решить, зачем эта исповедальность? Теперь за кордоном, в среде сбежавших на Запад россиян, предпочитают такого рода вступления? А может, это очередной виток истории? Вот она, родная, – подседа к нам за столик, пригорюнилась, слушает внимательно.

Я сдался – только ради нее, ради истории. Ради медсестры Сорокиной, ради всех, кому не повезло на той войне и которым это невезение не помешало исполнить долг.

Закусив, барон продолжил.

– В Москве я впервые встретился с дядей Толей. Представляешь, сразу узнал его и в крик – папа, папочка! Он поправил меня – «прости, Петька, я не твой папа. Если хочешь, считай меня своим дядей». – «С какого фига?» – поинтересовался я. «С какого чего?» – не понял Закруткин. «Почему ты не мой папа, я же запомнил тебя. Ты приезжал к нам в Саратов». – «Так уж получилось. Твой папа сейчас далеко». – «Он воюет с фашистами?»

Дядя Толя кивнул.

«Он герой?»

Дядя Толя кивнул еще раз.

С отцом я встретился позже, когда уехал за границу.

– Они сумели отыскать согласие? – не удержался я.

– Более того, стали родными братьями. В Дюссельдорфе сразу после победы поменяли утерянные якобы при бомбежке документы. Подали прошение, в котором заявили, что являются кровными родственниками. Так они стали Мюллерами. Фамилию Шеелей отец вернул за год до того, как они с Магди обзавелись сыночком, – Петр Алексеевич не без гордости ткнул себя пальцем в грудь.

– И так бывает, – согласился я.

Шеель поднял стакан и провозгласил.

– Вечная память Сорокиной Тамаре Петровне, которой не суждено было стать баронессой!
Бом, бом...

Он был достойный отпрыск Трущева. Того и гляди, начнет ссылаться на Заратустру или на Нильса Бора.

– Когда я стал постарше, дед рассказал, что в медсанбат, где служила мама, угодила бомба.

Он обреченно, как Трущев, махнул вилкой.

– Всех разом! Раненых, медперсонал... Тогда были жестокие бои под Ржевом. Я еще в комсомоле в тех местах собирал останки наших погибших солдат. Мечтал – вдруг могилу матери найду.

– Нашел?

Он зажевал сто граммов и объяснил.

– Мне по службе пришлось бывать в горячих точках. Там я лично убедился, какой бывает итог, когда стокилограммовая бомба угодит в жилой дом.

– В какой точке?

– В Сухуме. Слыхал о таком городе?

Я кивнул. В памяти невольно всплыла фраза – «...райский остров Сухум! Магнолии в цвету, молодое вино «маджарка». Там я познакомился с Таней. Вернулись в Москву вместе».

Разговор окреп.

– Потом демобилизовался, помотался по Москве и уехал к отцу...

– Куда?

– Не важно.

Он достал портсигар, закурил. Помнится, точно такой же был у Трущева. Заметив мой интерес, Шеель пододвинул его поближе ко мне.

– Деду от самого Берии, – добавил он. – На память. За добросовестную службу.

Да, это был тот самый раритет, я сразу узнал его. Громадный, увесистый, серебряный, со знакомым рисунком на крышке – охотник вскинул ружье и целится в пролетающих мимо уток. Я пересчитал уток – их было пять, испуганных, готовых метнуться в разные стороны. Ожидание смертельного выстрела было передано точно и впечатляюще.

Я вернул портсигар.

– Перейдем к делу. Ваши персонажи, точнее, главные герои, считают – вам не с руки бросать роман.

– Это вселяет надежду. Это просто радует, что они так считают. Только пусть подскажут, о чем писать? От Трущева мне достался набор дурацких схем, на которых утверждается, что «любовь» и «привязанность» сближают людей, а «неприязнь» и «себялюбие» разделяют. Прибавьте к этому простодушную сборник афоризмов, а также воспоминания, в которых подробно изложены речи, которые он произносил на торжественных собраниях, посвященных тридцатилетию органов и прочим красным дням в календаре, а о ваших родственниках чуть-чуть, только даты и скромное описание событий. Мне также предлагали взять на память собрание сочинений Ленина, а если унесу, то и Сталина. Я бы унес, если бы для дела, но подскажите, как выжать из всех этих материалов элементарный сюжет?

– Я кое-что привез. Там есть много полезного с фактической точки зрения, но главное – ваши герои готовы пообщаться лично, поболтать о том о сем.

– О согласии, например?

– А что, можно и о согласии. Это занятная штука.

– Чем же? – усмехнулся я.

– Помогает жить.

– Или выжить?

– Это кто как предпочитает. Мне, например, помогла. Но вернемся к делу. Откровенность будет обеспечена, правда, есть одно условие – встретиться нужно за границей. В Москве или в России это нежелательно.

Я, пытаясь избавиться от внезапно подстегнувшей меня мысли о возможности содрать дополнительный гонорар с героев своего романа, энергично потер виски. Получить взятку от своих же литературных героев – это прикольно! Будет над чем посмеяться с братьями-литераторами в

известном московском клубе, расположенном возле Садового кольца.

– Это будет дорого стоить.

– Вы о чем?

Я дал задний ход. Не знаю, что остановило меня – то ли дремучие советские предрассудки, то ли догадка – не откровенное ли это безумие брать деньги за то, чтобы сдохнуть где-нибудь под забором, а не в своей постели?..

– Это я так, к слову, – откликнулся я.

Шеель придвинул портсигар.

– Это вам в качестве компенсации за расходы.

– Что вы! Не надо!..

– Это просьба деда, в память о вашем плодотворном сотрудничестве.

Мне привиделся укоризненный взгляд, каким одарил меня из могилы Трущев, грозящий па-
лец отца – совсем скурвился, гаденыш!

Все-таки гнусное мы поколение. Зачем ломаться. Дважды два все равно восемь или сколько вам угодно, а деньги лишними не бывают, тем более музейные ценности.

Я накрыл портсигар рукой и интеллигентно сгреб со стола.

– В таком случае выбор места я оставляю за собой.

– Как прикажете, – равнодушно согласился барон. – Вы же у нас летописец.

– Прошу без иронии.

– Mein Gott, какая ирония! Не по собственной же воле я помчался на историческую родину.

Если бы не воля стариканов, я бы поостерегся появляться здесь.

– Вам грозит опасность?

– Экий вы проникательный! Это радует. Я серьезно. Или вы здесь, на Святой Руси, уже разучились разговаривать серьезно? Без подначек не можете? Кстати, – он с любопытством заглянул в стакан, – водка не паленая?

– Успокойтесь. В этом заведении мне дерьма не наливают.

– О-о, так вы здесь завсегдадатай.

Глава 2

Полученных от барона листов было немного, с десятков. На первом, истертom донельзя, еще просматривалась сделанная от руки часть плана какого-то города. Чертеж был любительский, разномасштабный – вероятно, проба пера.

Надписи на русском – «озерo Леман», «цветочные часы», «проспект Флориссан», «железнодорожный туннель» – не оставляли сомнений – речь идет о Женеве.

Мое внимание привлек выполненный от руки рисунок. На нем была изображена исполинская пушка, из которой в направлении Луны вылетал громадный снаряд.

На следующих страницах короткие абзацы:

«...Заграничную командировку Первому, не без протекции Шахта, оформили через генерала Эмиля фон Лееба, начальника управления вооружения сухопутных войск. Это был добрый знак – вон куда залетел наш орел...»

«...был послан в Женеву в качестве «особоуполномоченного по вооружению».

«...поручено решить кое-какие вопросы, касавшиеся приемки зенитных установок «эрликон», поставляемых во Францию, в дивизию генерала Зевеке. Сами установки, представлявшие собой сдвоенные 35-миллиметровые автоматы, производились в Цюрихе, но прицельные устройства собирали на заводе в Женеве. Понятно, что такая поездка не могла остаться без внимания со стороны гестапо. Однако никто в Москве не мог предположить, что колпак будет настолько плотен.

А тут еще Еско начал фордыбачить, с какой стати он стал Вторым?!»

«Насчет голоса, не знаю. Что касается крови, то наследники пролили ее немало. Если ты от-
важишься переметнуться к врагу...»

«...что вы сделаете? Пристрелите меня?»

«...нет, прибыю портсигаром...»

Я невольно покосился на дареную вещицу, отложил листки и с опаской взял портсигар в руки. Нажал на кнопку. Внутри что-то звонко щелкнуло. Я вздрогнул и едва не выпустил его из рук.

Верхняя крышка откинулась, внутри было пусто. Я не удержался и понюхал раскрывшуюся полость. В нос ударил застарелый табачный дух.

Неужели этот кусок серебра был подсунут мне не столько как вознаграждение, сколько в качестве пароля в мир иной? А может, со мной хотят расправиться таким экзотическим способом? Эта мысль показалась мне настолько нелепой, что я рассмеялся.

Хотя от Трущева всего можно было ожидать...

«...Увидев нас, переодевшихся после приземления в цивильные костюмы, командир и комиссар партизанского отряда буквально покатались со смеху. Они просили передать горячий пролетарский привет «товарищам из Москвы – знатокам буржуазной швейцарской моды». Не понимаю, что они нашли странного в наших добротных, черных костюмах, солидных галстуках. Все было подлинное, зарубежное! Может, их насмешили наши шляпы? Так и они зарубежные, не дерешься...»

«...комиссар Тюре растолковал – в этих одинаковых костюмах, одинаковых галстуках и дорогих шляпах, мы как два сапога. Стоит вам появиться в подобных нарядах на улицах Женевы, как со всей округи сбегутся секретные агенты, чтобы поглазеть на невиданное зрелище.

Мне стало не по себе – неужели по Швейцарии, мирной нейтральной стране, разгуливают секретные агенты?

А ты как думал, малыш! Их на женевском вокзале Корнавен с пяток по залам прячется, так что придется вас переодеть. Эти костюмы хороши для банка, в них можно явиться на вечерний прием...»

...Тюре не мог сдерживать улыбку – вы собираетесь посетить женевский банк? У вас там капиталы или наследство?

Трущев даже бровью не повел, ответил – нет, мы здесь по другому поводу. Политическому!

Комиссар сразу подобрался, кивнул – понятно. Однако командир, бывший учитель географии из Лиона, до того момента молча посасывающий трубку, по-видимому, не исключавший возможность посещения банка «товарищами из Москвы», дал дельный совет – в Женеве надо одеваться попроще, держаться скованно, мол, в городе вы недавно. Но смотрите не переиграйте. Насчет выговора можете не беспокоиться, сейчас в городе столько беженцев, что швабский акцент никого не удивит.

Затем он популярно объяснил политическую ситуацию.

– Женева и одноименный кантон – этот небольшой пяточок, лежащий у южной оконечности озера Леман, – является один из самых невероятных европейских нонсенов.

Исторических и географических.

Таких на нашем континенте немного, например, карликовые Лихтенштейн, Люксембург. Коренное население кантона французы, но самого строптивого – гугенотского³⁹ – толка, а это значит, что они всегда были на ножах с официальным Парижем. Как только в начале XIX века, после наполеоновских войн, у этих лавочников появилась возможность отделиться от Франции, они тут же воспользовались ею и вошли в состав Швейцарской конфедерации, где проживали близкие по духу и разделяющие общие протестантские ценности любители прибыли. Это несмотря на то, что подавляющая их часть является немцами. Эти так называемые немцы удавятся за сантиметр, и для того, чтобы скопить их побольше, они в свое время также поступили со Священной германской, а затем и Австрийской империями.

Географический нонсенс состоит в том, что Женева с трех сторон окружена французской территорией и городу не выжить без торговли с соседними французскими департаментами. До

³⁹ Протестанты кальвинистского толка во Франции 16–18 вв.

войны поездки через границу осуществлялись вообще без всяких документов. Можно было сесть в трамвай на проспекте Флориссан и через полчаса выйти во Франции, в Анмасе. С началом боевых действий пограничный режим ужесточился. Гугеноты спешно бросились укреплять границы. К чести этих жмотов нужно сказать, что они действовали решительно и, не задумываясь, поставили под ружье четыреста тысяч человек. Они напрочь оседлали перевалы и превратили страну в цитадель. Даже несмотря на то, что Швейцария со всех сторон оказалась окруженной странами оси, швабам, поверьте мне на слово, придется повозиться с этими лавочниками. Сейчас гномы буквально затаили дыхание. Все ждут – как только Гитлер разделается с Советами, он навалится на них.

Он помолчал, потом задал вопрос, который ни ему, ни комиссару не давал покоя ни днем и ночью.

– Скажи, товарищ, в этом году вы сломаете хребет фашистскому зверю?

Я как официальный представитель Москвы пообещал.

– Мы постараемся.

Они с надеждой пожали мне руку. Затем пожали Второму, по существу, классовому врагу, посланному в Швейцарию отбывать заслуженное наказание по пятьдесят восьмой, пункт один...»

«...барончик сам попросил называть его Еско. На родине – он так и выразился – «на родине, в школе, в институте, ребята называли меня Еско».

Как отнестись к этой просьбе? Нет ли в этом либерализме змеиного коварства двурушника или Второй искренне желает помочь нашему делу?

В это трудно поверить. Кто из зеков, оказавшись в Швейцарии, не попытается дать деру.

Что можно противопоставить?

Прежде всего, надежда на разум. До того момента, пока он не подпишет все необходимые бумаги, он будет юлить, будет просить называть себя Еско, вспоминать родину, школьных друзей...»

«...что потом?»

«...почему... именно в женеvский банк? Ведь Цюрих ближе к Дюссельдорфу?..»

«...Еско объяснил, его отец был отъявленный романтик и еще в ранней юности влюбился в Lombard Odier. Этот банк упоминается в известном романе Верна «Из пушки на Луну». Его хозяева являлись спонсорами засылки межпланетного снаряда таким экзотическим способом.

Подобное объяснение только добавило сомнений в здравомыслие старшего Шееля, прожужжавшего мне уши на допросах своим тевтонским происхождением и голосом крови...»

«...смешки закончились, когда маки приступили к подготовке операции. Два дня, дожидаясь okazji, мы неотрывно долбили женеvские идиомы, изучали план города, намечали варианты отхода. Объект должен был прибыть в Женеву 14 апреля. Номер забронировал в отеле «Савой», расположенном напротив железнодорожного вокзала Корнавен. Об этом знал только я, мое руководство и Еско – в тридцатом году он останавливался с отцом именно в этой гостинице, – поэтому предложение Тюре поселить нас в «Савое» показалось мне крайне подозрительным. Я уважительно отверг предложение и поинтересовался – почему именно в «Савое»? Оказалось, что в этой гостинице у них есть свой человек.

Горничная.

Комиссар дал мне пароль.

Заодно следует проверить и горничную...»

* * *

«Подготовительный этап – проникновение в Женеву – прошел на редкость удачно.

Два раза в неделю с французской стороны в сторону Женевы проходил товарняк из двух вагонов, доставлявших в город свежее молоко. Машинист входил в группу Сопrotивления и на свой страх и риск переправил нас в город. Там нас встретил связной, предупрежденный Центром.

Мне он понравился. Это был опытный, принимавший участие в революционных боях, товарищ. Попросил называть его Альбертом.

После обмена паролями Альберт отвез нас на проспект Флориссан, где в отдельном домике проживала чета Хаммелей. Отсюда же намечалось осуществлять радиосвязь с Центром. Сам Хаммель, по профессии радиотехник, показался мне жидковатым, а вот его жена Ольга, названная в честь «русских, не побоявшихся устроить у себя революцию», была настоящая бой-баба. Догляд за Еско она установила доброжелательный, но плотный. Тот в шутку назвал ее опеку «щадящим режимом», намекая на куда более жесткий режим, с которым успел познакомиться в республике Коми. Ольга заинтересовалась – это где ж такая республика? Там все коммунисты? Как только Еско попытался объяснить, чем знаменит этот край и, в частности, поселок Княжпогост, я строго взглянул на него. Парень тотчас прикусил язык.

Для связи Альберт привлек свою жену Лену. Сразу предупредил.

– По городу лучше расхаживать под руку с дамой, так будете привлекать меньше внимания. Учтите, в ожидании нападения Гитлера, нервы у местных натянуты до предела. Они не собираются капитулировать, но и нарываться на провокацию тоже не хотят, так что полицейским при встрече лучше не перечить. Предложит предъявить документы, подчиняйтесь беспрекословно, иначе угодите в участок, там вам устроят проверку по полной программе...»

«...что касается Первого, инструкции он получил по радио. Не в пример прежним авантюрам, на этот раз Анатолий действовал аккуратно, в точном соответствии с полученными указаниями.

Беда в том, что операция оказалось значительно более трудным делом, чем нам виделось из Москвы. Самым слабым местом в ней оказался вовсе не Шеель, а сам Первый. Мы недооценили Майендорфа и, по-видимому, гестапо. На Первого еще в Берлине напялили такой колпак, что впору было кричать караул – в Женеву он явился не один, а в сопровождении невысокого, заметно разъевшегося, с глазами на выкате, субъекта, ни на шаг не отстававшего от него. В отеле они поселились в двухместном номере, так что руки у нас оказались связанными в прямом и переносном смысле.

Я не сразу вычислил компаньона. Им оказался некто Франц Ксавьер Ротте, еще в Смоленске набивавшийся к нашему барону в дружки. В Смоленске Ротте служил следователем в эйнзатцкоманде, имел звание гауптштурмфюрера СС. По данным, полученным от старшего Закруткина, слыл доверенным сотрудником Майендорфа. Не глуп, образован, окончил богословский факультет Фрайбургского факультета, любит пофилософствовать на отвлеченные темы. Отличается хорошей профессиональной подготовкой. Хитер, в отношении Шееля ведет двойную игру, однако есть грех – напрочь лишен инициативы. Жаден, однако жаден мелочно. Его заветная мечта – добыть на Шееля компромат, чтобы иметь неиссякаемый источник заема. Его долг Шеелю уже перевалил за две тысячи марок. К сожалению, перевербовке не подлежит, может продать в любую минуту.

С оперативной точки зрения Ротте, напялив маску друга, занял очень удобную позицию, однако эта легенда исключала ежесекундный надзор, чем не преминул воспользоваться Первый, заметив меня в холле гостиницы. Оторвавшись от Ротте, он оставил портье письмо на имя господина Глюка, коммерсанта из Висбадена.

Я долго томился в холле, просматривал газеты и пытался разгадать непростую задачку – нет ли у Ротте помощников из числа местных сотрудников гестапо, плотно осевших во всякого рода комиссиях, консульствах и прочих организациях, обосновавшихся в этой нейтральной стране. Вопрос был принципиальный. Если слежка организована предельно жестко, значит, в Берлине Первому не доверяют. Следовательно, эта поездка всего лишь ловушка для выявления связника, а может, резидента, и мне впору заниматься не поисками сокровищ, а спасением Анатолия, его выводом из-под прицела контрразведки.

Ничего подозрительного я не обнаружил, и перед началом операции решил еще раз просчитать шансы. Отсутствие всякого рода посторонних следопытов подтверждало – Шеель интересовал Майендорфа исключительно в качестве наследника семейного состояния. Это мнение, по-видимому, разделяли господа из гестапо и контрразведки абвера. За все время, проведенное в тылу врага, Анатолий не дал им и самой малой доли компромата, как на агента Советов, а тратить время на пустышку ребята с Принцальбрехтштрассе тоже не могли себе позволить. Ротте приставлен, чтобы помочь наследнику в чужой стране, где он не раз бывал, пока учился в университете.

Я собрался духом и направился к стойке – не оставляли ли письмо для господина Глюка?

– Да, пожалуйста, – ответил портье и вручил мне конверт.

Операция началась...»

* * *

«...расшифровка письма подтвердила – тучи сгущались. Посещение банка намечено на завтра, отложить его нельзя ни при каких обстоятельствах, так что у нас с Еско было полдня, чтобы подследственный Шеель успел поделиться с женевскими банкирами отпечатками своих пальцев.

Времени в обрез.

Снова нервотрепка.

В письме также указывалось, что по просьбе Шахта Шеель обязан передать привет господам Гильденштерну и Розенкранцу. Необходимо было также поинтересоваться их здоровьем, благополучием.

Итак, со словесным паролем разобрались, но как справиться с главной трудностью – передачей документов, без которых Еско нечего было делать в женевском «Ломбарде». Анатолий сообщал, что готов был воспользоваться любой возможностью. Оставался пустяк – каким-то образом выцарапать эту возможность.

Понятно, что в таком деле не обойтись без женщины, и мне пришлось обратиться к Лене. Больше некому было попытаться отыскать в «Савое» сочувствующую маки горничную...»

«...после полудня мы с Еско направились в банк. Поспешность, с которой Шеель явился на день раньше намеченного срока, он объяснил положением на Восточном фронте. Встретивший нас пожилой, чрезвычайно серьезный сотрудник банка даже не попытался возразить. Он тотчас пригласил господина барона пройти с ним.

Господину Глюку сотрудник предложил подождать в холле.

Я остался один.

Второй бодро, едва сдерживая нетерпение, направился ко входу во внутренние помещения. На пороге не удержался, обернулся и помахал ручкой, предоставив мне возможность поразмышлять над будущим.

Я не обольщался. Если он решит привлечь внимание швейцарских спецслужб к моей особе, положение сразу выйдет из-под контроля. Заполучив меня, швейцарские власти вряд ли станут отчаянно сопротивляться требованиям гестапо выдать русского агента. В таком случае одна надежда на портсигар...»

Я взял в руки этот таинственный предмет и пустился в долгие размышления над своей ролью в этом воспоминательно-созидательной операции, легендируемой как «сочинение романа». В этой запутанной игре, ведущейся по каким-то странным и недоступным пониманию правилам, роль мне отводилась самая безыскусная – болванчика-литератора. Впрочем, Трущеву тоже не раз приходилось влезать в шкуру Prugelknabe.⁴⁰ В этом мало почета, но что-то героическое в готовности не рассуждая напялить на себя рога, проглядывалось. Ответом на мои сомнения послужили слова Трущева, записанные неизвестно когда, неизвестно где.

«...Я был готов к подобной перспективе. Мимолетом задумался – неужели все так глупо закончится, и согласие, о котором я столько твердил своим подопечным, есть нонсенс, мечта, скукоженный идеал?

Стало обидно, захотелось покаяться.

Но кому? Акулам капитализма, бороться с которыми с такой яростью призывал Карл Маркс?

Анри Хентш, Жан Геден Ломбард, Шарль Ожье сурово смотрели на меня со стен этого древнего финансового заведения? Древность подтверждала надпись под часами – 1796 год.

По-видимому, это была дата основания банка.

Не стану утверждать, будто именно Хентш – сердитый старик с седыми бакенбардами, – по-

⁴⁰ Козел отпущения.

пытался внушить мне, чтобы я не терял головы. Может, это был Шарль Одье, тоже внушительный эксплуататор, или сам Ломбард, полтора века назад основавший этот мировой оплот капитализма. По идейным соображениям я, конечно, не мог согласиться с классово чуждым тезисом, доказывавшему, что главной добродетелью, к которой должен стремиться каждый человек, является прибыль, однако с утверждением, что добиться ее непросто, для этого нужны терпение и труд, не поспоришь. Впрочем, если считать прибыль результатом, в их рассуждениях было много верного.

Эта игра в слова помогла успокоиться, заняться насущным вопросом, каким образом без шума исчезнуть из этого учреждения, если Второй окажется двурушником?

Чем он, кстати, занимался в тот момент? Подписывал необходимые бумаги или доказывал, что следует немедленно позвонить в Бюпо, швейцарский вариант секретной полиции?

В расчете на разум, на возможность согласия, я склонялся к первому варианту.

Наконец дверь распахнулась, и Еско, теперь уже наследник многомиллионного состояния, вышел в зал. Он был взволнован. Я понимал его, не каждому советскому заключенному была предоставлена возможность в одночасье из врага народа превратиться в миллионера, имеющего солидный счет в швейцарском банке.

Он вышел не один. Рядом с ним шествовал очень представительный господин, настоящая акула капитализма. Господин, представившийся совладельцем банка Альбером Ломбардом, с нескрываемой радостью поздравил меня с выдающимся событием – спустя годы мой воспитанник наконец получил доступ к семейному достоянию. Затем он предложил мне открыть счет «у Lombard Odier». Второй едва успел придавить улыбку. Я был согласен с ним – это было одно из самых забавных предложений, которые мне приходилось слышать в своей жизни. Мне нестерпимо захотелось предьявить господину управляющему партийный билет. Интересно, будет ли он и в этом случае настаивать на своем предложении?

Господин Ломбард, будто догадавшись о моем тайном желании, пообещал – наши сотрудники окажут вам «и вашим товарищам» любую помощь в «комиссионных сделках», которые «непременно пойдут на пользу обществу».

Мы поспешили откланяться.

На улице Второй резко помрачнел и сразу предупредил.

– Не радуйтесь. Завтра я должен еще раз появиться в банке. На этот раз отпечатки пальцев брать не будут, но кое-какие бумаги придется подписать. Как поступим? Снова посадите меня под арест? И как быть с автографами?

У меня мелькнуло – «поэтому он не сбежал?!»

Вслух я успокоил его.

– Не ершись, Еско. Что-нибудь придумаем. Давай-ка погуляем по городу. Говорят в Женеве есть удивительные цветочные часы, пойдем посмотрим, что это за чудо такое.

Я не имел права упоминать о Светочке, ради которой внес это предложение, но упомянул. Мне просто необходимо было взять паузу.

Второй с нескрываемым удивлением посмотрел на меня.

– Никогда бы не подумал, что вы способны любоваться цветами.

Я невозмутимо обратил его внимание на окружающий пейзаж.

К тому моменту мы вышли на набережную. День был пасмурный, и Монблан прятался за тучами, все равно Женева была полна чудесами, одним из которых являлся необыкновенно чистый и целебный воздух.

– Как легко дышится! – восхитился я. – Правду говорят, здешняя атмосфера способна творить чудеса.

Затем я обратил внимание Второго на северную часть Женевы.

– Видишь дома в той стороне. Это квартал Сешерон, там жил Ленин. Он тоже останавливался в «Савое». Сегодня нам с тобой придется совершить экскурсию в эту гостиницу. Только без глупостей. И не тревожься насчет автографов. Вспомни, как вы под гипнозом тренировались в Москве. Ваши подписи практически неразличимы даже для специалистов.

Устроить встречу «близнецов» нам помог сам Ротге. Как часто бывает в оперативной работе, удача в нашем деле не последнее дело. Случайность может погубить, а может спасти. Гауптштурмфюрер не меньше нашего обалдел от чистого женевского воздуха и в ресторане, куда пригласил его Первый, наакался так, что подцепить его на женщину оказалось не так сложно. Эту

партию Первый провел на «отлично». Он предложил фронтовому товарищу «развлечься» перед завтрашним посещением «доверху набитого купюрами заведения». Тот ответил «ура!» Ты настоящий друг, Алекс. Надеюсь, ты ссудишь меня небольшой суммой наличными на все те безумства, которые я намерен совершить?

Уладив деловую сторону безумств, Первый уступил номер закадычному Ротте, а сам в сопровождении хорошенькой горничной направился на шестой этаж, где было множество пустых дешевых комнат. Туда же, к назначенному часу я доставил Еско...»

Мы встретились в скромном двухместном номере с туалетом и душем. Интересно, не здесь ли останавливался Владимир Ильич?...»

Глава 3

«...я позволил ему уйти. Это было рискованное, граничащее с преступлением решение. Главное, чего я боялся больше всего, – не дать Второму уйти далеко, иначе парень может наделать глупостей. Я дал ему пару минут, затем двинулся следом. Это был самый трудный момент. Если не удастся изловить его возле дома, тогда и портсигар не поможет. На всякий случай я прихватил его с собой.

Мне повезло. Я засек Второго на перекрестке. Остальное было дело техники, в управлении меня считали неплохим топтуном, и я незаметно двинулся вслед за ошалевшим от воздуха свободы зеком. Когда барончик вышел на Новую площадь, оправдались самые худшие мои предположения. Второй не раздумывая направился к стоявшему на перекрестке полицейскому, что-то спросил у него, затем, иуда и двурушник, направился в сторону полицейского участка...

Я прибавил шаг...»

* * *

«...уловки Трущева. В нем было что-то глуповатого пингвина. Он почему-то решил, что является ответственным за меня человеком. Всю ночь я не спал. Швейцарский оплот – мой последний шанс, глупо не воспользоваться им».

«...Ушел легко, в 10.05, сразу после завтрака, через заднюю дверь. Даже если Трущев позволил мне уйти, это ничего не меняло.

Хватит!

Я досыта наелся социализма!!!»

«...теперь куда? В полицию?!

Мне стало не по себе – так сразу? Сломя голову?!»

«... вчера я не задумываясь ринулся бы навстречу свободе. Воздух Европы пьянил. Ночь казалась нескончаемой. От мыслей покоя не было. Еще вчера мне казалось, стоит только обратиться к властям за содействием, как все мои злоключения в стране большевиков и за ее пределами закончатся, и я обрету статус свободного, неприкасаемого человека. Я потребую встречи с журналистами – уверен, моя история привлечет их внимание. Конечно, не следует распространяться насчет порядков в сталинских лагерях. Сейчас здесь этого не любят. Моя задача – отрезав себе путь к отступлению, сохранить жизнь, поэтому следует вести себя умно, сказать пару добрых слов о героизме солдат вермахта, о решимости красных сражаться до конца. Тогда у местных правых вряд ли хватит наглости объявить меня, обладателя многомиллионного состояния, советским агентом, а местные левые поостерегутся называть двурушником или, того хуже, троцкистом.

Вчера меня сдерживало присутствие Трущева. Что если он застрелит меня на пороге полицейского участка или во время пресс-конференции? С него станется. Вот почему я решил подождать до утра.

Удивительно, почему Трущев ни разу не заговорил со мной на эту тему. Почему не страдал с самого момента в прибытия в Женеву? Почему не давил на психику – мол, родина дала тебе шанс, оправдай ее доверие.

Иначе...

Понятно, что до получения доступа к деньгам этому пингвину нечего было опасаться. Тогда почему после посещения банка он вместо наручников в виде этой громадины Ольги, свихнувшейся на обязанности «всякого порядочного человека» помочь «истекающим кровью русским», пригласил на прогулку, предложил полюбоваться цветочными часами. Зачем упомянул о приемной дочери, о том, как этот вшивый продажный медиум вылечил девчонку от немоты?

О-о, я догадался на рассвете – это был тонкий психологический ход! Он решил давить на психику – это я, мол, пригласил тебя на танец, так что прояви сознательность, обопрись на данное слово, вспомни о Тамаре, вспомни о сыне.

Конечно, танцы – это всегда интересно, но я еще не сошел с ума. Прощай, Тамара, прощай, сынок! К сожалению... Может, мне удастся вытащить их из Страны Советов?

Потом...

Когда-нибудь?..»

* * *

«...вспоминаю и не могу вспомнить, с какого момента начался отлив. Скорее всего, с посещения кинотеатра, где я вволю насмотрелся «Дойче вохеншау» («Die Deutsche Wochenschau»), в котором были показаны боевые действия на Восточном фронте, и прочая нацистская абракадабра. Я взирал на нескончаемые потоки пленных красноармейцев, на разбитые русские танки, любовался горящими хатами, на которые возмущенный Гарри Гизе, диктор этой кинопрокламации, требовал обратить особое внимание. Сожженные деревни, трупы мирных жителей были представлены как расправа комиссаров с теми жителями, кто хотел послужить Великой Германии.

Я всегда полагал, что Германия великая страна, но только не в этом, жутком до оцепенения, до тошноты в желудке, смысле. Неужели они там, на родине все с ума посходили? В этих мертвецах, в тех мертвецах, которые я видал во время поездки в медсанбат к Тамаре, было много правды. В этом я не мог отказать диктору, но называть их жертвами комиссаров было чересчур.

Я не хотел в этом участвовать. Не хотел, и все тут. Я хотел спасти жизнь, обрести свободу, но мысль о том, что добиться этого в объятых великой Германии невозможно, окончательно испортила мне настроение.

Легче выжить в танце с Трущевым, на которого, по крайней мере, можно положиться и который не станет стрелять у меня рейхсмарки, чтобы напиться и трахнуть с продажной девкой.

Тем более, что красные в конце концов возьмут верх.

Я знал, о чем говорю. В лагере под Владимиром, где до декабря содержали немногочисленных пока немецких пленных, меня пытался сагитировать некий национал-социалист. Hans im Glück⁴¹ не сомневался в победе. Он взывал к голосу крови. На все мои сомнения отвечал убийственной по бессмысленности фразой – «фюрер обещал, без пяти двенадцать Москва падет!»

Впрочем, он был не один такой упертый. Все мои соотечественники были уверены в том, что рано или поздно Германия сломает хребет большевикам. Чего я только не слышался – красные не умеют воевать! Их гонят на пулеметы! Они то, они се, но как только в лагерь дошла весть о разгроме под Москвой и в бараки начали свозить обмороженных, ошалелых вояк, свидетельствовавших, что они чудом избежали гибели, – все, как по команде, затаились. Даже мой агитатор-стукач, простой бухгалтер из Мюнхена, член НСДАП с тридцать третьего года, признался, что с начала декабря пленные впервые начали открыто обсуждать судьбу Наполеона и его армии». ⁴²

«Я вышел из кинотеатра уже далеко не с тем энтузиазмом, с каким сбежал из конспиративной квартиры.

Была половина одиннадцатого по местному. Уличных часов Женеве было хоть отбавляй. Вид этих неумолимо шествующих стрелок сводил с ума, заставлял искать убежище.

⁴¹ Счастливчик Ганс.

⁴² Генерал Гальдер и другие германские военачальники впоследствии высказывали мысль о том, что в их глазах война против Советского Союза была проиграна уже под Москвой. Генерал Йодль в конце войны признавался своим сотрудникам, что сам он «с весны 1942 г. знал, что войну Германии не выиграть». Гитлеру, по его мнению, также было ясно, «что после зимней катастрофы 1941–1942 гг. достичь успеха невозможно».

Очнись, ты в Женеве! Алле, дружище, проснись, ты на свободе!!

По инерции, пока добирался до Новой площади, еще фантазировал – прочь сомнения, пора взрослеть, пора переходить на прочный, увесистый «дойч», на котором скоро будет разговаривать вся Европа.

На площади, как раскат грома – идиот!!!

Неужели у тебя, падлы, с головкой плохо, фраер ты неумытый?! Неужели тебе, твари дрожащей, непонятно, что, сбежав от Трущева, ты остался один и тебе некуда идти?! Неужели тебе, окурку вертухая, непонятно, что оказавшись в руках местного Бюпо тебя очень скоро передадут в руках костоломов из гестапо, и никакой Шахт, никакой Майендорф не спасет тебя, суку потную! Наоборот, дядя Людвиг, чтобы сохранить лицо, только подбавит жару. Неужели доблестная Швейцарская конфедерация станет портить отношения с тысячелетним рейхом, будь он трижды проклят, из-за какого придурка, обманным путем завладевшего отпечатками пальцев барона Алекса фон Шееля.

Не надо тренкать, Леха! Ты теперь Леха и на всю жизнь останешься Лехой. Если здесь забудут, в гестапо напомнят, к тому же красные не упустят возможность сообщить, что это я сдал отца.

Это было ясно, как дважды два четыре!

Зачем тогда эти несчастные миллионы, которые больше десяти лет ждали меня в женевском банке? Их выколотят из меня, затем отправят в лагерь. Ни Тамаре, ни Петьке ни цента не достанется.

Веселенькое дельце...

Бежать во Францию? В страну Виши? Чушь!! К маки за помощью не обратишься, а полицейский режим там тоже налажен.

Чутье подсказывало – ну их, эти «измы»! С такой «свободой» ты очень скоро останешься без головы. Выход один – продолжать танец с человеком, которому доверяешь. Это было легче сказать, чем сделать.

Окончательно пришиб меня полицейский, зачем-то торчавший возле Оперного театра. Я издали, шестым, (разведывательным?) чувством почуял – он обратил на меня внимание. Значит, мне не избежать проверки документов. По словам Трущева, наши бумаги, способны выдержать поверхностный просмотр. А если прокол? Если у полицейского возникнут подозрения? Надо взять себя в руки!

Поздно.

У меня было всего несколько секунд. Один из уроков энкаведешников гласил – если на тебя обратили внимание, не пугайся и ни в коем случае не меняй выражение лица. Другими словами, возьми себя в руки и ищи оправдание данному эмоциональному состоянию.

Полицейский уже всю смотрел в мою сторону.

Я по наитию направился к нему, спросил – не подскажет ли, герр начальник, как мне пройти в полицейский участок?

Тот несколько успокоился – подозрительный тип сам решил сдаться властям. Он указал дорогу и спросил.

– Беженец?

– Так точно, господин вахмистр. Социал-демократ. Скорее демократ, чем социалист.

Полицейский кивнул и неожиданно подбодрил.

– Держись, товарищ.

Слова, услышанные в центре Европы, прозвучавшие из уст цепного пса буржуазного режима, потрясли меня до идиотизма. Я нелепо сжал правую руку в кулак и, только намекая, чуть приподнял ее в характерном жесте. Полицейский улыбнулся еще раз, одобрительно кивнул и подтвердил направление – ступай туда.

Я на негнущихся ногах двинулся в указанную сторону, не сразу сообразив, что так и топаю с задраным кулаком. Я тут же опустил руку.

Зачем поднял кулак?! Зачем дал клятву, ведь меня никто не принуждал. Кто заставил тебя прикинуться красным? Женевский полицейский?! Разве он требовал от тебя спасти свою жизнь обещаниями содействовать следствию? Он всего-навсего учуял в тебе германского шпиона, а ты сдрейфил.

Все-таки мы, немцы, неистребимый по части исполнения долга народ. Мы, русские, в это

смысле куда грубее и своевольнее. Если что-то вбили себе в голову – например, насчет клятвы полицейскому, – этот бред не вышибить.

Я двинулся в сторону озера, забрел в парк, вволю полюбовался знаменитыми на всю Европу горными пиками, домами, когда-то приютившими занудливого Жан-Жака Руссо, циника Вольтера, а позже известного идеолога большевизма Владимира Ильича, в любви которому я несколько минут назад вполне определенно признался женевскому полицейскому.

Хотелось завывать, но в Женеве это выглядело бы по меньшей мере странно. Этот город, являвшийся невероятным результатом человеческих усилий, предстал передо мной как образец наимудрейшей красоты, средоточие спокойствия, незамутненности и удивительного сочувствия к каждому, кто пытается сделать выбор. Даже название площади – «Place Bon Air», по-нашему – «Свежего воздух», или площадь Свежака – внушало поддержку.

Издали послышался бой курантов.

Полдень.

Я попытался взять себя в руки. Простейшая мысль, которую вколачивал в нас Трущев, внешне обрела живую плоть.

«Каждый, – убеждал нас этот отъявленный энкаведешник, – кто решит прибегнуть к согласию, обязан заранее определиться, чем он готов пожертвовать, приглашая другого на танец. Потому что согласия без уступок не бывает. Усек?»

Чем я могу пожертвовать?

Памятью об отце? Он не согласовывал со мной свой выбор, по этому пункту я могу считать себя свободным. Как, впрочем, и с обязательствами перед Германией, гнусно поступившей с Шее-лем, вернувшимся из страны врагов.

Тамара? Здесь труднее. И дело вовсе не в женщине, не в ее дурманных, до покалывания в кончиках пальцев, прелестях! Хотя именно эта дрожь придавала мне силы выстоять на зоне. Как я мечтал добраться до них!.. Что это, любовь? Не знаю. Как утверждал Hans im Glück, русские как низшая раса придумали любовь, чтобы не платить. Все равно, мне трудно вычеркнуть из памяти все, что было. Особенно Петьку. Он ведь так или иначе является наследником рода Шеелей. Будет ли у меня другой наследник – большой вопрос.

Впрочем, закорючка вовсе не в романтических вздыханиях. Даже не в Тамаре и Петьке. Дело во мне. Неужели я потная сука? Неужели тварь дрожащая? О каких космических полетах может идти речь, когда Тамара воюет? Я не вправе бросить ее в таком жестоком деле. Не мог я также сознательно запихнуть в детский дом влезавшего на меня пацана и кричавшего от радости: «Ур-ра! Дядя папа приехал!»

Следующий пункт – названный братец. Казалось бы, сам Господь велел мне сдать этого напыщенного фанатика.

Но!..

Оказавшись в полиции, я должен напрочь забыть о нем. Только заикнись, и моя песенка будет спета. Уже не Трущева, а меня, глупенького, подвергнут усиленному допросу с применением физического воздействия. Я вовсе не желал зла Трущеву, Первому, а также многим из тех, с кем познакомился по линии НКВД, исключая Авилова, но тот уже получил свое. Я окажусь хорошей поживой для костоломов из гестапо.

Мне это надо?

Если не упомяну, гномы из Бюпо так отделают меня за нелегальный переход границы, что вряд ли мне потом понадобятся мои миллионы.

Итак, со мной было все ясно, оставалось выяснить, чем жертвует Трущев?

Это был легкий вопрос. Трущев жертвует жизнью. Стоит капитану ГБ, да еще работнику Центрального аппарата, оказаться в руках гестапо, с него кожу живьем сдерут.

Да, красные – злы. Они еще те идеологи, но без их поддержки мне просто-напросто не выбраться из Женевы. Тем более, выжить в этом прекраснейшем из миров.

На скамейку подсел Трущев. Достал сигарету из портсигара, по привычке обращения с «Беломором» постучал по крышке.

Я напомнил специалисту из НКВД.

– Николай Михайлович, здесь нет папирос. В Европе табачной головкой в крышку портсига-

ра не тычут. Здесь табак разминают пальцами.

Он не ответил, но выколачивать и тем более ломать под мундштук табачную начинку перестал.

Закурил, высказал отношение к пейзажу – хорошо-о, черт побери! – затем поинтересовался.

– Что у полицейского спросил?

– Дорогу до участка.

– А что же не дошел?

– Все-то вам надо знать!

– А как же! – искренне удивился Трущев.

– Полицейский обратил на меня внимание. Я решил проявить инициативу. Помните, ваш шеф предупреждал – разведчика красит инициатива.

– Логично, – согласился Трущев. – Я не догадался.

– А если бы догадались, открыли стрельбу?

– Зачем. У меня с собой портсигар. Ходить с оружием по городу лишний риск. Местные все злые. Виду не показывают, а сами трясутся от страха. Ждут, когда Гитлер к ним нагрянет.⁴³

– А когда он к ним нагрянет?

– А ты не догадываешься?

– Как считаете, Николай Михайлович, они будут защищаться?

– Эти будут, – убежденно ответил энкаведешник. – Банкиры не сдрейфят. Они призыв объявили, четыреста тысяч под ружье поставили, все перевалы перекрыли. Им есть что защищать.

– Я тоже так думаю.

– Тогда потопали домой. Засиживаться ни к чему. Нам тоже есть что защищать.

– А потопали.

– Справился с искушением?

– А справился.

– Будем работать?

– А попробуем...»

Часть IV Москва ставит задачу

Весна, 1944 год.

Освобожденная территория в Белоруссии, под Мозырем...

В Ельске, на улице, подошли ко мне трое оборванных детей лет девяти-десяти. Робко остановили, я думал будут просить денег или хлеба.

– Дяденька, нет ли у вас маленького карандаша? В школе писать нечем – очередь длинная.

Я дал им карандаш. Забыли даже поблагодарить, торопливо пошли по улице, изо всех сил рассматривая приобретение и, видимо, споря – кому им владеть.

Из военных дневников корреспондента «Правды» Л. Г. Бронтмана

Глава 1

Даже после смерти энкаведешные приемчики, которыми пользовался Николай Михайлович вызывали если не изумление, то откровенную оторопь. Мало того, что время в его рассказах петляло по какому-то мало изученному, с нелегальным привкусом маршруту, но и встречавшиеся на этом маршруте хорошо знакомые предметы, а также ничем не примечательные факты живой жизни, словно по мановению волшебной палочки, приобретали статус сакральных, наполненных неясным смыслом ключиков, с помощью которых только и можно было открыть доступ к сокровищам истории.

Судите сами.

Яблоки в его доме носили очки. Родственные отношения – загадка природы. Сам он много

⁴³ Оккупация Швейцарии планировалась в рамках операция «Танненбаум» («Елка»), намеченной сразу после взятия Сталинграда.

лет жил под гнетом известной ему даты своей смерти и не спился. Всякому разговору Трущев придавал характер вербовочной беседы. Не буду скрывать – ему удалось склонить меня поучаствовать в его безумной затее. Оказавшись один на один с вечностью, я не мог дать задний ход. Ее зов был неодолим. К тому же мне до смерти хотелось разобраться, что такое согласие и какое отношение к этой нелегальщине имел Нильс Бор. Насколько мне известно, этот нобелист 1922 года, глубже других проникший в тайны атомного ядра, ни в политику, ни в классовую борьбу нос старался не совать. Что он разглядел в недрах электрона, без чего, по мнению Трущева, и малые дела становятся великими, а без оногo и самые громкие планы обращаются в прах.

Наконец, Николай Михайлович, не в пример другим героям секретного фронта, чуть что, сразу хватался за портсигар.

Прикиньте – не за револьвер, а за увесистый кусок серебра.

Теперь этот подарок Берии был у меня в руках.

Здесь было над чем поразмышлять. Какая скрытая угроза таилась в этом предмете, если Трущев берег его на самый последний, самый решительный бой в жизни? Ялся образцом на земле озера, п уверены в том, что рано или поздно фюрер сломает большевика? Зачем беглый спецназовец подарил его мне? Не было ли здесь какого-то коварного расчета? Может, в нем спрятано взрывное устройство, и, если я допущу промашку – напишу, например, о том, о чем следует умолчать, нелицеприятно отзовусь о тех, перед кем следует стоять навытяжку, намекну на то, о чем секретные службы стараются забыть, или просто нажму не на ту кнопку, – сработает взрыватель, все полетит вверх тормашками, и от всего этого романа и его автора останутся одни воспоминания.

Не без робости я внимательно осмотрел портсигар. Голова работала как швейцарские часы, мысли строились поротно, с удивительной лихостью и самоотречением шли на приступ тайн портсигара.

Я развернул бериевский подарок так, будто собираюсь вытащить сигарету. Скрытый механизм должен срабатывать моментально, а все манипуляции производиться автоматически, не привлекая внимания жертвы.

Мои пальцы прикрыли голову охотника и двух ближайших уток. Я нажал на эти точки.

Все оказалось не так просто, пока не вспомнил, что Трущев был левша.

Удача, как и предрекал фюрер, посетила меня без пяти двенадцать. Только его судьба обманула а мне открыла солнечные дали в виде узкой потайной полости, в которой помещался небольшой, заготовленный по спецзаказу DVD-диск, похожий на тот, какой используется в видеокамере.

Первый файл содержал аудиозапись в стандартном для такого рода информации формате. Это была речь, произнесенная Сталиным 3 июля 1941 года. Да-да, та самая, знаменитая, «братья и сестры...», но в каком-то невероятном, ошеломляюще-пародийном исполнении. Неизвестный насмешник настолько умело подражал Сталину, что я остолбенел.

Приведу текст полностью.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

...в силу навязанной нам войны наш народ вступил в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – большевистско-жидовской властью. Наши войска не желают воевать с братьями-германцами, а их гонят в бой. Их гонят на бойню. Зачем их гонят на бойню? Чтобы, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно класть свои жизни за кремлевских преступников и убийц. Это они заставляют вас биться за каждую пядь родной земли, на которую никто не покушается. Наш отпор врагу должен крепнуть день ото дня.

В этот трудный час смертельной схватки с большевизмом нам на помощь пришли доблестные германские воины. Их храбрость беспримерна. Вместе с германской армией на защиту Родины должен подняться весь русский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей страной, и какие меры нужно принять для того, чтобы раздавить ненавистную кремлевскую клику?

Прежде всего, необходимо, чтобы все наши люди поняли глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от обманчивого настроения, что

с комиссарами и жидами можно договориться. Такие настроения, вполне понятные в довоенное время, но пагубные в настоящее время, когда агрессия, развязанная против оплота свободы, против Германии, возглавляемой великим Адольфом Гитлером, теперь совершенно неуместны.

Враг жесток и неумолим.

Комиссары ставят своей целью превратить всех нас в рабов. Они уже захватили наши земли, политые нашим потом, захватили наш хлеб и нашу нефть, добытую нашим трудом. Кремлевские мордовороты ставят своей целью сохранение своей власти, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их осовечивание. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти русского народа и всех народов, населяющих нашу землю. Вопрос заключается в том, быть ли народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы все советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они сомкнули ряды с доблестными германскими воинами и нанесли сокрушительный удар всей кремлевской камарилье.

Все силы народа на разгром ненавистного врага!

Вперед, за нашу победу!

Бей жида-большевика!

Морда просит кирпича!»⁴⁴

Далее кто-то невнятно затараторил на немецком языке, затем последовал комментарий по-русски: «Записано в ноябре 1941 года Блюменталь-Тамариным в Варшавском радиоцентре. Использовать на Восточном фронте».

Как оказалось, этот самый Блюменталь-Тамарин был не чужд и литературных талантов. Об этом свидетельствовала составленная им листовка, разбрасываемая оккупантами в Смоленской области.

ВОЗЗВАНИЕ

Русский народ!

На седины твоих стариков, на головы твоих мужчин и женщин, на твоих детей пал неслыханный позор! Все то, что ты сейчас прочтешь, это – не бред сумасшедшего, это показания русских, записанные русскими и в присутствии русских. Русские же люди скрепили своими подписями эти потрясающие документы.

Глаза застывают в ужасе, и рука отказывается писать. Если мы решаемся, русский народ, обратиться к тебе с этим воззванием, то только потому, что мы верим в тебя, верим, что в твоей груди бьется человеческое сердце, что лучшие человеческие чувства – благородство, честность и уважение к человеку и его правам – еще не окончательно умерщвлены в тебе большевиками за четверть века их растлевающего владычества.

Мы верим, что ты вместе с нами содрогнешься от ужаса перед преступлением, совершенным бандой извергов из хутора Ржавец. Эта банда из 22 человек, из них 8 женщин, имела своим главарем жида-политрука Железина; они называли себя партизанами, борцами за свободу и честь своей родины. Они коварно напали на ветеринарный обоз, сопровождаемый 12 человеками – десятью немцами и двумя русскими. Три человека было убито. Девять человек, из них трое раненых, взяты в плен.

Убитые были ограблены.

Золотые кольца с их пальцев не удалось снять, тогда отрубили пальцы, на которых они были одеты. Девять человек были подвергнуты пытке: им отрезали уши, носы, вырезали щеки, отрезали половые органы, вырвали глаза; у русских отрубили руки и ноги.

⁴⁴ Эти слова не случайны. В октябре 1941 года в одной из немецких газет был опубликован очерк некоего Шварца фон Берга, в котором утверждалось, что немцы, основательно изучившие русские ругательства, установили – чаще всего русские употребляют матерную фразу: «Рожа просит кирпича».

Еще у живых срезали мясо с груди, зада, ног, рук. Как показал один из виновных, получилось около 25 килограммов мяса. Сварили его в котле с молодой картошкой. Достали 15 бутылок водки и устроили пир. Главарю банды, жиду-политруку Железину приготовили, по его заказу, особенное блюдо – ему изжарили с луком 18 яиц из половых органов замученных.

Русские люди, читая это, вы не верите своим глазам. И мы тоже не верили. Мы решились оповестить об этом ужасе всех, только после того, как убедились в том, что все это – ИСТИННАЯ ПРАВДА.

Да и так ли это невероятно, если мы повторим, что во главе этой банды извергов стоял жид-политрук Железин, если напомнить, что такими жидами-коммунистами держались дьявольские ЧК, ГПУ, НКВД, если напомнить, какой ужас они вселяли своим бесчеловечьем в твои сердца, русский народ, позволяя этой сталинской банде всячески над тобой издеваться.

Но ужасы застенков и концлагерей ЧК, ГПУ и НКВД еще ждут своего полного разоблачения. Этот же факт ПЫТОК и ЛЮДОЕДСТВА перед вашими глазами, русский народ. Найди же в себе мужество взглянуть этому факту прямо в глаза. Германский народ знал, что хотят сделать из русского народа большевики! Но он верит, что русский народ не испорчен ими до конца!

Германский народ верит, что русские люди отрекутся от большевицких отродий, возвращенных большевиками извергов, и вместе со своими передовыми отрядами – русскими солдатами русской самообороны – истребят их до конца.

РУССКИЙ НАРОД!

Отрешись от большевицкого духовного наследия – бесчеловечного отношения к человеку.

Смой с себя позор преступления Железина **БЕСПОЩАДНОЙ БОРЬБОЙ** с подобными ей бандами.

Я некоторое время оторопело вглядывался в экран. Немецкие яйца с молодой картошкой – это лихо! Отличный пиар! У меня еще хватало духу сыронизировать по этому поводу, хотя была на этой чудовищной гнусности какая-то отчетливо-пегая отметина разнузданного, глумливого предательства.

Что еще было занимательного на этом диске? Разве что призыв Блюменталю, обращенный к защитникам Москвы в ноябре 1941 года: «...объявить священную нашу столицу Москву открытым городом. Для этого необходимо прекратить сопротивление и предоставить германским войскам свободный доступ в городскую черту. Вместе с сознательными красноармейцами они возьмут под защиту неисчислимы архитектурные и художественные ценности».

А также официальные документы.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Нач. ГУГБ СССР

В. Н. Меркулову

Для устранения Блюменталь-Тамарина предлагаю воспользоваться родством предателя с гражданином СССР, военнослужащим Волошевским Игорем Львовичем. (Сестра отца Волошевского, Лащилина Инна Александровна, замужем за Блюменталь-Тамариным.)

При этом считаю целесообразным не ограничиваться терактом в отношении Блюменталь-Тамарина, но в первую очередь использовать Волошевского для проникновения в круги, близкие к «Источнику».

Краткие данные на Блюменталь-Тамарина В. А. и на Волошевского И. Л. приложены.

Число начальник СПО НКВД СССР

В. Ильин

ПРИЛОЖЕНИЕ К СПРАВКЕ № 1

По личному делу и материалам спецпроверки на Блюменталь-Тамарина Всеволода Александровича, русского, актера, беспартийного.

По материалам спецпроверки, проведенной УНКВД по г. Москве, установлено:

БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН Всеволод Александрович родился в г. Москва, в 1881 г. Из актерской семьи. Отец, Александр Эдуардович Блюменталь-Тамарин, опереточный актёр. Мать, Мария Михайловна, почти всю жизнь прослужила в Театре Корша, а после его закрытия играла в Малом. Была в числе первых десяти артистов, удостоенных звания – «Народный артист СССР».

Блюменталь-Тамарин – человек незаурядный, деспотичный, безусловно талантливый. Получил прекрасное образование, владеет тремя европейскими языками, пишет стихи. Музыкален, пластичен, атлетического сложения. После окончания императорского театрального училища сразу же был принят в труппу Малого театра. Его дебют в роли Морского в пьесе Немировича-Данченко «Цена жизни» (с М. Н. Ермоловой в роли Анны Демуриной) имела большой успех. Крупнейшие антрепренеры России сразу предложили ему выгодные ангажементы. Играл Гамлета и Чацкого, Кина и Парфёна Рогожина, Жадова и Фердинанда, Дон Карлоса и Уриэля Акосту...

Во время Гражданской войны встал на сторону белых. В 1920 году попал в руки ЧК и был приговорен к расстрелу. Спас Луначарский.

При Советской власти преследованиям не подвергался. В 30-е годы приглашался на «сборные спектакли артистов московских театров», проводившимся в Большом театре. В 1932 году в филиале Большого театра поставили «Бесприданницу» с Е. Н. Гоголевой, Е. Д. Турчаниновой, М. М. Климовым, Н. И. Рыжовым, М. М. Блюменталь-Тамариной.

Наиболее удачным в этом спектакле было признано исполнение Блюменталь-Тамариным роли Карандышева. Его одного вызывали 14 раз.

Казенной «службы» в каком-то одном театре Блюменталь-Тамарин не признавал и разъезжал с гастрольями по стране.

Ранней весной 1941 года Блюменталь подготовил большую программу, посвящённую 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова, в которой должны были быть представлены сцены из «Маскарада», а также чтение отрывков из «Мцыри», «Героя нашего времени», «Демона». Получил приглашение Малого театра играть Отелло в очередь с Остужевым, а также от Охлопкова, предлагавшего ему вступить в труппу Театра Революции и начать там с роли Ивана Грозного в пьесе А. Толстого «Трудные годы».

В 1940 году снялся в фильме «На дальней заставе».

В октябре 1941-го Блюменталь-Тамарин, проживавший на даче в поселке НИЛ (Наука. Искусство. Литература.) возле города Истра, оказался на оккупированной территории. В декабре 1941, во время советского контрнаступления, вместе с несколькими дачниками, в том числе знаменитым вахтанговским актером Освальдом Глазуновым, ушел с немцами.

Оказавшись в Киеве, был назначен художественным руководителем Киевского театра русской драмы. Вместе с С. Э. Радловым Блюменталь-Тамарин осуществил постановку пьесы А. Корнейчука «Фронт» и сыграл в ней главную роль – генерала Горлова. Спектакль, переименованный «Так они воюют...», представляет собой образчик злобной антисоветской клеветы. Часто выступал на радио и в печати, исполнял по немецкому радио на русском языке «острые» пародии на Сталина, а также антисемитские анекдоты. Одна из его статей называется «25 лет советской каторги». В ней он утверждает, что советская власть издевалась над ним и над его матерью...

ПРИЛОЖЕНИЕ К СПРАВКЕ № 2

По личному делу Волошевского И. Л.

ВОЛОШЕВСКИЙ Игорь Львович, 1918 года рождения. Отец – работник балета и ба-

летмейстер Лащилин Лев Александрович. Мать – известная драматическая актриса Августа Леонидовна Волошевская. Чемпион Ленинграда по боксу в среднем весе 1938, 1939. Чемпион СССР 1941. Учился в Москве в ГЦОЛИФКе. С детства владеет немецким языком.

В настоящее время служит заряжающим зенитного орудия на Ленинградском фронте. Согласие сотрудничать с НКВД дал 22.11.1941 г.

Число... Подпись: ле-нант...

В этой отчетливо энкаведешной, с неистребимым обвинительным уклоном, нарезке нашлось место и любительским, с потугой на юмор листовкам времен войны, изготовленным на той стороне.

На первой был изображен сияющий, крепко загулявший Гитлер, наряженный в подпоясанную косоворотку, в полосатые, заправленные в сапоги, холщевые шаровары. Фюрер, подыгрывая себе на балалайке, лихо распевал «Широка страна моя родная...»

На другой – поникший, с длиннющими усами, мордастый Сталин в черкеске, наигрывал на гармошке «Последний нонешний денечек...»

Ниже подпись – автор сюжетов В. А. Блюменталь-Тамарин.

И, наконец, выписка из личного дела:

«27 марта 1942 г. военная коллегия Верховного Суда СССР заочно приговорила Блюменталь-Тамарина к смертной казни».

«10 мая 1945 года в Мюнзингене, Германия, органами СМЕРШ приговор приведен в исполнение».

Sic transit gloria mundi! (Так проходит земная слава!)

Казалось бы, это был самый бесспорный случай, когда дважды два четыре, однако последняя фраза – «в 1993 г. реабилитирован «по формальным обстоятельствам» – свидетельствовала, что дважды два вполне может оказаться нулем.

Глава 2

Следующий файл представлял собой любительский видеофильм.

После короткого звукового сигнала и цветастой заставки на экране монитора обозначился сам Николай Михайлович, восседающий в плетеном кресле у себя на веранде. Вслед за крупным планом была дана панорама – соседние строения, частокол заборов, за ними кромка леса, дорога на Вороново. Затем объектив переместился ближе, и на экране очертилась поросшая весенней травкой дорожка, ведущая к трущевскому дому.

Отставник, на моих глазах превратившийся в ничто, внезапно ожил и помахал мне рукой.

– Салют.

Я, замороженный бодрым видом покойника, его простодушием и доброжелательностью, не удержался.

– Здравствуйте, – потом опомнился и попытался взять себя в руки.

Трущев, всегда отличавшийся умением читать чужие мысли, дал мне время освоиться.

Продолжил покойник после короткой паузы.

– Рад встрече. Надеюсь, тебя не очень опечалила моя скоропостижная кончина, но все претензии к Мессингу Вольфу Григорьевичу. Мы тут на досуге посовещались...

Меня заколбасило, и я машинально закрыл файл. Впечатлений было столько, что мне необходимо было перевести дух. Что это – насмешка над безобидным литератором, присмиренцем и обывателем, или наивная иллюстрация к отжившим, казалось бы, слоганам «смерти вопреки» и «герои бессмертны»? Судить не берусь.

А может, скоропостижная кончина, похороны, траурные речи всего лишь конспиративная уловка, что-то вроде операции прикрытия, без которых работники спецслужб не мыслят свою жизнь.

Долг не позволяет...

Такого рода оскорблений я немало высыпал на голову Трущева. Заодно досталось Лаврентию Берию, а также главному редактору, упросившему меня заняться литературной обработкой этих воспоминаний.

Когда в борьбе мнений здравый смысл взял верх, я не без внутреннего трепета вновь нажал на левую сторону мышки.

Тот же взмах руки, те же доброжелательность и простодушие.

– Салют!..

И вновь я не удержался.

– Здравствуйте.

–...мы тут на досуге посовещались и решили, что умолчания принесут больше вреда, чем пользы. Если ты сумел извлечь диск из портсигара, значит, парень ты головастый, так что можешь по полной.

Усек?

Фантазию не стесняй, пиши откровенно, с душой. Не с душком, а с душой, ясно? От вас, молодых, всего можно ждать. Налегай на подвиги. Отсебятина приветствуется, особенно насчет согласия. Если что-то будет не так, мы тебя поправим. Когда явишься в Центр...

Виртуальный приказ, дошедший из небесного Центра, требовал безусловного исполнения, и это правильно. Это вполне в духе времени, которое каждого из нас, понимаешь, требует. И нельзя, понимаешь, прохлаждаться, спустя рукава, понимаешь.

Кое-кто утверждает, что все смешалось в доме Облонских. Полная неразбериха, понимаешь, и в этой неразберихе мне позарез необходимо было опереться на что-то более крепкое и надежное, чем вольное обращение с умножением.

* * *

Виртуальный Трущев налил себе чаю.

– Тебе не предлагаю, – заявил он, – потому что неизвестно, когда эта запись дойдет до тебя.

Я уже более спокойно отнесся к подобному выкрутасу и заодно отметил – Трущев пьет чай в прикуску! Видно, после кончины вкусы у него изменились, либо в те поры, когда мы вживе общались в нем, он сознательно утаивал от меня простонародные привычки. Хотя вряд ли. Пообщавшись со специалистом, каким был Николай Михайлович, глаз у меня стал ватерпас.

Повторяю – Николай Михайлович никогда при мне не пил чай в прикуску с карамелькой, а тут на тебе! Есть над чем задуматься.

Ладно, вернемся к теме...

– На туманный Альбион нас доставил «Москито де Хевиленд». Был у англичан такой высотный бомбардировщик, не имевший оборонительного вооружения. Да-да, ни пушек, ни пулеметов. Двухмоторный «Москито» уходил от истребителей противника за счет скорости и исключительной маневренности на высоте. У него были очень мощные моторы. Наши специалисты сочли его очень удачной моделью.

В самолете не было пассажирских сидений, свободным было только место штурмана. Я приказал Второму занять его. Он по наивности попытался было возмутиться, напомнил о звании.

Я приказал ему заткнуться и выполнять приказ.

Еско некоторое время смотрел на меня как на умалишенного, пока английский пилот не поторопил нас.

Возможно, я сошел с ума, но появиться в Москве без Второго было куда большим безумием, чем прокатиться через пролив в брюхе зарубежной техники. Чутье меня не подвело – после приземления на аэродроме неподалеку от Мейдстона в восточном Суссексе пилот на пальцах объяснил, у него был приказ – в случае атаки немецких истребителей открыть бомболюки и избавиться от груза.

На земле летчик назвался Диком и на прощание крепко пожал нам руки. Ответить ему с той же силой я не мог – замерз на высоте зверски. Тем не менее мы пришли друг другу по душе, и, когда встречавшие нас два представителя королевских ВВС, одетые в добротные, с меховыми во-

ротниками, шинели, заявили, что в виду приближающегося с Атлантики циклона до аэродрома в Данди, где нас ждал родной Пе-8, мы будем добираться поездом, – летчик помог мне выкрутиться из очень непростой ситуации.

Офицеры представились по-русски, с сильным акцентом.

– Майор Тэбболт.

– Капитан Харрисон.

Я в ответ козырнул.

– Новгород-Северский, а это, – я указал на Второго, – господин Владимиро-Суздальский. Скажите, господа, где представитель нашего посольства?

– Он задерживается. Мы рады приветствовать на британской земле храбрых русских союзников. Прошу пройти в теплое помещение, там нас ждет ужин.

– Простите, господин майор. Мы подождем здесь.

– Напрасно, господин Новгород-Северский, – Тэбболт без всякого напряжения справился с моей фамилией, являвшейся надежной лакмусовой бумажкой на его служебную принадлежность. Затем майор описал состояние погоды в Шотландии, напомнил, что после несчастья с господином Асямовым⁴⁵ они не имеют права рисковать, так что лучше сразу пройти в здание. Там дожидаться представителя посольства и затем в их и его сопровождении отправиться на поезде в Данди.

На вопрос сколько времени займет дорога, майор пояснил – минимум ночь, максимум сутки.

– Сейчас война, – и развел руками.

Я с трудом сдержал гнев.

Сутки! В одном вагоне с английскими мордоворотами из МИ-5!! Как я смогу уберечься от контактов? Как уберечь от контактов Еско?! Что мне писать в отчете в Москве?!

Появившегося на поле представителя нашего посольства я сразу и бесцеремонно отвел в сторону и с ходу выложил – он должен помочь нам отправиться в Шотландию немедленно.

Самолетом! Как и было условлено.

Помощник военного атташе – он был из грушников – все понял, он был не из холуев и согласился помочь. Но как? Давай конкретные предложения. Я подвел его летчику, доставившему нас из Франции, и попросил объяснить Дикю – нам позарез нужно в Шотландию. Как можно быстрее!

– Нас ждут, камрад, мы не имеем права опоздать.

Тот пожал плечами, ответил, что не против, нужно только заправиться. Когда же подошедший Тэбболт попробовал повысить голос, Дик пожал плечами и заявил, что дипломатические тонкости его не касаются, но если нужно лететь, он готов лететь. Наш дипломат как бульдог вцепился в эти слова.

Трущев улыбнулся.

– Мы их дожали, соавтор. В их планы никак не входила ссора с русскими, и они скрипя зубами дали добро.

Далее с экрана последовало привычное трущевское наставление.

– Заруби на носу – классовая солидарность способна победить любые происки буржуазных наймитов. Дик уже в Шотландии с помощью тамошнего переводчика, признался, что он «этих – из Лондона – не любит. У нас их никто не любит». А насчет «боится», чего ему, пятнадцатому графу Уолсингхему, бояться. «У меня, – засмеялся Ричард Уолсингхем, – таких развлечений каждую неделю по горло. Над оккупированными немцами территориями».

Трущев на мгновение прервался, а камера вновь открыла панораму. Затем объектив сосредоточился на померкших глазах ветерана.

– Кстати, это обстоятельство не помогло мне в пятьдесят четвертом. В двухчасовом ожидании на летном поле в Суссексе следователь МГБ усмотрел конспиративную встречу, во время которой я передал англичанам секретные сведения, приготовленные Берией для английской разведки. Оказывается, я был связным и посещение Швейцарии являлось отвлекающим маневром.

Такую прозорливость не опровергнешь. Это было ясно всему прогрессивному человечеству, а мне так в первую голову. Пусть Закруткину старшему земля будет пухом. Толик, когда узнал о доносе, попытался оправдать отца, начал доказывать, что его принудили, потом извинился за Кон-

⁴⁵ Асямов С. А. (1907–1942) – пилот первого советского бомбардировщика Пе-8, опробовавшего маршрут Москва-Великобритания. Уже в Англии при перелете в Лондон на английском самолете «Фламинго» погиб в авиакатастрофе.

стантина Петровича.

– Сын за отца не отвечает, – успокоил я доблестного советского разведчика, после окончания войны не пожелавшего возвращаться на родную землю. Кто его распропагандировал, не знаю. Скорее всего, Нильс Бор, с которым он имел встречу в Копенгагене в начале 1943 года.

А может, Герман Оберт?..

Но это случилось позже...

* * *

– Что касается Еско, его судьбу решил Федотов. В столице Алексея подвели под амнистию, вручили чистые документы на чужое имя, ведь «фон Шеель» уже было занято. Затем предоставили двухнедельный отпуск. Еско дождался в Москве Тамару, с нашей подачи тоже награжденную отпуском, и они вместе отправились в Саратов.

Вернувшись, Еско рассказал как провел эти жаркие недели в городе, оказавшемся на острие фашистского нашествия.

– Мы с Тамарой старались не появляться на людях, нам было стыдно своего счастья. Только вечером в кино, да в районный отдел НКВД, где я должен был ежедневно отмечаться. – Барон неловко развел руками. – Петька сначала дичился, потом со всеми пацанами во дворе перезнакомил. Схватит меня за указательный палец, подведет к карапузу и объявляет: «Ко мне дядя папа приехал!»

После паузы он, как бы отвечая на немой вопрос, добавил.

– Бомбили часто, в основном военные заводы. Одна упала рядом с парком ДКА – убило много детей и гуляющих. Местные ходят как пришибленные. Молча соберутся возле репродуктора, выслушают сводку и молча расходятся. А сводка одна страшнее другой – то немцы форсировали Дон, то тяжелые бои в районе Воронежа. Когда немцы захватили Воронеж, власти реально опасались паники, по улицам пустили усиленные воинские патрули. Что, так плохо, Николай Михайлович?

Я кивнул.

Еско глаз не отвел, смотрел вопросительно. Пришлось давать объяснения.

– Немцы на широком фронте вышли к Дону. От Воронежа до Саратова что-то около трехсот километров по прямой. Если они ударят на Саратов, потом на Горький...

Я не договорил. Молодой человек, наряженный в советскую полевую форму без петлиц и знаков различия, был не дурак, сам догадался, о чем я не имел права говорить вслух.

– Понятно.

Затем мы отправились к Федотову, продолжавшему курировать операцию «Близнецы».

Прошли годы, а я до сих пор поражаюсь беспримерной профессиональной интуиции Павла Васильевича. Это он выдвинул идею позволить Еско закончить институт и защитить диплом.

Услышав предложение начальника КРУ, поддержанное Меркуловым, Берия взорвался.

– С ума посходили?! В тот момент, когда враг рвется к Сталинграду! Когда на счету каждый, кто знает язык!..

Федотов остался тверд.

– Факты таковы, что в наших оперативных мероприятиях Шееля задействовать нельзя. Исключено использование его в качестве переводчика. О зафронтной разведке и речи быть не может. Передавать грушникам тоже не интересно. Пусть посидит в резерве, а заодно повысит свой образовательный уровень.

Берия задумался, потом согласился.

– Вам виднее.

Начальник КРУ словно в воду смотрел. Обязательно зафиксируй в тексте, что мне крупно повезло с начальником.

Он надолго замолчал, видно, переваривал события сорок второго. Наконец опомнился – видно, кто-то со стороны камеры напомнил, солнце садится, скоро стемнеет, начнутся проблемы с освещенностью. К тому же диск не безграничен.

Трущев кивнул и приступил к политинформации. Коротенько, минут за десять, он обрисовал трагическую обстановку, складывавшуюся на фронте летом сорок второго.

Я сохранил самое существенное.

«...Красная Армия истекала кровью».

«...Разгром в Крыму и под Харьковом лишил страну стратегических резервов. Приходилось отбиваться как в сорок первом – трое на одного, не говоря о преимуществе фашистов в танках и, главное, в самолетах».

«...У нас, на Лубянке, тоже было дел невпроворот. Цифры приводить не буду, но есть мнение, что было бы неплохо вкратце описать, чем занималось НКГБ в те суровые дни. Я не настаиваю. Я понимаю современный момент, но ты хотя бы для себя. Для согласия с самим собой. Мы ведь тоже не сидели без дела».⁴⁶

Я запомнил его совет.

Наконец Трущев вернулся к главной теме.

– Я, например, выше головы был задействован в организации стратегической дезы, которую Ставка и Генштаб сливали через Бухгалтера и некоторые другие каналы. Речь шла о том, чтобы любой ценой отвлечь немцев от южного направления, не дать им свободно перебрасывать резервы. Удивительно, чем глубже я вникал в добытые нашими людьми, порой ценой жизни, документы, раскрывающие стратегическую обеспеченность врага живой силой, техникой, материальными ресурсами, тем более поражался авантюризму Гитлера. Постоянно удлинняя фронт наступления, он, казалось, напрочь игнорировал тот факт, что ему просто арифметически не хватало солдат, чтобы на каждом участке удерживать превосходство в силах. Я поражался – почему Гитлер без оглядки на свои тылы во Франции так смело рвется вперед? Неужели, как и в сорок первом году, врагу сойдет с рук такая наглость и безрассудство?!

Неужели мы не сможем его наказать?!

Меня не оставляла смутная догадка, что вопрос о Втором фронте является ключом к пониманию к военной ситуации в Европе. Трудно было поверить, чтобы в ставке Гитлера не рассматривался вариант «удара в спину» – возможной высадки десанта на побережье Франции. Неужели опытные в стратегических вопросах немецкие генералы могли пренебречь этой вполне напрашивающейся возможностью?

Мне бы поговорить с Гессом, перелетевшим в Англию на самолете в 1940 году. Так ли безумен был этот побег? Какие гарантии получили немцы во время переговоров Гесса в высшем руководством Великобритании.

Понятно, что в те тревожные дни лета сорок второго года было невозможно задать эти вопросы руководству англо-американского блока.

В августе в Москву наведалься Черчилль улаживать разногласия со вторым фронтом, и нам было поручено обеспечить его безопасность, так что на все лето я напрочь забыл о Еско. Только избавились от Черчилля, как в Москву нагрянул Закруткин старший, доставивший от Анатолия первый весомый результат. Это были документальные данные, касавшийся Атлантического вала. Изучая эти материалы, я еще раз убедился, что дело нечисто. К сожалению, опоздание Закруткина заметно ослабила их ценность. Эти бы данные на стол во время переговоров с Черчиллем, да носом его, носом!..

Схемы укрепрайонов и дислокации частей, добытые Закруткиным, ясно свидетельствовали – к лету сорок второго фашисты только приступили к строительству оборонительных сооружений. Гарнизоны на побережье Нормандии укомплектовывались исключительно призывниками старших возрастов, молодежь сгоняли в маршевые роты и отправляли прямоком на Восточный фронт. Сил у фашистов уже не хватало – на двадцать километров берега одна артиллерийская батарея! Местами никаких частей, кроме наблюдательных постов, не было.

Получи Петрович эти материалы вовремя, он, наверное, смог бы хотя бы кое-что выколотить из Черчилля. В таких условиях даже небольшая десантная операция имела шансы на успех, и

⁴⁶ Всего за годы войны по линии НКВД-НКГБ СССР за линию фронта в составе оперативных групп было направлено около 15 тысяч оперативных работников, 23 из них стали Героями Советского Союза. Всего для зафронтной работы органами госбезопасности было подготовлено и заброшено во вражеский тыл 2222 оперативные группы. 20 опергрупп действовало по заданиям военной контрразведки. За всю войну от опергрупп поступило 4418 разведывательных сообщений, из которых 1358 передано в Разведуправление Генштаба Красной Армии. 619 – командующему авиацией дальнего действия и 420 командующим фронтами. К маю 1945 г. было обезврежено: более 30 тыс. фашистских шпионов, свыше 6 тыс. террористов, около 4 тыс. диверсантов. В 1944 г. было сорвано готовящееся покушение И. В. Сталина.

созданный на Западе плацдарм мог бы отвлечь врага от непрерывно наращиваемого давления на Сталинград.

– Эта загадка долгое время не давала мне покоя. Но, – Трущев развел руками, – не сложилось. Война, соавтор, это не парад и не штабная игра. Там все всерьез, там понарошку нельзя.

Вообще, связь в те годы была нашим самым узким местом. Почтовая переписка с началом войны практически сошла на нет, личные контакты оказались крайне затруднительны, к тому же поездки совершались вкруговую, через нейтральные страны. С появлением пеленгаторов все более опасной становилась радиосвязь, что подтвердил разгром «Красной капеллы», а также провал группы Радо в Женеве. Эти неудачи косвенно ударили и по «близнецам».

С другой стороны, если рассматривать разведывательную деятельность не только как сиюминутные поспешные ответы на поставленные руководством вопросы и не как желание прокукарекать по любому поводу – вот мы какие ушлые! – а как умение добыть и оценить всю совокупность данных о стратегических замыслах противника, то схемы и планы, добытые Первым в штабе 7-ой немецкой армии, оборонявшей побережье Франции, являлись серьезным материалом. В общем контексте с высказыванием одного из членов английского правительства – «оставим русским самим решать проблему своего выживания» – стало ясно, что в 1942 году ни на какую помощь со стороны союзников нам рассчитывать не приходилось.

Это был тяжелый удар для Петробыча, для верхушки ГКО, для всех нас, ознакомленных насчет меморандума, в котором было четко зафиксировано обещание Черчилля и Рузвельта открыть второй фронт в Европе летом или осенью сорок второго.

Вам, молодым, нельзя забывать, что тем страшным летом наша страна стояла на грани военного поражения. Десантная операция в Европе, клятвенно обещанная Черчиллем и Рузвельтом во время визита Молотова в Лондон и Вашингтон, была нужна нам как воздух.

Глава 3

Трущев встал, прошелся по террасе – камера все время следила за ним, – и в сердцах добавил.

– Не принимай в расчет провокационные разговоры, будто без помощи союзников мы проиграли бы войну. Мы добились победы собственным оружием, а за каждый американский или английский танк или самолет, за каждый «студебеккер» или «виллис» мы платили кровью. И немало. Так что мы в расчете, если не считать тайны побега Рудольфа Гесса. Разгадка всплыла где-то в году сорок седьмом или сорок восьмом, после знаменитой речи Черчилля в Фултоне, где бывший союзник объявил нам «холодную войну». Но об этом после...

Затем распорядился.

– Дальше фиксируй слово в слово.

Я исполнил приказ.

– Петробыч на удивление спокойно снес эту пилюлю, но все нам было ясно – это в последний раз. Шаткость нашего положения усугублялась тем, что безоговорочная легализация Первого и открывавшиеся перед ним перспективы, как это ни странно, поставили его на грань провала. Так, соавтор, бывает в разведке, сколько не анализируй, никогда не знаешь, что ждет тебя завтра. Спасение Первого потребовало от нас неординарных, я бы сказал нетрадиционных, но, главное, спешных мер.

Не скрою, первым безумную мысль, обещавшую вернуть ситуацию под контроль, выдвинул полковник Закруткин. Берия, уж на что ушлый мужик, и тот, познакомившись с предложением грушника, раскрыл рот.

Обязательно отметить, в то напряженное время мы все, как один, трудились над укреплением всего полезного, что дал нам опыт сорок первого года. Смертельная опасность на время придавила склоки в наших собственных рядах. Приказ № 227 «Ни шагу назад!» заметно оздоровил внутреннюю атмосферу не только на фронте, но и на Лубянке, где всегда перехлестывали с бдительностью и поиском внутренних врагов. Тем более в стычках с грушниками, с которыми у нас всегда были непростые отношения.

Первое, что требовалось – и немедленно! – это объединить мозги. На время многое из того, что разделяло нас – например, меня с Закруткиным, Берию и Меркулова с Панфиловым и Ильичевым, ушло в тень. Тогда было не до интриг, не до шкурных интересов, хотя я сразу проинтуировал

личный мотив в предложении Константина Петровича. Он просматривался отчетливо, но я и тогда словом не обмолвился о скользкой позиции этого двурушника.

Когда под напором Федотова и Фитина руководству наркомата пришлось согласиться на предложение Закруткина, встал вопрос – кто отважится доложить его Петробычу.

Закруткин отказался сразу и напрочь.

– Мое дело связь. Я не несу ответственность за план оперативных мероприятий. У вас есть группа, есть начальник группы, ему и карты в руки.

Берия пристально посмотрел на меня.

– Как хочешь, Трющев, а он прав. Докладывать придется тебе. Готов предложения, ми тебя поддержим.

Он дал мне два дня, освободил от всех других забот, от надзора над Бухгалтером, успешно сливавшим абверу дезу за дезой. Через него, а также через его племянника, работавшего в наркомате путей сообщения, мы кинули Берлину приманку – график железнодорожных перевозок на осень и зиму сорок второго года, который свидетельствовал, что главное зимнее наступление советских войск готовится на центральном участке фронта.⁴⁷

На следующий день я вызвал на Лубянку Второго, вкратце обрисовал задание, выполнить которое требовало от него руководство. Еско, уж на что выдержанный парень, сменился в лице. К тому моменту, то ли в ответ на доверие, то ли соскучившись по межпланетным сообщениям, а может, в силу исключительных природных данных, он одним махом в течение лета восстановил в памяти все четыре курса института, сдал основные предметы за пятый и, по совету своего научного руководителя, профессора Бахрушина, приступил к дипломному проектированию. Защищаться ему предстояло в Бауманском училище. Тема диплома касалась безопасной подачи топлива и окислителя в двигатели самодвижущихся реактивных машин, способных обеспечить выход человека в межпланетное пространство. Другой, более безобидной и мирной темы для него в институте не нашлось. Ко всем остальным он просто не имел допуска.

Затем, в узком составе, в присутствии Меркулова, мы выработали линию поведения, которая должна была убедить Петробыча, что другого решения, кроме предложенного Закруткиным, не существует. При этом Меркулов настоятельно посоветовал мне взять на себя рождения этой идеи.

– Зачем делиться с вояками? – высказал он свое мнение. – Нельзя допустить, чтобы грушники перехватили инициативу. Это наша операция, нам и отвечать за результат.

* * *

–...я навсегда запомнил этот разговор со Сталиным.

В святая святых меня на этот раз допустили вместе со всеми. Петробыч поздоровался за руку, поинтересовался – как здоровье?

– Готов выполнить любое задание, товарищ Сталин, – отрапортовал я, чем вызвал одобрительный взгляд Лаврентия. Даже Меркулов несколько расслабился.

В кабинете присутствовали Молотов, Ворошилов. Они расположились за большим столом спинами к окнам. Подальше от них Маленков с неизменным блокнотом в руках.

Сталин ни словом не обмолвился насчет недопустимого опоздания с предоставлением добытых Первым материалов. Наоборот, он дал положительную оценку его работе, однако особый интерес Петробыч привлек последний пункт докладной наркома, в котором тот излагал предложение Майендорфа, касавшееся дальнейшей судьбы своего протеже.

Проведенный на Лубянке детальный анализ показал – возможность распорядиться семейными счетами в швейцарском банке произвела на дядю Людвигу неизгладимое впечатление и заставило всерьез задуматься о дальнейшей судьбе Алекса. Фронт уже не казался Майендорфу достойным местом для возможного жениха своей дочери. «Куцыми» он назвал также служебные перспективы, открывавшиеся перед Шеелем в штабе Зевеке, «даже если принять во внимание, что англосаксы ни в этом году, ни в следующем не отважатся переправиться через Ла-Манш». В доверительном разговоре он сообщил Еско, что в Управлении вооружений сухопутных сил довольны результатом «твоей командировки в Цюрих и Женеву, твоей требовательностью по отношению к

⁴⁷ Речь идет о знаменитой операции «Марс», проводимой примерно во одно время с наступлением под Сталинградом (операция «Уран» и не позволившей врагу перебросить подкрепления с Центрального фронта.

«гномам». Генерал напомнил Еско о былом увлечении межпланетными перелетами и предложил.

– А что если попытаться счастья у генерала Вальтера Дорнбергера?..

– Кто такой Дорнбергер? – поинтересовался Алекс.

– Руководитель ракетной программой Германии. Должность не велика, но в последнее время фюрер несколько раз интересовался, как идут дела у фон Брауна. – Генерал пояснил. – Вернер фон Браун является научным руководителем программы.

Затем дядя Людвиг веско добавил.

– Интуиция фюрера, Алекс, это наше главное оружие. Он никогда не ошибается. Мне кажется, что Пенемюнде – это самое подходящее для тебя место. Ты героически вел себя на фронте, у тебя за плечами четыре курса политехнического института. Как оказалось, одного из лучших в России... Рейх не вправе разбрасываться подобными кадрами. К тому же рейхсфюрер очень заинтересован в подробной и своевременной информации, касающейся этого «чуда-оружия». Ты меня понял, мой мальчик?

В своем отчете Первый докладывал, что Шахт нашел это предложение «дельным». Отправленный в почетную отставку, но сохранивший огромный авторитет во властных структурах Германии, дядя Ялмар согласился с тем, что для наследника рода Шеелей такой вариант можно признать оптимальным и обещал замолвить словечко за Алекса.

– Что касается предложения рейхсфюрера, – прокомментировал Шахт слова Майендорфа, – от его предложения нельзя отказываться, однако я полагаю, у тебя, Алекс, хватит такта, чтобы решить, в какой форме и до какой степени ты можешь исполнить его просьбу.

* * *

Сталин долго раскуривал трубку, потом, расхаживая взад и вперед, заявил.

– Это предложение свидетельствует о том, что Закруткину доверяют. Значит, мы можем вывести его на очень серьезные вопросы, которые теперь решаются в Берлине.

Он сделал паузу, затем неожиданно резво повернулся и ткнул мундштуком в мою сторону.

– Что такое ракета? Вам, товарищ Трущев, известно, что такое ракета? Это тактическое оружие. Важнее внедрить нашего человека в германскую программу изучения атомного ядра. Я имел беседу с нашими учеными.⁴⁸ Они утверждают, что скрытая в атоме энергия огромна. Мы имеем дело с оружием будущего, и это направление никак нельзя упускать из вида. Будем считать это конечной целью работы Закруткина в тылу врага. Вы согласны, товарищ Трущев?

Этот миг я вспоминаю, как решающий в моей жизни. Внутри все трепетало.

Что лежало в подоплке этого трепета?

Прежде всего, хитроумный расчет Лаврентия, решившего переложить на молодого выдвиженца ответственность за дальнейшую судьбу операции. Но, главное, мое личное убеждение, что иного способа вывести Анатолия из-под удара не было. Я должен был рискнуть, невзирая на страхи и увертки Берии, на побелевшего, перепуганного до немоты Меркулова, пусть даже предлагаемое решение казалось невероятным, невысказанным по понятиям хотя бы трехлетней давности.

Я впервые ощутил благотворное воздействие согласия. Оно подсказало – судьба войны, пусть даже в какой-то микроскопической доле, решается здесь и сейчас. Решается мною. Значит, главное, быть самим собой. Если другого выхода нет, значит, надо вызвать огонь на себя.

Такое было время. Я бы не хотел, чтобы оно повторилось, но если оно повторится, пусть молодежь знает, что испытывал человек, решивший возразить Сталину.

– У меня, товарищ Сталин, есть сомнения, что такого рода указания помогут Первому вы-

⁴⁸ В октябре сорок второго года (в разгар битвы за Сталинград) Сталин на даче в Кунцево встретился с В. Вернадским и А. Иоффе по их просьбе.

Вернадский, ссылаясь на информацию, с которой его ознакомил Берия и на прежнюю неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе над изучением тайн природы, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам, с просьбой поделиться с Советским Союзом информацией по освоению атомной энергии. Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальное зондажное обращение к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным.

полнить ваше задание.

Петробыч предложил.

– Поделитесь вашими сомнениями, товарищ Трющев.

– Анатолий Закруткин прекрасно проявил себя во время операции «Наследство». Помог нам с Шеелем оторваться от погони. К сожалению, у него гуманитарное образование, а насколько мне известно, и ракетная программа, и программа по изучению атома требуют углубленных технических знаний. Первый заявлен нами как активный энтузиаст межпланетных перелетов. По легенде у него за плечами четыре курса Уральского политехнического института, так что его безграмотность скоро обнаружится.

– Что же вы предлагаете? – заметно помрачнел Петробыч.

– Отозвать Первого...

– Вы думаете, что говорите, Трющев!! – взорвался Сталин.

– Так точно, товарищ Сталин.

– О чем же вы думаете?

Берия замер, а на Меркулова было жалко смотреть. В тот момент мне стало окончательно ясно, что Всеволод Николаевич никогда не напишет хорошую пьесу. Не успеет. Помрет от страха или будет расстрелян за недостаток таланта. Но в любом случае со мной расправятся раньше, чем с Меркуловым.

– Я предлагаю отозвать Первого и заменить его Вторым, который по все статьям подходит под предложение Майендорфа.

Наступила тишина. Я бы не назвал ее мертвой – обычная предрасстрельная тишина, которая бывает после команды «пли!».

Петробыч прошелся по кабинету. Маленков настолько глубоко втянул голову в плечи, что головы у него вроде как бы совсем не оказалось.

Молотов и Ворошилов невозмутимо поглядывали в стол. Высказывать свое мнение они явно не спешили.

Наконец Петробыч подошел ближе, ткнул в меня трубкой.

– Это вы один придумали или все вместе?

Хороший вопрос – из огня да в полымя.

Я, руководствуясь советом Меркулова, сказал правду.

– Это моя идея, товарищ Сталин. Руководство работает над ней.

– Ну-ну, работайте... – посоветовал Петробыч, затем после короткого молчания, он уже более оживленно поинтересовался. – Вы настолько уверены в Шееле?

– Так точно, товарищ Сталин.

– На чем держится ваша уверенность?

– Шеель искренне увлечен ракетной техникой. Возможность познакомиться, тем более поработать в этой области, будет для него высшей наградой. А поработать ему придется. Генерал Дорнбергер и главный ракетчик Вернер фон Браун дураков возле себя не держат, следовательно Шеелю будет где применить свои наработки. Он будет интересен врагу как источник, пусть и малосведущий, в нашей ракетной программе. Причем этот пробел мы можем восполнить.

– И что? Где логика? Что толку для нас, если барончик поделится с врагом нашими секретами?

– У нас особых секретов по этой части нет, но разворот работ по этой тематике в Германии свидетельствуют, они чувствуют поживу. Мы не имеем права прохлопать возможную угрозу. Есть данные, что они строят беспилотный ракетный самолет с выдающимися характеристиками.

Сталин не ответил. Он несколько минут расхаживал по кабинету.

У меня на лбу выступили капельки пота. Мне стало стыдно, но я не решился их вытереть, за что потом не раз упрекал себя. И в тюрьме, и на воле. Человек должен всегда оставаться человеком. Другими словами, умение сохранять дистанцию – это одно из важнейших условий согласия. Выступил пот – аккуратно вытри его, невзирая на чины, звания, авторитет. Иначе что получается, Сталина мы боялись больше, чем агентов гестапо?

Наконец Петробыч приблизился ко мне, ткнул в меня трубкой. Мы были с ним одинакового роста.

– Послушайте, Николай Михайлович, партия привыкла доверять своим членам, но неужели Шеель, оказавшись в Швейцарии, не пытался сбежать.

– Пытался, товарищ Сталин, но потом одумался.
– То есть как одумался? Вернулся?
– Нет. Я держал его под контролем. Он побродил по городу, нарвался полицейского. Шеель показал ему документы и тот сказал ему – держись, товарищ!

– Цис рисква⁴⁹ так и сказал?!

– Так точно.

– Полицейский?!!

– Так точно.

Сталин надолго задумался, потом заявил.

– Вот что, товарищ Трющев. Вы передайте товарищу Шеелю, что когда я в первый раз оказался за границей, а это случилось в 1906 году, в Стокгольме, на партийном съезде, воздух буржуазной свободы тоже сыграл со мной злую шутку. Товарищ Ворошилов может подтвердить, – он указал мундштуком на вскинувшего голову Климента Ефремовича.

Тот охотно, кивком подтвердил.

Петробыч продолжил.

– Нас поселили в одной комнате. Гостиница была дешевая, средств у партии было мало. Там же мы и столовались, внизу, в кафе. Надеюсь, я не выдам секрета, если скажу, что товарищ Ворошилов, впервые оказавшись за границей, растерялся. Когда он в первый раз появился в кафе, ему подали дежурное блюдо. Я сейчас не помню – то ли яичницу с ветчиной, то жареный картофель.

Ворошилов поправил вождя.

– Жареную картошку с беконом.

Петробыч ткнул в его сторону трубкой.

– Вот видите, товарищ Трущев, он вспомнил, – затем не без удовольствия продолжил. – С тех пор стоило товарищу Ворошилову появиться в кафе, как ему сразу подсовывали жареную картошку. Он уже на нее смотреть не мог, но мирился. Трудно высказать претензии, не зная языка. Я же напротив не испытывал никакого смущения перед этим мелким лавочником и потребовал у хозяина объяснить, что в меню это такое, а что это. Хозяин объяснил, и товарищ Ворошилов впервые отведал рисовую запеканку с киселем...

– Бифштекс с кровью, – уточнил Климент Ефремович.

– Вот видите, бифштекс... Однажды, прогуливаясь по Стокгольму, я задал себе вопрос – стоит ли возвращаться в царскую Россию, в эту ненавистную тюрьму народов, где меня рано или поздно ждет каторга? Не лучше ли остаться здесь, в Швеции? Там тоже было много социалистов и их не сажали. Но я вернулся и, как видите, не обманулся в своих ожиданиях. Здесь мы совершили революцию, здесь очистили землю от эксплуататоров, здесь дали трудящимся столько свободы, сколько они способны вынести, и даже больше. Передайте мой привет товарищу Шеелю и пожелайте ему успешной работы в тылу врага.

На прощание он напомнил Берии и Меркулову.

– Все это не снимает с вас задачи внедриться в германскую атомную программу.

Часть V Арийский дом

Как-то мне сказали: «Послушайте, если вы сделаете это и это, через шесть недель Германия погибнет». Я спрашиваю: «Что вы имеете в виду?» – «Германия развалится». Я спрашиваю: «Что вы имеете в виду?» – «Тогда Германии конец».

Я ответил: «Когда-то немецкий народ выдержал войны с римлянами. Немецкий народ выдержал переселение народов. Немецкий народ устоял во время войн раннего и позднего Средневековья. И с религиозными войнами народ справился. Даже Тридцатилетнюю войну выдержал. Потом начались наполеоновские войны, освободительные войны, с ними он тоже справился. Даже мировую войну и революцию выдержал – и меня он тоже выдержит!»

А. Гитлер, 1938 год

⁴⁹ Черт поברי! (груз.).

Мы не позволим больше германцам эмигрировать в Америку. Норвежцев, шведов, датчан, голландцев – всех направим на восточные земли; они станут провинциями рейха... Швейцарцы будут у нас трактирщиками, не более.

А. Гитлер, сентябрь 1941 год

Глава 1

*Из разговоров с бароном Алексом-Еско фон Шеелем.
Турецкая республика, поселок Авсалар, пляж.
Сентябрь 200... года.*

– Как вы оказались в Германии?

– В субботу, 6 февраля 1943 года, меня сбросили на парашюте в районе южно-немецкого города Оренбург. Я запомнил эту дату, потому что это был последний день траура, объявленного в Германии после капитуляции окруженной в Сталинграде армии. Со мной был чемодан, в который был вмонтирован радиопередатчик. Я должен был доставить его во Фрейбург на явочную квартиру, надежность которой Трущев и Фитин гарантировали. Затем специальный связной должен был перевезти груз в Берлин и спрятать в подобранном Первым месте. Тем самым у нас появилась бы надежная связь.

Однако все вышло иначе. В момент приземления я потерял чемодан. Отыскать его ночью не смог, а ждать рассвета было рискованно.

Так я остался без связи с Центром. Правда, я мог известить о себе почтой через Швейцарию. Воспользоваться этим вариантом мне разрешалось только в крайнем случае, если по какой-то причине откажет радиопередатчик.

Прибыв во Фрейбург, я добрался до явки, передал привет от «тети Ханны», а утром обнаружил, что надежная фрау Ноффке, хозяйка квартиры, успела порыться в моих карманах. Повидимому, ее интересовали мои документы. Уходя, она попросила меня не покидать дом до ее возвращения и исчезла.

Я не внял ее просьбе. Наклеив усики и подправив внешность, незамедлительно покинул негостеприимный дом, и уже издали, со скамейки на бульваре, наблюдал, как в к дому подъехала машина, оттуда вышли три мордоворота и скрылись в подъезде.

Это был хороший урок, товарищ...

– Господин Шеель, вы полагаете я принадлежу к числу «товарищей»?

– Конечно. Мы с вами оба товарищи, и мне бы хотелось во время нашего разговора вновь пережить незабываемое. Например, помянуть добрым словом человека, вырастившего моего сына, пока я добывал победу для красных. Неужели у нас в России не осталось незабываемого?

Это был удар не в бровь, а в глаз. Я с трудом нашел силы признаться.

– Мой отец штурмовал рейхсканцелярию. Он был командиром истребительного противотанкового артиллерийского полка.

– Я знаю, дружище – старик одобрительно похлопал меня по плечу. – Я все знаю. В свое время меня тоже обуревали сомнения, но я, как видите, справился с ними. Теперь мне проще передавать молодежи опыт нелегальной работы, накопленный на территории фашистской Германии.

Я вздохнул – еще один заратустра на мою голову. Деваться некуда от философов из спецслужб! Они буквально заполонили эфир и учат, учат...

Это умозаключение привело меня в задумчивое состояние, в котором пребывает невежда, отыскав в земле крупный обломок античной статуи. Скажем, торс Венеры или голову Аполлона. К сожалению, я при всем желании не мог считать себя невеждой, разве что двурушником и присмирением, стругающим сценарии для современных телесериалов – нижней точки падения профессионального литератора. Не хотелось также считать себя убудком, родства не помнящим.

Я придавил раздражение – если кто-то хочет называть меня «товарищем», пусть называет. Что может быть прикольней, чем ходить в «товарищах» у имперского барона и миллионера.

Сколько, говорите, будет дважды два? Три целых четырнадцать сотых?..

Отлично.

Я нажал клавишу диктофона и задал вопрос.

– Три мордоворота вошли в подъезд и преподали вам хороший урок. Что дальше?

Барон ответил не сразу. Прежде он некоторое время обозревал разноцветно поблескивающую, средиземноморскую ширь.

Расположились мы с товарищем Шеелем на правой оконечности песчаного пляжа, вписанного в небольшое, вогнутое к зданиям отеля лукоморье. Сидели под зонтами на пластиковых топчанах.

Впереди, в нескольких километрах от берега возвышались два живописных скалистых острова. Один, расположенный левее, походил на небрежно сдвинутую на бок тюбетейку, другой, справа, отделенный ясно различимым проливом, напоминал средневековый замок, чьи стены отвесно выступали из скалистой, желтоватой подстилки. За нашими спинами, возле покрытых цветастыми полотняными крышами баров загорали нагрывшие со всей Европы отдыхающие. По моему, лучшего места для конспиративных встреч не найти, хотя с какой целью близнецы таились и почему нельзя было встретиться в Москве, мне так и не объяснили.

Барон указал на острова.

– Как вы полагаете, далеко до них?

Я прикинул расстояние.

– Километра полтора-два.

– Шесть. Еще вопрос – сколько их?

– Это очевидно – два.

– Вы уверены?

Я недоверчиво глянул на собеседника. Конечно, миллионерам многое позволено, но не до такой же степени, чтобы не верить своим глазам.

– Три, – уточнил барон. – Природа расставила их таким образом, что, откуда ни посмотри, создается впечатление, будто их только два. На берегу существует единственная точка, откуда можно различить весь архипелаг. Вон в той стороне.

Он махнул рукой в сторону дикого берега и спросил.

– Не желаете прогуляться? Там, кстати, нас поджидает человек, выполнивший указание Кремля сохранить мировое военно-политическое статус-кво. Этот ангел-хранитель или, как шутили в НКВД, агент-хранитель, в 1943 году спас фюрера от заслуженной кары, тем самым ускорив развязку великой драмы, называемой Второй мировой войной. История благодарна ему за это. Что касается мордоворотов... Когда они вломились в подъезд, меня там уже не было. Это я к тому, что не следует доверять очевидности, как, впрочем, и прятаться за иронию.

Пока мы шли по пляжу в сторону, противоположную бегу солнца, Шеель рассказывал о Японии, где ему довелось побывать после войны. О местных достопримечательностях – о цветении сакуры, о восхождении на Фудзияму, но подробнее всего о необычных садах, в которых японцы вместо деревьев с непревзойденным умением расставляют камни и группы камней. Галечную или песчаную подстилку они приглаживают особыми грабельками, придавая ей волнистый рисунок, что якобы должно настраивать посетителей на созерцательный лад.

– Объектов, – объяснил барон, – всегда должно быть нечетное количество. Например, вам сообщают, что всего камней тринадцать и предлагают пересчитать их. Я, помню, с ходу взялся за дело, однако, сколько не переходил с места на место, всякий раз выходило двенадцать. Последний камень постоянно ускользал от меня.

Сначала, дружище, эта загадка позабавила меня, затем насторожила, потом подступило раздражение. Оно огрубело ситуацию – о какой тайне можно говорить на таком, в общем-то, микроскопическом клочке земли. Что здесь можно спрятать! Когда же до меня дошло, что для разгадки недостаточно ходить по плоскости, тем более приседать или вставать на цыпочки, наступило прозрение. Оно подсказало – смирись с неполнотой бытия, попытайся отыскать новое измерение в самом себе, в окружающем пространстве. Так в человеке просыпается мудрость. Слияние истины и блага породило пронизательность – у меня обострился слух, очистилось зрение. Я обрел способность взглянуть на себя со стороны и только потом заглянуть за горизонт. Мне, например, померещилось, будто я каким-то невероятным образом, без всяких усилий, воспаряю в вышину и уже оттуда, из божественного зенита, наблюдаю весь сад целиком и отыскиваю заветный тринадцатый камень.

Барон уверил меня.

– Для того, чтобы постичь истину, вовсе не надо особым образом расставлять валуны. На

земле, куда ни глянь, полным-полно таких уголков. Просто мы не замечаем очевидное, прячемся за иронию или цепляемся за какой-нибудь «изм» типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Это не менее глупо, чем попытка подцепить миллионера на «мордovorотах»...

Он говорил и говорил, а я слушал и слушал, и эта увертюра, это предуготовление к встрече с человеком, по приказу Кремля защитившим главного военного преступника всех времен и народов; приглашение посетить заповедный исторический сад, в котором история для сокрытия своих тайн вместо каменных глыб всяко-разно расставила события, а на подстилку, для пробуждения мудрости, насыпала безжалостно перемолотые человеческие судьбы, – произвело на меня оздоравливающее воздействие. С каждым шагом я становился проще, у меня обострялся слух, очищалось зрение. Я видел и слышал все – в том числе давние вопли Гитлера, глуховатый голос Сталина, отменявшего подготовленное на фюрера покушение, распоряжения Трущева, обращавшего особое внимание на воспитательную работу, и множество других голосов, повествующих о таинственных буднях минувшей войны.

Скоро мы добрались до выступающего в море и чем-то напоминающего крокодила, округлого мыса, разрывавшего искусственные каменные навалы у берега. Отсюда, с вершины скатившейся громадной каменной глыбы, которую нам пришлось преодолеть, чтобы спуститься к скрытой от чужих глаз бухточке, – открылся третий остров.

Морская ширь скинула покровы, и оказалось, что природный замок, казавшийся ближайшим к берегу островом, сливался, а заодно и скрывал самую дальнюю в архипелаге сушу, напоминавшую прожаренную на солнце коровью лепешку.

У подножия скалы на надувном матрасике загорал усохший до мощей старик. Рядом в пластиковом кресле, в тени, восседала худенькая, длинноногая старушенция в закрытом купальнике и роскошной широкополой шляпе.

Когда мы спустились вниз, худющий старик приподнялся на локте, помахал мне рукой. Рука напоминала палку.

– Алексей Константинович.

Затем барон представил меня старушенции.

– Прошу любить и жаловать – моя супруга, Магдалена-Алиса фон Шеель.

Магди улыбнулась и протянула мне руку.

Целовать или не целовать?..

Я отделался рукопожатием.

Магди засмеялась.

Смутившись, я сослался на то, что напарился и ради сохранения обретенной мудрости бросился в воду. Уже оттуда, вынырнув и радостно бултыхаясь, бросил взгляд в сторону суши.

Первый и Второй о чем-то весело переговаривались между собой. Они болтали по-немецки. Я с трудом понимаю этот язык, хотя и учил его в школе, но меня не проведешь – тайна, связывавшая эти застарелые осколки былых времен, явила себя во всей своей очевидности.

Я даже бултыхаться перестал.

Старик Закруткин мало походил не только на Алекса-Еско, но и на фотографии, которые мне довелось рассматривать у Трущева. Крушение успешного сложиться в воображении образа таких хитрованов-разведчиков, подменявших друг друга во вражеских штабах, в спальнях роковых красавиц, в драках и перестрелках с гестаповскими мордovorотами, обижало более всего. Даже издали между ними не было ничего общего. Один до преклонных лет сохранил приятные для глаз обводы мужского тела, выступавшие мускулы и свежесть кожи. Другой, в сетчатой майке, через которую на груди ключьями лезли седые волосы, потешный, высохший, – был чересчур голенаст.

Выбравшись на гальку я не сумел скрыть непонимание. Моя физиономия, по-видимому, отменно повеселила заядлых нелегалов.

Вот чего времени не удалось лишить их, так это простоты и доброжелательности.

Закруткин так и заявил.

– Теперь маскировка ни к чему, согласен? С годами, дружище, все больше хочется быть самим собой.

Их неожиданная внешняя несхожесть через несколько минут забылась, и ощущение, что перед тобой один и тот же человек, только представленный в разных ипостасях, скоро овладело мной. Удивление было ошеломляющим. Я не мог понять, как это может быть, и долго разглядывал

то Первого, то Второго. Старики-разбойники, повеселившись, подбодрили автора. Второй указал на шрам над глазом у Первого, а тот в свою очередь обратил мое внимание на левую ушную раковину Второго.

Ее верх был чуть-чуть срезан, будто ножом.

– Вражеская пуля, – объяснил Анатолий Константинович. – Ротте пытался застрелить его.

* * *

Вечером мы вместе поужинали. За столом чокнулись за победу, даже история, прикинувшаяся баронессой фон Шеель, пригубила отвратительную «русскую» водку, которой потчевали нас турки. Обменявшись мнениями, мы все четверо перешли на местное виски, оказавшимся вполне интернациональным напитком. Старичье бодрилось, подшучивало над «салагами, сдавшими позиции в этом огромном и яростном мире». От имени всего прогрессивного человечества они потребовали вернуть их.

Я пообещал. Чем еще я мог отплатить ветеранам за чудесный вечер, сомкнувший былое и думы.

Уже в номере, усталый, рухнувший на постель, я в полной мере оценил невероятную удачу, которая поджидала меня в пятизвездном отеле на побережье древней Анатолии, где по слухам зародилась жизнь.

Или чуть южнее, в Африке или Палестине, но что это меняло?

Я долго не мог заснуть, внутри все трепетало. После полуночи, где-то в три часа утра, когда молодые пьяные немцы вместе с развеселившимися русскими барышнями, составив из стульев поезд и отпрыгав на нем вокруг расставленных на улице столов, наконец уgomонились, я, прихватив ноутбук, направился на балкон, где находился единственный в номере стол.

Вставил в приемок переданный за ужином диск. На экране высветилось видео.

Съемка производилась в комнате с нейтрально окрашенными стенами. Из мебели два кресла и между ними журнальный столик, на котором стояли высокие стаканы.

Справа расположился Шеель, слева Закруткин.

Первым заговорил господин барон.

«...до Берлина поезд добрался затемно. Благополучно прошел проверку документов и едва успел отшагать с полкилометра, как завывла сирена. Гул вражеских самолетов неумолимо накатывался сверху. До Принц-Альбрехтштрассе, где находился ближайший люфтшцбункер,⁵⁰ было далеко. Пришлось спрятаться за ближайшим деревом, и уже оттуда наблюдать, как английские бомбы, словно бумагу, прошивали грандиозную стеклянную крышу Ангальтского вокзала, как со вспышками рвались внутри этого запомнившегося мне с детства, похожего на сказку чудосооружения. Затем, стряхивая с обуви капли горящего фосфора, добрался до указанной гостиницы. Такого ужаса, какому в день приезда союзники подвергли мой Берлин, я даже в Саратове не испытывал.

На следующий день в гостиницу явился знакомый обер-лейтенант-артиллерист».

Он жестом указал на сидевшего рядом Закруткина. Тот не без гордости кивнул – так и было.

«...Анатолий решительно заявил, что сразу выпускать меня на Дорнбергера и на сотрудников отдела баллистики и взрывчатых веществ Управления вооружений, как, впрочем, и на Майендорфа с Магди, крайне рискованно.

Я возразил.

– Это нарушение приказа! Ты знаешь, чей это приказ? В Данию должен отправиться ты! И с лауреатом разговаривать должен тоже ты. Мое дело подменить тебя здесь и постепенно вживаться в образ.

– Не строй из себя педанта и чистюлю! Наплюй на приказы, чьи бы они не были. Им оттуда всего не разглядеть, а у меня опыт. Все куда хуже, Алекс, чем ты можешь предположить. Стоило

⁵⁰ Наземное бомбоубежище, представлявшее собой бетонный куб высотой в два десятка метров.

мне только взглянуть на чертежи этих чертовых насосов, как до меня сразу дошло – в Дании мне делать нечего. Меня расколют сразу, а Ротте сделает еще одну подленькую запись в своем gros-сбухе. В Копенгаген поедешь ты! Это лучший способ влезть в мою шкуру. На заводе тебя никто не знает, там ты сможешь освоиться, влиться, так сказать, в ряды защитников фатерлянда. Вертись как хочешь, но сумей подать себя. Продемонстрируй знание предмета, прояви компетентность. У них на Пенемюнде постоянные накладки с равномерной подачей горючего и окислителя в камеру сгорания...»

«...особую опасность представляет Ротте. Чем позже ты встретишься с ним, тем лучше. Запомни, с первой же минуты ты должен вести себя так, чтобы у него и тени сомнения не возникло. Поверь, Еско, это не так просто, как кажется. В смекалке борову не откажешь.

После короткой паузы Анатолий признался.

– Франц уже задолжал мне более пяти тысяч марок. То он клянется, что со дня на день рассчитается со мной, то вдруг начинает нагло клянчить деньги. Далее ссужать его становится опасно, как, впрочем, и отказывать в займе. Он в чем-то обыграл меня, так что предупреждаю еще раз – будь осторожен. Мало того, что он следит за каждым моим шагом, он еще, по-видимому, собирает на меня компромат. По приказу ли Майендорфа или по собственной инициативе, не знаю, но папочку где-то хранит.

– Он тебя в чем-то подозревает?

– Насчет подлинного нутра вряд ли, но его постоянные попытки вскрыть мой кошелек, его прилипчивость и страсть жаловаться по всякому поводу и без повода, действуют мне на нервы. Он это чувствует и пользуется. Это хуже всего, Еско. Слава Богу, я скоро отдохну от этого прилипа-лы.

– А что если?..

– Боюсь, мы опоздали. К тому же его устранение ничего не решит, у дядюшки Людвига всегда найдется другой Ротте, который будет рад услужить генералу СС, а заодно вцепится в тебя как бульдог. Учти, Еско, здесь не страна Советов, здесь за деньгами, даже в нынешние гибельные времена, идет отчаянная охота. Здесь мало кто откажется сорвать выгодный куш.

Усек?»

«...кто бы мог подумать, что знакомство с реалиями жизни на той стороне начнется у меня с детального ознакомления с расписками Ротте. Мне пришлось выучить наизусть, где, когда и по какому поводу я ссужал его деньгами».

«...как оказалось, воплотиться в другого, это не пустяк, это совсем не пустяк. Внешняя схожесть – это полдела. Существует тысячи малозаметных, сиюминутных обязательств, пустяшных мелочей, вроде того, например, куда ты положил свой бритвенный прибор или где прячешь карандаши, забывать о которых в нашем положении было опасно для жизни. Без этой поездки мне вряд ли удалось бы с наименьшими потерями проникнуть в ряды тех, кто, мечтая о полетах в межпланетном пространстве, изобретал ракетную бомбу. Помечтав на вечернем досуге о звездах, днем они рьяно брались за конструирование снаряда, способного разрушить Лондон. Впрочем, с тем же энтузиазмом они замахивались на Нью-Йорк и на Москву. Умники и фарисеи, они предали моего отца. Они объявили на весь мир – мы самые, самые! Теперь, искусно конструируя и изобретая, они прогрызали ход к тайнам атомного ядра. Они пытались поймать на мушку Тамару, русскую по матери и армянку по отцу. Тысячелетний рейх никогда не признает ее арийкой, как, впрочем и моего наследника Питера-Еско фон Шееля.

Это была жестокая правда. Ее нельзя опровергнуть, хотя я пытался. Первому было легче. Красный с колыбели, он на дух не переносил всякого рода заявки на превосходство. Измышления насчет унтерменшей или по-нашему, недоносков вызывали в нем кипучую ненависть. У меня же было иное прошлое, мне было трудно пожертвовать им, однако жить предрассудками или бездумно цепляться за приказы моего кремлевского руководителя тоже было опасно для жизни. В этом Анатолий был прав. Впрочем, спешить обниматься с моими сошедшими с ума соотечественниками было вовсе ни к чему.

В этом меня очень поддержал Нильс Бор».

Глава 2

«... с нобелевским лауреатом я встретился в первых числах марта. О встрече договорился официально, по телефону.

Мы с Толиком тщательно выбирали легенду для посещения знаменитого ученого.

Специфика состояла в том, что первые три года оккупации Дания представляла собой образчик миролюбия и покладистости германских властей. В 1940 году Гитлер объявил, что «ввод войск – временная мера для обеспечения нейтралитета страны». Юридически Дания не считалась ни частью рейха, ни оккупированной территорией. В ближайшем кругу фюрер восхищался Данией, прочил ей стать частью великого рейха. Здесь изначально не было имперского уполномоченного, надзор за датским правительством осуществлял посол Германии Сесиль фон Ренте-Финк. Оккупанты разве что беспощадно навалились на коммунистов.

Гражданам других оккупированных земель Европы датский вариант немецкого господства даже и теперь показался бы райским. В него просто не поверили бы русские, поляки, сербы. И не только славяне, но и все, кто познакомился с фашистской доктриной в действии: увидел сожженные города и села, ряды виселиц; увидел эшелоны своих земляков, угоняемых на чужбину. В Дании даже не было объявлено военное положение. Бескровное завоевание, настойчивая пропаганда «арийских ценностей», в результате чего дивизия СС «Нордланд», первой в июне 1941 перешедшая границу СССР, была полностью укомплектована горячими датскими и норвежскими парнями, позволяли и это. Но главное, что мирило победителей с поверженными – это готовность датчан не покладая рук трудиться во славу тысячелетнего рейха.

Три года Берлин старался не вмешиваться во внутреннюю жизнь захваченной страны. Вплоть до августа сорок третьего Дания продолжала жить по своим прежним законам. Там даже допускались забастовки. Даже законы о «чистоте крови» не распространялись на «северного соседа» чего, правда, нельзя было сказать о Чехии и Словакии, где с первых же дней образования протектората началась повсеместная охота на евреев. Пойманных отправляли в лагерь смерти Терезиенштадт, куда эшелонами доставляли евреев из Восточной Европы.

Впрочем, до выступления пражских студентов в ноябре 1939 года в протекторате Чехия и Моравия тоже сохранялись местное самоуправление и достаточно высокий уровень жизни. Такой либерализм оправдывался вполне практическими соображениями. Дания, Богемия и Моравия, а также в какой-то мере «независимая» Словакия являлись одними из самых безопасных кузниц немецкого оружия. Союзники их не бомбили.

В Дании германские власти настойчиво пытались привлечь к сотрудничеству местную элиту, и, прежде всего, таких популярных граждан как Нильс Бор. Эта работа была возложена на армейскую разведку, в частности на советника германского посольства Георга Дуквица.

Нельзя сказать, что усилия Дуквица были напрасны. Он сдружился с ведущими социал-демократами, лидерами правящей партии, заслужив у них репутацию тайного противника фашизма.

Тем не менее встречаться с Бором без основательной легенды было рискованно. Обучение в спецшколе и опыт работы в НКВД подсказывал – вряд ли гестапо оставило профессора без надзора. К Бору, например, то и дело навевались посетители и с порога признавались – профессор, я убил немецкого солдата! Или пустил под откос поезд, или был сброшен на парашюте с английского самолета. Затем следовала трогательная в своей наивности просьба – спрячьте меня! Это вопрос жизни и смерти! Приходилось очень деликатно выпроваживать таких «партизан».

Поразмыслив, мы решили действовать через генеральскую дочку.

Магди как-то пожаловалась Первому на полупомешанного изобретателя, досаждавшего ей в Берлинском университете. Изобретатель не давал ей прохода, пытался объяснить, что открыл особые X-лучи для инициирования взрыва боеприпасов на расстоянии. Он твердил о необходимости спасти города рейха от этих «ужасных англичан», изводил девушку жуткими картинками взрывающихся в небе вражеских бомбардировщиков и сыплющихся на землю обломков. В обоснование своей идеи изобретатель ссылался на модель атомного ядра, предложенную Бором. На вопрос, какое отношение она, Магди, имеет к атомному ядру и X-лучам, изобретатель заявил, что знаком с Людвигом фон Майендорфом и умолял устроить встречу с генералом.

Девушка попросила отца принять меры к полупомешанному прожектеру. К ее удивлению, дядя Людвиг вместо того, чтобы помочь дочери избавиться от домогательств свихнувшегося

изобретателя, проявил неподдельный интерес к этим сверхпронзительным лучам и потребовал свести его с автором, вплоть до приглашения в частном порядке.

– Не хватало, чтобы этот сумасшедший появился у нас дома! – возмутилась Магди.

Первый не поленился покопаться в архивах управления. Там он обнаружил заявку на изобретение двадцатилетней давности, названное «Хадубранд».⁵¹ Анатолий пролистал папку и убедился, что автор постоянно, к месту и не к месту, ссылался на получившего в том году Нобелевскую премию датского ученого Нильса Бора. На предложении использовать для «обороны рейха» эти смертоносные лучи была наложена резолюция с немотивированным, но решительным отказом.

Этот повод вполне можно было использовать в Копенгагене.

«...Бор встретил меня приветливо и был любезен до того самого момента, пока я не упомянул о цели своего визита.

Встретились мы на вилле профессора в Карлсберге. Вероятно, дружище, ты слыхал о таком пиве? В начале века хозяин пивоварни, меценат Якоб Х. Якобсен построил в предместье Копенгагена загородный дом. Он завещал его Датской академии наук, которая выбирала из своих рядов наиболее достойного обитателя, получавшего виллу в пожизненную собственность.

В 1931 году Бор стал вторым владельцем этого чудесного уголка.

Это было увлекательное здание, посетив которое можно было воочию насладиться прекрасным – все это в эпицентре войны. Особый аромат Карлсбергу придавал сам долговязый Бор, каждый день отправлявшийся в физический институт в центре города, на Блегдамсвей, на велосипеде.

Мы пили чай в обеденном зале этой «велосипедной» идиллии, где среди прочих музейно-дворцовых примет в нише белела, похожая на кусок сахара, мраморная скульптура – богиня юности Геба угощала нектаром олимпийских богов».

«...услышав о «лучах смерти», знаменитый профессор погрузился – я бы сказал, поглупел на глазах, – и признался, что ничего не понимает в оборонных проектах.

Его хобби (он так и сказал по-английски – «хобби») теоретическая физика, которую никак нельзя применить в военных целях.

– Наши формулы слишком абстрактны, чтобы из них можно было вытащить что-то полезное для обороны.

Затем он вопросительно взглянул на меня, как бы намекая, что пора прощаться.

Но я прощаться не собирался и поинтересовался – какие направления в теоретической физики профессор считает наиболее перспективными? Правда ли, что самым перспективным следует считать измерения высоты дома с помощью барометра.⁵²

⁵¹ Хадубранд – один из героев древнегерманского героического эпоса «Песнь о Хильдебранде».

⁵² Сэр Эрнест Резерфорд рассказывал следующую историю, случившуюся во время обучения Бора в Кембридже.

«Некоторое время назад коллега обратился ко мне за помощью. Он собирался поставить самую низкую оценку по физике одному из своих студентов, в то время как этот студент утверждал, что заслуживает высшего балла. Оба, преподаватель и студент, согласились положиться на суждение третьего лица, незаинтересованного арбитра; выбор пал на меня.

На вопрос: «Объясните, каким образом можно измерить высоту здания с помощью барометра», – студент ответил: «Нужно подняться с барометром на крышу здания, спустить барометр вниз на длинной веревке, а затем втянуть его обратно и измерить длину веревки, которая и покажет высоту здания».

Ответ был абсолютно полным и верным! С другой стороны, экзамен был по физике, а ответ имел мало общего с применением знаний в этой области.

Я предложил студенту попытаться ответить еще раз. Дав ему время на подготовку, я предупредил его, что ответ должен демонстрировать знание физических законов. По истечении пяти минут он так и не написал ничего в экзаменационном листе. Я спросил его, сдается ли он, но он заявил, что у него есть несколько решений проблемы, и он просто выбирает лучшее.

Заинтересовавшись, я попросил молодого человека приступить к ответу, не дожидаясь истечения отведенного срока. Новый ответ на вопрос гласил: «Поднимитесь с барометром на крышу и бросьте его вниз, замеряя время падения. Затем, используя формулу, вычислите высоту здания».

Тут я спросил моего коллегу, преподавателя, доволен ли он этим ответом. Тот, наконец, сдался, признав ответ удовлетворительным. Однако студент упоминал, что знает несколько ответов, и я попросил его открыть их нам.

«Например, – ответил студент, – можно выйти на улицу в солнечный день и измерить высоту барометра и его тени, а также измерить длину тени здания. Затем, решив несложную пропорцию, определить высоту самого здания».

Этот вопрос заставил хозяина задуматься. Он поинтересовался, не встречались ли мы до войны. Например, на конгрессе физиков в Комо в тридцать втором? Или в Кембридже у Папы Резерфорда?

Я пошел на нарушение всех и всяческих законов конспирации.

– Нет, скорее, в Харькове. Если мне не изменяет память, в тридцать четвертом. Как раз в этом году вы посетили Харьков. Правда, мне тогда было четырнадцать лет, и я никогда не бывал в Харькове, но согласно вашему принципу дополнительности такое понимание события ничуть не противоречит истине, ведь я страстно мечтал поступить в физико-технический институт и познакомиться с Ландау. Говорят, у него золотая голова. Кстати, он передает вам привет. Даже черкнул несколько слов. Если позволите...»

«Разговор мы продолжили в римском дворике, подальше от чужих ушей. Здесь, под стеклянной крышей, в окружении дорических колонн Бор ознакомился с запиской Ландау, сделанной по просьбе НКВД. Обычный набор общих приветствий и пожелание здоровья и успехов. Подписи не было, но Бор сразу узнал почерк.

– Да, – согласился он. – Золотая не то слово. Бриллиантовая! А вы не огорчайтесь, вам еще повезет и вы встретитесь с Дау. Если желаете, я могу черкнуть ему пару слов.

– К сожалению, профессор, вряд ли в ближайшее время я увижусь с Львом Давидовичем. Кстати, господа Вернадский и Иоффе тоже рады передать вам привет.

Бор пожелал немедленно ознакомиться с посланием «русских академиков». Прочитав, он отозвался о нем, как об «очень своевременном».

Затем поинтересовался.

– Вы знаете, о чем идет речь?

– О работах по расщеплению атомного ядра, в результате чего может произойти выделение гигантского количества энергии.

– Вы увлекаетесь проблемами современной физики?

– Более чем. И не только я, но и мой научный руководитель. Там, далеко... На востоке.

– Похвально. Что касается предложения объединить усилия для изучения тайн природы, я всегда выступал за полную открытость в этом вопросе.

– Опять же в соответствии с вашим принципом дополнительности берусь утверждать, что вы правы. В какой-то части этот принцип вполне можно перенести и на реалии человеческих отношений. Объединив усилия, можно существенно дополнить картину окружающего мира и значительно глубже проникнуть в тайны атомного ядра.

Бор засмеялся. Он вообще любил шутки, полагался на приметы, верил в возможность отыскать согласие.

Но не с фашистами.

Этот вопрос он затронул особо.

– В первые дни после прихода Гитлера к власти, я, как ни стыдно сознаться в этом, был в восторге. Я полагал, что сильная власть позволит Германии вступить в новую эру – эру процветания, добрососедства и разумно устроенного мира. Но затем последовали эти ужасные законы!⁵³ –

«Неплохо», сказал я. «Есть и другие способы?»

«Да. Есть очень простой способ, который, уверен, вам понравится. Вы берете барометр в руки и поднимаетесь по лестнице, прикладывая барометр к стене и делая отметки. Сосчитав количество этих отметок и умножив его на размер барометра, вы получите высоту здания. Вполне очевидный метод».

«Если вы хотите более сложный способ», продолжал он, «то привяжите к барометру шнурок и, раскачивая его, как маятник, определите величину гравитации у основания здания и на его крыше. Из разницы между этими величинами, в принципе, можно вычислить высоту здания. В этом же случае, привязав к барометру шнурок, вы можете подняться с вашим маятником на крышу и, раскачивая его, вычислить высоту здания по периоду прецессии».

«Наконец», заключил он, «среди множества прочих способов решения проблемы лучшим, пожалуй, является такой: возьмите барометр с собой, найдите управляющего зданием и скажите ему: «Господин управляющий, у меня есть замечательный барометр. Он ваш, если вы скажете мне высоту этого здания».

Тут я спросил студента – неужели он действительно не знал общепринятого решения этой задачи. Он признался, что знал, но сказал при этом, что сыт по горло школой и колледжем, где учителя навязывают ученикам свой способ мышления. Этим студентом был Нильс Бор.

⁵³ Декрет «Об охране народа и государства» 28.02.1933, Декрет о реорганизации рейха 30.01.1934, Декрет от 14 июля 1934 года о запрещении всяких партий, кроме нацистской, а также законы о «чистоте крови».

он шлепнул себя по коленям. – Это никуда не годится. Его надо остановить.

– Мы этим как раз и занимаемся, – далее я уже действовал открытым текстом. – Под Сталинградом.

– Я приветствую вашу откровенность и со своей стороны готов проинформировать ваших научных руководителей о моем разговоре с Вернером Гейзенбергом. Он навел меня в октябре сорок первого года. Вам известно, кто такой Гейзенберг?

– Лауреат нобелевской премии 1933 года по физике.

– Этого достаточно. Следует добавить, Вернер считает меня своим учителем, и я, поверьте, гордился таким учеником. Он всегда отличался независимостью суждений, способностью отыскивать самые безумные решения. О его визите обязательно должны знать те, кто сражался под Сталинградом. Я настаиваю на этом.

– От их имени я заранее выражаю вам благодарность.

Он задумался, затем неожиданно спросил.

– Простите, вы русский?

Я испытал испуг, поэтому ответил не сразу. Сначала прикинул – стоит ли играть с Бором в прятки? Ответ – нет, не стоит, тем более, что Бор никогда не задал бы этот крайне не деликатный вопрос, если бы не испытывал сомнений относительно моего визита. Я обязан развеять их. Хотя бы ради тех, кто сражался под Сталинградом.

– Нет, я чистокровный немец. Правда, вырос в России.

– Это благородное вино, – согласился Бор. – Тогда вы должны усвоить накрепко – я сообщу информацию, которой нельзя пренебречь. Я должен быть уверен, что она в любом случае дойдет до ваших научных руководителей на востоке. Вы были искренни, и это облегчает дело. Что касается Гейзенберга, оказалось, даже таким, как он, можно внушить нечто совершенно недопустимое.

В тридцать восьмом году мне представилась возможность убедиться, куда могут завести человека «измы» и предвзятое обращение с исходными данными. Тем летом мне пришлось выступить на специальной сессии Всемирного конгресса антропологов и этнографов. Для заседаний намеренно отвели Кронборгский замок, где все еще бродит тень Гамлета с его неумирающим вопросом: быть или не быть?

Не могу сказать точно, когда произошел скандал: то ли когда я заговорил о «недопустимом национальном самодовольстве», то ли когда сакцентировал внимание делегатов на очевидной мысли – «в силу понятных причин мы можем утверждать, что разные человеческие культуры тоже обладают свойством дополнительности. Они как бы дополняют друг друга, каждая из них вносит свой вклад в общую копилку человеческих ценностей».

Что было страшного в подобном тезисе? Однако германская делегация в полном составе покинула зал, а ведь среди них были всемирно известные ученые. Многие из них ранее придерживались подобных взглядов.

Затем Бор пригласил меня совершить прогулку.

– Знаете, я люблю беседовать на ходу. Вот и с Гейзенбергом мы тоже отправились бродить по парку. Подальше, как он сказал, от чужих глаз...»

«...Итак, октябрь сорок первого года.

Вернер долго ходил вокруг да около и только вот на той дорожке, куда мы сейчас свернем, завел речь о том, что физики, возможно, находятся на пороге создания оружия огромной разрушительной силы.

Мы свернули в липовую аллею, где густо пахло сырой землей и едва уловимым ароматом набравшей силу травы.

– Свой визит в Копенгаген он объяснил непростой ситуацией, в какую попали его коллеги, работающие над расщеплением атомного ядра. По его словам, они обращаются ко мне с настоятельной просьбой – пусть папаша Бор посоветует, как поступить в этой непростой ситуации. Расщеплять или не расщеплять? Есть ли достойный выход из этого тупика? Возможно, следует объявить общий негласный мораторий на такого рода исследования?

Профессор пристукнул палкой по утопанной земле.

– Он приехал ко мне, старику, за алиби!! Возможно, Вернер сам не до конца осознавал, что

сама посылка списать на Бора свои грехи, являлась откровенно негодной попыткой уйти от ответственности. Создавая урановую бомбу, он и его друзья надеялись в будущем сослаться на меня – Бор все знал, он благословил нас. Или – Бор все знал, однако не сумел убедить зарубежных ученых остановить работы, поэтому мы были вынуждены в интересах фатерлянда продолжать обогащать уран...

Это чудовищно!

Я спросил прямо: «Ты действительно считаешь, что деление ядра может быть использовано для создания смертельного оружия?» Гейзенберг смешался, заявил, что он лично с трудом верит, что в обозримом будущем удастся создать такого рода оружие. Начал ссылаться на какие-то непреодолимые технические трудности, на нехватку исходных материалов, на то на се.

Профессор еще раз пристукнул палкой.

– Он ушел от ответа и это было страшнее всего. Вывод напрашивался самый простой – они работают над ядерной взрывчаткой и хотят получить мое благословение! Разговор со мной – очень хитрый ход, с помощью которого они желали бы снять нагрузку со своей совести! Но если бы только это, я, может, и попытался объяснить Вернеру двусмысленность его просьбы. К сожалению, за его словами отчетливо просматривалось нетерпеливое намерение проверить, что мне вообще известно о такого рода исследованиях, особенно за пределами рейха. Он попытался использовать меня, своего учителя, в качестве информатора! Это никуда не годится!

Некоторое время Бор переживал разочарование, которое он испытал во время встречи со своим лучшим учеником. Затем обратился ко мне.

– Вам все понятно?

Я кивнул.

– Вряд ли ваш визит пройдет незамеченным. Вам, по-видимому, придется отчитаться перед оккупационными властями. Что вы имели в виду под «оборонным проектом», по поводу которого хотели проконсультироваться со мной?

Его проницательность граничила с его знаниями.

– Мне бы не хотелось выдавать военную тайну, но речь идет о таинственных лучах смерти, с помощью которых можно подрывать боеприпасы на расстоянии до двадцати километров.

Бор рассмеялся.

– До войны какой-то чудаков уже обращался ко мне с подобным предложением. Он утверждал, это будет открытие века. Он назвал его «Хадубранд». Об этом еще писали в газетах. Скажем, через неделю вы посетите меня и я дам ответ. А заодно передам письмо господам Вернадскому и Иоффе.

– Тогда, если позволите, еще о личном. Говоря о дополнении всех культур на земле, невольно спрашиваешь себя, каким же образом из такого множества миропониманий можно слепить что-то цельное, пригодное для каждого жителя Земли. Конечно, человеческая культура на базовом уровне едина. Опыт подсказывает, что при всей разноименности и даже разнокалиберности культур, у всех человеческих сообществ общего куда больше чем отличного. Другими словами, как согласовать между собой культурные достижения разных народов? Неужели этого нельзя добиться без применения грубой силы? Один из моих научных руководителей предложил использовать для этой цели принцип согласия.

– Что он понимает под этим?

– Это такой подход, при котором, отыскивая истину, нет необходимости отказываться от чего-то ценного само по себе ради чего-то ценного самого по себе. Никто не имеет права принуждать оппонента поступаться своим кровным. Помнится, вы утверждали, нет никакого противоречия в том, как рассматривать ли элементарный объект – как частицу или как волну. Противоположности суть дополнения. Каждый из этих подходов содержит часть истины, важно только не путать систему координат или воззрений, исходя из которых мы изучаем явление. Согласие, по мысли моего руководителя, снимает это противоречие, а также противоречие между плюсом и минусом, левым и правым, инь и янь. Он считает очевидным – согласие полярно конфликту или раздору не менее, чем единству или единогласию. Это такой взгляд, при котором отдают предпочтение объединяющему и сторонятся разъединяющего.

Бор пожал мне руку.

– Я рад, что у защитников Сталинграда такие адвокаты. Жду вас через неделю. Я подготовлю ответ. И по вопросу согласия тоже».

«...к сожалению, встреча не состоялась. Начальник военной приемки на заводе, изготавливающем насосы для изделия А-4, услышав мой доклад о встрече с Бором, замахал руками и запретил всякие встречи с этим «подозрительным типом». Я изобразил невинность и сослался на Дорнбергера и фон Брауна. Майор уставился на меня как на умалишенного и спросил – надеюсь, барон, вы не сообщили «этому прожженному пацифисту», над чем именно мы здесь работаем?»

– Ни в коем случае, господин майор. Я ни словом не упомянул о них. Я имел в виду совсем другой проект. Пресловутые Х-лучи... Говорят, наш знаменитый профессор Гейзенберг тоже приезжал сюда посоветоваться с Бором?

Подобная осведомленность настроила майора на более доверительный лад.

– Я что-то слышал об этом, – признался он, – но это не моя тематика.

Затем он в приказном тоне подытожил.

– Обер-лейтенант, забудьте о Боре! – затем доверительно добавил. – Что касается Гейзенберга, трудно поверить, чтобы он встречался с этим профессориком без санкции сверху. Я, например, не верю».

* * *

Донесение, которое связной увез в Москву, было кратким:

«Немцы занимаются расщеплением атомного ядра в военных целях. Глава проекта – нобелевский лауреат по физике Вернер Гейзенберг. В работе также принимают участие начальник исследовательского отдела Управления вооружения сухопутных сил, профессор И. Шуман, профессора О. Ган, В. Боте, Х. Гейгер, К. Клузиус, П. Хартек, а также фон Вайцеккер и фон Арденне.

Осуществление программы возложено на Физический институт Общества кайзера Вильгельма в Далеме, Институт физической химии Гамбургского университета, Физический институт Высшей технической школы в Берлине, Физический институт Института медицинских исследований в Гейдельберге, Физико-химический институт Лейпцигского университета и на другие научные учреждения. Число институтов, занятых основными исследованиями, достигает 22.

Проф. Бор не верит в возможность скорого создания ядерного взрывного устройства, однако озабоченности не скрывает. По его словам, «в Германии способны на многое» и «их надо остановить». Бор настаивает на открытости проекта для всех участников и готов содействовать установлению доверия и согласия между учеными разных стран, исключая Германию.

Первый

Глава 3

На следующий день Анатолий Константинович предложил отправиться на таинственный архипелаг и там заняться поисками тайн Третьего рейха.

Местный рыбак по имени Мехмет, согласившийся доставить нас на «Сдвинутую набекрень тубетейку», был сметливый малый и сразу догадался, с какой целью богатые немцы отправились на необитаемый остров. Он предложил нам взять в аренду лопаты, кирки, веревки и мешки для перевозки сокровищ.

Разведчики как по команде перевели взгляды на баронессу. Пожилая дама все в той же широкополой шляпе, легком платье и пляжных туфлях на босу ногу отрицательно покачала головой, и герои невидимого фронта отказались.

По пути Анатолий Константинович поделился со мной местной легендой, гласившей, что живший в шестнадцатом веке, знаменитый турецкий адмирал Пири Рейс, спрятав на Тубетейке неисчислимы сокровища – отсюда, мол, вытекает желание Мехмета помочь нам лопатами и мешками.

– Можно долго рассказывать о Пири Рейсе. Он был отважный мореплаватель. Интересно,

что он оставил потомкам карту, на которой была изображена береговая линия Западной Африки, а также восточной части Южной Америки и Антарктиды.

– Антарктиды! – удивился я.

– Именно! – воскликнул Анатолий Константинович. – Изюминка в том, что по утверждению местных краеведов, на одном из этих островов спрятана верхняя половинка этой карты, на которой помещена Атлантида!

– Herr Chatterer! – пристыдила Закруткина фрау Магди и, обращаясь ко мне, предупредила. – Hören Sie nicht zu es.⁵⁴

Эти слова произвела на меня неизгладимое впечатление своей незамысловатой афористичностью. Меня как бы вновь ненавязчиво приглашали самостоятельно отделить зерна от плевел, приложить усилия, чтобы разобраться в конспиративных приколах, на которые был так щедр незабвенный Николай Михайлович. Не знаю, как насчет коммунизма, но, судя по уловкам Закруткина, учение Трубецкого о том, что к пути к согласию извилист, и добраться до цели можно, только прихватив в дорогу веру, истину и любовь, жило и процветало. Являлось ли оно самым светлым в мире, давало ли надежду на спасение, меня ни чуточки не волновало. Мне было хорошо в лодке, я предвкушал прогулку по историческому саду, где, разглядывая прошлое, мог бы наряду со смиренным, обзавестись мудростью. Там, глядишь, недалеко и до идеала или, по крайней мере, до чего-то такого, что можно было бы счесть за идеал.

Я посматривал на историю, лихо отшившую Анатолия Константиновича. Трудно сказать, кем ей приходился Закруткин? Зятем, копией мужа?..

Какие отношения связывали эту сладкую троицу?

Имеем ли мы дело с особо засекреченной полигамией?

Какое это имело значение, когда, ступив, наконец, на необитаемый остров, я кожей ощутил, насколько ближе мне стала Атлантида, не говоря уже об Африке и Антарктиде. Остров Сдвинутой тибетейки показался мне самым загадочным местом на земле. Здесь, в древних средиземноморских водах, чья прозрачная бирюза распространялась на десяток метров в глубину, можно было без помех заняться ловлей тайн Третьего рейха.

* * *

Из разговоров с бароном Алексом-Еско фон Шеелем.

Турецкая республика, необитаемый остров.

Сентябрь 200... года.

Искупавшись, барон приладил для сидения надувной матрас и устроился рядом.

Я включил диктофон.

–...явившись из Копенгагена, я с вокзала позвонил дяде Людвигу. Генерал пригласил меня на ужин.

– Мы ждем тебя, мой мальчик, в двадцать ноль-ноль.

Времени у меня было в обрез. В этот час у Первого, якобы только что вернувшегося из Дании, была назначена встреча со связным, поэтому, переговорив по телефону, я помчался в Шарлоттенбург на съемную квартиру, где скрывался Анатолий. Тайну посещения Бора надо было сохранить в любом случае. Задача перед Толиком стояла непростая – изобразить перед родным отцом человека, которого тот предлагал шлепнуть в Швейцарии, а заодно передать донесение, составленное мною после посещения Бора.

– Не шлепнуть, а убрать, – поправил Шееля Анатолий Константинович, сидевший на камне за урезом воды и пробовавший на растяг ружье для подводной охоты.

– Ты вот что, – предупредил его Алексей Альфредович, – не учи ученого и не забывай, что подводная охота здесь запрещена.

– Какая здесь охота! – в сердцах ответил Закруткин. – То ли дело на Кубе, в компании с Хемингуэем.

⁵⁴ Господин Болтушкин! Не слушайте его.

Он скользнул в море, а барон, подобрав плоский камень, запустил его в море. Я насчитал шесть «блинчиков» – шесть касаний мира воздушного с миром подводным.

– К Майендорфам я отправился на U-бане – это что-то вроде нашего метро. Зашел в вагон, услышал знакомое «Цу-ррр-рюк бляйбен!»⁵⁵ и, признаюсь, до самой Инсбрукплатц волновался – после свидания в Свердловске это была моя вторая встреча с дядей Людвигом. Почему-то я не брал в расчет Закруткина и его приключения в Смоленске. Мне все еще казалось, это была его одиссея, его приключения. В подъезде дома на Бенигсенштрассе, назвав себя инвалиду, устроившемуся в стеклянной будке возле лифта, меня ударило наотмашь.

Тебе мало прокола в Копенгагене? Ты решил напортачить в Берлине?!

Ты в Берлине, Леха!! И ты – Закруткин!!

Црюк бляйбен!

Теперь у тебя нет своего, чужого. Теперь у нас все общее – одиссеи, приключения, лифт, даже смерть одна на двоих. Слава Богу, что хотя бы не женщины. Я – немец, но за Тамару прибил бы на месте.

Хочешь спросить – убил бы за Магди? Тогда нет, но было интересно, какой она стала. Я запомнил ее аккуратной чистюлей, тринадцать лет назад тайком передавшей мне записочку, в которой обещала ждать моего возвращения von Russland «до самой могилы».

Вот так, дружище! А ты – женщины!!

Я промолчал. Ни до, ни после монолога я ни словом не перебил барон.

Его будто прорвало.

– Это был бред, понимаешь, незамутненный, изобретательный, фантастический бред. В лифте я не мог избавиться от ощущения, что теперь уже не разберешь, кто из нас поднимается на третий этаж, а кто влез в чужую шкуру. Признаюсь, перед тем как позвонить в квартиру, я очень пожалел, что рядом со мной нет Анатолия.

Вдвоем как-то спокойней.

Вообрази, заходим мы в квартиру к Майендорфу, оба в военных мундирах. И у Магди появился бы выбор – ждала одного, вернулись двое.

Алекс-Еско усмехнулся.

– Меня разобрал необоримый смех. Я стоял на лестничной площадке и меня буквально сотрясало от безмолвного хохота. О хохоте упомяни, все остальные антимонии выброси.

– Не выброшу! Если выбросить, о чем рассказывать?

После короткой паузы барон согласился.

– Как хочешь. В любом случае отметь, уроки Трущева не прошли даром.

...за столом дядя Людвиг заявил, что Магди ждет не дождется рассказов о посещении Дании. На месте ли русалка, разгуливает ли по Копенгагену тень отца Гамлета, и долго ли ленивые датчане будут саботировать программу производства вооружений, которую фюрер возложил на них.

Я бросил взгляд на девушку. Магдалена опустила глаза. По ее виду не скажешь, что ее интересуют ленивые датчане. Тем не менее, я охотно поделился впечатлениями. Копенгаген по-прежнему патриархален. Состоянии дел на заводе оставляют желать лучшего. Рабочие и служащие лишены энтузиазма, как, впрочем, и все датчане. Странно, в такую трудную годину им даже разрешают бастовать. Затем я обмолвился о посещении Нильса Бора.

Майендорф отложил нож.

– Какое отношение к командировке в Копенгаген имеет этот неврастеник, свихнувшийся на изучении атомного ядра?

– О-о, это долгая история, она касается одного перспективного изобретения, которое вполне можно было бы назвать «чудо-оружием». В архивах нашего отдела эта заявка обозначена как «Хадубранд». Я слышал о нем еще в Свердловске. Представляете, Магди, – обратился я к девушке, – некий изобретатель заявляет, что открыл особые лучи, которые он назвал X-лучами. Оказывается, с их помощью можно подрывать боеприпасы на расстоянии до двадцати километров! Например, бомбы на вражеских бомбардировщиках.

⁵⁵ Посадка окончена.

– Неужели? – улыбнулась Магдалена.

Она заметно повзрослела за эти годы, но практически не округлилась.

– Да-да. Вообразите, какую силу обретет наша противоздушная оборона, если эту идею можно было бы воплотить в жизнь!

Генерал скомкал салфетку и швырнул на стол.

– Я не понимаю, причем здесь Нильс Бор?!

– К делу был приложена газетная публикация двадцатых годов. Это был ответ Бора на вопрос, как он относится к X-лучей. Его мнение трудно назвать положительным, он сомневался, возможно ли использовать их в оборонных целях. Я спросил у профессора – не изменил ли он свое мнение в свете тех задач, которые нынче стоят перед арийской расой? Я постарался объяснить ему, что каждый из нас должен приложить силы и помочь победе.

– Что же ответил этот заядлый пацифист? – поинтересовался генерал.

– Он разочаровал меня. Я полагал, что лауреат нобелевской премии имеет более широкий кругозор, чем размеры атомного ядра. Он заявил, что на сегодняшний день эту идею осуществить невозможно.

Генерал нахмурился.

– Ты поспешил, Алекс. Впредь имей в виду, что только вышестоящее начальство может дать разрешение на подобные консультации. Впрочем, можешь сослаться на меня, тем более, что Бора скоро доставят в Берлин. Пора закручивать гайки. Тотальная война шутить не любит. Пусть датчане тоже засучат рукава и потрудятся на нашу победу. Все для фронта, все для победы – вот наш девиз! Хватит отсиживаться в дюнах и мечтать о тайнах природы.

– В любом случае, моя детская мечта насчет сверхоружия растаяла как дым, – взгрустнул я.

Магди прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Все не так плохо, мой мальчик, как тебе кажется, но об этом мы поговорим в мужской компании.

Оставшись один на один, дядя Людвиг сделал мне строгое внушение.

– Проявляй инициативу только там, где требует дело: в технических вопросах, в организации производственного процесса. Не теряй бдительности, старайся заранее уловить всякий намек на саботаж или вредительство. Главное, зарекомендуй себя с самой лучшей стороны.

О чуде-оружии он выразился немногословно и чрезвычайно напыщенно. Сообщил, что в глубоких подземельях рейха (он так и выразился – «глубоких подземельях») куется страшное оружие, которое в мгновение ока сокрушит всех наших врагов: от «обнаглевших англосаксонских плутократов» до «взбесившихся от крови большевиков». Потом добавил – в этом деле нельзя спешить. Без пяти двенадцать фюрер извлечет на свет «молот Тора», и тогда посмотрим, на чьей стороне будет победа.

Я не узнавал дядю Людвигу. Друг отца запомнился мне как веселый, способный подшутить над собой, господин, один из немногих, кто снисходительно относился к блажи отца отправиться в Советский Союз. Впрочем также он относился к любой блажи, вплоть до самой тевтонской. Ранее он никогда не использовал такие слова как, «заядлый пацифист», «закрутить гайки», «обнаглевшие англосаксонские плутократы» и прочую, обычную для того времени галиматью. Мне казалось, поймать его на такой шелухе как «чудо-оружие» было невозможно.

Как говорится, никогда не говори никогда.

Мне ничего не оставалось, как горячо согласиться с ним. Правда, для донесения жидковато.

* * *

Домой я добрался поздним вечером. Анатолий ждал меня. Он сидел в моем кресле и потягивал мой коньяк, которым я незадешево обзавелся на черном рынке в Копенгагене. Напиваться перед дальней дорогой – это так по-русски. К тому же на столе стояла еще одна рюмка.

Пустая.

Увидев меня, Первый спросил.

– Что у Майендорфов?

– Кажется, все прошло чисто. Насчет Бора дядя Людвиг сам предложил сослаться на него.

– Что Магди?

– Очень выросла. Мне показалось, она обо всем догадалась, но будет молчать.

– Почему?

– Ты произвел на нее сильное впечатление. Да что мы все о девицах!.. Как прошла встреча?

– Без проблем. Подтверждено прежнее задание – полноценное внедрение в структуру Дорнбергера, а также поиск подходов к Урановому проекту. Товарищ Вилли подчеркнул – Центр интесуют любые сведения по этому вопросу. От тебя ждут результат. Но это не все.

– Что еще?

– Центр передал пожелание вплотную заняться Майендорфом. При этом Москва предупреждает, спешить запрещается. Ни в коем случае нельзя рисковать добытой с таким трудом выигршной позицией. Работай на перспективу, но упускать из виду материалы, которые проходят через группенфюрера Людвиг фон Майендорфа, ты не имеешь права.

Неожиданно голос Первого дрогнул.

– Прости, дружище, у меня очень мало времени. Я должен исчезнуть из Берлина до полуночи.

После паузы он прибавил.

– Отзывают в Москву, – затем Толик помялся и развел руками. – Не знаю, как и сказать.

– Говори прямо?

Анатолий поднялся, налил коньяк в обе рюмки, поднял свою.

Мне тоже пришлось встать – отчего не выпить перед дальней дорогой. Я взял соседнюю рюмку.

– Крепись, Алекс.

Рука у меня дрогнула.

– Давай не чокаясь. За Тамару.

Я выпил, не сразу осознав, что он сказал, потом у меня внутри все затрепетало, но я не выдал себя.

Я сел.

– Как это случилось?

– В медсанбат попала бомба. Весь персонал, раненые – всех разом.

Что мне оставалось, как не крепиться, но даже укрепившись, мне трудно было отделаться от мысли, что судьба порой очень гнусно поступает с человеком.

Я дал волю антимолиям.

Я заплакал.

Я плакал и вытирал слезы.

– Насчет задания... – тихо выговорил Толик.

– Что еще?

– Ты очень любил ее?

Я пожал плечами.

– Какое это имеет отношение к делу?

– В Москве рассудили, что самый верный путь к Майендорфу лежит через женитьбу на Магди.

– Я всегда был уверен, что в НКВД сидят железные люди. А может, это идея твоего папаша? Он всегда мечтал сделать тебя единственным наследником. Что с Петькой?

– Он с бабушкой. О нем позаботятся. Так как насчет Тамары, очень любил?

– Зачем тебе это?

– Чтобы поддержать, помочь напоследок.

– Я не собираюсь плакаться в жилетку.

– И правильно! Я на твоей стороне, но не буду скрывать, Майендорф – жирная утка. Поверь, Алекс, я с тобой.

– Вот и женись на Магди, а я отправлюсь в Москву. Неужели мы не сумеем их развести?

– Трущева не обманешь. Этот умеет читать мысли. Что касается Магди, в ней нет двуличного фанатизма папочки, но она не по мне.

Я промолчал.

– Еще просили сообщить, что крах фашистской Германии неизбежен. Песенка Гитлера спета, его наступление под Курском провалилось.

– Решили подсластить пилюлю?

Первый промолчал, затем добавил.

– Трущев просил передать соболезнования, а также соболезнования его непосредственного начальника и непосредственного начальника его непосредственного начальника.

Я был благодарен Толику за то, что он пустил «пилюлю» мимо ушей – мало ли что может сорваться с языка в трудную минуту.

– Что я должен ответить? – спросил я. – Служу Советскому Союзу? Скажи как брат.

– Как брат прошу, крепись, Алекс. И запомни, я с тобой.

Баронесса, устроившаяся в шезлонге, внимательно прислушивалась к нашему разговору. Неожиданно она встала и, не снимая шляпу, подошла к воде. Коснувшись воды большим пальцем ноги, баронесса тут же отдернула ногу.

Я вздрогнул. Меня пронзило – история решила утопиться? Она владеет русским, и эта давным-давно погибшая соперница до сих пор тревожит ее? Она до сих пор страдает от ревности? Или ее взволновали слова мужа, что, вступая во взрослую жизнь, она так и не округлилась. К сожалению, даже к седьмому десятку она не успела стать толстушкой, но какое это имело значение. Мой долг спасти историю, напомнить о шляпе.

Я бросился к Магди. Алекс-Еско окликом остановил меня.

– Она всегда так купается.

Магдалена фон Шеель повернулась ко мне и, улыбнувшись, кивком подтвердила – чтобы не напечь голову, она всегда купается в шляпе. Она протянула мне руку, и я помог ей войти в воду.

– Danke, – поблагодарила она.

Из моря неожиданно близко вынырнул активист и неунываха Закруткин, обрызгал перепугавшуюся баронессу, и я вернулся на свой топчан.

– Простите, Алекс, – поинтересовался я, – как скоро вы исполнили приказ Центра и предложили фрау руку и сердце?

– Ты хочешь спросить, долго ли я хранил верность? Отвечу – до конца войны. Мы с Магди поженились в сорок седьмом. Она нищенствовала. Несмотря на университетский диплом, ее не брали на работу. Она же дочь нацистского преступника и попала под кампанию по денацификации.

Я бросил взгляд в сторону баронессы, весело перебрасывающейся брызгами с Закруткиным. По-видимому, у госпожи истории в личной жизни тоже не все гладко.

–...мы случайно встретились в Дюссельдорфе, она жила на улице Канареек. Я накормил ее в какой-то забегаловке, и Магди призналась, что никогда не теряла надежду, что я отыщу ее. Она верила, мы обязательно встретимся. Она мечтала об этом с того самого момента, когда мы детьми расстались в Дюссельдорфе, и тогда, когда капитуляция разбросала нас по разрушенной Германии. Мы, немцы, в этом смысле ничуть не лучше, чем романтически настроенные русские. Эта мечта давала ей силы выжить. Она не пошла на улицу. Она работала в прачечной, стирала вручную. Я не мог не оценить такую привязанность. Нам, русским, это трудно понять, тем более что она все знала – и про меня, и про Толика.

Алекс-Еско потянулся, и с неуловимой долей пронзительной искренности признался.

– Знаешь, я не жалею. Хотя отдельные сомнения были. В поезде у меня было время задуматься о будущем. Попробуй сам сочинить, о чем я размышлял в ту ночь.

Он задумался.

– Ну, например, о том, что перед отъездом в Советскую Россию, мне в руки попала книжка профессора Оберта «Die Rakete zu den Planetenräumen».⁵⁶ Мне тогда было десять лет, но я все понял. Эта книга перевернула мою жизнь, ее автор стал властелином моих снов. В этом смысле поездка в далекую варварскую Россию, где, по мнению буржуазно настроенных дюссельдорфцев, на каждом углу можно наткнуться на комиссара или чекиста, и если тебе повезет увернуться от них, непременно окажешься в лапах сибирского медведя, – представлялась мне крушением всех надежд.

Россия вполне подтвердила мои опасения, пока мой одноклассник Колька Флейшман не предложил мне записаться в кружок любителей межпланетного воздухоплавания. На собрании

⁵⁶ «Ракета для межпланетного пространства».

кружка я заявил этим дикарям, что межпланетного воздухоплавания не бывает и между космическими телами нет ничего, кроме вакуума, но мне не поверили. Я подтвердил свои слова цитатой из Оберта.

Мне не верили два дня, затем прибежали все – и Флейшман с книгой Цандера, и Степа Бураков, и все-все. Они принялись качать меня, предложили быть старостой.

Как я должен был поступить? Презирать их за незнание или вместе с комсомолом приступить к постройке модели ракеты?

Я благодарен отцу – он посоветовал влиться, пусть даже он имел в виду что-то совсем иное, чем я, но очень скоро несовместимость отцовского наследия и жажды космоса прорезалась остро. Это случилось еще до Трущева. Может, поэтому я поверил Николаю Михайловичу. Чем черт не шутит? Может, он со всеми этими симфонианами, согласоидами и прочей метафизической ерундой, знает что-то такое, что поможет мне совместить самого себя с самим собой.

– И каков результат? – не удержался я.

Барон фон Шеель широким жестом указал на свое вполне сохранившееся тело.

– Результат у тебя на глазах. Выжить в этом мире, дружище, и при этом не потерять уважение к себе, сохранить дистанцию между собой и другими, а также не поддаться на зов эйдосов – это и есть самый главный, самый нужный человеческий подвиг. Конечно, тебе придется постараться изложить эти антимионии более художественно, более популярно, но ты не тушуйся. Попробуй выжать из читателя слезу, дави на сочувствие. Как-нибудь так – «Горе, горе! Не поднимается рука описать тебе, дорогой читатель, какой шок испытал мой герой, когда на вокзале в Штеттине он наткнулся на встречавшего его Франца Ротте».

Выбравшийся из воды Анатолий Константинович накачал надувной матрас, улегся рядом и заинтересованно прислушался.

–...Ротте выскочил передо мной как черт из табакерки и с ходу начал клянуть деньги.

Я, успевший сдать зачет по обращению с толстяком, напомнил, что сначала он должен отдать триста марок, которые занимал у меня перед поездкой в Данию. Гауптштурмфюрер, ничуть не смущаясь, заявил, что как раз об этой «злосчастной» поездке он и хотел со мной поговорить.

К шантажу он приступил сразу, как только мы устроились в купе местного поезда, отправлявшегося в Свинемюнде. Мне стало ясно, насколько был прав Анатолий, предупреждавший меня о том что эта тыловая очковая змея никогда не теряет ни бдительности, ни наглости.

– Алекс, – поделился со мной референт отдела «С4», – ты вел себя легкомысленно. Я понимаю, это наследственность, но ссылаться на отца – не лучшая линия обороны. Я, например, не знаю, как отнесется служба безопасности к твоим подозрительным контактам.

– Что ты имеешь в виду?

– Встречу с этим лауреатом из полукровок.

Не знаю, как бы я повел себя, встретившись с этим боровом без серьезной подготовки, но теперь я имел подготовку. Я сразу понял, что либеральничать, как позволял себе Закруткин, нельзя. Каждая уступка только добавляла козырей в игру этого богослова.

– Он был чертовски опасен, – прокомментировал Шеель, – особенно в погоне за деньгами несчастного Альфреда фон Шееля. Что он знал о моем отце, что позволяло ему вести себя со мной так бесцеремонно?.. Я решил проявить твердость и потребовать вернуть долг, о котором шла речь. В противном случае...

Ротте явно не ожидал отпора и сразу выложил карты.

– В противном случае я не смогу помочь тебе выкрутиться из ловушки, в которую ты сам загнал себя.

– Что может быть криминального в посещение известного ученого?

– О-о, это долгий разговор. Факт встречи налицо и, когда тебе предъявят обвинение, будет поздно?

– Ты собираешься предъявить мне обвинение?

– Я – нет, но есть другие, чересчур бдительные. Я хочу предупредить тебя об опасности, ведь мы же друзья, а ты ведешь себя бесцеремонно. Неужели тебе жалко какие-то триста марок.

– Двести.

– Ну, ладно, двести.

– Прости, Франц, я вероятно плохо разбираюсь в твоих конспиративных штучках, однако

мне трудно поверить, что найдется такой смельчак, который предъявит обвинение группенфюреру Майендорфу.

Ротте насторожился.

– Ты хочешь сказать, что Майендорф давал санкцию на контакт с Бором?

– И не только он. Мне также есть о чем доложить генералу Дорнбергеру. Так что этот раунд, дорогуша, ты проиграл.

Я похлопал его по плечу.

– Возможно, – охотно согласился Ротте, – но партия не закончена. Чтобы довести ее до конца мне позарез нужны двести марок. Мой здешний начальник ловко сдает в покер.

– Я не возражаю, если ты с присущей тебе пронизательностью и юмором опишешь местные нравы и посоветуешь, к какой партии примкнуть, чтобы не остаться в дураках. К тем, кто мечтает о полете на Марс или к тем, кто считает, что в первую очередь следует добраться до Венеры?

Франц приставил палец к губам.

– Об этом ни слова. Там, – он неопределенно ткнул пальцем в сторону, – очень не любят, когда наши лучшие умы тратят силы на такие пустяки, о которых ты только что упомянул. Все силы на защиту фатерлянда! Проломим головы врагам тысячелетнего рейха! Наше вундерваффе самое могучее вундерваффе в мире!!

Глава 4

–...На полигон я прибыл 17 августа, однако никто не удосужился известить коменданта о моем приезде. Оберст-лейтенант прямо заявил – никаких указаний насчет обер-лейтенанта фон Шееля к нему из административного амта (управления) не поступало. Он выправил мне аусвайс и предложил дожидаться вызова к начальству, а пока мне предписывалось не покидать жилгородок. По окрестностям гулять можно, однако к охраняемым объектам приближаться запрещается. Следуя совету дяди Людвига, я не стал проявлять активность. Устроившись в отеле «Швабес», я отправился бродить по острову.

Пенемюнде оказался на редкость мирным и живописным уголком, почище Копенгагена. Это был настоящий курорт – песчаные дюны, вековые сосны, уютные домики. В прогалах между деревьями проглядывало серо-голубое море. Было жарко, так что я искупался. Затем добрался до озера Кёльпин, и, минуя завод по производству жидкого кислорода, вернулся обратно. Вечером посетил кинотеатр, в Пенемюнде, где посмотрел «Вохеншау». После сеанса по дорожке через сосновый бор направился в отель.

Барон привлек мое внимание к включенному диктофону.

– Мне бы хотелось, чтобы в протоколе... бр-р-р... в романе, об этой прогулке было сказано так:

«Он шел и любовался закатным небом. Солнце клонилось к морю, скоро в небе загорелись звезды. Сначала одна, очень яркая – он знал, это Венера. Звезда подсказала – с тобой сыграли злую шутку, Алекс. Тебя сделали шпионом, но ты можешь сбежать отсюда и сохранить жизнь.

Что могло удержать его в Пенемюнде? Например, жалость к сыну, ведь для того чтобы выжить в Стране Советов, Петьке требовался отец-герой, а не подлый предатель. Это был веский аргумент, но его недостаточно. Куда более действенной приманкой, являлось желание взглянуть на агрегат А-4, а также на его детище – сумасшедшую двухступенчатую ракету, которую, по неподтвержденным данным, задумал построить фон Браун. С помощью этой 100-тонной машины можно было доставить до Нью-Йорка 750 килограммов взрывчатки или запустить спутник. А там глядишь, недалеко и до первого космонавта».

– Ну как? – спросил он меня.

Я показал ему поднятый большой палец.

– Просто дух захватывает!

Закруткин подпер голову рукой и подбодрил.

– Я ничего такого от тебя никогда не слышал, Алекс. Давай, ври дальше.

Фрау Магди поочередно глянула на мужа, на Закруткина, но я опередил обоих. Вскочил, подвинул ее лежак поближе.

– Danke schön!

Когда вся команда наострила уши, польщенный барон продолжил.

– Итак, на чем мы остановились?

– На первом космонавте, – напомнил я.

– Ага.

«...звезда одобрительно мигнула – верно мыслишь, Леха. Густо темнеющее небо с нарастающим энтузиазмом поддержало вечернюю звезду. Оно окатило меня каким-то торжественным, вибрирующим гулом. Я испытал восхищение и не сразу сообразил, что ждало меня в следующую минуту.

А когда осознал, ужаснулся.

Рокот нарастал, набирал силу. Небо вдруг завибрировало на тысячу низких завывающих басов.

Я оцепенел, вспомнил Саратов, Берлин и, сломя голову, бросился к ближайшему укрытию. Рухнул в какую-то яму.

Или окоп – сейчас не могу вспомнить.

Внезапно сквозь оглушающий рев прорвался выматывающий душу вой. Следом по окрестностям пробежал ослепляющие блески вспышек. Затем меня подбросило вверх. Затем рвануло так, что я на мгновение лишился слуха.

Как только первая волна бомбардировщиков схлынула, я выскочил из приютившей меня ямы и бросился по направлению к бомбоубежищу. Далеко убежать не успел – прямо на меня метнулась странная фигура в пижамных штанах на подтяжках и разорванной пижамной куртке. Человека шатало, словно пьяного. Он налетел на меня, сбил с ног и мы вместе покатались под уклон. Когда же незнакомец попытался выбраться наверх, я успел повалить его на землю, прижать коленом.

Сам пригнулся.

В следующий момент на месте жилгородка начался ад.

Вспышки перемежались жуткими ударами о землю, все это мешалось с дикими воплями, завыванием пожарных сирен.

Человек, которого я придавил коленкой к земле, раз за разом жалобно вскрикивал.

– Майн Гот, майн Гот.

Наконец он сумел перевернуться на спину.

Не поверите, но его измазанное налипшим песком лицо было спокойно. Он даже сумел выдавить из себя улыбку, затем признался, что на бессмысленные телодвижения его подвигла «утера очков». Незнакомец развел руками – без них он «теряет ориентацию в пространстве». Подобное отношение к ориентации в центре катаклизма, в котором мы оказались, вернуло мне присутствие духа.

Ад крупными шагами переместился в сторону гавани и производственных корпусов, вопрос «быть или не быть» больше не висел над нами.

Мы не сразу услышали наступившую тишину – в ушах звенело так, что стало ясно, оба контужены. Легко или тяжело, не могу сказать. Сил, чтобы встать, у меня, правда, хватило. Трясуцимся руками я начал стряхивать налипшую на мундир землю. Окончательно привел меня в чувство странный для пекла вопрос.

– Was ist Ihre Namens, junge Person?»⁵⁷

Фрау Магди вопросительно глянула на мужа. Алекс-Еско, повернувшись к жене, попытался объяснить.

– Это было не самое удачное время для знакомства, но я же немец. Барон. Я не имел права ударить в грязь лицом.

Она одобрительно кивнула.

Шеель продолжил.

«...я представился.

– Барон Алекс-Еско Альфред Максимилиан фон Шеель.

Незнакомец ответил просто.

– Герман Оберт, профессор.

⁵⁷ Как вас зовут, молодой человек?

Я не смог удержаться на ногах и сел на землю...

Позже службы внешнего предупреждения оценили количество бомбардировщиков, совершивших налет на Пенемюнде, по крайней мере, в шесть сотен летающих крепостей.⁵⁸ Мне было безразлично, сколько их было – шесть сотен или шесть тысяч. Ценность минуты состояла в том, что в странных, на редкость невероятных обстоятельствах мне посчастливилось познакомиться с человеком, чья книга перевернула мою жизнь.

Это то же самое, если вдруг вам довелось столкнуться с незнакомцем, пусть даже смутно напоминавшим кого-то из вашей прежней жизни, и незнакомец, протянув руку, представился.

– Циолковский, Константин Петрович...»

Шеель сделал паузу и, не без тени сомнения, добавил.

– Впрочем, не могу утверждать, что на современную молодежь это имя произвело бы впечатление.

Я тоже не мог это утверждать и благоразумно промолчал. Только ветеран внешней разведки, товарищ Закруткин нашел в себе силы прокомментировать.

– Да уж...

Алекс-Еско продолжил.

– Мы добрались до сборного пункта. Здесь уже был развернут лазарет. Оберту помогли подобрать очки, там было много освободившихся и даже неразбитых очков. Всего жертв насчитали более сотни, среди них было много ведущих инженеров.

* * *

– Меня вызвали к Дорнбергеру на третий день после бомбежки, когда жизнь на полигоне уже вошла в прежнее, торопливо-лихорадочное русло.

Докладывал стоя.

Дорнбергер, невысокий, с простецким лицом и крестьянскими залысинами, с откровенным недоброжелательством, но не перебивая, выслушал мой доклад о командировке в Копенгаген сидя. Затем генерал встал и сурово выговорил за попытку вмешаться в производственный процесс.

Он, по-видимому, был изначально настроен против меня и приказал напрочь забыть о всякой самодеятельности. Напомнил, что меня посылали в командировку, чтобы ускорить график поставки насосов, а не для того, чтобы вносить изменения в конструкцию. Всякое предложение, прибавил он, должно подаваться по инстанции. Затем не удержался от язвительного замечания – что я понимаю в насосах и зачем встречался с «этим чертовым Бором»?

В этот момент в уцелевший кабинет начальника полигона вошел красивый сорокалетний мужчина. Он был в штатском, но одет броско – белая рубашка с галстуком, вязанная фуфайка, добротные брюки, модельные мужские туфли.

Я повернулся в его сторону.

Незнакомец жестом показал, чтобы я продолжал, и уселся на стул возле генерала.

Теперь они возьмутся за меня вдвоем? Сесть так и не предложили. Понятно, здесь не любят протеже, тем более от генералов СС, следовательно, на покровителей ссылаться нельзя. Придется отбиваться самостоятельно.

– Я всего-навсего пытался внести незначительное улучшение в крепезж трубки насоса, подающего спирт в камеру сгорания. Этим вопросом я занимался в Свердловском политехе.

– Где?! – в один голос воскликнули генерал и незнакомец.

– В Свердловске. Там есть политехнический институт.

– А-а, ну да, – кивнул человеком в штатском. – Вы – Шеель? Сбежали от красных.

– Не сбежал, а перешел с оружием в руках.

– Это не важно. Значит, вы утверждаете, что в Свердловске тоже занимаются проектированием такого рода агрегатов?

– Нет. Большевикам сейчас не до ракет. Просто мне досталась такая тема – «Способы без-

⁵⁸ В налете участвовало 571 бомбардировщик. Сбито 40 машин.

опасной подачи топлива и окислителя в камеры сгорания самодвижущихся реактивных машин, способных обеспечить выход человека в межпланетное пространство».

Человек в штатском костюме скептически усмехнулся.

– Вы хотите сказать, что большевики даже сейчас, на грани поражения, работают на перспективу. Они способны построить агрегат для выхода в открытый космос?

– Нет. То, что я увидел здесь, им и не снилось. Наше изделие – это... Это потрясает воображение! Это же почти тридцать тонн тяги! Самый большой двигатель, который способны спроектировать красные, имеет тягу не более полутора тонн.

Генерал и человек в штатском переглянулись, и незнакомец наконец представился.

– Вернер фон Браун, научный руководитель проекта, – и с ходу перешел к обсуждению моего предложения.

– Вам запрещается – повторяю, запрещается! – вносить какие бы то ни было изменения в конструкцию агрегата. Это приводит к неоправданным затяжкам, потере времени на согласование, на утверждение. Наша задача – как можно быстрее отомстить наглým британцам. Фюрер требует немедленно дать им устрашающий ответ на тот ужас, какой они обрушили на Германию. Вам понятно?

– Так точно, господин Браун.

Я позволил себе пожать плечами.

– Что-нибудь не так? – поинтересовался Браун.

– Мое предложение не требует внесения изменений в конструкции. Наоборот, оно ускоряет сборку и снижает вес агрегата на тридцать восемь граммов.

Дорнбергер и Браун переглянулись. Ответил генерал.

– Повторяю, вам запрещается любое вмешательство в производственный процесс, тем более, в конструкцию.

– Так точно, господин генерал.

– Теперь по поводу профессора Бора.

Удивительно, ни Дорнбергер, ни Браун ни разу не назвали его «грязным профессоришкой» или «неврастеником, свихнувшимся на почве изучения атома». Разве что «этим чертовым Бором».

Я решил рискнуть.

– К моему величайшему сожалению как эксперт он не выказал того объема знаний, который необходим, чтобы оценить мою идею.

Вернер фон Браун даже поморщился от такой наглости.

– Вы имеете в виду лучи смерти? Мы не имеем возможности заниматься подобными глупостями.

– Нет. Я имел в виду нечто совсем иное. Первое – нельзя ли приспособить к нашему агрегату ядерный двигатель, с помощью которого можно будет значительно увеличить тягу, а следовательно и полезный вес.

Браун спросил.

– А вторая?

– Я сделал примерную прикидку и установил техническую возможность использовать ядерную взрывчатку для начинки боевой части нашего агрегата.

– Что вы знаете о ядерной взрывчатке?

– Я имею привычку знакомиться со специальной литературой и сам факт закрытия этой темы в открытых журналах, навел меня на мысль, что здесь дело не чисто. После двух статей доктора Зигфрида Флюгге, опубликованных в тридцать девятом году, в которых тот дал подсчет количеству энергии, способной выделиться при делении атомного ядра, любому ясно, что рейх должен овладеть этой мощью. Она огромна.⁵⁹

– Насколько огромна? – спросил Браун.

– Флюгге привел расчеты: одного кубического метра окиси урана массой четыре тонны достаточно для того, чтобы за сотую долю секунды поднять в воздух на высоту 27 километров примерно один кубический километр воды массой в один миллиард тонн. Эта энергия эквивалентна взрыву десятков тысяч, а может, и сотен тысяч, обычных бомб одновременно.

⁵⁹ Первая статья была опубликована в журнале «Naturwissenschaften» и называлась «Возможно ли техническое использование энергии атомного ядра?», вторая – в газете «Дойче альгемайне цайтунг», выходящей массовым тиражом.

– Итак, вы предлагаете сделать боезаряд ядерным? – уточнил вопрос Браун и сам себе ответил. – Это не так глупо, как может показаться. Впрочем, я пришел сюда поблагодарить вас, оберлейтенант, за спасение моего учителя, профессора Оберта. Профессор передает вам привет. Кстати, он рассмотрел ваши предложения насчет крепления насосов и счел их дельными. Послушайте, Алекс, что вы скажете, если я предложу вам поработать в его бюро.

Глава 5

Из разговоров с бароном Алекс-Еско фон Шеелем.

Турецкая республика, вечерний ресторан.

Сентябрь 200... года.

Продолжили мы в рыбном ресторане, где заранее заказали места.

Был теплый средиземноморский вечер, однако госпожа баронесса куталась в теплую шаль. Анатолий Константинович танцевал не уставая, благо, дам на веранде было куда больше, чем кавалеров. Немкам он представлялся русским, русским – немцем. Стало ясно, насколько глубоко профессиональные привычки въелись в его биографию.

За столом барон Алекс-Еско фон Шеель рассказывал о зачинателе германской ракетной программы.

–...Мы с Обертом – двое лишних, не ко времени оказавшихся на полигоне энтузиастов межпланетных перелетов – нашли друг друга. Мы оба никак не вписывались в команду фон Брауна.

Ну, со мной все понятно. Местные специалисты и администрация считали меня, как у нас говорят, засланным казачком, тем более что я по ошибке с самого начала сунул нос не в свое дело. Однако профессор тоже не нашел поддержку у своего ученика. Оберт с горечью жаловался мне, что на все его предложения и технические идеи он получал один и тот же ответ – все это очень интересно, профессор, но сейчас перед нами стоят другие задачи. На все мои возражения против ненужного и бессмысленного расходования сил и средства на агрегат А-4 (то есть, баллистическую ракету Фау-2) генерал Браун отвечал – это приказ фюрера. Мы должны выполнить приказ.⁶⁰

– Какой приказ! – восклицал Оберт. – Куда исчезло природное германское здравомыслие? Что такое одна тонна взрывчатки для такого города как Лондон. Из десяти ракет только три-четыре способны достичь цели. Когда же я попытался настоять, что эффективнее сосредоточить усилия на создании противосамолетных ракетных снарядов, с помощью которых можно пачками сбивать вражеские бомбардировщики, мне негласно заткнули рот и сослали в отдел перспективных разработок.

... – У нас есть время на эти разработки? – спрашивал он меня.

После короткого раздумья Алекс-Еско уточнил.

– Не следует думать, будто здесь были замешаны низменные чувства, такие как зависть или ревность. Только холодный расчет, что Браун и доказал, высадив американцев на Луну. Вряд ли Вернер ревновал к Оберту. Этого не было. После войны он помог учителю перебраться в США, тем самым доказав, что завистью здесь и ни пахло. Дело в том, что к осени сорок третьего ракета А-4 пошла в серию. Попытки заняться другим проектом или вносить изменения в конструкцию могли быть расценены как саботаж. При всем покровительстве фюрера Браун тоже рисковал головой. Это наглядно продемонстрировал его арест весной сорок четвертого. Заодно с ним прихватили также инженеров Риделя и Греттрупа. Около месяца их держали в подвалах на Принц-Альбрехтштрассе.

Догадываешься, в чем их обвинил гестапо-Мюллер?

Кто-то подслушал, будто эти трое признались друг другу, что работают над оружием возмездия «по принуждению», в то время как их заветной целью являются полеты в межпланетном

⁶⁰ Такой компетентный человек как Уинстон Черчилль в своих мемуарах пишет: «Это было счастье, что немцы посвятили свои усилия созданию ракет, а не бомбардировщиков. Даже наши «Москито», каждый из которых стоил не дороже одной ракеты, сбрасывали за время своей жизни в среднем 125 т взрывчатки в радиусе 1,5 км от цели, в то время как ракеты доставляли всего 1 т при среднем рассеивании в 25 км».

пространстве.

Я не буду утверждать, что к аресту ведущих инженеров проекта был причастен Ротте, однако со слов Майендорфа знаю, что Браун, отказавшись во время доверительной беседы с Гиммлером перейти под крыло СС, сам подписал себе приговор. И, как бывает в незамысловатой, народно-арийской комедии, оказавшись на свободе, Браун лично получил от рейхсфюрера чин штурмбанфюрера СС.

Итак, Дорнбергер и Браун, сочтя меня ээсовским соглядатаем, решили избавиться от меня привычным образом – сослать в отдел Оберта, который занимался перспективными разработками и сотрудников которого близко не подпускали к конкретной работе.

Более выигрышную позицию в моем положении трудно было придумать. Мало того, что Оберт был исключительно квалифицированный специалист, обладавший глубокими знаниями и широким кругозором, он к тому же имел доступ к большей части секретной документации, которой я мог пользоваться.

Мне трудно сказать, воспользовались ли моей информацией в России, но эти несколько месяцев с патриархом были достойным вознаграждением за все муки и страдания, который я испытал за эти тринадцать лет.

Он привлек мое внимание к возвращавшемуся к столу Закруткина.

– А теперь, камрад, я передаю тебя этому неугомонному плясуну со стажем. Пусть он поделится, зачем с помощью своего папаши вырвал меня из этой сказки тысячи и одной ночи и втянул в банальный шпионский сериал. Пусть покается за то, что лишил меня возможности общения с дорогим моему сердцу Германом Обертом.

Анатолий Константинович шелкнул каблуками и подтвердил.

– Да, я это сделал. Недрогнувшей рукой я швырнул застенчивого и увлеченного космическими полетами энтузиаста в самое горнило шпионских страстей. Я принудил его заняться стрельбой и погонями, иначе война затянулась бы еще на пару лет. Се нелегальная ля ви!

Я не удержался и попытался съязвить.

– Как насчет иронии, господин Закруткин? Разве это не чума нашего времени?

Анатолий Константинович удивился.

– В чем ты здесь видишь иронию?

* * *

*Из разговоров с майором НКВД и невозвращенцем
Анатолием Константиновичем Закруткиным.
Турецкая республика, необитаемый остров.
Сентябрь 200... года.*

Чета Шеелей отправилась на экскурсию в Памук-Кале,⁶¹ поэтому на Тюбетейку мы с Анатолием Константиновичем добирались вдвоем.

Закруткин в силу своего огневого характера не любил тратить время даром и с ходу заявил, что с крутым поворотом в войне в головах некоторых наших высших руководителей начали рождаться завиральные идеи.

–...Не избежал этого поветрия и наш «любимый вождь, учитель дорогой». С его подачи НКВД было дано задание спасти Нильса Бора, и глава этого департамента не нашел ничего лучше как послать парнишечку на верную смерть. Они решили сгубить юного Закруткина.

Не вышло!

Об этом мы с тобой еще поговорим, а сейчас давай искупнемся.

Ага, искупнемся. Знаю я эти энкаведешные штучки. Только войдешь в воду, а тебя хватить за ноги и поминай как звали.

Как с Берией!

⁶¹ Натёчные образования на юго-западе Анатолийского плоскогорья, естественное чудо света.

Сначала, по приказу Хрущева, наши храбрые вояки ухлопали этого «интригана и кровавого монстра», а потом устроили честный и беспристрастный суд, на котором мертвеца приговорили к расстрелу, хотя как раз Берия и начал сворачивать репрессии.

Так, по крайней мере, утверждает история, а я инстинктивно доверял фрау Магди. Ей много пришлось повидать на своем веку.

Анатолий Константинович влез на камень и бултыхнулся рыбкой в самую сердцевину блаженства, теплой влаги и заслуженного отдыха.

Я не раздумывая последовал за ним.

Это было удивительное путешествие. Подводный мир чем-то неуловимо напоминал чуточку бредовый, но захватывающий мир воздушный, в котором там и тут были разбросаны невидимые острова, а из-за горизонта, под аккомпанемент оркестра, составленного из всякого сорта «измов», доносились сладкие голоса, соблазняющие простаков жаждой исполнения долга, ответственностью, убежденностью, поиском жизненного смысла. Зовущие голосили о том, что богатство полезно, а бедность вредна, но способствует оздоравливающему воздействию на организм. Особо речистые настаивали на безусловном приоритете развлечений. Так и выпевали – поразвлекался? Отдохни.

Другие подманивали водкой.

Третьи – травкой.

Ищите дурака!

На берегу, закулив, Закруткин начал давать показания.

–...кутерьма возникла из одной-единственной фразы, которую Петробыч произнес во время доклада руководящих работников НКВД по поводу планов работы на вторую половину сорок третьего года. Мой отец тоже при этом присутствовал. Его вызвали по личному распоряжению вожды – видно, Сталин заранее обдумал каверзу, которую собрался подложить нашим доблестным чекистам.

Папаша рассказал:

«...Сталин признал вашу работу в тылу врага удачной. Он оценил отчет, включавший донесение Второго, как «добротный материал, выводящий на важную проблему», и поставил близнецов в пример Лаврентию, который очень не любил, когда в его присутствии и в ущерб ему хвалили его подчиненных, и, наконец, задал присутствующим вопрос.

– Товарищ Закруткин доставил из Берлина данные, свидетельствующие, что после поражения под Сталинградом фашистское правительство сделало ставку на тотальную войну. Это требует ужесточения оккупационного режима на захваченных территориях. Речь, прежде всего, идет о Дании с ее неопределенным политическим статусом. Вы подтверждаете эту информацию, товарищ Закруткин?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Надеюсь, всем понятно, что для такого уважаемого человека как профессор Бор предполагаемое ужесточение может закончиться плачевно?

Берия ответил за всех.

– Так точно, товарищ Сталин.

Петробыч ткнул трубкой в зам наркома НКВД.⁶²

– А что думает по этому поводу товарищ Меркулов?

Тот побледнел, но ответил честно.

– Полностью согласен с товарищем наркомом.

– Хорошо. Пойдите и подумайте, чем мы можем помочь уважаемому профессору, предупредившему нас об опасности... Все вместе подумайте!

«...У себя в кабинете, – поделился отец, – Лаврентий Павлович устроил Меркулову, Фитину, Федотову, Трущеву и мне заодно жуткий разнос за то, что мы прозевали такой поворот событий.

– Как прикажете спасат этого болтливового пацифиста?

⁶² Тогда еще зам наркома НКВД. В 1943 году В. Н. Меркулова назначили наркомом вновь образованного НКГБ (Наркомата государственной безопасности), в который перешли все чекистские функции, ранее сосредоточенные в НКВД.

Мы сошлись на том, что самое большое, чем мы можем помочь Бору, это вывезти его с семьей в Швецию.

– Это полумера! Немцы и там могут достать его.

– Можно организовать охрану... – предложил Меркулов.

– На глазах у шведской полиции? Нет, ищите другое решение. Ответственным назначаю Трущева. Это его крестники, пусть он и проанализирует. Пусть подумает, как можно спасти Бора».

«...перед отправкой Трущев поговорил со мной по душам. Упомянул, что по мнению руководства – считай, самого Берии, – лучшим решением проблемы является доставка нобелиста на территорию Советского Союза. Задача трудновыполнимая, но следует постараться.

По возможности.

Николай Михайлович по привычке принялся рисовать дорогие его сердцу схемы, с помощью которых пытался убедить меня, что самой главной ценностью в предстоящей операции является человеческая жизнь. В данном случае, жизнь Нильса Бора. Это означало, что моя безопасность, моя жизнь, стояли на втором месте.

– Ты у нас неуправляемый, – улыбнулся Трущев, – поэтому я добился, чтобы во время проведения операции «Людка» тебе была предоставлена свобода рук. Однако имей в виду, если ситуация потребует привлечь Второго, максимум, что тебе позволено – это консультация и, в крайнем случае, подстраховка. Что касается нобелевского лауреата, не исключаю провокацию со стороны германских спецслужб. Этим следует воспользоваться. Как, решишь на месте, из Москвы всего не разглядишь. Если это будет правильное решение, я поддержу тебя».

«...В Берлине я так и заявил Второму, меня прислали в тыл врага с целью похитить Бора и переправить его в Советский Союз.

Алекс перепугался, но я успокоил его.

– Трущев с нами.

Он пришел в себя.

– Это меняет дело. А то я решил, что в Москве сошли с ума».

– Пошли искупнемся! – предложил Анатолий Константинович.

Я не смог отказать ветерану.

Уже на берегу он продолжил.

– Череда событий, заставивших одного из отцов-основателей современной физики бежать в Швецию, известна в изложении участников датского Сопrotивления, не имевших непосредственного отношения к операции «Июльский снег» – так окрестили ее немцы, – и его помощника Розенфельда, который бежал в Швецию на несколько дней ранее Бора. Очень редко и крайне скупоб этом эпизоде упоминали сын профессора Оге и его супруга Маргарет, сопровождавшие Бора в Мальме. Сам профессор вообще не комментировал этот момент своей биографии.

Ясность в этом вопросе была также невыгодна лицам, представлявшим германскую сторону – советнику посольства Дуквицу, а также имперскому уполномоченному в Дании Вернеру Бесту. Они, правда, использовали другой прием. Дуквиц и Бест до предела размазали этот эпизод в общей картине спасения датских евреев в октябре 1943 года. В результате после войны Бест отделился двенадцатью годами заключения, из которых он, «по состоянию здоровья», отсидел только пять. В 1953 году этот матерый нацист, один из создателей РСХА, получил должность в директорате концерна Гуго Стеннеса и в 1989 году мирно скончался в Мюльгейме. В свою очередь Георг Дуквиц, упоминаемый в официальных источниках как некий «таинственный германский дипломат», якобы «негласно предупредивший Бора о его депортации в рейх», в 1971 году получил в Израиле высокое звание «праведника».

Закруткин подобрал плоский, окатанный водой камень и плашмя швырнул его в море. Вода откликнулась четверкой всплесков. Для такого почтенного возраста твердость ветеранской руки была удивительна.

– После разгрома немцев на Курской дуге в Дании заметно активизировалось подпольное движение. Участились случаи нападения на немецкие патрули, волной пошли забастовки. Дальнейший ход событий грозил еще большими осложнениями, а ведь эта страна имела громадное

значение для обеспечения обороноспособности рейха. Без датского мяса, молока, масла и картофеля, без датской селедки в Германии начался бы голод. Нельзя сбрасывать со счетов и местную промышленность. Требование Гитлера закрутить гайки и при этом не только обеспечить бесперебойное производство оружия и сельхозпродукции, но и увеличить его, вынуждало германские власти на неординарные решения.

Имей в виду, объявление военного положения означало отмену всех прежних датских законов, введение смертной казни за саботаж и забастовки. Чтобы не допустить нежелательного развития событий и убедить датчан, что они в одной лодке с немцами, в Берлине решили обойтись без крови и для этого задействовать авторитет Бора для умиротворения страны.

Любой ценой!

Пусть ученый с мировым именем призовет своих соотечественников защитить арийский дом. С этой целью оккупационные власти готов были позволить датским евреям бежать в Швецию. Эту карту они собирались разыграть на переговорах с профессором.

После очередного броска, на этот раз неудачного – кругляш при первом же касании канул в воду, Закруткин задался вопросом.

– Мог ли Дуквиц или сам Бест действовать вопреки воле высшего руководства Германии? Могли ли они закрыть глаза на повальное бегство евреев, тем более что предотвратить его было вполне по силам?

Кто такой Вернер Бест? Отъявленный антисемит, преследовавший евреев еще в 1933 году в Гессене, нарубивший мяса в Польше и во Франции. Один из главных организаторов и участников «Ночи длинных ножей». Кто такой Георг Дуквиц? Военный разведчик, аристократ, прошедший школу в аппарате известного людоеда Альфреда Розенберга, приговоренного к смертной казни в Нюрнберге, так что отбросим в сторону «благородные» побуждения. Понятно, они не могли не задумываться о будущем, ведь за окном был сорок третий год и им было ясно, что разгром рейха – вопрос времени. Тем не менее пойти по собственной инициативе на вопиющее нарушение приказа об «окончательном решении»,⁶³ на котором держалась вся национальная политика Третьего рейха, они никак не могли.

Оккупационный режим предполагал передачу власти вермахту, поэтому ответственность за операцию «Июльский снег» Гиммлеру удалось перекинуть на Канариса, чьим агентом являлся Георг Дуквиц. Хитрый Бест осуществлял лишь общий надзор.

Впрочем, подробности узнаешь у Второго, вопреки запрету Москвы оказавшегося втянутым в самую гущу событий. Это случилось сразу после нашей расшифровки. Удар последовал оттуда, откуда мы менее всего ожидали.

Искупимся?

* * *

Мы продолжили за ужином в мужской компании – фрау Шеель, сославшись на головную боль, не вышла из номера.

Первым начал барон.

– Провал произошел в воскресенье, после того как мы с Магди провели выходной на Плетцензее. День выдался на редкость жаркий. Я, помню, еще вспоминал Саратов и пляж на Волге. Знаешь, тогда я вдруг обнаружил, что ее худоба вполне может быть расценена как стройность. Это было радостное открытие.

– Vorsicht! (сноска: осторожно!) – предупредил Закруткин.

– Nämlich!⁶⁴ – откликнулся фон Шеель и предложил Первому сходить за виски.

Когда Анатолий Константинович удалился, барон продолжил.

– Редкие горожане, позволившие себе в удушавшую берлинцев июльскую жару провести несколько часов на пляже, одобрительно посматривали на нас. Офицер-фронтвик, получивший отпуск, встретился с невестой и теперь они ждут не дождутся, как бы поскорее уединиться.

⁶³ Имеется в виду решение о поголовном уничтожении евреев в Европе, принятое высшими чинами СС в Ванзее 20 января 1942 года.

⁶⁴ Vorsicht! – осторожно!. Nämlich! – именно!

Здесь Шеель сделал паузу, как бы обдумывая, продолжать или нет, затем спросил.

– Ведь мы работаем над романом, не так ли?

Я кивнул.

– Ведем речь о буднях нелегальной работы? – продолжил допрос Шеель. – О том, на каком пустяке может проколоться самый опытный агент?

И этот тезис я подтвердил кивком. Признаюсь, немецкая добросовестность, с какой Шеель пытался помочь мне написать роман, обезоруживала.

– Поэтому здесь не может быть ничего личного, правильно?

Я был вынужден согласиться, но что-то во мне встрепенулось.

До перехвата дыхания.

Барон с той же простодушной непосредственностью признался.

– В отеле мы с Магди тоже не испытали проблем. Остальное допиши сам. Ну, что-нибудь в таком духе... «они без конца наслаждались друг другом». Нет, слишком напыщенно. Попробуй без литературных всхлипов, что-нибудь вроде «она была молчалива и покорна». Впрочем, суть в том, что Магди, покорившись и отмолчавшись, уложила меня на спину, уселась поверх и спросила – кто он?

«...кого ты имеешь в виду?

– Тот, второй. Кто он? Он как-то попросил передать ему зажигалку. Я бросила. Он поймал ее правой рукой, хотя постоянно изображал из себя левшу. Но это мелочь по сравнению с тем, что у него нет родинки на бедре. Вот этой. И шрамика. Помнишь мою кошку. Кот загнал ее на дерево, я умоляла тебя спасти Пусси. Ты начал взбираться, а я восхищалась тобой – какой ты смелый. А когда ты упал и у тебя пошла кровь, я дала слово, что когда вырасту обязательно поцелую тебя в этот шрамик. Он едва заметен, но он есть, а у него не было. Я ждала тебя, а приехал он. Кто он и кто ты?

– Ты не поверишь.

Она заплакала, потом добавила.

– Я постараюсь. Я постараюсь все забыть, но это ты?

– Да.

– А он?

– А он – это он. Первый. Ты была с ним?

– Нет, я была с тобой! Я ждала тебя и я была с тобой!!

После паузы она спросила.

– Что теперь будет? Ты лег со мной в постель, чтобы завербовать в шпионки? Ты женат? Там?..

– Нет. Уже нет.

– Что же будет, Еско?!

– Это тебе решать, Магди.

Она долго и по-прежнему тихо рыдала. Скорее всхлипывала. Она была плакса, но знала, что я не люблю сморщенных носиков, слез и прочей ерунды, которые могут помешать в космическом полете, поэтому горевала молча, разве что со всхлипами не могла справиться.

Наконец всхлипы прекратились, и я увидел перед собой немецкую женщину, беспощадную к врагам рейха. Его лицо заметно напряглось, взор заострился.

– Ты приехал сюда, чтобы гадить исподтишка? Как ты мог, Еско? Что ты задумал?

Губы у Магди перекошились, она закрыла лицо руками и рухнула на кровать».

– Остальное додумай сам. Кто из нас, в конце концов, литератор?! Почему я должен делать за тебя твою работу?!

– Нет уж! – возразил я и нарочно подвинул диктофон к барону поближе. – Договаривайте!! Я буду считать этот эпизод документальным только в том случае, если вы доведете рассказ до конца.

В этот момент в столику вернулся Анатолий Константинович. Как ни в чем ни бывало предложил тост за «тех, кто не с нами». Это следовало понимать «за тех, кто в море». Мы выпили, и барон отправил Закругкина за очередной порцией. Тот покорно удалился, без всяких шуточек-прибауточек. Может, интуитивно оценил важность момента?

«... я погладил Магди по волосам. Она не подняла голову. Она была умная девушка и понимала, что мы не можем вот так встать и разойтись. Помочь нам могло только согласие. Только такой исход позволил бы обойтись без крови, без психических сдвигов и страха, которые обещала нам эта непростая ситуация.

Я попытался вновь сблизиться с девушкой, но она гневно отпрянула. Тогда я сел на кровати, предложил ей сесть рядом.

Тоже отказ.

– То, о чем я хотел бы поговорить с тобой, можно высказать только шепотом, – признался я. – Поэтому сядь поближе.

Она робея присела.

Вот так мы и сидели, два обнаженных голубка. В самой сердцевине арийского дома, посреди войны, в какой-то занюханной берлинской гостинице, где всем заправляла искалеченная фрау Марта. Когда-то она участвовала в акциях Ротфронта, двое ее сыновей погибли на Восточном фронте, во время бомбежки ей оторвало ногу, поэтому я, применив теорию Трущева и советы этого подлого Мессинга, быстро смекнул, что она неодобрительно относится к режиму, следовательно, даже если услышит что-то подозрительное, не помчится в гестапо. Но береженого Бог бережет.

Магди поинтересовалась.

– Ты убьешь меня? Дашь яд или будешь душить?

– Нет, я расскажу тебе о мальчишке из хорошей семьи, помимо воли выброшенном из родной страны и нашедшем приют в русской пустыне. Отец не спрашивал моего согласия, сказал – «это приказ фатерлянда!». В России я тоже часто слышал – «это приказ родины!» Я успел побывать в Швейцарии, там собрался бежать, спрятаться и от красных, и от этих... но меня попросили спасти Нильса Бора. Знаешь такого?

Магди кивнула, затем подняла голову и резко выговорила.

– Не надо обращаться со мной как с ребенком. Я уже достаточно взрослая, чтобы самой разобраться что есть что.

– Вот и хорошо. Эти, на Потсдамплац, хотят заставить Бора призвать датчан сплотиться с гражданами рейха и всем как один встать на защиту арийского дома. Либо Бор подпишет воззвание и переедет в рейх, где его подключат к какой-нибудь военной программе, либо его жена, сыновья, семья брата Гаральда, но, главное, все его соотечественники по матери, вместо Швеции отправятся в Терезиенштадт. Ты слыхала о Терезиенштадте?

Магди кивнула.

Я профессионально уточнил.

– От кого?

– У нас в доме бывают большие шишки. Они не очень-то стесняются меня. Терезиенштадт – это где-то на севере Богемии. Туда свозят евреев со всей Европы.

Помолчав, она спросила.

– Теперь ты заставишь меня записывать все их разговоры и спать с ними, иначе меня ждет пуля?

– Нет, я не стану заставлять тебя подслушивать у дверей и соблазнять эсэсовских недоносков. Ты могла бы помочь мне в другом.

Она нахмурилась.

– Чем немецкая девушка может помочь отъявленным врагам рейха и обманщикам?

– Спасти Бора.

– Что для этого требуется?

– Отправиться со мной в Данию. На заводе в Вестербро кто-то сжег цех вспомогательного производства. Завод встал. Дорнбергер приказал мне отправляться в Данию и на месте принять меры для восстановления поставок насосов. Ты могла бы сопровождать меня в качестве невесты. Из Копенгагена тебе придется вернуться в Берлин и передать Первому мои документы. Всякие иные варианты связаны со срывом задания и гибелью Бора и его семьи. Сама останешься в Берлине.

– Я не хочу оставаться в Берлине без тебя.

– Значит, придется провести несколько часов в купе с Первым.

– Ты готов оставить меня на ночь в купе с этим большевиком? С этим представителем низшей расы?

– У нас нет выбора.

Она подозрительно глянула на меня.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– А как я должен говорить об этом?

– Эта поездка поможет Бору?

– Да.

– Хорошо. Я согласна. Если папа отпустит.

– Давай вместе попросим его. Но будет лучше, если это сделаешь ты. Будет полезно, если он позвонит в Копенгаген, мол, его дочь решила побывать в датской столице, вдали от бомбежек... Тут как раз случай представился, ее жениха направляют Данию в служебную командировку. Он хотел бы встретиться с Бором.

– Хорошо. Если хочешь знать, я их не одобряю.

– Что не одобряешь?

– Ну, все это. Особенно, когда берут в заложники детей. Мне жалко Бора, он такой великий. Ребята с физического факультета упрекают его в происхождении, но никто не отрицает, что голова у него золотая. Только учти, – Магди принципиально посмотрела на меня. – Мне очень хочется быть с тобой, но я никогда не буду навязываться.

– Это благородно, Магди. Это вызывает уважение, но сейчас главное дело».

Подошел Первый, принес виски. Я предложил выпить за госпожу баронессу Магдалену фон Шеель.

Выпили стоя.

Глава 6

«...тот же обеденный зал, та же унылая Геба, молочный мрамор, искренняя радость хозяина. Затем разговор по душам в лаборатории, где любезный хозяин показал мне нобелевские медали и продемонстрировал, как надежно спрятать их, чтобы они не достались оккупантам.

Медалей было три – собственная, Бора, а также двух других, доверивших ему свои награды лауреатов, пострадавших от смены режима в Германии – фон Лауэ и Франка.⁶⁵ Профессор на моих глазах растворил их в кислоте, затем не без удовольствия заверил.

– Самый надежный способ избежать конфискации.

Он приставил стул к стеллажу, забитому склянками с реактивами, влез на него и поставил пробирку на самую верхнюю полку.

Удовлетворенно сообщил.

– Здесь не найдут, – и потер руки.

– Но, профессор?..

– Когда наступят лучшие времена, а они обязательно наступят, не так ли? – проще простого выделить золото из кислоты и вновь отлить медали. Это элементарно, Шеель. Полагаю, такой эксперимент повеселит историю?

Долговязый Бор кряхтя спустился на пол и продемонстрировал маленький саквояж.

– Я готов. Со мной отравятся Маргарет и Оге.

Я был вынужден разочаровать Бора.

– Все не так просто, уважаемый профессор. Здесь не помогут законы химии или физики...

Мы отправились в сад и я вкратце объяснил профессору замысел санкционированной в Берлине операции «Июльский снег».

– К сожалению, слова против слов, – усмехнулся Бор. – Все вокруг твердят о благородстве Дуквица, его бескорыстном желании спасти несчастных датчан и в первую очередь меня. Я нуждаюсь в более весомых аргументах.

– В таких делах самым, профессор самым убедительным доказательством обычно становится

⁶⁵ *Лауэ Макс фон* (1879–1960, Берлин) – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии по физике в 1914 г. «за открытие дифракции рентгеновских лучей на кристаллах».

Франк Джеймс (1882–1964) – нобелевский лауреат 1925 г. Премия присуждена «за открытие законов соударения электрона с атомом» (совместно с Людвигом Герцем).

результат. Кстати, в Риме был такой император Домициан, первым высказавший неглупую мысль – когда властитель утверждает, что против него готовится заговор, ему никто не верит, а когда поверят, бывает поздно. Со своей стороны я хочу обратить ваше внимание – кто предупрежден, тот спасен. Давайте попробуем вписать мою версию в систему координат, в которой некие могущественные лица собираются любой ценой привлечь к сотрудничеству одного из отцов современной физики.

– Что вы предлагаете?

– Вам надо согласиться на предложение Дуквица.

Нильс Бор задумался.

– Когда оно последует?

– Приказ из Берлина должен прийти со дня на день.

– Хорошо, предположим, приказ поступил. Дальше что?

– С вами свяжутся. Полагаю, ни сам Бест, ни Дуквиц не горят желанием лично предложить вам условия сделки. Думаю, они воспользуются моими услугами, но даже если придет кто-то другой, вы должны долго и нудно торговаться. Ради сохранения спокойствия в стране, они готовы выпустить вашу семью и семью вашего брата Харальда. Они даже готовы закрыть глаза на исход тех, кто причисляет себя к евреям. У вас будет возможность потребовать выполнения этих условий. Их согласие будет решающим доводом в мою пользу.

– Ваша теория безумна, но достаточно ли она безумна, чтобы быть истинной? Откуда у вас такие сведения? Я понимаю, вы не имеете права сказать всю правду, но и мне трудно принять решение, не имея всей картины.

– Я встретился с вами с санкции Дуквица. Бест тоже в курсе, ведь со мной в Копенгаген была дочь видного эсэсовского генерала, коротко знакомого с Бестом и прочими местными шишками. Я для них свой человек. Я передам, что вы настаиваете на личной встрече с Дуквицем. Скажу, что не доверяете мне. Кто он, этот обер-лейтенант?

Бор удивился.

– Вы обер-лейтенант?

Я кивнул.

– Странно, – усомнился профессор. – А там, на востоке. Надеюсь не ниже майора?..

Я не стал разочаровывать лауреата. Знал бы он, какое звание у меня было в России...»

«...если Дуквиц подтвердит мои полномочия и условия, на основе которых можно найти компромисс, это будет убедительное доказательство верности моей теории. В любом случае в ваших силах будет спасти родственников. А если повезет, то и тех граждан, которым грозит отправка в Терезиенштадт.

– Вы полагает, я герой?

– Нет, вы умный человек и авторитетный ученый, а это обязывает. Ваша должность по определению предполагает что-то героическое. Помнится, вы сожалели по поводу уловок Гейзенберга, который пытался выведать у вас секреты атомной взрывчатки. Вы утверждали, что у него был выбор. Теперь этот выбор предстоит сделать вам. Если вы откажитесь, как в будущем вам согласовать себя струсившего с собой великим?

– Сколько у меня времени?

– Несколько дней.

– Хорошо, я в любом случае поговорю с Дуквицем. Можете доложить, что в принципе я не против подтвердить приоритет арийской науки в изучении атомного ядра при одном непременном условии – моей семье и семье моего брата Харальда должно быть позволено беспрепятственно переехать в Швецию. Как, впрочем, и моим соотечественникам, которых угораздило родиться в Дании евреями».

«...29 сентября из Берлина поступил приказ переправить Бора в Германию. В тот же день профессор перебрался из загородного дома в столицу, оттуда ночью в полной темноте сотрудники абвера-II вывезли его и спрятали на конспиративной вилле, расположенной в пригороде столицы на морском берегу».

«...исчезновение профессора было необходимым условием для его сенсационного выступ-

ления по радио с призывом ко всем датчанам помочь своим арийским братьям сокрушить «силы мировой плутократии и злобного большевизма».

«...Бор разыграл свою партию как по нотам. Встретив Дуквица и меня на вилле он первым делом потребовал представить доказательства, что его родные благополучно добрались до Мальмё.

Дуквиц пообещал, что очень скоро, не позже послезавтрашнего вечера, профессор услышит их голоса».

«...теперь дело было за малым. Около восьми с половиной тысяч евреев ждали решения своей участи. К чести датчан, они не сидели сложа руки. Тайно извещенные о предстоящей депортации, местные граждане сразу принялись собирать евреев. Несчастных прятали в домах, чаще в больницах под липовыми диагнозами, оттуда автомобилями (красный цвет на кузове очень помогал) доставляли в порты, где их снова прятали, дожидаясь оказии – рыбацких сейнеров, которые потом часами тарахтели по волнам в соседнюю Швецию.

Спасатели могли потерять свободу, рыбаки в придачу свои лодки и доходы: был самый пик сельдяной путины. Многие не хотели рисковать даром, для них спасатели выискивали деньги, собирали пожертвования среди датчан и евреев, кто побогаче. Еще требовалось кормить и одеть беглецов, сорванных с места без припасов, а иногда без теплой одежды, позаботиться о больных, уговорить тех, кто, не веря в опасность, упрямялся и желал остаться...»

«... После полуночи, когда из штаба пришел долгожданный звонок – связь со шведским посольством в Копенгагене установлена, – мы с Дуквицем покинули виллу. Скоро сюда должно было поступить сообщение из Мальмё, что родственники Бора благополучно доставлены в Швецию.

Мы вышли на улицу. Был комендантский час.

Возле припаркованной метрах в двухстах от виллы машины нам повстречался патруль. Пока командир патруля, обер-лейтенант, – в темноте было трудно различить его лицо – проверял наши документы, я сумел подать знак – пора начинать».

«...в штабе у командующего оккупационными войсками и давнего соперника Беста генерала фон Ханнекена Дуквиц доложил, операция «Июльский снег» проходит успешно, затем предложил генералу лично поговорить с охранявшим Бора лейтенантом, у которого в подчинении находилось двое местных полицейских.

Генерал поднял трубку и, услышав ответ, отдал приказ никого близко не подпускать к профессору.

Дуквиц поправил генерала.

– К Бору нельзя допускать никого, кроме проверенных людей из высшего руководства.

– Кого вы имеете в виду.

– Ну, хотя бы группенфюрера Беста, который, возможно, захочет лично убедиться в том, что этот пацифист не ведет двойную игру.

Ханнекену откровенно не понравилась возможность появления на вилле Беста, но и воспрепятствовать имперскому уполномоченному он не мог.

– Хорошо. Бест, вы, кто еще?

– Шеель. Это с его помощью мы провернули это дельце, – потер руки Дуквиц.

Генерал заинтересованно посмотрел на меня.

– Так вы и есть знаменитый Шеель? Мне доводилось встречаться с вашим отцом на Западном фронте. Отчаянный был человек...

Генерал неожиданно осекся. Чтобы скрыть неловкость, тут же потребовал набрать номер виллы и передал охранявшему Бора лейтенанту приказ – не допускать к профессору никого, кроме, – и он перечислил несколько фамилий.

Затем Дуквиц повез меня к Бесту. Тот получив сообщение, что птичка в клетке, отправился отдыхать. Дуквиц предложил подбросить меня до отеля.

– Ваша невеста, наверное, ждалась вас?

– Скажите, господин Дуквиц, почему как только речь заходит о моем отце, собеседники те-

ряют дар речи. Разве его миссия в России не является примером истинного отношения к долгу, который должен выказать всякий, являющийся арийцем?

– О, конечно! – согласился советник, затем он снизил пафос. – Я, правда, не был знаком с вашим отцом, только слышал... так, краем уха, что его заброска была связана с каким-то скандалом. Что именно тогда произошло, не знаю. В этом вам мог бы помочь господин Шахт, – и советник посольства, отвечающий за рыболовство, развел руками».

В этот момент на лужайке, прощаясь с погибавшим в морских водах светилом, внезапно и жутко прокукарекал павлин. В этой какофонии явственно прослеживалась тема Пятой симфонии Бетховена. Этот факт не прошел мимо Анатолия Константиновича.

– Так судьба стучится в дверь, – прокомментировал он надрывные вопли экзотической птицы, затем вполне по-деловому перехватил у барона инициативу. – Из отеля Еско сделал звонок. Я объявил боевую тревогу. Со мной были двое датчан, Хенрик и Густав, оба офицеры распушенной местной армии. Отличные ребята, молчаливые, как скандинавские ели. Мы заранее распределили роли. Я предупредил их, что постараюсь все сделать сам. В случае провала, их задача спасти Бора.

Оба как по команде кивками отдали честь.

«...открыл человек в штатском. Этот был, по-видимому, один из местных полицейских. Его коллега, охранявший виллу со двора, находился сзади и держал нас под дулом автомата. Открывший дверь полицейский позволил мне зайти в дом, а моим спутникам приказал оставаться за порогом.

В коридоре я нос к носу столкнулся с приставленным к профессору лейтенантом. Китель расстегнут, оружия нет – видно, офицерик был молоденький, пороха не нюхавший.

Это упрощало дело.

Местный был постарше, но также вел себя расхлябанно – в комнате вытащил руку из кармана, повернулся ко мне спиной, расположился у окна. Вероятно, чтобы наблюдать за подворьем. Что он мог разглядеть в темноте? Бог с ним. Единственная проблема была с профессором – тот играл с лейтенантом в шахматы, поэтому стрелять офицеру в голову при живой легенде современной физики было несподручно. Кто их знает, нобелевских лауреатов. Еще грохнется в обморок. А стрелять придется, так крови меньше.

Я поинтересовался, можно ли моим людям зайти в дом.

Офицер, вновь усевшийся за стол и уже успевший взяться за фигуру, решительно запротестовал.

– Никак нет, господин Шеель. Вашим людям поручено стеречь дом снаружи, пусть там они и находятся.

«Ах ты, прусская крыса, – разозлился я. – Тебе, видать, никогда мочки ушей не простреливали. Ты, наверное, еще партизан не вешал, сараи с людьми не жег, оттого такой вежливый. В шахматы уселся играть!!»

Пришлось взять инициативу на себя.

Как во Франции.

Благородный барон сидит в отеле со своей фрейлейн и ждет когда рус Иван перестреляет эту арийскую сволочь, да еще спрячет концы в воду да так, чтобы никто не догадался, что здесь случилось».

«...все произошло одновременно.

Я предложил полицейскому проверить, как там мои ребята на дворе? Тот словно не услышал. Лейтенант – не помню как его звали, то ли Курт, то ли Ганс, которому я с согласия профессора подсказывал ходы, приказал вынести гостям кофе. Датчанин нехотя подчинился. Шел недовольный, что-то бормотал про себя – видно, проклинал этих «пруссаков, которые возомнили о себе...»

Это раздражение и потеря бдительности сделали свое дело – он отвлекся, упустил обстановку из вида. Когда взялся за ручку двери, я выстрелил. Полицейский медленно сполз на пол.

На лице лейтенантика обозначился нескрываемый ужас. Он начал судорожно хвататься за кобуру, а кобуры-то на нем и не было. Профессор вскочил, лицо у него невероятно вытянулось, и я предложил нобелевскому лауреату.

- Отвернитесь, профессор, – и прострелил лейтенанту голову.
 - Что вы делаете, Шеель? – воскликнул профессор.
 - Расчищаю путь к свободе.
 - Такими методами?!
 - Лягте, профессор!! Лягте на пол! – и подтолкнул дулом нобелевского лауреата.
- Бор по-датски дисциплинированно подчинился.

К счастью, эта предосторожность не понадобилась. С улицы вошел Хенрик и, вытирая окровавленный нож, доложил.

– Готов!

Увидев лежащего Бора, он спросил, почему профессор на полу.

– Потому что могла начаться пальба, – объяснил я.

– О да! – согласился датский вояка и предложил Бору встать. – Опасность миновала, господин профессор.

Его спокойствие, как и спокойствие Бора, были по-датски неподражаемы.

Мы перетащили трупы на берег моря, один из подпольщиков тщательно вымыл пол и устранил следы крови.

Скоро к берегу подошла моторная лодка. Мы с Бором устроились на носу, двое подпольщиков погрузили трупы. Избавились от них далеко в море.

По пути я рассказал профессору, как в оккупированной Калуге вешали партизан, а также тех, кто посмел бросать на немцев косые взгляды. Среди них были две женщины, пятнадцатилетний парнишка и двоюродный брат Петьки Заслонова, организатор подпольной ячейки «За Родину!» Имен я не называл.

Бор внимательно выслушал меня и согласился.

– Я понимаю вас, молодой человек. К сожалению, этот факт только подтверждает, что в окружающем нас макром мире катастрофически не хватает согласия».

«...самые невероятные приключения ожидали меня в Швеции.

В Стокгольме Бор развил невероятную активность, я едва поспевал за ним. Профессор призывал шведские власти обратиться в Берлин с демаршем – подданные соседнего дружественного государства, прибывающие с противоположного берега пролива, имеют право на дипломатическую защиту! Статс-секретарь шведского правительства заверил, что такой демарш уже был принят, и ответ из Берлина оказался успокоительным.

Правда, статс-секретарь Германии не верил. Бор тоже.

Затем профессор добился аудиенции у короля и попросил приказать шведской пограничной службе не выяснять у беженцев, как, откуда и с чьей помощью они пересекли пролив. Имена спасителей и маршруты должны оставаться тайной.

Король согласился.

На следующую ночь через пролив в нейтральную Швецию хлынула толпа беженцев. Всего было спасено около семи тысяч человек. Четыре сотни решили не трогаться с места. Они заплатили за упрямство – их собрали на сборных пунктах и отправили в Терезиенштадт. Правда, там условия их содержания значительно отличались от тех, которые достались на долю тех несчастных, доставляемых с востока Европы, и, прежде всего, из Польши и Советского Союза. Этим поголовно отправляли в Освенцим».⁶⁶

«...среди спасенных были члены семьи самого Бора. Внучку Анну доставила бабушка Ханни в базарной кошелке жены шведского дипломата».

«...он многого добился, пацифист. Неделью я и двое моих товарищей с датской стороны были рядом. Авторитет Бора был настолько весом, что, указывая на нас и сообщая – «эти люди со мной», никто вслух ни разу не поинтересовался, кто мы и что делаем рядом с профессором.

Охрана была необходима. В ту пору Стокгольм буквально кишел немецкими шпионами. Только по официальным данным, персонал германского посольства превышал несколько сот человек. Не исключалась возможность покушения на жизнь Бора. Я предупредил профессора, чтобы,

⁶⁶ В Швецию переправилось 7906 человек. В руки гестапо попало 481.

разговаривая по телефону, он назывался вымышленным именем, однако, когда ему самому случилось снимать трубку, он обычно произносил: «Говорит Бор...», чем каждый раз вызывал искреннее недоумение Хенрика.

За эти несколько дней я всего на несколько часов сумел отлучиться по известному только мне адресу. Резидент НКВД, узнав, что ему предстоит обеспечить вывоз Бора в СССР, выразился кратко, но емко. Я от себя отбил шифротелеграмму, что безопасность объекта обеспечена, вывезти его по указанному адресу нет никакой возможности. В случае опасности готов позволить профессору погостить у друзей».

«...ответа не дождался, по-видимому, Трущев в Москве тоже не дремал. Это развязывало мне руки...»

* * *

Час был поздний, обслуживающий персонал начал собирать скатерти, Анатолий Константинович откровенно зевнул, но я прощаться не собирался. Опыт подсказывал, если герой разговаривался, надо дать ему выговориться до конца, иначе никакого романа не будет.

– В середине октября, – продолжил Закруткин, – сэр Уолсингхэм переправил Бора и его сына Оге в Англию на «москито».⁶⁷

Присутствующий при посадке некий штатский джентльмен, представившийся мистером Тэбболтом, предложил мне тот же маршрут.

Я пожал плечами и ответил.

– Мне в другую сторону.

– Это неблизкий и опасный путь, мистер Владимиро-Суздальский.

Услышав эту странную фамилию, я сразу смекнул, дело нечисто. Потом в Москве Николай Михайлович объяснил, с кем мне пришлось иметь дело. Он много чего объяснил – например, как и когда он познакомился с мистером Тэбболтом.

На вопрос, почему германские власти не сразу разобрались, куда исчез Бор и охранявшие его сотрудники абвера, барон ответил:

– В штабе вермахта царила такая суматоха, что никто не вспомнил – или просто не хотел вспоминать, о Боре. В свою очередь Бест в компании с Дуквицем двое суток пытался сформировать новое марионеточное датское правительство, а до этого момента всякое выступление Бора считалось преждевременным. Исчезновение Бора было обнаружено только вечером третьего дня, когда исход евреев практически был завершен.

«...В результате проведенного расследования была выдвинута предварительная версия – офицер военной разведки и охранявшие Бора сотрудники местной полиции изменили присяге и в компании с «отъявленным пацифистом» дали деру на шведскую сторону. Вернер Бест охотно согласился с таким результатом, ведь исход операции «Июльский снег» добавил ему козырей в игре против Ханнекена. Спокойствие в Дании было сохранено, а каким образом имперский уполномоченный этого добился, никто не собирался спрашивать».

Шеель добавил.

– Даже палачи, не имея постоянной практики, теряют квалификацию. Тем более в Дании, где случались многие невероятные события, рельефно обрамляющие абрис Второй мировой войны.

Вот их перечень:

...в 1941 году попытка поджечь синагогу вызвала осуждение короля Христиана X; поджигателя поймали и осудили на три года тюрьмы;

...1 октября 1943 года датский король Христиан X личным письмом предупредил Беста, а

⁶⁷ После войны спецслужбы СССР вновь установили контакт с Бором и попытались выяснить, не согласится ли он сотрудничать с советскими учеными в деле создания атомной бомбы. Эти попытки, предпринятые Л. Василевским и Я. Терлецким, провалились. Нильс Бор попросту посмеялся над незадачливыми вербовщиками, «откровенно» ответил на все «секретные» вопросы, а затем вручив книгу Г. Д. Смита «Атомная энергия для военных целей» со словами: «В ней вы найдете более подробные ответы на интересующие советских ученых вопросы».

через него Берлин, что любые возможные действия против евреев его страны не только бесчеловечны, но и грозят осложнить будущие отношения между Германией и Данией;

...3 октября воскресная служба почти во всех датских церквях включила в себя чтение пасытского послания, подписанного копенгагенским епископом Х. Фугсланг-Дамгаардом от имени всех епископов Дании: «Преследование евреев противоречит основному христианскому принципу любви к человеку...»

...двум евреям, королевскому врачу и директору государственного банка, разрешили оставаться на своих местах. 3 ноября Бест договорился с Эйхманом не трогать еще не выловленных евреев старше 60 лет.

...во время облав в октябре одна еврейская семья ночью, не расслышав стука в дверь, не впустила гестаповцев. Наутро соседи им рассказали, что приходили немцы, потоптались и ушли. Семья проспала свою Катастрофу».

Закончил разговор Закруткин.

«...сразу после прощания с Бором я обнаружил за собой слежку. Пришлось укрыться в советском посольстве, откуда меня должны были переправить в Союз, однако через день в посольство пришла шифротелеграмма с грифом «Воздух!», означавшим высшую степень срочности и важности. В телеграмме мне предлагалось немедленно возвращаться в Берлин и отыскать агента по кличке «Бойкий».

Мне вменялось в обязанность передать ему, что назначенная акция отменяется, а также проследить за исполнением приказа».

* * *

Чета Шеелей и Закруткин покинули землю древней Анатолии на день раньше меня.

Рвалась нить, а я был в неведении по поводу дальнейших приключений моих героев. Столковались мы на удивление быстро. Алекс-Еско фон Шеель дал мне свой электронный адрес.

– Возникнут вопросы, пишите. Отвечу. Если будет нужна личная встреча, мы не против.

– Как насчет Гитлера? – поинтересовался я.

Барон пообещал прислать мне главы из воспоминаний Трущева, касавшиеся операции «Мститель».

– Ну и сам чем могу, – пообещал он.

На прощание я поцеловал ручку фрау Магди.

Она улыбнулась.

– Danke.

У меня внутри все затрепетало. Это была великая честь выразить уважение истории. Мне было до смерти жаль ее.

Часть VI

Человек с красивыми глазами

Крупный, заостренный нос, подбородок обычный, рост средний. Взгляд твердый, но глаза, взор которых часто опущен, очень красивы и, когда он улыбается, они придают его лицу особое очарование...

Из статьи русского фашиста, лично встречавшегося с Гитлером.

Предпочтительными темами разговоров за столом для Гитлера являлись история, искусство или наука.

Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера.

Глава 1

Из воспоминаний Трущева:

«...телефонный звонок поднял меня с постели. За последний месяц впервые добрался до дома, не успев прикоснуться головой к подушке – и на тебе!

Явился в кабинет к Федотову. Комиссар госбезопасности, словом не обмолвившись о причине вызова, приказал следовать за ним. Станным показалось мне, что направлялись мы не в кабинет Меркулова, уже с полгода являвшимся нашим непосредственным начальником, а в кабинет Берии. У нас не принято задавать начальству вопросы, поэтому, шагая в ногу с Петром Васильевичем, я рискнул обратиться к коммунистическим богам – неужели опять к Петробычу?! Ничего более обоснованного на ум не приходило.

Берия был бледен как смерть, я таким его еще не видал. Я знал его всяким – самодовольным, суровым, с землистым от усталости лицом. Видал озабоченным, но бледным до синевы, до полного отлива крови от щек, ни разу. Как, впрочем, и веселым. Жизнерадостным и улыбчивым он становился только в присутствии вождя.

Что Берия!

Взглянули бы вы на Меркулова. Этот вообще был ни жив ни мертв. Видать, Петробыч вновь прошелся по драматическому дару свежеепеченного наркома. Только Фитин и начальник ГРУ Ильичев держались спокойно, как и подобает генералам. Впрочем, выдержка тоже давалась им с трудом – у обоих на лбу броско выступали капельки пота.

Увидев эти капельки, мы с Федотовым невольно подтянулись. Не буду уточнять, что и в каком месте во мне затрепетало.

Наперекор характеру Лаврентий Павлович вел себя сдержанно, кратко сообщил о полученном приказе отменить запланированное покушение на «объект номер раз».

– Верховный приказал создать межведомственную группу под моим руководством. Дело на контроле у ставки, а Бойкий не выходит на связь. Ему были даны две шифртелеграммы об отмене операции, а он молчит.

Он сделал короткую паузу и огорченно добавил.

– Молчит, подлец!! – потом нарком обратился к присутствующим. – Дальнейшее понятно?

Фитин позволил себе сделать уточнение.

– Он не только оглох, но еще и сменил адрес. Никто не знает, где теперь его искать. Ему в помощь были посланы из Югославии два боевика. Они исчезли вместе с Бойким.

Нарком поморщился, но одергивать Фитина не стал.

Он обратился ко мне.

– Трющев?! Где твои близнецы?

– Первый в Швеции, в нашем посольстве, ждет оказии для переправы на нашу территорию. Второй в Берлине.

– Переправа отменяется! Пусть отправляется в Берлин и отыщет этого свихнувшегося инициативщика! Пусть докажет, что мы не зря доверяли ему! Два дня на подготовку операции. Шееля задействовать только в крайнем случае – для консультаций и подстраховки.

Выполняйте!»

«...ситуация непростая.

Все мои попытки выяснить, по какой причине Петробыч отдал такой странный приказ, были сразу пресечены Федотовым.

– Приказы не обсуждаются».

Легко сказать – «не обсуждаются»!

Начиная с Древнего мира и кончая подготовкой покушений на Ленина, Индиру Ганди или Кастро, задача устранения такого рода объектов в военное время являлось приоритетной в работе любой спецслужбы. Например, исполнением приговоров занимался всем известный Герой Советского Союза Николай Кузнецов. В 1942 году английские спецслужбы руками чешских патриотов убрали Гейдриха. В 1943 году был взорван в своей постели наместник Белоруссии Вильгельм Кубе. Что уж говорить о негодяе, по чьей вине на нашей земле был устроен кромешный ад. В случае оккупации Москвы в 1941 году известный композитор Книппер, брат знаменитой кинодивы Анны Снеговой, должен был совершить покушение на фюрера, собиравшегося посетить поверженную Москву.

С осени сорок первого руководство НКВД держало в уме эту конечную цель наших усилий. Об этом вслух старались не говорить, но многие – группа Судоплатова, например, или Первое

управление Фитина, – упорно и целенаправленно работали над тем, чтобы вывести нашего человека как можно ближе к источнику стратегических решений, принимаемых в Германии».

И на тебе – отменяется!

Федотов снял очки, оторвал голову от бумаг и близоруко уставился на меня.

Я невольно подтянулся.

Комиссар закурил и, скрывая лицо за папиросным дымком, поделился.

– Когда на расширенном заседании ГКО Меркулов доложил, что в самое ближайшее время смертный приговор «объекту номер раз» может быть приведен в исполнение, Сталин неожиданно поставил вопрос – а стоит ли спешить? Что мы выигрываем и что мы проигрываем? Свою позицию он не разъяснил и неожиданно приступил к опросу присутствующих – как каждый из них относится к устранению Гитлера?

Начали с военных, приглашенных на совещание по особому распоряжению Сталина.

Встал Рокоссовский.

От имени Генерального штаба и командующих фронтами он заявил.

– Сложившийся стиль управления немецкими войсками, сосредоточение всех полномочий в руках Гитлера вполне устраивает нас в стратегическом плане. Изменение существующего порядка может повлечь далеко идущие последствия. В интересах скорейшего окончания войны необходимо сохранить статус-кво в германском руководстве. Никаких перетрясок, тем более покушений!

Сталин предложил.

– Обоснуйте вашу точку зрения, товарищ Рокоссовский.

– За два военных года не только Красная Армия, но и ее противник, многому научились. Те, кто на стороне Германии начинал войну командирами дивизий, сейчас командуют корпусами, а то и армиями. Манштейн взлетел из корпусных генералов до командующего группой армий «Юг». Правде следует смотреть в глаза, – закончил Рокоссовский. – Пока немцы воюют лучше нас. Лучше планируют, лучше берегут живую силу.

– В чем же они проигрывают? – спросил его Сталин.

– В соотношении живой силы, в материально-техническом обеспечении, в оперативных мероприятиях, но главное, в общей оценке ситуации и принятии стратегических решений. Они до сих пор выдают желаемое за действительное и пытаются исправить положение исходя из этих превратных представлений. вспомните, Иосиф Виссарионович, как вы удивились, когда я с нескрываемой радостью сообщил вам о начале немецкого наступления под Курском.⁶⁸ Если немцам удастся сместить верховного главнокомандующего, – смягчил формулировку Рокоссовский, – они постараются исправить эти недостатки. В первую очередь откажутся от изживших себя принципов «ни шагу назад», «держаться до последнего солдата» и перейдут к маневренной обороне. К сожалению, немецкие генералы и в теоретическом и в практическом плане лучше подготовлены к использованию такой формы современной войны. Я утверждаю – в любом случае победа будет за нами, однако война может затянуться, а это новые жертвы...

Сталин некоторое время расхаживал по кабинету, затем указал трубкой в сторону Рокоссовского.

– Это только часть проблемы, товарищ Рокоссовский, и не самая острая. У нас есть данные, что те, кто ставит своей целью сместить Гитлера, активно ищут контакты с нашими западными союзниками. Нельзя исключить, что с устранением Гитлера новое руководство Германии сумеет договориться с ними. В этом случае мы можем остаться не только один на один с фашистским зверем, но и оказаться перед лицом мощной коалиции...»

Федотов притушил папиросу, надел очки и в упор взглянул на меня.

– Понял, откуда ветер дует?

⁶⁸ Из воспоминаний командующего Дальней бомбардировочной авиации А. Е. Голованова: «...Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

– Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

– А чему вы радуетесь? – спросил несколько удивленно Верховный.

– Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! – ответил Константин Константинович.

Я кивнул.

Федотов спросил.

– Так как же будем искать «мстителя», Николай Михайлович? Какие есть предложения? С чего начнем?

* * *

«...ближе других – на дистанцию пистолетного выстрела – к объекту сумел подобраться агент Бойкий, в миру Волошевский Игорь Львович».

Операция началась в сорок первом. Подготавливая, по указанию Сталина, ликвидацию Блюменталь-Тамарина, в НКВД решили воспользоваться родственными связями Волошевского, приходившегося предателю племянником.

Зимой 1942 года, после короткой подготовки в разведшколе, Бойкий перебежал к врагу. Интересно, что в руках в качестве пропуска на ту сторону он держал листовку, составленную дядей Севой».

– Ты вот что, Николай Михайлович, собери все, что у нас есть на Бойкого-Волошевского и к вечеру подготовь конкретные предложения.

* * *

Из воспоминаний Трущева:

«...к вербовке племянника Блюменталь-Тамарина я не имел отношения. Этим делом занимался комиссар госбезопасности Ильин, получивший приказ отыскать человека, способного разделиться с артистом. Он же угадал перспективы, которые открывало перед Бойким родство с предателем, о чем и составил служебную записку на имя наркома НКГБ Меркулова. Берия доложил Сталину сообщения Ильина. Петробыч, еще в ноябре 1941 года в категорической форме приказавший немедленно заткнуть рот этому «пародисту» Блюменталю, согласился с тем, что спешить в таких делах не следует, и дал добро на стратегическое расширение миссии Волошевского».

«...Волошевский был настоящий спортсмен. В нем не было никакой расхлябанности. Человек решительный, умеющий постоять за себя и, главное, всегда готовый дать сдачи.

Успешно перебравшись через линию фронта и легализовавшись с помощью дяди, подтвердившего родство, Бойкий затем неожиданно подвис в воздухе. Блюменталь под самыми разными предлогами избегал встреч с внезапно объявившимся племянником. Единственное, чем он помог Волошевскому, это пристроил его в Русский комитет, который возглавлял генерал Власов, да и то на рядовую должность.

Это отчуждение для многих, имевших отношение к операции «Вендетта», казалось невероятным, хотя с моей точки зрения в поведении Блюменталь-Тамарина не было ничего странного. Этот вывод подтвердили и результаты спецпроверки. Человек, рискнувший дергать Сталина за усы, передразнивать его и, что возмутительнее всего, рассказывать его голосом в радиоэфире антисемитские анекдоты, должен был ежеминутно трястись от страха. У Блюменталья не было улик, однако он ни чуточки не заблуждался насчет появления Игоря на германской стороне. С точки зрения знатока человеческой души, а в этом известному актеру трудно было отказать, чемпион Ленинграда и страны, старший сержант, заряжающий зенитного расчета, никак не мог без тайного умысла переметнуться к врагу.

Вывод: со стороны Блюменталь-Тамарина подобраться к объекту не было никакой возможности».

«...Волошевскому помог случай.

На официальном чемпионате Европы по боксу, проведенном в 1943 году, он познакомился со знаменитым немецким боксером Максом Шмелингом (Max Schmeling), который в тридцать шестом году сумел послать в нокаут самого Джо Луиса.

Шмелинг, считавшийся любимцем Гитлера, подарил Волошевскому свою фотографию с автографом, что открыло перед Бойким многие двери в Берлине».

«...успех забрезжил, когда в середине сорок третьего года Волошевскому посчастливилось быть представленным государственной актрисе рейха Анне Снеговой. На одном из благотворительных концертов дядя Сева был вынужден познакомить племянника со звездой немецкого экрана».

«... это известие вызвало бурную радость на Лубянке. От меня не укрылось, что не один Берия уже втайне начал прокалывать дырочку под орден. Наша страсть к праздникам иногда доходила до смешного. До меня, например, доходили слухи, что в руководстве тогда еще объединенного наркомата обсуждалось предложение – неплохо бы устроить покушение на фюрера ко дню Двадцать пятой годовщины Великого Октября».

Вечером мы с Федотовым взялись за работу. Прикидывали разные возможности.

– Как насчет помощников Бойкого? – спросил Федотов. – Может, достать его с этой стороны? Дай-ка мне досье...

Итак:

«*Оболенский Владимир Петрович*, оперативный псевдоним Лямпе, он же князь Майсурадзе, он же месье Преваль. Бывший корнет царской армии. Воевал в корпусе Кутепова. Завербован в Югославии в 1933 году. Профессионал высокого класса, специалист по взрывным устройствам. Прекрасно образован. Храбр, циничен, расчетлив. В боевой работе ориентируется отлично».

«*Голицын Александр Сергеевич*, оперативный псевдоним Подхватов, он же Петренко, бывший поручик гвардии Семеновского полка. Воевал в дивизии Маркова. Завербован в Югославии в 1933 году.

По своим качествам исключительно толковый работник. Опытный, хорошо подготовленный специалист по взрывным устройствам.

К нашим заданиям относится серьезно и выполняет их точно в соответствии с указаниями. В боевой работе зарекомендовал себя с самой лучшей стороны».

– Нет, – подытожил Федотов. – Это опытные волки. Офицерье! Такие не следят.

Начальник в упор взглянул на меня.

– С чего начнем, Николай Михайлович? Какие есть предложения?

– С переброски Закруткина в Берлин. Надо радировать Второму – пусть задействует дочку Майендорфа. Это самый надежный вариант. Комплект документов на три разные фамилии ждет Первого в Берлине. Кроме того, необходимо дать Второму самые подробные сведения о Снеговой. Также необходимо позволить им связаться с артисткой. Для этого нужны особые полномочия.

– С ума сошел?! – опешил Федотов. – Я с этим к Берии не пойду.

Я промолчал.

Я знал – пойдет.

Кстати, Берия принял эту идею на удивление спокойно, даже не выразился в дружеской форме по поводу «моих викрутасов». По-видимому, он уже успел все просчитать. Ни слова не говоря, Палыч приказал мне сопровождать его в Кремль.

* * *

Из воспоминаний Трущева:

«Что касается Снеговой, ни ее, ни другие, сходные источники информации, к которым, например, можно отнести известного сторонника и прежнего личного друга Гитлера, Вальтера Стеннеса, приятеля Геринга князя Радзивилла, – ни в коем случае нельзя считать агентами в формальном смысле этого слова. Они, скорее, являлись доброжелателями и «друзьями». Снеговой в голову не пришло бы добывать номера дивизий, перебрасываемых на Восточный фронт. Ценность этих источников состояла в том, они давали как бы общую картину происходящего в высших кругах нацистского руководства – сообщали о слухах, возможных назначениях, вариантах решений, внутренней подоплеке их принятия. Например, в разгар Сталинградской битвы, когда выяснилась невозможность сбросить в реку оборонявшие узкую полосу берега советские дивизии и дальнейшие попытки захватить эти последние сотни метров до Волги теряли всякий военный смысл,

Геббельс в присутствии Снеговой не без сожаления выразился в том смысле, что фюрер никогда не уйдет из Сталинграда. Свою мысль он подтвердил тем, что «фюрер, в частности, считает, что на месте этого города находилась столица хазарского каганата, поэтому удар в направлении Волги рассматривается им как уничтожение гнезда древнего иудаизма. Всякое сопротивление в этом районе должно быть подавлено силой оружия».

Связь с этими лицами осуществлял никто иной как полковник Закруткин, доставлявший информацию лично Петробычу. Кстати, этим и объяснялось его достаточно независимое положение в кругу тех лиц, которые имели доступ к Сталину».

«Это было мое последнее свидание с Петробычем.

Сталин поздоровался, спросил – как дела? Выслушав Берию, сообщившего, что Бойкий не отвечает на шифротелеграммы, поменял адрес и, по-видимому, крепко вбил в голову, что убийство Гитлера – святой долг каждого советского человека, Сталин заметил.

– Его можно понять, но простить нельзя. Речь идет об операции стратегического значения, о жизнях сотен тысяч наших бойцов, поэтому вы вправе использовать любые меры для предотвращения акции. Негодяй пока нужен живым. Понятно, товарищ Трющев?

– Так точно, товарищ Сталин.

На этом встреча закончилась».

Глава 2

Барон, переславший мне отрывки из воспоминаний Трющева, не поленился густо нашпиговать их своими «жизненными наблюдениями».

Еще на отдыхе в Турции его без конца донимал творческий зуд. На этот раз он развернулся по полной. Мне пришлось долго просеивать сквозь сито современных требований к авантурным романам «литературные красоты» и «психологические подробности», которыми барон изрядно нашпиговал свои тексты. Пришлось также недрогнувшей рукой пройти по неуместным антимониям, касавшимся его взаимоотношений с Магдаленой фон Майендорф, без которых, как Шеель уверял в «преамбуле», история «чахнет, теряет стройность и становится похожей на палку.

Или на полицейскую дубинку».

Я сохранил только его хронологию.

* * *

«5 октября 1943 года. Ужин у Майендорфов.

Дядя Людвиг за столом вел себя раскованно. Не в пример Магди, которая после поездки в Копенгаген упорно избегала меня, он, по-видимому, уже считал меня членом семьи. К настороженности его дочери я относился с пониманием и не педалировал события.

За столом генерал неожиданно обрушился на Канариса.

– Какой провал! Какая недопустимая расхлябанность! Еско, ты должен иметь в виду – фюрер устроил этому ротозею в адмиральских погонах зубодробительный разнос. На совещании в ставке он в упор поинтересовался – знакомо ли начальнику военной разведки имя «Альберт Эйнштейн»?

«...– Конечно, мой фюрер.

– Тем хуже. Почему тогда его выпустили из страны?

Канарис доложил.

– Эйнштейн – физик, эмигрировал из Германии лет десять назад. Сейчас живет в США. Мой фюрер, на должность руководителя абвера я был назначен спустя несколько лет после его отъезда.

– И за все эти десять лет вы ни разу не удосужились поинтересоваться чем этот «физик» занимается в Америке. Ну, а о Нильсе Боре вы слышали? Где он? Не знаете, адмирал? Что же, я просвещу вас. Бор тоже удрал и сейчас под именем Николы Бейкера разгуливает в Америке. Хорошо, если бы он только разгуливал... Нет, в компании с Эйнштейном и другими негодьями они денно и нощно трудятся на создании урановой бомбы. У них одна цель – создать смертоносное сверхоружие и обрушить его на наши головы!

После короткой паузы фюрер напомнил.

– Насколько мне известно, операция «Июльский снег» была поручена вам. Что же вы молчите?

– Бор находился под постоянным надзором гестапо, – отпарировал Канарис.

– Нет, адмирал! – перебил его фюрер. – Именно вы несете ответственность за то, что ваши люди предоставили ему возможность бежать! Вы согласны со мной, Гиммлер?»

...После короткой паузы Майендорф подытожил.

– Теперь дело за малым – отыскать Бора! Это дело моих сотрудников. Они уже освоили метод сверхчувственного обнаружения вражеских подводных лодок по карте, так что пусть потрудятся на новом поприще.

Я позволил себе вставить замечание.

– На мой взгляд, дядя Людвиг, не плохо бы к методам сверхчувственного обнаружения добавить обычные розыскные меры. Например, поинтересоваться у наших ученых, где может скрываться этот двурушник?

– Это само собой! – подтвердил Майендорф. – Я уже допросил руководителя нашего атомного проекта Вальтера Герлаха. Оказывается, Бор вовсе не в Америке. Он разгуливает по Лондону.

Этот разговор произвел сокрушительный эффект на Магди. Она неожиданно согласилась поехать со мной театр. В машине у меня лежал огромный букет алых роз.

– Какой прекрасный букет! – восхитилась Магдалена. – Это мне?

– Прости, но это для нашей примы Снеговой. Знала бы ты, с каким трудом и за какие деньги мне удалось достать билеты на спектакль. Фюрер старается не пропускать ни одного спектакля с ее участием.

Магди мало интересовали театральные пристрастия фюрера. У нее на этот счет была своя, женская, точка зрения.

– Ты собираешься вручать алые розы другой женщине при мне? Ты меня не в грош ни ставишь! Конечно, кто я тебе? Агент под каким-то номером. Под каким номером я числюсь в твоей картотеке, Еско?

– Магди, послушай, в этом букете нет ничего личного. Только работа.

– Ага, новое задание!

– Да, и ты могла бы помочь.

– Что на этот раз?

– Так, пустяк! Съездить в Копенгаген и передать документы Первому.

– Чтобы этот большевистский террорист смог пробраться в столицу рейха?! Алекс, я давно хотела поговорить с тобой. Я была уверена, ты использовал меня в Копенгагене для каких-то не-благовидных целей. Признаю, я ошибалась. Папа подтвердил, что твоя просьба действительно был связан с Бором, но это ничего не меняет. Я хочу сказать, что ни словом не обмолвлюсь о поездке в Копенгаген, но больше никаких заданий! Дело даже не в том, что мне страшно. Просто я не хочу обманывать папу и вообще...

Она заплакала.

Я притормозил машину у обочины. Слезы у Магди тут же прекратились.

– Ты высадишь меня из машины? Ты застрелишь меня здесь, среди развалин?

– Тебе доставляет удовольствие мучить меня? – спросил я. – В чем я провинился перед тобой? Зачем доставал твою кошку? Разве я в чем-то обманул тебя, Магди? Ты не верила в спасение Бора – хорошо. Ты не хочешь помочь мне – ладно, но при чем тут слезы?

Она промокнула глаза, затем деловито, как это присуще истинной арийке, поинтересовалась.

– Что вы задумали на этот раз? Наверное, что-то ужасное? Что-то гадкое и отвратительное?

Я был готов к этому вопросу и заранее продумал ответ. Он не делает мне чести – я поступил вопреки самым строгим инструкциям, всяким мыслимым и немыслимым приказам, здравому смыслу, наконец, но у меня не было выбора.

Я сказал ей правду.

– Мы получили приказ спасти фюрера?

Магди открыла рот, так и сидела, пока я не напомнил, что мы можем опоздать на спектакль.

Она пришла в себя и почему-то шепотом призналась.

– Ваше коварство безгранично! Это внушает мне ужас. Кто руководит тобой, Еско? Дьявол?

– В данном случае я получил приказ от Первого.

Магди задумалась. Я тронулся с места, минуя Потсдамерплац, выехал на Герингштрассе, набрал скорость. Впрочем, что это была за скорость! Машина петляла по освобожденной от обломков части улицы. Дома по обе стороны лежали в развалинах. Кое-где развалины еще дымились. Русские военнопленные, обходя лужи с горящим фосфором, разбирали завалы. Их вид был ужасен. Я подумал, что среди них могли быть мои товарищи по межпланетному кружку в Свердловске. Это придало мне силы.

Магди задумчиво произнесла.

– Этот Первый вовсе не страшный. И даже милый, если не знать о его зверином оскале большевика. Еско, я окончательно запуталась.

Я вспомнил командовавшего мною дьявола и бесов вокруг него и рассмеялся.

– Неужели это так смешно? – ужаснулась Магди.

– Это грустно, дорогая. У меня к тебе только одна просьба, давай оставим все по-прежнему, а твой ужас, коварство красных и прочую ерунду спрячем от чужих глаз. Если ты не желаешь видеть меня, если моя физиономия у тебя, кроме страха и презрения, ничего не вызывает...

– Почему же!.. – перебила меня Магди. – Я этого не говорила.

– Благодарю. В любом случае, давай сохраним мою тайну в тайне. А сейчас я готов отвезти тебя домой, а сам отправлюсь в театр. Мне очень важно именно сегодня вручить букет адресату. Я не имею права обсуждать приказы. И не хочу!

Ткнуть бы ее носом в перетаскивающих камни, шатающихся под весом камней пленных! Я презирал тех, кто заставляет людей, несущих тяжести, обходить лужи с пылающим фосфором! Если уронишь, тебя заставят поднять камень голыми руками! К сожалению, такой метод воздействия на члена *Glaube und Schönheit*⁶⁹ был преждевременен, пусть даже, как призналась Магди, она вступила в союз, чтобы не портить карьеру папе. До согласия нам еще было брести и брести.

– Я поеду с тобой, – не задумываясь откликнулась Магди. – Я не знаю, что вы там задумали... но все-таки интересно, что вы задумали? По крайней мере, это выглядит очень романтично – букет роз, известная актриса. А как вы будете спасать фюрера?

Я едва не застонал. У меня было очень мало времени, а тут любимая женщина со своими, как сказал бы Трущев, антимиониями.

Насчет «любимой», я тогда уже не сомневался, и оказался прав, в чем можно было убедиться в Турции».

«8 октября 1943 года.

На Ангальтском вокзале встретил Первого. Пришлось переодеться в штатское, наклеить усы. Ненавижу всякого рода переодевания!

При Магди Первый держался любезно, но, добравшись до пансиона фрау Марты, дал волю ярости.

– Знаешь, какой приказ я получил из Лубянки? Спасти Гитлера!! Любой ценой!!! Они что окончательно сошли с ума?! Ладно, Бор. Я могу понять, что в Москве ищут к нему подходы, он что-то знает об урановой взрывчатке. Но спасти Гитлера?! Ангела бездны! Да еще ценой жизни?! – далее пошел изощренный мат. – Да я бы его собственными руками!..

– Ты предпочел бы как можно скорее победить в войне или затянуть боевые действия? Каждый день война уносит тысячи и тысячи твоих соотечественников.

Анатолий уставился на меня как на умалишенного.

– Ели ты такой умный, поделись своими выводами.

Пришлось объяснить.

– Толик, неужели ты до сих пор не понял, что Германия неотвратимо скатывается в пропасть. Если датчане, ближайшие союзники, спят и видят, как бы избавиться от иноземной опеки, о чем говорить?!

После паузы я поделился с большевистским агентом.

– Знаешь, с чем здесь связывают скорую победу? С пушками, стреляющими на 600 км, гигантскими бомбардировщиками, но больше всего здесь восхищаются невероятной силы бомбой –

⁶⁹ «Вера и красота» – союз немецких девушек, примыкавший у «Гитлерюгенду».

«самый большой самолет сможет поднять на борт лишь одну такую штуковину. Двенадцати таких громадин хватит, чтобы уничтожить город с населением в миллион человек». Страну дено и ночью успокаивают слухами о «чуде-оружии», которое в нужный момент повернет ход войны.

И люди верят! Или хотят верить. Как не верить, если сам министр вооружений Шпеер заявляет: «Техническое превосходство обеспечит нам скорую победу. Затяжная война будет выиграна посредством «вундерваффе». Слепой тащит за собой в пропасть слепых.

Я дал Первому время осознать сказанное, затем спросил.

– Зачем же менять коней на переправе?

Закруткин долго, покусывая губы, обдумывал сказанное, затем поинтересовался.

– Ты вроде бы немец. Тебе не жалко немцев?

– Это единственное лекарство. Если тебе доставляет удовольствие мучить меня такого рода вопросами, сообщи, какие распоряжения ты получил насчет меня, и я оставлю тебя в покое. Поступай, как знаешь. Кстати, революция была единственным лекарством для русских. Если бы не семнадцатый год, сейчас у вас не было ни Екатеринбурга, ни Свердловска. Если кто-то утверждает обратное, он лжет. И лжет сознательно.

Первый насупился.

– Ты не имеешь права бросить меня в такой момент. Я не волшебник? Как мне в одиночку отыскать в этом логове Бойкого? И вообще...

– Тогда будь любезен не теряй головы.

– Голову, – поправил меня филолог от НКВД.

– Это у вас в Москве «голову», а у нас в Берлине – «головы»! Задание трудное. Времени на антимию нет. Делим задачу. Я – анализирую и на подхвате, ты за следака. Вопросы есть, капитан?

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Что, произвели? – удивился я.

– Не только произвели, но и Петьку взяли на воспитание. После смерти бабушки его отправили в детский дом. Трущев привез его в Москву. Теперь шефство над ним взяла Светлана.

– Эта та, которая онемела со страху?

– Видал бы ты эту немую! Такая красавица растет».

«9 октября.

Первый же день поисков принес неожиданный результат.

Я всегда говорил, что Толик родился в рубашке. Нюх не подвел его и на этот раз. Можешь назвать его счастливым, хотя с оперативной точки зрения обострение обстановки вокруг Бойкого вряд ли можно было считать удачей.

В Русском комитете генерала Власова Первый профессионально вышел на секретаршунемку. Она сообщила, Волошевский уже две недели не появляется на службе. По личному распоряжению генерала его якобы отправили в командировку. На самом деле он усиленно тренируется в спортзале в компании со Шмелингом. В Русском комитете очень заинтересованы, чтобы Волошевский победил на очередном чемпионате Европы по боксу, который должен состояться в конце года в Булони.

Первый подцепил секретаршу на дешевый предрассудок – мы бьем красных на фронте, а они здесь готовятся к соревнованиям?!

У фрау от злости даже глазки заиграли.

– Скоро эти русские сядут нам на голову даже здесь, в Берлине!

После паузы она с намеком добавила.

– Кстати, не только военные испытывают повышенный интерес к этому вырождающемуся славянину! Как раз перед вашим приходом кое-кто тоже интересовался Волошевским. Их было двое. Оба в черных плащах. Один высокий, с неприятным лицом, другой толстячок с длинными залысинами. Оба вежливы и улыбкивы. Они заявили, что хотят пригласить этого унтерменша тренером к своим парням. Каково!

Это была новость так новость!

Мы переварили ее ночью, в пансионе. С одной стороны, дело значительно упрощалось. Оставалось только найти Бойкого и сдать его этим двоим, чья служебная принадлежность сомнений не вызывала. После чего, доложив на верх, что задание выполнено, можно было прокалывать

дырочки под ордена.

С другой – заслужил ли такое наказание Волошевский и посланные ему в помощь специалисты? Как ни крути, но мы были однополчане, пусть даже наш научный руководитель на Лубянке санкционировал использование любых мер, которые могли бы дать результат.

Эту задачку сразу не решишь, здесь ставкой была жизнь. Одно дело, сохранить жизнь фюреру – пусть помучается, негодяй! Пусть еще поперхивает! Пусть собственными глазами увидит крах арийского дома. Другое – желание помочь Волошевскому. Между этими двумя, раздирающими душу антимониями, приказ, за которым стоит воля Петробыча и его правда.

Из комментариев барона Алекса-Еско фон Шееля:

«...была глубокая ночь. Было томительное ощущение внутреннего несогласия с необходимостью предать Волошевского и двух его товарищей, чьей судьбе тоже вряд ли позавидуешь. Из гвардейских офицеров в эмиграцию, потом в объятия ЧК. Наконец, важное задание в Берлине, и в итоге гибель от рук своих же товарищей.

В этих превратностях было много схожего с моей судьбой. Но как мы могли спасти их? Это угнетало больше, чем судьба тысячи фюреров. Говорю без бравады – если бы Закруткину приказали ухлопать Гитлера, он счел бы это за великую честь.

Но что произойдет, если мы проморгаем и Бойкий сумеет рвануть бомбу?

То, что мститель решил рвануть, у нас не вызывало сомнений. На Лубянке тоже. В странной шифротелеграмме, переданной по радио, сообщалось – покушение имеет шанс на успех только во время представления в Немецком драматическом театре на Шуманштрассе. Других возможностей подобраться на убойную дистанцию у Волошевского не было. Это давало слабую надежду перехватить мстителя.

Мы слова друг другу не сказали, мы уже тогда были как братья. Между нами было согласие по самому важному, самому острому вопросу – что есть жизнь и какова ее цена, а это, знаете ли... Надо попробовать, иначе нам не будет покоя. Не тому учил нас Трущев, не для того он рисковал головой, спасая Первого от самого себя в Калуге, а меня, от самого себя же, в Швейцарии. То же самое можно сказать о Нильсе Боре. Не для того он проникал в тайны атомного ядра, чтобы мы вот так, походя, сдали Волошевского и потом ходили, потирали руки – как мы его, а-а? Тяп, ляп – и готово!

У нас было несомненное преимущество – мы были лучше информированы о намерениях Бойкого, следовательно, мы обгоняли гестапо. С другой стороны, неизвестно, по какой причине тайная полиция заинтересовалась Волошевским? Это был самый острый вопрос. Если их интерес связан со Снеговой, нам не останется ничего другого, как сдать Бойкого и всю его компанию. Но это решение должно быть обоюдосогласованным, иначе мы больше никогда не смогли бы взглянуть в глаза друг другу.

* * *

Навестив Майендорфов на следующий день, я завел разговор о предстоящем чемпионате Европы по боксу, которой должен был состояться в Булони. Я уверенно заявил, что на этот раз питомцы Макса Шмелинга разгромят всех конкурентов из неполноценных рас и обеспечат Германии превосходство не только в области духа, но и в физической мощи.

Майендорф выразил сомнение.

– Ты еще молод, Еско. У тебя не хватает опыта. Эти недоноски как быки. Они глупы, но понимают, что с случае поражения их тут же отвезут на бойню, поэтому они будут биться не щадя жизни. И это правильно. В этом мире сильнейший должен побеждать не только теоретически, но практически.

– Так-то оно так, но наш Макс, оказывается, тренирует не только наших ребят, но и какого-то Волошевски. Говорят, этот русский перебежчик уже однажды отобрал титул у представителя люфтваффе?

– Это ничего не значит, дружище. Такие как Власов или Волошевски тоже нужны. Управлять Россией без русских – это пустые мечтания. Рейхсминистр четко дал установку: «...нам нужны проверенные, отведавшие крови соплеменников кадры из унтерменшей». На днях рейхсминистру был представлен доклад, в котором утверждается, что процент арийской крови среди русских

значительно выше, чем мы предполагали. Отсюда их временные успехи на фронте.

Я под столом наступил Магди на ногу.

– Я хочу посмотреть на наших боксеров! – неожиданно заявила Магди. – Я всегда восторгалась Шмелингом. Он так чудесно сыграл в «Любви на ринге». Он и Снегова были просто бесподобны. Кстати, Еско, я смотрела этот фильм, когда твой папа увез тебя в Россию. Мне тогда повезло, и я взяла автограф у «красавчика Макса».

Дядя Людвиг удивленно глянул на дочь.

– Никогда не знал, что ты увлекаешься боксом, – признался он. – Я мог бы привезти кучу его автографов. После того, как Шмелинга тяжело ранили во время высадки десантников на Крите, я помог ему встать на ноги. Он ни в чем не откажет моей дочери.

12 октября.

Шмелинг не отказал. Более того, он согласился подбросить нас на квартиру Волошевского – пусть Магди познакомится с его учеником.

– Этот русский – крепкий парень. Он утверждает, что у себя в России был чемпионом Ленинграда и призером чемпионата страны. Кстати, Шеель, если желаете потренироваться, приходите ко мне. Бокс сродни искусству. Глядя как боксирует тот или иной спортсмен, я могу сказать, что он из себя представляет.

Я отказался, потому что всегда предпочитал боксу межпланетные полеты. Не хватало, чтобы какой-нибудь эсесовец – а их у Шмелинга в спортзале было предостаточно, – вышиб мне мозги.

То-то обрадуется Дорнбергер.

Макс подвез нас на Бремерштрассе, где располагалась прежняя квартира Бойкого и откуда он сбежал несколько недель назад. Мы поднялись на лестничную площадку. Боксер нажал на кнопку звонка.

Тишина.

Нажал еще раз.

Верьте не верьте, но я не без опаски ждал – вот сейчас распахнется дверь, оттуда вывалится оперативная группа и начнет крутить нам руки. Шмелинг, конечно, успеет врезать кому-нибудь по физиономии, а вот мне ни в коем случае нельзя ввязываться в драку. Не дай Бог, ссадина или кровоподтек. Что тогда будет с Первым? Придется нанести ему такое же увечье, как и мне. Впрочем, я не терял надежду, что Шмелинг и Магди помогут мне выкарабкаться из этой непростой ситуации.

За дверью было тихо.

– По-видимому, русского нет дома, – заявил Шмелинг.

В этот момент дверь квартиры напротив отворилась, оттуда выбежала фрау в домашнем халате и с фото в руках. Она бросилась к Шмелингу, протянула снимок.

– Господин Шмелинг, я так рада! Не могли бы вы подписать вашу фотографию.

Макс молча подписал снимок.

– Майн Гот! – восхитилась фрау. – Теперь у меня есть автограф гордости нации.

– Скажите, фрау...

– Фрау Доббель, будьте любезны.

– Скажите, фрау Доббель, где ваш сосед?

– Ах, этот русский. Он был такой скрытный. К сожалению, он исчез две недели назад. Я уже сообщила куда следует.

– Жаль, – расстроился Шмелинг. – Он был мне нужен. До свидания, фрау Доббель.

Женщина проводила нас до лестницы. Мы начали спускаться. Я обернулся – женщина добродушно осклабилась и помахала рукой. Я рискнул вернуться.

– Не подскажите, фрау Доббель, по какой причине герр Волошевски съехал с квартиры и где его теперь можно найти?

– Понятия не имею. Я же говорила, он такой скрытный. Недавно у него в квартире поселились два странных господина. Я напомнила герру Волошевски, что их необходимо зарегистрировать, но он не послушал. Пришлось самой пойти в полицейский участок.

– Вы поступили как настоящая патриотка, фрау Доббель.

– Рада слышать, герр офицер.

Уже на улице, распрощавшись со Шмелингом, я представил, как фрау Доббель часа в два

ночи – раньше Волошевский вряд ли рискнул провести на конспиративную квартиру посланных ему на подмогу боевиков, – прильнула к глазку и пытается разглядеть незнакомцев. Интересно, дождалась ли она рассвета или сразу помчалась в гестапо?

Когда мы простились со Шмелингом, Магди поинтересовалась.

– Я сделала все правильно? Я страшно рисковала. Где ты будешь теперь искать этого Волошевки? Я могла бы спросить у папы.

У меня перехватило дыхание.

– Ты все сделала правильно, Магди. Риска никакого не было, но я прошу – навсегда забудь эту фамилию, иначе быть беде. И ни слова папе, хорошо?

Она кивнула, потом добавила.

– Ты считаешь меня полной дурой, Еско? Тебе доставляет удовольствие считать меня полной дурой!..

И так далее.

Глава 3

Из комментариев барона Алекса-Еско фон Шееля:

«...Теперь можно было рискнуть. Мы с Первым пришли к согласованному выводу, что терять такого ценного работника, как Волошевский, тем более сдавать его костоломам из гестапо нельзя. Из имеющихся данных стало ясно, его связь со Снеговой не зафиксирована, иначе Бойкого давно на свете не было бы. Теперь весь вопрос в том, кто первым выйдет на него.

Повезло Первому. Правда, даже теперь, спустя полвека я не берусь утверждать, что это была удача».

14 октября.

«...когда я добрался до пансиона фрау Марты и черным ходом прошел в комнату Закруткина, тот изо всех сил прижимал к лицу мокрый платок.

Я отвел его руку – на лице Первого красовался внушительный кровоподтек.

Я едва удержался от смеха, хотя в нашем положении смеяться было нечему.

– Кто это тебя?!

– Волошевский!! Совсем распустился, негодяй! Поднял руку на офицера! Слушай, давай сдадим его со всеми потрохами. Белую сволочь мне вообще не жалко. Наверное, настреляли красных во время Гражданской, так что им всем туда и дорога.

Я внимательно осмотрел синяк. Он был не так страшен – усиленный массаж, косметика и через пару дней глаз будет в порядке. Денег на частную клинику у нас хватит.

– Выкладывай.

– Бойкого я засек возле театра. Он явился на спектакль, прошел через служебный вход.

Давали какую-то мелодраму. По случаю отъезда на Восточный фронт в театр пригнали очередную порцию кандидатов в офицеры. Утром перед ними выступил господин Геббельс, где они от души накричались здравий в честь фюрера. Вечером для подъема духа им организовали посещение сентиментально-нацистской развлекаловки.

Волошевского отыскал в фойе, затем прошел за ним в зал.

Сел поблизости. Перед началом спектакля ознакомился с программкой, в которую была вложена инструкция, как вести себя после объявления воздушной тревоги. Хочешь ознакомиться? Я захватил эту бумаженцию с собой.

Он протянул мне сложенный вдвое листок.

«...поскольку в здании театра нет бомбоубежища, см. карту. На карте показано, как добраться до *вашего* убежища, которое значится под номером один».

Анатолий пояснил.

– В зависимости от номера кресла, которое тебе досталось. Есть еще убежища номер два и три. Ошибиться нельзя, иначе не пустят.

«Тревога будет объявлена со сцены. После объявления тревоги необходимо, соблюдая спокойствие, взять свою шляпу и пальто в гардеробе и следовать в бомбоубежище. Когда бомбардировка закончится, вы должны вернуться в театр, сдать пальто и шляпу. Спектакль будет продолжен с того места, где прервался.

Не допускать тревоги.

Действовать строго по инструкции».

Закруткин с любопытством наблюдал за мной. Непонятно, что он нашел странного в этом документе? Спроси любого немца, и он подтвердит, лучше иметь инструкцию, чем не иметь.

У Первого, правда, хватило ума не начинать дискуссию по поводу нашей национальной привычки к порядку. Он отыгрался на пьесе.

– Сюжет проще не бывает. Некая фрейлейн, член Союза нацистских женщин, получает с фронта известие о том, что ее жених пропал без вести.

Я не стал дожидаться, когда герой, сумевший пробиться к своим через тылы большевистских зверей, устоявший перед чарами очаровательной унтерменши, завербовавший по дороге красного генерала, а также сколотивший группу таких же отважных, как и он, оказавшихся в окружении суперменов, окажется в Берлине и попадет в объятия любимой. Я последовал за Волошевским. Тот сумел свободно пройти за кулисы, а это много значило.

Коротко об обстановке. Зал не слишком вместительный, но красивый. На третьем ярусе, прямо напротив сцены, государственная ложа. Попасть туда невозможно, но за определенную мзду можно устроить ее посещение. Мне намекнули, мол, в этом нет ничего невозможного.⁷⁰ К сожалению, этот вариант вряд ли что-либо дает нам в смысле результата, так как никто не может сказать, когда фюрер появится в театре. К тому же для нас участие в темных делишках исключается. Наиболее реальная возможность – взорвать нижнюю ложу. Там тоже есть охрана, но пустяшная, из каких-то инвалидов.

Я познакомился с ними. С инвалидами можно договориться. Они же намекнули насчет ложи фюрера – если есть желание и деньги?..

Бойкого я дождался на улице. Он появился из служебного входа и двинулся вниз по Бремерштрассе. Топтунов не было, выходит, коллеги из гестапо еще не добрались до него. Затем нажал на газ, догнал боксера, остановился, распахнул дверцу.

– Не подскажете, как мне добраться до Фридрихштрассе?

Бойкий наклонился и начал объяснять: сначала налево, потом направо... Я кивал и как бы между делом назвал пароль. Он на мгновение замер. Я предложил ему сесть в машину. Он подчинился. Приказание захлопнуть дверь выполнил беспрекословно, чем сразу подкупил меня. Я спросил, куда он перебрался?

Он ответил, что это далеко, в Лихтенберге, и скоро комендантский час.

– Ничего, у меня есть пропуск, – успокоил я Бойкого, затем спросил. – Приказ из Москвы получил?

Он кивнул.

– Почему не выходишь на связь?

Волошевский усмехнулся.

– Когда все готово?

– Решил, что умнее других?

Он ответил не сразу. Видно, тысячу раз проигрывал в голове этот разговор – прикидывал, как вывернуться. Сначала решил давить на психику.

– Вы были в Ленинграде зимой сорок первого?

– Нет, не приходилось.

– А мне приходилось. Что же это за приказ такой – миловать убийцу?

– Он не только убийца, но и руководитель государства, с которым мы ведем войну.

– Это оставим для партсобраний, а пока...

В следующий момент он ловко, коротким правым крюком ударил меня в лицо. Удар у него оказался что надо. Я сразу вырубился, а когда пришел в себя, Бойкого и след простыл.

Первый с нескрываемой тоской признался.

– Выходит, я не Трущев. Не смог найти подход. Впрочем, хоть ты и хитрый, он и тебя бы уделал. Я, может, и справился бы с ним, но не в машине.

Я незамедлительно набрал по телефону условленный номер в Кладове. Попросил к телефону

⁷⁰ Например, личный слуга Гитлера Отто Майер лишился своей должности из-за злоупотреблений служебным положением – он организовал посещение одним из своих родственников государственной ложи в Оперном театре.

фрау Снегову. Она подошла. Я напомнил о букете.

Артистка положила трубку. Я с недоумением уставился на Второго. Тот развел руками.

У нас не было времени разводить руками. Пришлось, невзирая на риск, вновь торчать возле служебного подъезда. Я не мог поручить связь с артисткой этому простофиле Закруткину. Спасало только, что октябрь того года выдался в Берлине на редкость дождливым, это защищало от бомбежек. Руин вокруг театра было достаточно. Непонятно, как он сам еще уцелел.

* * *

18 октября.

Поджидая Снегову, я действовал на авось. Мало ли куда могла закатиться государственная актриса рейха после спектакля! Может, к самому Геббельсу, который любил собирать артистов у себя на даче в Ланке. Это по дороге в Пренцлау, шестьдесят километров от Берлина. У меня бензина не хватит.

Мне повезло на третью ночь. Снегова последней вышла из служебного входа. Дверь за ней закрыл какой-то безрукий инвалид. Актриса вместо того, чтобы сесть в свой припаркованный возле театра «фиат», помчалась к трамвайной остановке, чтобы успеть на подходящий состав.

Не успела.

Я подъехал к остановке, распахнул дверцу, тихо выговорил по-русски.

– Госпожа Снегова, у меня нет другого выхода.

Анна поколебалась и села в машину.

– Я запомнила вас, – неожиданно резким, недовольным голосом, заявила она. – Это вы подарили букет?

– Так точно. У вас прекрасная память на лица.

– Иначе мне не выжить в этом лучшем из миров. Зачем звонили по телефону? Что вы хотите?

– Прежде всего, подбросить вас домой. Почему вы не воспользовались своей машиной?

– Потому что простым гражданам выдают пятнадцать литров на месяц. Это как раз на одну поездку до моего дома в Кладове. Все остальное топливо – собственность вермахта.

– Читайте, вам повезло и сегодня вы сэкономите. Мне приказано выразить вам соболезнование по случаю кончины матери.

– Приказано? Я полагала, что это долг каждого порядочного человека.

– Именно так. Приказ я исполнил, а теперь от имени родины прошу – держитесь, Анна Константиновна. Еще немного, еще чуть-чуть...

Мы ехали по ночному Берлину. Анна молчала, а мне стало хорошо, будто я еду по ночной Москве и в машине рядом со мной сидит Тамара. Впрочем, я не отказался бы и от Магди, но только по мирному Берлину.

Наступит ли такое время?

– Что вы хотите?

– Мне нужен пропуск в театр. Пусть это будет контрамарка. Это трудно?

– Нет, это не трудно, но... и это все?

– Нет. Мне бы хотелось пройти к вам за кулисы. Пусть охрана увидит меня, пусть меня увидят ваши коллеги. Хотелось бы познакомиться с директором театра. Возможно, я буду со своей невестой.

– У вас есть невеста?

– Да, и она очень любит меня.

Анна возмутилась.

– Какая душераздирающая сентиментальность! Особенно в сопровождении непрекращающихся бомбежек. Вы зря нахватались от немцев подобной ерунды – это очень практичный и жесткий народ.

– Я – немец, мне всегда была чужда сентиментальность.

– Я не хотела вас обидеть.

– Что вы, фрау Снегова, – я перешел на немецкий. – Вы упомянули о бомбежках. Кстати, как у вас соблюдается инструкция о поведении граждан в момент объявления воздушной тревоги?

– Неукоснительно. Никого не надо подгонять. У нас есть команда – два негодных к службе

инвалида, они строго следят, чтобы все вовремя покинули здание. Потом сами со всех ног мчатся в укрытие. Назад практически никто не возвращается, разве что инвалиды. Они запирают служебный вход и тоже уходят.

– Где расположено бомбоубежище?

– Через площадь.

Она молчала до самого Симменштадта, потом спросила по-русски.

– Что там, на фронте?

– Победа будет за нами.

– И на том спасибо.

* * *

20 октября.

Мне не пришлось уговаривать Магди посетить театр. Она, при всей неприязни к большевикам, мечтала познакомиться со Снеговой. В свою очередь прима представила нас директору, который любезно согласился показать нам свой театр. Мы осмотрели зал, посетили фойе, прошли по внутренним помещениям.

Сигнал воздушной тревоги застал нас на третьем ярусе, где располагалась государственная ложа. Услышав сирену Снегова, Магди, директор, все прочие сотрудники – осветители, гримерши, инвалиды во главе с уполномоченным от партии – во исполнение инструкции, прихватив плащи и шляпы, со всех ног помчались к выходам.

В этой суматохе было проще простого затеряться в фойе.

Гул нарастал, было страшно. С первыми бомбовыми раскатами, покотившимся по затемненному Берлину, я тщательно осмотрел запломбированную дверь, ведущую в отсек, где помещалась ложа фюрера. В окнах подрагивали стекла, стены, словно живые, ходило ходуном, однако дверь держалась намертво. Не только Волошевский, но и мышь, не смогла бы проникнуть в расположенные за дубовой дверью помещения.

Пришлось взять паузу.

Через окно я наблюдал за цепочкой ярких вспышек на противоположном берегу Шпрее. Это было далеко, где-то на юге города в районе аэродрома Темпельхоф.

Мне припомнился рассказ Снеговой – за день до посещения фюрера в театр налетала орда всякого рода следопытов. Они вскрывали заветную дверь и начинали обыскивать государственную ложу и все примыкающие к ней помещения. Вынюхивали каждый сантиметр.

Попробовать проникнуть из зала? Бессмысленно. Скорее всего, в ложе установлены скрытые микрофоны.

После окончания проверки в фойе негласно выставлялся караул. Во время спектакля места во всех соседних ложах занимали люди из спецслужб и проверенные партийные чиновники с семьями.

Добраться до фюрера можно только снизу.

Я направился на второй ярус. Шел не таясь. Как только прикрыл за собой дверь, грохот разрывов сразу стих.

Ложа как ложа. Сразу за дверью предбанник, в предбаннике тумба в виде античной колонна высотой в полтора метра. Изготовлена из искусственного мрамора, внутри, скорее всего, пустая, но все равно невероятно тяжелая. Директор рассказал нам с Магди (скорее Магдалене, чем мне), что точно такая же подставка находится наверху. Перед началом спектакля дежурный адъютант ставит на нее вазон с приготовленными для примы цветами.

Интересный момент – подставка в нижней ложе считается запасной. Был случай, когда во время бомбежки тумба, стоявшая в государственной ложе, упала и треснула. Ее отправили в ремонт, а наверх перетащили ту, что находилась внизу. Когда отремонтированную подставку вернули в театр, всю операцию повторили в обратном порядке.

Такая щепетильность удивительна даже в Германии. Я поинтересовался, зачем лишние хлопоты? Директор объяснил – фюрер, войдя в ложу, сразу заметил подмену и поинтересовался, в чем дело?

– Я, знаете ли, всегда лично встречаю вождя. С готовностью и непоколебимой верой в победу я поздравил его с выдающейся зоркостью и заодно объяснил причину. Для всех нас этот случай

стал отличным уроком. Фюрер замечает все! – восхитился директор, затем вполне буднично добавил. – Поэтому солдаты СС и таскают подставку.

В темноте, при удалявшихся звуках разрывов и синем свете фонарика, я осмотрел тумбу. По самым скромным прикидкам для результата требовалось не менее трех, а то и пяти, килограммов взрывчатки, а это немало. Могло ли такое количество поместиться в колонне, если учесть что одна килограммовая шашка представляет собой упаковку размером с толстый роман. Если да, как добраться до внутренней полости?

Я попытался сдвинуть подставку. Удалось с трудом – видно, колонну на всякий случай не стали крепить к полу наглухо. В таком случае ее, наверное, можно положить на пол? Тяжелая, *donner wetter!* Отдышавшись, при белом свете фонарика, я внимательно оглядел основание. Оно было прикрыто куском фанеры. Отвернул шурупы, снять фанеру. Открылась небольшая полость, выше она была надежно зацементирована.

Цемент свежий. В цементе отверстие, откуда выглядывала металлическая трубка. Что можно было спрятать в полости, и затем прикрыть фанерой? Уж не взрыватель ли?

Решение представлялось оптимальным. Корнет Оболенский и поручик Голицын хорошо знали свое дело. Адскую машину запрессовали в тумбу, которую вряд ли тронут без особого на этот счет распоряжения, а если и тронут, будут обращаться с предельной осторожностью. Значит, дело только за взрывателем.

Я присел рядом с тумбой, сдвинул фуражку на затылок, прикинул – каким он должен быть, взрыватель? Понятно, что с часовым механизмом. Я прислушался – тиканья не уловил. Следовательно, взрыватель не установлен. Вывод – для окончательного снаряжения СВУ (самодельное взрывное устройство) подрывнику необходимо точно знать, во-первых, день появления фюрера, во-вторых, иметь возможность проникнуть в ложу за сутки-двое до начала спектакля.

Мелькнула мысль – попытаться немедленно извлечь СВУ. Пусть Волошевский помучается.

Решение ошибочное. Без инструментов вытащить мину не получится. К тому же на полу останутся следы, а привлекать внимание гестапо к махинациям Бойкого мне не хотелось, и вовсе не из человеколюбия. Закруткин и я по уши влезли в это дерьмо. Гестапо не составит труда вычислить нас.

Или одного из нас.

Вывод – проследить, когда Бойкий, будь он проклят, явится вставить взрыватель.

Как это можно узнать наверняка?

22 октября.

В министерстве удалось выяснить – фюрер находится в Восточной Пруссии, прячется в своем «Волчьем логове». Впрочем, для многих это не было секретом. Другое дело, намеченный на ноябрь график его перемещений. Чтобы проникнуть в эту тайну, пришлось изловчиться. Помог Майендорф, живо откликнувшийся на просьбу дочери взглянуть на фюрера, по слухам собирающимся посетить Немецкий театр.

– Этого нельзя исключать.

Затем, что-то прикинув, он перечислил.

– Второго ноября фюрер должен выступить перед выпускниками военных училищ в Бреслау.

– Почему в Бреслау?

– Потому, – ответил дядя Людвиг, – что в берлинский Спортпаласт попала бомба. Здание теперь непригодно для проведения важнейших государственных мероприятий. Это вызвало нескрываемый гнев фюрера. Он обрушился на Геринга – где его хваленные люфтваффе? Где непроницаемая противовоздушная оборона? К сожалению, при личной встрече фюрер ни словом не упрекнул рейхсмаршала.

Генерал переварив обиду на Геринга, продолжил.

– Главное мероприятие ноября назначено на воскресенье, восьмого. В этот день фюрер должен выступить в Мюнхене перед «старыми борцами». Обычно перед выступлением фюрер отдыхает. Эти несколько дней так и называются неделей «отдохновения», так что он вполне может посетить театр. Насколько мне известно 5 ноября состоится пятисотый спектакль по пьесе «Любимая». Фюрер обожает эту пьесу. Он как-то упомянул: «Нам повезло, что в Берлине есть такие дамы, как актрисы Лил Даговер, Ольга Чехова и Тиана Лемниц». Так что вполне может быть.

1 ноября.

Ночью мы с Закруткиным проанализировали ситуацию. К тому времени удалось выяснить – ажиотаж вокруг пятисотого спектакля намечался небывалый. Если бы не знакомство с Майендорфом, мне вряд ли удалось бы достать билеты.

День Ч приближался.

Мы оба согласились, этот фанатик не откажется от своего замысла. Исходить мы обязаны из того, что вся информация, которая доступна нам, может стать доступной и для Бойкого. Отсюда вывод – другого шанса у него не будет. Следовательно, кто-то из нас двоих всю эту неделю постоянно должен быть на посту.

Так начались наши ночные дежурства. Основную тяжесть работы взял на себя Первый. Риска практически не было – инвалиды прикармлины. Наше лицо в театре примелькалось. Ключи от служебного входа и ложи на втором ярусе я сумел раздобыть заранее.

В театре фюрер всегда появлялся незаметно, примерно спустя полчаса после начала представления. Поскольку он знал текст пьесы наизусть, сюжет его не интересовал. Его радовала Анна Снегова, игравшая простушку, на глазах дуреющую от любви, которая давала ей силы противостоять жизненным невзгодам.

Директор театра, получив сигнал от охраны, что «гость прибыл», не спешил прерывать действие. Тем не менее, в зале сразу пробежал шепоток, затем наступала напряженная тишина.

Представление в представлении начиналось после реплики Снеговой, обращенной к главному герою.

– Ты здесь, Адди?

Директор давал отмашку, зал вставал. Занавес сдвигался и раздвигался, оркестр исполнял «Вахту на Рейне», и публика встречала выходящего из-за портьеры к барьеру фюрера плотным и многоголосым «Зиг Хайль!»

* * *

Этот момент Шеель в своих комментариях уточнил следующим образом: «...затем действие продолжалось на повышенной чувствительной ноте».

Что бы это значило, я понять не мог, поэтому оставил эту фразу в качестве образчика литературного творчества нашего доблестного разведчика.

Глава 4

Из комментариев Алекса-Еско фон Шееля:

3 ноября.

«...не скрою, за эту неделю я не раз обращался к небесам с просьбой разбомбить этот балаган к чертовой матери.

Хлопот меньше.

Если прибавить, что в этом случае приказ Москвы можно было бы считать выполненным, такой исход устроил бы всех – фюрера, Сталина, Берию, Закруткина, Снегову, меня и Магди, чье уважение к моим дьявольским способностям за эти дни возросло до невероятных пределов. Этот страх, смешанный с восторгом тайны, доставлял ей необыкновенные чувственные наслаждения.

Мне тоже.

Разве что Волошевский начал бы от злости грызть собственный кулак, но в этом случае дальнейшая судьба «бойкого» боксера была бы в его собственных руках.

Восторжествовала бы высшая – или по иной терминологии, «божественная» – справедливость. К сожалению, по мнению Трущева, таковой не существует. Нет высшей справедливости – есть Божий суд, и никакой мистики в этом понятии нет и быть не может. Сократ от НКВД утверждал, справедливость – дело исключительно человеческих рук. Нам самим, убеждал меня майор госбезопасности, нужно крепко потрудиться, чтобы через согласие прийти к справедливости.

Не знаю, от кого Николай Михайлович набрался этой дури, скорее всего от небезызвестного Вольфа Мессинга, однако в любом случае провидение отвернулось от нас. Английские самолеты

будто нарочно обходили кварталы на северном берегу Шпрее стороной. Бомбили рейхстаг, заводы в Моабите, железнодорожные узлы – на Фридрихштрассе, Потсдамплац, остров Мите лежал в развалинах, а театр стоял как заговоренный. Пришлось рисковать головой, поджидая момент, когда свихнувшийся патриот отважится проникнуть в ложу и поставить взрыватель.

* * *

Бойкий проник в здание за три дня до юбилея, что еще раз подтвердило – взрывники у Бойкого классные. Собрать взрыватель, обеспечивающий такую точность, способны не многие.

Но русскому офицеру все по плечу!

Интересно, было ли им известно задание Бойкого?

Полагаю, да. Так или иначе Волошевскому надо было детально описать условия, в которых СВУ придется сработать, иначе трудно добиться нужного результата, а уж сделать выводы из этих данных таким молодцам как корнет Оболенский и поручик Голицын было раз плюнуть. Верьте не верьте, но мне хотелось взглянуть на этих людей. Наши судьбы были во многом схожи, но это так, к слову.

«...когда была объявлена тревога, и вопреки инструкции, требовавшей от всех, кто находился в здании, «в случае объявления тревоги «взять в гардеробе свои плащи и шляпы», – публика, позабыв о верхней одежде, сломя головы помчалась через площадь.

Ночь выдалась лунная. Бледный свет только усиливал ощущение неотвратимой, сводящей с ума беды, которую придвигал к Берлину нараставший за стенами театра рокот. Воздушные бои начались задолго до столицы, и в окно были видны световые лучи прожекторов, вспышки разрывов, мельтешение огней, подтверждавших эволюции летательных аппаратов в небе над столицей рейха.

Бойкий шел не таясь. Я поджидал его за портьерой в фойе. Брать нарушителя следует возле двери в ложу, пока будет возиться с замком. Затем тепленького дотащить до машины, в которой дежурил Первый и, считай, дело сделано. Дальше пусть он решает сам. Документы были готовы, Бойкого ждали во Франции. Там ему была приготовлена лежка.

Имея дело с человеком, обладающим нокаутирующим ударом, удобнее всего бить рукоятью пистолета по голове. Я уже совсем было собрался выйти из укрытия, как засек странное движение на верхней площадке лестницы. Что-то вроде сгустка мрака двигалось вслед за Волошевским.

Я затаил дыхание.

Из мрака выдвинулась невысокая плотная фигура. Скользила профессионально, не сразу различишь.

Сказать, что перед глазами пробежала вся моя жизнь или, что правдоподобнее, все возможные варианты моих действий, которые продумал заранее и которые рухнули в один момент, не берусь.

Волошевский вошел в ложу, агент замер.

Я тоже.

Волошевский появился через несколько минут. Должен заметить, что в ложе он действовал бесшумно. А вот в фойе позволил себе расслабиться и, не таясь, звучно ступая, двинулся к выходу. Толстяк последовал за ним. Когда они скрылись на лестнице, я фонариком дал в окно знак Первому – тревога, приготовиться! – затем последовал за толстяком. Волошевский миновал проходную, вышел через служебный вход, тихо затворил за собой дверь. Как только Бойкий покинул здание, преследователь расслабился, поспешил за Бойким. В дверях я догнал толстяка, ударил рукоятью пистолета по голове. Тот упал. Я обыскал, забрал оружие, нашел значок – так и есть, гестапо!

Что делать? Уходить? Поздно. Решил рискнуть. Одна надежда на Первого. На этот раз он не должен упустить Бойкого.

Толстяк пришел в себя. Чтобы не было шума, зажал ему рот рукой. Взгляд у гестаповца из испуганного стал осмысленным.

Я тихо спросил.

– Geheime Staatspolizei?

Тот кивнул и попытался встать. Я не стал возражать и в свою очередь представился.

– Abwehr-zweite.

Он попытался взять меня на испуг. Начал грозить трибуналом – противодействие тайной полиции и так далее.

Я показал ему его значок и посоветовал помалкивать. Его начальству будет очень интересно узнать, почему он лишился значка и позволил обездвижить себя. Затем добавил.

– Кроме, того, приятель, полагаю, здесь нас ждет такая пожива, что обоим хватит.

Толстяк оказался смышленным малым. Он признался.

– Нас двое.

– Выходит, делим на троих. Всем хватит по жирному куску. Вы еще не докладывали наверх?

– Нет, мы только что засекли русского. Он крутился возле театра.

– Догадались зачем?

Толстяк прикинулся дурачком.

– Пока нет. Может, у него здесь явка. Или логово. Место удобное – ночью, во время бомбежки, здесь пусто как у дьявола в брюхе.

– А если дело не в явке и не в тайном убежище?

Он сразу смекнул, к чему я веду, однако продолжал изображать из себя лопуха.

– А в чем?

– А в том, что нам с твоим напарником следует немедленно обговорить еще одну идею. Ложка-то находится под государственной. Очень удобно для закладки адской машины. Смекнул?

Я раскрыл карты.

– Послушай, приятель, нам повезло, мы оба вышли на этого русского. Мы оба засекли его. Теперь осталось только расстроить его дьявольский план. Если мы поведем себя по-умному и не станем ставить друг другу подножку, наград с лихвой хватит на троих. Плохо, что мы упустили его.

– Ну, это пустяк, – ухмыльнулся толстяк. – Он скрывается где-то в районе Лихтенберга. Отыскать его – дело нескольких часов.

– Даже нескольких часов может оказаться чересчур много. В любом случае мы должны все обговорить до тонкостей, иначе я свяжу тебя и первым доложу наверх.

– Ладно, – согласился он, – хотя не в наших правилах делиться добычей, но будь по-твоему. Верни оружие и значок.

– Это хорошо, что мы сумели договориться. Но все-таки ты пойдешь впереди. Я отдам оружие и значок у машины. Когда договоримся.

Толстяк скривился так, как может скривиться только агент гестапо, однако выбора у него не было.

Мы вышли на улицу, прошли с сотню метров и приблизились к черному «опелю».

Толстяк заранее поднял руки и помахал ими в знак того, что все в порядке. Когда мы приблизились и мне стало удобно стрелять, я выстрелил сначала в одного, потом в другого. Затолкал их в машину и отогнал ее в развалины.

* * *

В ложу мы с Закруткиным пробрались вдвоем. Теперь можно было не таиться. Что касается Бойкого, Толик и на этот раз упустил его.

Он так и выразился.

– Черт!! Скрылся в развалинах. Попади он только мне в руки!..

Я ни словом не упрекнул его, важнее было обезвредить мину. Это мы сделали, но ситуация очень изменилась. Гибель двух сотрудников гестапо грозила Бойкому большими неприятностями. Теперь за него возьмутся всерьез.

В пансионате, выпив коньяка, мы долго сидели друг напротив друга. Неожиданно Первый развел руками.

– Как его теперь найти? Прикажешь прочесать Лихтенберг? Пусть сам выкручивается.

– Согласен. Только самому ему не выкрутиться. Как и тем двоим.

– С белогвардейщиной разговор короткий – не мы, так гестапо.

– А если с тобой так?

– Скажу, не повезло. Лихтенберг большой, с десяток тысяч населения. Это полиции пара пу-

стяков, поднимут на ноги своих осведомителей – и кончен бал, а мы!

– Волошевский псих? – спросил я напарника.

Толик кивнул.

– Значит, не усидит в Лихтенберге?

– Ты имеешь в виду?..

– Он не может не полюбоваться на свою работу.

* * *

Это был исторический спектакль, по крайней мере, для меня. Сошлось все сразу – фюрер, невзрачный, бледный, едва сумевший вскинуть правую руку, при этом его левая рука заметно подрагивала; волнение Магди, с затаенной надеждой ожидавшей – неужели с фюрером что-то случится?! Восторг Майендорфа и подобных ему, в мундирах и без мундиров, с небывалым энтузиазмом приветствовавшими человека, который, по моему мнению, никак не заслуживал чести быть источником стратегических решений. Я не мог отделаться от мысли, что Гитлер, этот мелкий ничтожный человечек, не более чем исполнитель чужой воли. Согласен, в этом предположении было мало смысла и много фантазии, и я пытался найти объяснение необъяснимому, но так было!

К сожалению, этот увлекательный повод для наблюдения прервал служитель театра, передавший мне записку: «Срочно на выход!»

* * *

Мы перехватили Бойкого в пивной, откуда открывался вид на фасад театра. Над главным входом уныло болтались два флага со свастикой. Дождь поливал обвисшие полотнища, а также двух СС, выставленных на ступенях.

В бирштубе мы зашли по очереди. Нам не надо было уговариваться, как взять его в тиски – мы понимали друг друга без слов. Первый устроился за соседним столом, торцом выходящим к окну. Волошевский не обратил на него внимания. Он нетерпеливо поглядывал на часы. Я приземлился возле Волошевского.

Бойкий и на этот раз лопухнулся – приближение исторического момента лишило его остатков осторожности. Он становился опасен. Медлить было нельзя. Какой выкрутас он выкинет, когда обнаружит, что мина не сработала, трудно было предположить.

Первый споро подсел к Бойкому с противоположной стороны. Я успел перехватить его руку, которую он держал в кармане.

Волошевский вздрогнул, пытался высвободить руку.

Я предупредил.

– Тихо. Поднимешь шум, погибнешь и утянешь нас за собой, а нам еще воевать и воевать. Не в пример тем, которые боксеры, которые свое мнение ставят выше приказа родины.

Мы плотно прихватили его с двух сторон. Первый с силой прижал к его боку дуло пистолета, заставил вытащить руку из кармана. Я тут же обыскал карманы. Так и есть – граната, завернутая в газету. Вот неугомонный – с гранатой передвигаться по Берлину!

Бойкий глянул на меня, на Первого – мы оба были в военной форме, похожи до ужаса.

Волошевский опустил голову.

– Дьяволы!

– Возможно, но сейчас мы работаем спасателями. Или нянями. Вытираем сопли. Это против нашей воли, но приказ есть приказ. Мы не из тех, кто пренебрегает приказами.

– Что вы понимаете, спасатели! Кого вы спасаете?! – начал было Волошевский, но Первый крепко сжал ему руку болевым приемом.

– Игорь, – продолжил я. – По званию я выше тебя. Я приказываю: тихо встаем, выходим. Едем в Лихтенберг. Там ты получаешь новые документы, явку во Франции. Твои напарники возвращаются в Югославию. Ты все понял?

Волошевский кивнул.

– Это первое. Второе – забудь, что нас двое. Если схватят, говори, что хочешь, но о нас ни слова. Нам еще здесь работать. Понятно?

– Да.

– Что такое «да», товарищ старший сержант. Как надо отвечать офицеру?

– Так точно.

– Тогда пошли. Старший, – я кивком указал на Закруткина, – будет держать тебя на мушке. На всякий случай.

– Отставить всякий случай. Я все понял, товарищ...

– Лейтенант.

– Так точно, товарищ лейтенант.

* * *

Если кто-то спросит, как мы выиграли войну, так и выиграли. Мы – свою, Волошевский, ухитрившийся добраться до Лиона, связаться с маки и пустить под откос состав с оружием, – свою.

Трущев – свою.

Твой дед, отец и брат – свою. Даже если он пал смертью храбрых.

А этих, с противоположной стороны, настигла кого пуля, кого яд. Даже тем, кто спасся и выжил, пришлось признать, что согласие лучше вражды, лучше единения.

Даже согласие с унтерменшами!

Эпилог

Сегодня похоронили Закруткина Анатолия Константиновича.

Его тело доставили самолетом из Дюссельдорфа и предали земле на Востряковском кладбище. Присутствовал Петр Шеель, фрау Магди. Она как обычно была в широкополой шляпе с темной вуалью.

При встрече я поцеловал баронессе руку. Она благословила меня на католический манер и передала письмо Алекса-Еско. Я не удержался, и, улучив минутку, прочитал его.

«...Я лишился брата, поэтому настаиваю, роман следует закончить на том эпизоде, на котором эта скорбная весть дойдет до тебя. Как закончить, решать тебе. Например, можно намекнуть, что продолжение следует...

Есть еще вариант... Насчет того, как нам поручили заняться Рудольфом Гессом, вскрыть, так сказать, самые мрачные подвалы минувшей войны...

Подробности у Петра. Он должен будет выполнить последнюю волю Анатолия Константиновича.

Толик очень просил, чтобы его упокоили на родине, рядом с могилой Светланы. Он всю жизнь любил ее, вспоминал ее. Света погибла у него на глазах. Он ждал невесту у ворот аэродрома. Перед прыжком Толик сделал ей предложение. Она сказала – да! – и поцеловала Толика.

Такие дела, дружище, но хватит о грустном. Мы-то с тобой живы! Нас рано списывать в запас, так что соберись с силами.

Одним словом, делу Трущева-Мессинга-Бора и дядьки их, графа Сен-Жермена, жить».

* * *

Холмик на могиле Светланы совсем оплыл – видно, после смерти Николая Михайловича здесь не прибирали, не скашивали траву, не прореживали сирень и шиповник. Только покосившийся памятник напоминал, где лежит храбрая парашютистка. Могилу за считанные часы привели в порядок, и мы простились с Первым как положено. Правда, без салюта, но это уже мелочи.

На следующий день мы с Петром Алексеевичем продолжили поминки у меня в Снове, в полюбившемся нам привокзальном буфете.

Конечно, солидному предпринимателю, каким теперь представлялся Петька Шеель, президенту благотворительного фонда «Север – Юг», ратующего за понимание между благополучной Европой и изголодавшейся Африкой, – не к лицу посещать подмосковную вокзальную забегаловку, но, зная Петра, я кожей ощутил его тягу к полузабытому, но до слез привычному образу жизни. Кстати, наше заведение, не для рекламы будет сказано, считалось одним из лучших на южном

направлении. «Паленка» здесь наглядно обозначалась заниженной ценой, как, впрочем, и пиво, а насчет закуски завсегда можно было не беспокоиться – солянку «московскую» здесь подавали на объединение. Утешала также мысль, что в нашей провинциальной глуши вряд ли кто-нибудь признает в Петрухе холеного, мордастого немца, раздающего интервью по телевидению.

Петр как был спецназовцем, так им и остался. Когда принесли солянку, он даже не поинтересовался, можно ли это есть. Приступил сразу после поминальных сто граммов. Преломил хлеб и сунул ложку. Затем признался.

– Заколебали меня эти ветераны НКВД. Сколько лет прошло, а они все командуют. Это нельзя, то нельзя. Ничем из них сталинские ухватки не выбить. Впрочем, это пустое. Отец совсем плох, то и дело жалуется – сил нет, а сколько еще надо сделать.

Мы выпили не чокаясь. Закусили и только потом Петр Алексеевич сообщил.

– Текст одобрили. Но сейчас есть дела поважнее, так что ты повремени. Как ты отнесешься к предложению рассказать о главной тайне минувшей войны, с которой этим двоим суперагентам пришлось столкнуться на узкой дорожке. Это случилось в 1947 году, однако до сих пор эта история не дает покоя отцу.

После паузы он объяснил.

– Лично я сомневаюсь, стоит ли ворошить прошлое. С другой стороны, если рассказанное папашей правда, это во многом объясняет немыслимую тяжесть боевых действий и не поддающееся разуму количество наших потерь. Отголосок этой истории во многом ударил и по нам, молодым. Тайны и есть тайны, вскрывать их надо вовремя, а теперь что руками размахивать. Впрочем, мое мнение, что задание, полученное этими двумя в начале «холодной войны» – это очередной заскок папаши. Он называет его «версией»! Но я молчу. Хотя мачеха одобрила это предложение.

Она сказала – пора.

Одобрение фрау Магди прозвучало для меня как сигнал боевой трубы. Если история зовет, если хронология вкупе с мемуаром настаивают, значит, снова в строй, тем более, что за время работы над романом, я очень проникся малопопулярной пока идеей, будущее за Согласием.

Я поинтересовался.

– Хотя бы вкратце, о чем речь?

Петр Алексеевич доел солянку и как бы между прочим заявил.

– О Рудольфе Гессе. О том, о чем он договорился с герцогом Гамильтоном и Айвоном Киркпатриком, бывшим первым секретарем английского посольства в Берлине. Как известно, Сталин крайне подозрительно отнесся к бегству Гесса в Англию. На протяжении всей войны эта тайна отравляла отношения между союзниками. Существует версия, что на Нюрнбергском процессе, где Гесс выступал в роли обвиняемого, в этот вопрос была внесена ясность, однако отец никогда в это не верил.

Петр поднял указательный палец и назидательно добавил.

– Потому что он лично убедился, в Нюрнберге Гесс солгал. Он пошел на это в обмен на гарантию сохранения жизни.

Дверь у него за спиной неожиданно отворилась, оттуда пронзительно дохнуло мертвящим сквозняком.

Шеель торопливо оглянулся.

И никто не вошел...